ГОРЧАКОВ

Виктор Лопатников

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Среди лицейских товарищей Пушкин недаром особенно ценил юного князя Александра Горчакова. Поэт сумел каким-то образом предугадать его блестящее будущее. Министр иностранных дел, а затем канцлер, Горчаков блестящим умом и поразительной работоспособностью выделялся как среди российских министров, так и среди европейских политиков.

Осуществление либеральной реформаторской политики Александра II стало для Горчакова смыслом жизни и целью государственного служения. Задуманное давалось в сложной борьбе: накал общественных страстей, противостояние политических группировок, провокационные выступления печати, нападки радикалов, сделавших ставку на терроризм… У читателя сами собой возникают сопоставления с современной Россией, неожиданные и весьма любопытные, что придает книге особую актуальность.

- Введение
- Глава I. Образование и карьера
- Глава II. Министр и министерство
- Глава III. Реформы и реформаторы
- Глава IV. Власть и публицистика
- Глава V. Политика и дипломатия
- Заключение
- Основные даты жизни и деятельности князя Александра Михайловича Горчакова[211]
- Библиография[212]
- Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101

- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145

- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189

- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212

Введение

В истории, несомненно, найдется мало примеров столь глубоких и обширных преобразований, осуществленных за такое короткое время и настолько успешно благодаря полному согласию между властью и народом.

Чтобы преуспеть в этом начинании и добиться плодов трудов своих, необходимо было соединение двух условий.

Во-первых, абсолютная и полная поддержка всех интеллектуальных, нравственных и материальных сил страны.

Во-вторых, прохождение времени, без коего ничего не может утвердиться надолго.

Из записки министра иностранных дел Российской империи А. М. Горчакова императору Александру II «О внешней политике России с 1856 по 1867 год»

Дождливым осенним днем 1997 года по территории Свято-Троице-Сергиевой пустыни, что расположена по дороге на Петергоф, проследовала скромная похоронная процессия. У археологического раскопа, в глубине которого виднелись три старинных захоронения, монахи Пустыни Николай и Игнатий произнесли заупокойную молитву. Гроб с находящимися в нем останками после отпевания по православному канону был предан земле. Небольшая группа находившихся здесь российских дипломатов возложила цветы…

Так завершился еще один — посмертный — этап в судьбе выдающегося российского дипломата и государственного деятеля Александра Михайловича Горчакова.

В 1996 году, в ходе сопоставления архивных данных, после проведения археологических изысканий и антропологических исследований было установлено место захоронения, найдены и

идентифицированы останки человека, могила которого, казалось бы, затерялась навсегда.

Сама Пустынь, исковерканная временем, от прежнего великолепия сохранила лишь внешний периметр. От сотворенных великими зодчими храмов не осталось и следа. Был целиком срыт с лица земли некрополь выдающихся людей того времени — памятник элите российского общества конца **XVIII–XIX** веков. (Из 567 именных захоронений оказалось возможным установить лишь три: основателя Пустыни отца Варлаама, принца Ольденбургского и архитектора Штакеншнейдера.) На месте некрополя были разбиты площадь и сквер для построений, занятий и прогулок курсантов поселенной здесь школы милиции.

А более века назад, 14 апреля 1883 года, здесь величественно возвышались храм в честь основателя Пустыни и церковь ее попечительницы — Святой Зинаиды. Пустынь отстраивали выдающиеся архитекторы — Растрелли, Боссе, Горностаев, Парланд, Штакеншнейдер. Долгие годы это место почиталось святым. Жизнь здесь шла в непрерывной молитве по упокоившимся людским душам… Пустынь была прибежищем для монахов и обездоленных верующих, а кладбище Пустыни — последним пристанищем для членов именитых российских фамилий. Здесь находились склепы потомков Суворова, Кутузова, Нарышкиных, Зубовых, Голицыных, Кочубеев, Кушелевых, Толстых, Юсуповых…[1]

В тот день 1883 года сановный Петербург, дипломатический корпус, разночинная общественность собрались на прощальной панихиде по выдающемуся человеку своего времени. Гроб с его телом был доставлен из Баден-Бадена, где и скончался находившийся там на излечении князь Горчаков.

На печальное событие можно было прочесть такие отклики: «На политическом горизонте Европы погасла звезда первой величины. Скончался канцлер Русской империи князь Александр Михайлович Горчаков, более четверти века руководивший внешней политикой России. Каково бы ни было мнение об этой политике у дипломатии и общества, покойный, во всяком случае, принадлежал к числу передовых, выдающихся личностей последнего времени. Заслуги его в деле служения отечеству — неоспоримы, дарования — несомненны. На дипломатическом поприще он обнаружил редкое умение если не управлять обстоятельствами, то справляться с ними. Как человек, он был в высшей степени симпатичен, привлекал всех своим обращением, любезностью, остроумием и почти не имел врагов даже между дипломатами государств, неприязненно расположенных к его отечеству. Россия преклонялась перед своим канцлером и его

«русской политикой»; Австрия осыпала его похвалами, канцлер соседней империи называл его своим другом, хотя не совсем по-дружески отнесся к нему на Берлинском конгрессе; Франция отзывалась о нем с полным сочувствием; Италия прислала ему знаки высшей степени своих орденов, даваемых в редких случаях; Испания сделала его грандом первой степени; Англия, от имени органа большинства образованного мнения, газеты «Тайме», заявила, что смерть князя Горчакова образует в среде интеллектуальных интересов «брешь, подобную той, которую нанесло бы нашим привязанностям удаление друга»…

Князь Горчаков был крупным явлением в общеевропейской жизни — в этом не может быть никакого сомнения. У нас из всех министров прошлого царствования он пользовался большим расположением не только интеллигентного общества, но и простого русского люда, а любовь народная не падает на людей недостойных, и никакой высокий пост, никакое заигрывание с популярностью не заставляет уважать человека, пренебрегающего общественным мнением»[2].

Казалось бы, эти строки некролога — залог долгой и благодарной памяти потомков.

Но история иначе распорядилась как посмертной судьбой Горчакова, так и его наследием. Могила его, как и усыпальницы нескольких поколений известных русских родов, как и храмы, у подножия которых совершались захоронения, была разорена. Надгробные памятники вырывались из земли вместе с прахом умерших. Изучение обломков в ходе проведенных недавно раскопок так и не позволило достоверно установить, какие из них были фрагментами разрушенных соборов, а какие — фамильных склепов. По сути, то были камни, разбросанные ушедшими людьми из ушедшего времени. Пришла, однако, пора собирать их.

Дорога забвения для канцлера Горчакова началась уже на склоне его жизни, когда молодые и энергичные соратники по Комитету министров стали оттеснять престарелого, авторитетного политика от участия в важнейших государственных делах. В ход пускались не конкретные претензии, но обвинения в старческой немощи и издержках преклонного возраста. Истинная же причина крылась в другом. Вдохновленные первыми результатами реформ, ура-патриоты, ведомые наследником престола, стали двигать Россию на тропу войны, вопреки возражениям Горчакова и некоторых других политиков. В итоге не готовую к полномасштабной войне Россию втянули в кровопролитную Балканскую кампанию (1877–1878). Предприятие это повлекло невероятные жертвы. Россия находилась на пределе сил, и лишь чудом военная кампания

завершилась победой.

Череда победных парадов и наград, лавры царя-освободителя Александра II затенили огромные материальные издержки, понесенные российским государством вдали от собственных границ. Берлинский конгресс (1878) усилиями коалиции западных держав свел к минимуму политические итоги этой эпопеи. Горчаков, желая оградить российский престол от ненужной хулы, взял на себя ответственность за такой политический итог.

Все годы своего служения он вызывал в светских кругах тайную зависть и раздражение благодаря своему таланту, образованности, умению держать себя уверенно и независимо, «не кланяясь и не стараясь угождать разным сиятельным хамам»[3], а в конце жизни еще и тем, что своим политическим долголетием навсегда перекрыл кое-кому дорогу к вершинам государственной карьеры. Пребывание Горчакова на различных дипломатических должностях растянулось в общей сложности на 67 лет, захватив четыре царствования — Александра I, Николая I, Александра II, Александра III. Наиболее продуктивным периодом жизни стало для него служение министром иностранных дел при императоре Александре II.

Правление этого государя — особая глава российской истории, она как никакая другая поучительна для современности. После долгих лет реакции и застоя, среди горечи и уныния, вызванных военным поражением в Крымской кампании (1853–1856), в России были предприняты решительные преобразования, затронувшие все сферы жизни общества. Новый российский самодержец Александр II под давлением непреложных обстоятельств, побуждаемый мыслящими российскими патриотами, стал на путь реформирования империи.

Коалиция европейских стран, стоявшая на пороге победы в Крымской войне, в числе прочих рассматривала и радикальный план Пальмерстона (1784–1865), министра иностранных дел Великобритании. Главной его целью было «окончательно поставить Россию на колени». Вот как делилась Россия согласно этому плану:

«Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции; Прибалтийский край отходит к Пруссии; королевство Польское должно быть восстановлено, как барьер между Россией и Германией; Молдавия и Валахия и все устье Дуная отходят к Австрии, а Ломбардия и Венеция от Австрии к Сардинскому королевству (Пьемонту); Крым и Кавказ отбираются у России и отходят к Турции, причем часть Кавказа, именуемая «Черкессией», образует отдельное государство, находящееся в

вассальных отношениях к султану Турции»[4].

Беспримерная, многомесячная героическая оборона Севастополя развеяла надежды провести в жизнь этот и подобные планы. Война закончилась, и пришлось наконец трезво посмотреть правде в глаза. А правда состояла в том, что все европейские страны, с которыми Россия соперничала, пытаясь говорить на равных, продвинулись далеко вперед, значительно обогнав ее в хозяйственно-экономическом развитии и по уровню жизни.

Демократизация и гласность — первые из предпринятых новой властью преобразований. Уже в 1856 году, после коронации Александра II, российские граждане из разночинной среды впервые получили возможность выезжать за границу. Были разрешены ранее запрещенные литературные произведения. Началось наступление на сословные привилегии. Один за другим возвращались после тридцати лет тюрем и ссылки опальные декабристы. Политический лексикон пополнился такими словами, как «реформа», «демократия». Преодоление «всероссийского застоя» настоятельно диктовало необходимость «коренной перестройки» Общественной и экономической жизни.

Император и его окружение встали на путь реформ, преодолевая многостороннее противодействие. Преградами для преобразований были провокационные выступления радикалов, действия политической оппозиции из-за рубежа и, наконец, консервативное большинство, не желавшее ничего менять. Однако власть продолжила движение к обновлению государства. За годы своего правления, временами утрачивая моральный дух, физические силы, отступая от ранее избранного пути, Александр II все же сумел добиться очень и очень многого.

Создаваемое им правительство начинало свою работу с опустевшей казны, экономической разрухи. Продолжалась Кавказская война. Обострился польский вопрос. Россию сотрясали народные волнения.

При таком положении дел трудно было без колебаний определиться в подходах к реформированию. Находилось немало «доброжелателей», которые, желая помочь, критиковали предложенные проекты, ничего не предлагая взамен. Коллега Горчакова по участию в реформаторских преобразованиях, министр внутренних дел граф П. А. Валуев в своих дневниках запечатлел обуревавшие его тяжкие раздумья: «Мне порою приходит на мысль: не погибли ли мы окончательно? Не порешена ли судьба Российской империи? При таком разладе управления, при таком отсутствии людей, мыслящих более или менее одинаково и действующих заодно, возможно ли

предупредить распадение отечества на части?»[5]

В этих условиях Горчаков стал одним из самых последовательных реформаторов — первым и единственным в истории Российской империи министром иностранных дел, кому обстоятельства (в сочетании с личными способностями) позволили значительно влиять на государственную политику, увязывая ее с внутренними реалиями страны. Преимущество Горчакова перед другими состояло в способности уверенно и мужественно вступать с императором в споры, которые в любую минуту могли перерасти в конфликт и закончиться разрывом. Современники не раз были свидетелями того, как Горчаков «вылетал из кабинета царя с раскрасневшимися щеками», так что нередко затем сам император уговаривал своего «ближнего боярина» не принимать близко к сердцу их размолвки. Здравый смысл и трезвый расчет, подкрепленные красноречивыми доводами, были для Горчакова решающими в дискуссиях с императором и так называемым большинством в правительстве, которое всегда было готово подстраиваться под официальное мнение.

Горчаков — один из тех русских политиков, кто сделал все для того, чтобы повернуть власти к внутренним проблемам страны. Так, принципиальное положение циркулярной ноты МИД России в адрес иностранных правительств от 21 августа (2 сентября) 1856 года, заключенное в формуле «Россия сосредоточивается», относилось не только к внешнему миру, но и к внутренним делам. Всем строем этого дипломатического послания Горчаков стремился закрепить не столько в европейском, сколько в имперском сознании российской элиты твердую нацеленность государства на внутренние преобразования.

Отстраняясь от активного участия в решении проблем поддержания европейского равновесия, Россия переключала внимание на преодоление собственной политической и экономической отсталости. Идея «сосредоточения» постепенно становилась стержнем российской национальной программы возрождения.

В наше время, совершив движение по диалектической спирали, российское общество вновь оказалось перед необходимостью отвечать, по сути, на те же вопросы, что и в годы царствования Александра II. И сегодня тот опыт, те искания и борения российских государственников обретают для нас особую ценность и символический смысл.

Синхронизированная таблица событии российской

истории

Третья четверть XIX века

Поражение в Крымской войне. Внешнеполитическая изоляция. Хозяйственная разруха. Смерть Николая I. Приход к власти Александра II. Начало демонтажа николаевской авторитарно-деспотической системы управления Россией.

Ограничение «цензурных стеснений». Амнистия политических заключенных. Возвращение из ссылки декабристов. Дозволение на издание сочинений ранее запрещенных писателей (Н. В. Гоголь). Отмена высокой пошлины, ограничивающей выезд за границу разночинной интеллигенции. Указы об отмене рогаток и шлагбаумов на городских заставах, перемена местами четной и нечетной сторон, переименование улиц. Легализация политических течений «западников» и «славянофилов». Попытка оживить деятельность представительных органов власти, депутатских образований.

Поиски путей реформирования России. Поездки Александра II по стране, его призывы подступиться к решению крестьянского вопроса. Саботаж и инертность предводителей помещиков и дворянства. Противодействие прежнего аппарата управления. Попытки преодолеть тупик путем решительной замены управляющих на ключевых должностях империи. Группа «младореформаторов» во главе с Н. Милютиным. Отмена крепостного права. Наделение крестьян правом собственности на землю.

Кавказская война. Захват Шамилем Краснодара (1856). Восстание в Царстве Польском. Дипломатический поход на Россию.

Последняя четверть XX века

Поражение в Афганистане. «Холодная» война. Экономический застой. Смерть Брежнева и его последователей. Приход к власти Горбачева. Отмена монополии КПСС на власть. Начало ниспровержения тоталитарной системы управления в СССР.

Продвижение плюрализма и гласности. Отмена ограничений на выход печатных изданий. Возвращение из ссылки А. Сахарова. Амнистия диссидентов. Разрешение на издание запрещенной литературы (А. И. Солженицын). Переименование городов, проспектов, улиц. Снос памятников и монументов советских вождей. Отмена ограничений на поездки граждан за рубеж. Попытки реформировать политическую систему. Движение к созданию демократических институтов, к многопартийности.

Перестройка. Дискуссии. Поездки Горбачева по стране. Его попытки убедить в необходимости переустройства развития страны. Колебания в запуске механизмов рыночной экономики.

Противостояние в вопросах государственно-политического устройства. Отказ государства от монополии во внешней торговле. Группа «младореформаторов» во главе с Гайдаром. Экономическая реформа. Приватизация.

Кавказская война. Попытка захвата части территории Дагестана Басаевым (1999). Косовский кризис. Дипломатическое давление на Россию.

Попробуем вчитаться в строки, начертанные на мемориальных досках, обрамляющих фасады воздвигнутого на рубеже XIX и XX веков в центре Петербурга храма Воскресения Христова, Спаса на Крови, вдуматься в их содержание. Региональное и местное самоуправление, организация финансового хозяйства и государственного контроля, власть и свободная печать, судебное дело, отношение к собственности, военная реформа — проблемы, которые встали тогда перед российским обществом. Не только прошлое, но и настоящее проступает в словах, нанесенных на гранитные плиты. Например, доска четырнадцатая. Одно только беглое чтение этой надписи служит поводом к тому, чтобы задуматься: далеко ли продвинулась Россия с тех пор?

20 ноября 1864 года

Судебные уставы.

Рассмотрев сии проекты, Мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных Наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе Нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем всех и каждого, от высшего до низшего.

О том, каково реальное положение дел в современной российской судебной системе, красноречиво говорится в послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию: «Мы практически стоим у опасного рубежа, когда судья или иной правоприменитель может по своему собственному усмотрению выбирать ту норму, которая кажется ему наиболее приемлемой. Как результат, наряду с «теневой экономикой» у нас уже формируется и своего рода «теневая юстиция». И, как показывает практика, граждане, потерявшие надежду добиться справедливости в суде, ищут другие, далеко не правовые «ходы» и «выходы» и подчас убеждаются, что незаконным путем имеют больше шансов добиться, по сути, справедливого решения. Это подрывает доверие к государству»[6].

Разве до сей поры не остается несбывшейся надежда «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный»?..

Духовник Горчакова протоиерей Базаров, подводя итог жизни канцлера через тринадцать лет после его кончины, писал: «Закрыв глаза на человеческие слабости, о которых и в Писании говорится, что нет человека, который бы не согрешил, если б и один только день был жития его на земле, мы можем с национальной гордостью сказать, что светлейший князь Горчаков был знаменитый сын своего Отечества»[7].

Деятельность Горчакова, его идеи политика и патриота — пример для поколений государственников, когда бы и в каких бы условиях время ни призвало их к служению. Горчаков решительно отстаивал приоритет внутреннего развития государства по отношению к его внешнеполитическим целям, выступал против безудержного стремления к расширению географических пространств империи. Делать это, не зная приемлемых путей решения этнических проблем, не обладая механизмом управления новыми территориями, без учета возможностей их хозяйственно-экономического освоения, не имея, в конце концов, средств к защите беспредельно вытягивающейся государственной границы, — значило, по его убеждению, вести к расточению ресурсов России, а не к восполнению и приумножению их. Между тем оставались неустроенными пространства, что лежали у собственного порога, вокруг столиц — Москвы и Петербурга, своими размерами превосходившие многие европейские государства. Заниматься же благоустроительством отечественной земли было делом долгим, трудным и неблагодарным.

Несмотря на свойственное ему тщеславие, Горчаков ясно видел границы собственного дарования, подлинную ценность выполняемой им работы. Тот пафос, который он вкладывал в свое служение, способствовал укреплению государственной власти. Главное, к чему он стремился, это оградить власть от неоправданных ошибок и непродуманных решений.

Обращение к судьбе российского канцлера Горчакова неизбежно высвечивает и тех, кто наряду с ним стал вершителем российской и мировой Истории. Они, устроители той жизни, были не боги, они так же, как и их предшественники и последователи, сомневались и ошибались, их так же подводили и предавали. Свою горечь и боль эти люди доверяли разве что своим дневникам, по которым мы можем воссоздать фрагменты далекой от нас жизни. Твердо можно сказать одно: они служили до конца, честно и преданно — так, как повелевал долг. Волею обстоятельств эти люди стали вершителями судеб государства и

народов, его населяющих, на их долю выпала самая трудная из всех задача: находить и принимать решения.

Судьбы многих знаменитостей интересны в первую очередь благодаря их авантюризму, любви к приключениям, занимательности их биографий. Такие, как Горчаков, — исторические герои иного рода. Он и немногие ему подобные — служивые люди того времени, вынесенные историческим потоком на гребень жизни, — интересны нам своей человеческой натурой, жизненными исканиями и опытом служения, в постижении которого нуждаются те, кто сегодня находит в себе силы брать на себя управление делами государства.

Для автора этих строк очевидно: в судьбе Александра II прочитываются политические биографии по меньшей мере трех его последователей из новейшего времени: М. Горбачева, Б. Ельцина и В. Путина. Отвергнув, разрушив или растеряв многое из того, что удалось добиться в 60—70-х годах XIX века, российская государственность новейшего времени вынуждена начинать в еще более сложных условиях: не существует ни прежнего аппарата Российской империи, ни советской тоталитарной системы управления.

Сопоставление начальных этапов той и другой эпохи позволяет сделать вывод: начало реформ и тогда, и в нынешнюю эпоху сопровождается нерешительностью, колебаниями, взаимными уговорами, топтанием на месте. Непреложные обстоятельства диктуют не всегда взвешенные радикальные шаги, которые, как показало развитие событий, не могут устроить всех и повсеместно. Расхождения во взглядах, социальное противостояние и, главное, вовлечение в управление малосведущих, а то и невежественных людей — примечательные явления, равно актуальные как для эпохи царствования Александра II, так и для нашего времени.

Однако обывательская точка зрения о поголовной «некомпетентности» реформаторов — роковое заблуждение. Тогда, в XIX веке, в окружении императора со временем появились мудрые и талантливые государственники. Феноменом того времени стало возникновение целой генерации российских государственных чиновников. Это были люди прогрессивно мыслившие, обладавшие государственным складом ума, истинные патриоты России. Сквозь тернии сомнений, перипетии межличностной борьбы они продвигали Россию к новым рубежам, реформируя государственное устройство страны, выстраивая подходы к иному качеству жизни ее граждан.

Как это не раз бывало в российской истории, когда ставились высокие цели, требовалось и высокое служение, по-иному

раскрывались дарования. Служение обретало особый смысл. Эгоистичное и корыстное отступало. Время рождало новых героев.

Ключевыми фигурами той эпохи помимо князя Александра Михайловича Горчакова (1798–1883) стали: граф Петр Александрович Валуев (1815–1890) — в разные годы министр внутренних дел, министр государственных имуществ, председатель Комитета министров; граф Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912) — военный министр, организатор и руководитель военной реформы. Были и другие яркие, весьма одаренные личности из числа государственных чиновников, дипломатов, военачальников, деятельно заявивших о себе в те годы: граф Николай Алексеевич Милютин (1818–1872) — директор департамента Министерства внутренних дел, руководитель подготовительных работ к крестьянской, 1861 года, реформе; граф Сергей Степанович Ланской (1787–1862) — министр внутренних дел с 1855-го по 1861 год; генерал-адъютант Яков Иванович Ростовцев (1803–1860) — начальник Главного штаба военно-учебных заведений. Этот ряд имен достойнейших государственных мужей России можно было бы еще продолжить.

Российское чиновничество — поруганное и отвергнутое племя. Блистательные образы чинуш создали Гоголь, Салтыков-Щедрин, Сухово-Кобылин и многие другие русские писатели. На них из века в век списывались просчеты и провалы, искривления столбовой дороги российского государства. Во многом это так, но далеко не все — правда[8].

Строительство великой России всегда сталкивалось с огромными трудностями. Экономические условия и возможности государства отставали от военно-политических амбиций и императорской России, и СССР. Эти обстоятельства налагают особую ответственность на государственное управление сверху донизу. Как монархическое, так и коммунистическое правление, оставаясь властью тоталитарной, требовало адекватно действующей системы управления, взаимосвязанных структур, которым в разные эпохи придавались различные функции. В продвижении к желаемому результату при минимальных или сокращающихся ресурсах власть вынуждена проявлять не только умение, но и силу. Причудливый сплав предрассудков, невежества, иллюзий, нетерпимости и необузданных нравов весьма туго поддается перековке, а посему и способы решения насущных проблем не всегда отличались гуманностью. Но задачи все же решались, а поставленные цели достигались. То, что реализовано в российском государстве, стало возможным во многом благодаря эффективной деятельности управленческого

аппарата. А многое из того, что не состоялось или разрушилось, — следствие заблуждений, ошибок, слабости или неэффективности управляющего центра.

Российские реалии в том виде, как они складывались, создавались чиновничьим служением. Малозначительные и, напротив, самые яркие события и явления выстраивали люди, находившиеся на государственной службе. Они были рабочим телом в государственном двигателе, они же были наладчиками и управляющими большого, сложного механизма.

Культура государственного служения — забытый жанр российской жизни. Воскрешать, культивировать, поддерживать и, наконец, возвышать смысл и значение служения Отечеству не в одном только ратном деле — одна из важнейших задач дальновидной государственной политики. Речь идет не о регалиях, орденах или званиях, а о строительстве государственного аппарата, системе функционирования государственного организма. В этом смысле примеры самоотверженного служения чиновников XIX века обретают особую ценность.

Сбить Россию с позитивного пути государственно-политического развития удалось тогда в силу многих причин. Неокрепшее гражданское и национальное сознание было истерзано, осквернено всевозможными противоречивыми теориями и идеями. Под их воздействием насаждалось духовное разобщение, слепой протест против власти, государственных и общественных институтов.

Александр II прилагал немалые усилия к тому, чтобы консолидировать общество, вдохновить его просвещенную, мыслящую часть на конструктивную работу. На первых порах ему удалось заручиться поддержкой элиты, однако это продолжалось недолго. После некоторой паузы снова возникло идейно-корпоративное противостояние, когда все круги общества пытались отстоять свое право на истину в конечной инстанции. Этому немало способствовало внезапно возникшее ощущение полной творческой свободы, позволившее легализовать запретное. В политической публицистике по отношению к власти стал преобладать назидательный и нравоучительный, даже нетерпимый тон. Обличительность стала стилевой особенностью журналистских выступлений, посвященных тем или иным проблемам государственной жизни. Правящим кругам не всегда хватало выдержки, а то и не было аргументов в защиту собственной позиции, и потому им не удавалось с достоинством противостоять оппозиционным взглядам и мнениям.

Опорой в проведении задуманных реформ для императора

оказалась унаследованная им от отца система органов государственной власти — со всеми ее достоинствами и недостатками. Это был единственный надежный ресурс. Вышколенный Аракчеевым и Бенкендорфом, дисциплинированный госаппарат и при новом самодержце Александре II был готов исполнять всё, что повелевает Его Императорское Величество. Только благодаря такому сильному аппарату Александр II, пройди через тернии внутриполитических баталий, нашел в себе силы провести намеченные реформы.

Правда, завершить их не удалось. Трагические события 1881 года в Петербурге на набережной Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова) оборвали жизнь императора Александра II. Движение России к конституционным реформам, демократическим нормам жизни, к вхождению в сообщество передовых европейских государств остановилось. Однако базис, заложенный теми преобразованиями, оказался прочным. Новое царствование — императора Александра III — стало гораздо более удачным и продуктивным, поскольку преемнику предстояло собрать урожай с уже возделанной нивы.

Конечно, Александр II и его сподвижники и не могли заслужить безоговорочной славы. Длительные реформы, которые затрагивали буквально всех и каждого, вызывали неуверенность и раздражение в обществе, не терпящем неопределенно долгого пребывания в переходном состоянии. Скептицизм постепенно стал пронизывать социальные слои снизу доверху и сверху донизу.

Теперь, когда мы знаем, что такое реформы, каково тем, кто их проводит, а также тем, кто испытывает их последствия на себе, становится понятней атмосфера, царившая в российском обществе в ту пору. Свойственные подобным периодам неуверенность, проволочки, попытки отката назад — все это не могло не привести общество к усталости, неверию, негативизму. Сегодня пришло время показать подлинное значение и смысл столь важного периода преобразований российской государственности и извлечь из него уроки.

Обращение к дням служения князя Горчакова наводит на размышления о судьбе отечественной исторической науки. Продвигаясь во времени, она претерпевала серьезные изменения. Охранительно-монархическое, окрашенное официально-верноподданническими чувствами направление сменилось бескомпромиссным классовым подходом ко всей предшествующей национальной истории. Ниспровержению с пьедесталов, забвению и искажению подверглось множество имен, деяний, событий. Победившая революция подняла на щит

разрушителей разных мастей — тиранов и террористов, самозванцев и цареубийц, анархистов и политических авантюристов. Их обагренные кровью биографии впечатывались в новейшие учебники истории, имена — в названия проспектов, улиц и площадей, в людскую память. Подлинные устроители прежней российской жизни, смысл их исканий, значение их государственного служения отвергались или замалчивались.

Не по этой ли причине не правда истории, но мифы и фальсификации все еще преобладают в общественном сознании? Не по этой ли причине история ничему нас не учит?

К началу третьего тысячелетия так и не сложились условия и возможности взглянуть на наше историческое прошлое с объективных позиций. Прежде всего на XIX век — ключевое столетие в русской истории. Образ того времени, характер событий и действующих лиц дошли до нас искаженными. Десятилетиями суждения о них, их видение подгонялись под представления и ценности, оправдывавшие неизбежность крушения российской государственности. Стремление придать исторически закономерный смысл событиям октября 1917 года отбрасывало, оставляло за чертой все конструктивное, что готовило переход России на путь движения к укладу и устройству жизни, присущие другим государствам и народам.

Незнание реальной отечественной истории обернулось утратой многих традиций в осуществлении государственного управления страной. Опыт, выверенный временем, отвергался, открывая дорогу дилетантским поискам впотьмах. В данном случае очевидно: знание исторического пути, пройденного Россией в годы царствования Александра II, могло бы избавить современных реформаторов от ошибок, а народ — от неоправданных лишений.

Не хотелось бы думать, что исторический вердикт нашему прошлому вынесен раз и навсегда. Похоже, наступает время, когда создаются условия для спокойного, освобожденного от тенденциозных наслоений взгляда на российскую историю, ее творцов и действующих лиц. При этом крайне важно было бы выверить тональность, уйти от высокомерного и жесткого подхода, от клеймящей и разящей обличительности[9]. Считать себя умнее и мудрее своих отцов и дедов — необоснованно и малопродуктивно. Направлять им вдогонку назидания и поучения — безнравственно. Прежде всего потому, что нам самим не удалось еще создать для себя приемлемую жизнь. Быть может, такой подход облагородит наше видение мира, вернет способность соразмерно — шаг за шагом — трезво, ясно и четко видеть и понимать действительность.

Через судьбу выдающегося государственного деятеля того времени князя Александра Михайловича Горчакова автор настоящего труда делает попытку проследить и оценить то главное, чем жила Россия при Александре II, выделить ключевые моменты, которые определяли смысл исканий российских политиков, чиновников, военных, ставших реформаторами в ту не столь уж далеко отстоящую от нас эпоху.

Глава I. Образование и карьера

«Могу ли я помочь тому, что образование у нас еще так отстало… Если б я не прибегал к содействию известных иностранцев, дарования которых испытаны, число способных людей, и без того малое, еще уменьшилось бы значительно. Что сделал бы Петр Первый, если бы не пользовался службою иностранцев? Чувствую, что в то же время в этом есть зло; но это зло меньшее из двух, ибо можем ли мы отсрочивать события до тех времен, в которые наши земляки будут находиться на высоте всех тех должностей, кои они должны занимать? Все это я сказал вам для того только, чтобы доказать вам, что в данную минуту нельзя взять за правило не употреблять на службу иностранцев».

Так отвечал Александр I на упреки адмирала Чичагова, который выговаривал ему за «выказываемое иностранцам предпочтение перед природными русскими».

Привлечение на государственную службу людей иностранного происхождения было в традициях российского императорского дома. В иные периоды российской истории — вспомним появление в окружении русских монархов Остерманов, Минихов, Биронов — пришествие иностранцев приобретало характер засилья. В стороне от важнейших государственных дел оказывались «русские по имени, православные по вере». Быть в подчинении у «иностранцев» казалось оскорбительным для многих русских, это затрагивало национальное чувство, вызывало резкое недовольство в обществе. Приближенная к власти элита ревностно следила за тем, насколько ее представители были привлечены к руководству империей, кто и по каким соображениям назначался на государственные посты. Когда, однако, возникала необходимость предупреждать и разрешать конфликты, отвращать противников силою слова, а не оружия, умения и знаний не хватало.

Иностранное участие, связываемое с чуждым для России влиянием на ее внутреннюю и внешнюю политику, — фактор, который всегда обращал на себя внимание российского общественного мнения. «Золотым веком русского дворянства» было единодушно признано екатерининское время, связываемое с именами и деяниями на дипломатическом поприще Г. Г. Орлова, Г. А. Потемкина, Н. И. Панина, А. А. Безбородко, Д. А. Голицына, А. К. Разумовского, В. М. Долгорукова, С. П. Румянцева, А Р. Воронцова, А И. Мусина-Пушкина, М. И. Голенищева-Кутузова и других.

По мере того как у трона появлялось все больше иностранцев,

в умонастроениях различных кланов российского дворянства стала проявляться националистическая «тревога за государя и Отечество». Такие взгляды коренились в русской жизни вне зависимости от реального хода государственных дел, тем более что далеко не всех носителей иностранных фамилий можно было считать чужеземцами.

В условиях нехватки собственных квалифицированных кадров ставка на привлечение в Россию иностранцев была вполне обоснованна, способных людей искали по Европе, настойчиво приглашали, и далеко не каждый из них направлялся в Россию «на ловлю счастья и чинов»: они исправно служили, привнося в управление страной много полезного, стойко, а порой и самоотверженно проявляли себя в защите ее интересов. Достаточно вспомнить деятелей петровского времени — Лефорта, Гордона, Брюса, Шафирова, Крюйса… Да и после них было немало тех, кто составил славу России. Среди них — Крузенштерн, Витте, Беринг. Иностранцы постепенно врастали в российскую среду, обзаводясь семейными, родственными, сословными узами, а через два-три поколения и вовсе ассимилировались, так что единственным признаком иноземного происхождения оставалась фамилия предков.

Были, конечно же, и карьеристы, ловцы удачи, которым неведомы ни служебное рвение, ни стремление служить верой и правдой, ни тем более желание связать свою судьбу с Россией.

Власть же сетовала на отсутствие собственных кадров, способных, не провалив дело, заменить иностранцев. Александр I, например, полагал, что причиной тому недостаточная образованность русских людей, нехватка тех, кто мог решать масштабные задачи. Стоявшая у трона сановная элита, кичась заслугами предков, не всегда могла выдвинуть из числа «природных русских» пригодных к государевой службе людей.

Справедливости ради следует отметить: нехватка нужных людей в нужное время и в нужном месте — одна из основных проблем, столетиями препятствовавшая укреплению российской государственности. В Российской империи не существовало программы, призванной подготовить, обучить и проверить в деле отечественных профессионалов.

Однако и упреки адмирала Чичагова, считавшего иностранцев не всегда пригодными к российской службе, были во многом обоснованы. В начале царствования Александр I поставил во главе дипломатического ведомства своего личного друга князя Адама Чарторыйского, поляка по происхождению. С его приходом на дипломатическую службу были призваны француз Убри, немец Анштет, итальянец Моченигo, корсиканец Поццо-ди-Борго. После

отстранения от должности Чарторыйского, причинившего немалый вред российским интересам, на этот пост был назначен немец-католик барон Будберг. И при первом, и при втором главе Министерства иностранных дел внешнеполитическая линия России не отражала ее национальных интересов. Людские и материальные ресурсы использовались в угоду далеко не верным союзникам. Российские армии вместо того, чтобы охранять границы Отечества, перемещались по просторам Европы, выполняя одну боевую задачу за другой. В конечном счете все сводилось к перекройке европейских границ в интересах господствовавших в ту пору коалиций. Подобное положение дел порождало коллизии, последствия которых весьма затруднительно объяснить некими объективными законами.

Трудно понять и соображения, которыми руководствовался Наполеон I, затевая поход на Россию, прояснить причины этой войны, ставшей для нашей страны первой Отечественной. Что пытался обрести великий полководец в наших бескрайних снежных просторах? Известно, что в ходе событий, приведших к заключению мира в Тильзите, Александр I убедился, насколько бесплодным было для России истощение собственных сил в угоду интересам союзников. Тогда, вдали от Отечества, у берегов Рейна, российские войска потерпели поражение. Итог противостояния двух государств стал очевиден даже Наполеону. «У России, как и у Франции, должна быть своя национальная политика, следуя которой две державы никогда не столкнутся, и воевать им не из-за чего», — сказал он царю. В ходе первых встреч отношения двух императоров складывались весьма благоприятно. Разрыв был инспирирован силами из их же окружения. Явно и тайно делалось все, чтобы разрушить внешне вполне дружеские отношения двух монархов. Дипломаты были в ту пору, по сути, ключевыми фигурами в межгосударственной политике — носителями и творцами самого ценного, что было тогда в дефиците, — информации. Достоверность сведений, получаемых долго спустя после произошедших событий, трудно было проверить. Формировался климат, в котором легко разрушалось кропотливо выстраиваемое главами государств взаимное доверие. Управлять в кризисные периоды, влиять на стремительно развивавшиеся события было трудно. Политическая интрига вокруг двух императоров закручивалась таким образом, что самодержцы становились орудием в выполнении скрытых от них планов. Сообщения дипломатов зачастую предполагали такое толкование происходящего, которое сеяло недоверие, вело к отчуждению и, в конце концов, к разрыву.

Властители поверженных европейских стран хотели

остановить победное шествие Наполеона I, на что и были направлены усилия их политических элит. Недобрую службу сослужили в этом деле дипломаты, бывшие на службе у российского и французского императоров. В окружении Александра I возникло «нерасположение разномастной нашей дипломатии», проявлявшей своеволие, которое искажало политические намерения императора. Российские дипломаты иностранного происхождения, находясь за рубежом, вели «личную политику». Насколько далеко они заходили, свидетельствует возмущенное письмо, направленное в ту пору Александром I одному из своих представителей за рубежом, посланнику в Вене графу Стакельбергу: «Я не могу взирать без удивления на тон, господствующий в Ваших последних депешах. <…> Каждая депеша, к Вам отправляемая, просматривается мною, и потому она может вызвать Ваши возражения, но не критику вроде той, которой Вы ее подвергаете. Приглашаю Вас воздержаться впредь и не ставить меня в необходимость делать Вам подобные замечания, дабы не навредить моему к Вам уважению и справедливости, воздаваемой мною Вашим заслугам»[10].

В этом, по сути, и заключалось «зло», о котором пишет в своем ответе адмиралу Чичагову Александр I. Выводы были сделаны. Александр I ясно усвоил, насколько важно иметь резерв надежных людей, выдвигаемых из национальной среды, преданных Отечеству и императору и получивших соответствующее образование.

Так появился проект создания Царскосельского, Его Императорского Величества лицея, который, как и другие «источники премудрости», призван был приблизить время, «когда в пределах Державы нашей исчезнет мрак невежества»[11]. В жалованной лицею императорской грамоте так были обозначены задачи, стоявшие перед этим учебным заведением: «Некоторое число отличнейшего по талантам и нравственным качествам юношества Мы желали предназначить особенно к важным частям государственной службы…»[12]

Первый лицейский набор стал ответом на веление времени. Пришли в движение именитые, по преимуществу обедневшие фамилии, из тех, кто не в состоянии был дать своим отпрыскам достойного домашнего образования. При наборе в лицей учитывались не одни только заслуги предков и даже не только то, как будущий лицеист сдал вступительный экзамен. Иван Пущин в своих воспоминаниях рассказывает, как его дед, адмирал, андреевский кавалер, лично привез к министру двух своих внуков — кандидатов в лицеисты. И несмотря на то, что оба экзамен

выдержали, принят был только один из них, Иван, поскольку, как написал потом министр Разумовский отставному адмиралу, «правительство желает, чтоб большее число семейств могло воспользоваться новым заведением»[13].

Александр Горчаков поступил в только что учрежденный повелением императора Александра I Царскосельский лицей двенадцатилетним подростком. Вступительные экзамены он прошел без труда, продемонстрировав превосходную домашнюю подготовку, а его родословная стала залогом того, что, так же как его деды и прадеды, юный Горчаков готов был к ревностному служению Государю и Отечеству.

Александр Горчаков принадлежал к древнему славянскому роду, восходящему к Рюриковичам — князьям Черниговским, среди которых в летописях упоминается князь Горчаков. В 1681 году, при систематизации родовых имен российского дворянства, род Горчаковых был занесен в знаменитую Бархатную книгу. Род этот, как и многие другие дворянские роды, бесконечно ветвился, так что в XIX веке были уже Горчаковы, между которыми почти невозможно было установить степень родства. Так, уже в бытность Горчакова дипломатом, его дальний родственник, Михаил Дмитриевич Горчаков (1793–1861), князь, генерал от артиллерии, почетный член Петербургской академии наук, который в Крымскую войну в 1854 году командовал войсками на Дунае, с февраля по декабрь 1855-го — в Крыму, затем служил наместником в Царстве Польском, состоял с Александром Михайловичем в столь отдаленном родстве, что родственная связь между двумя Горчаковыми уже не прослеживалась.

Главенствующую роль и в детские годы, и много позже сыграл в жизни Александра Горчакова Алексей Никитич Пещуров — двоюродный дядя по отцовской линии. Он и его сестра Елизавета Никитична Пещурова, «бабинька», как ее потом величали в семье Горчакова, заменили племяннику родителей, которые были целиком поглощены воспитанием и устройством четырех дочерей и нисколько не заботились о сыне.

Кочевая жизнь большого семейства — от гарнизона к гарнизону (отец Михаил Алексеевич Горчаков был тогда полковым командиром) — не позволяла дать мальчику какое-либо систематическое образование, тем более что в средствах родители были всегда ограничены, а потому на семейном совете было принято решение отправить его к дяде, в Петербург, с тем чтобы Александр смог продолжить свое обучение уже в гимназии.

Имя его и поныне числится в архивных списках гимназии № 12, что на Большой Мещанской, где сохранились, хотя и скудные, подлинные свидетельства его прилежной учебы.

Живя в доме, где бывали именитые гости, находясь в атмосфере большого света, юный Горчаков многое впитал в себя, избавившись от провинциально-патриархальных представлений. Его дядя Алексей Никитич (которому в ту пору было тридцать лет) был управляющим Государственным заемным банком, весьма влиятельным в свете человеком. Он вел деятельную жизнь, имел видное положение в обществе и везде был достойно принят. Именно тогда, наблюдая светскую жизнь, юный Горчаков обрел умение держаться, чувство стиля, изысканные манеры. Впоследствии Пушкин в одном из посвящений лицейскому товарищу отметил эти его свойства:

Питомец мод, большого света друг,
Обычаев блестящий наблюдатель..

Пещуров был чрезвычайно добросовестным человеком. Вначале, при императоре Павле I, он служил в армии, затем был назначен директором Государственного сберегательного банка, советником в Экспедиции для ревизии счетов (1809), военным советником и членом Генерал-аудиториата. В его биографии было и избрание предводителем уездного дворянства. Пещуров девять лет служил псковским гражданским губернатором, затем назначен сенатором и в этом качестве выполнял важные государственные поручения — ревизионные инспекции в губерниях.

Сохранилось одно из писем отца Горчакова своему двоюродному брату А. Н. Пещурову, с довольно любопытной орфографией, где он размышляет о поведении сына и его характере: «Вижу по всему, князь Александр мой со всех сторон щаслив, бог уже учредлил, чтобы при выпуске его ты был и заменил место мое. Как бы я ни желал объяснить мае чювства благодарности, да право красноречия недостанет. Отъезд его в Ревель, — я савсем непротив етого похвалнаго желания видитца с матерью, да незделаитли ему вреда и не останитцали на замечании у начальников: неуспел определитца и вступить в должность, а будет праситца в отпуск, при том нерастроютли его финансы: я уже более невсилах ему дать; воля ево располагать, как ему угодно и отчету от нево нетребую. Я об евтом писал и Графини Хвостовой, которая также в нем болшое участие берет. Должен тебе, как другу, открытца, одно мне непандравилось: молодой человек, видно, своенравии — хочит все на сваем наставить, чтобы нежить у Хвостовых и резоны представляйте, вы оба с ним недаволна аснавателны, вспомни себя и меня; смелили мы сказать перед покойной матушкой тваей какую нибудь

невозможность, а я по всему вижу, что ты к нему имеешь балшую слабость. Впротчем, он по милости Государя — офицер, то уже не ребенок; свой ум царь в голове… Князь Александру я асабливава письма непишу потому что все равно ты можешь ему показать; ежели буду писать наставления, то наскучу. А я уверен мой друг. В теме ты сваеми советами ево наставишь; я ево благословляю на все добрыя дела и, прижав к сердцу, цалую. Прощай, верный друг и брат. Князь М. Горчаков»[14].

Как видим, отец, не шибко грамотный, но деликатный и умный человек, не решается напрямую наставлять своего образованного, входящего в большую жизнь сына. Кроме того, из письма следует, что Александр для него — отрезанный ломоть, и вся дальнейшая жизнь сына отныне находится в его собственных руках, а также в руках заботливого и радеющего о племяннике брата.

Дядя и его юный племянник были родственны по духу. Отец Горчакова уже тогда подметил это. Они и далее будут идти по жизни рядом. Когда Горчаков уедет за границу, дядя будет поддерживать с ним связь, используя свое влияние на строптивого племянника, чтобы помочь ему исправлять свои огрехи.

Лицей во многом отличался от других учебных заведений. И несмотря на то, что объем получаемых лицеистами знаний, казалось, был не столь велик, как, к примеру, в университетах, он оказался достаточен для их последующего вхождения в жизнь в самых разных сферах государственной деятельности. Это подтвердилось судьбами и других лицейских товарищей Пушкина и Горчакова, достигших весьма заметных высот.

Трудно уяснить причины феноменальной пригодности когорты лицеистов первого призыва к государственной службе. Одно очевидно: здесь работали блестящие педагоги, движимые стремлением к единой цели. Каждый в отдельности и все вместе — учителя, наставники, ученики, — не отдавая себе отчета, создали неповторимую атмосферу, воспетую Пушкиным. Во многом секрет успеха объяснялся удачно разработанной лицейской системой, воспитывавшей характеры, готовившей лицеистов к деятельной жизни. В ней находилось место всему: свободе и раскованности, обязаловке и самодисциплине, соревновательности всех со всеми и индивидуальным творческим порывам и исканиям. Все годы учебы слушатели лицея, весьма редко имевшие свидания с родителями и родственниками, жили буквально в спартанских условиях. Зимой в плохо протапливаемых помещениях температура не поднималась выше 13–14 градусов. Летом одолевали духота и комары. Зато

преимущество лицея перед другими закрытыми учебными заведениями состояло в том, что здесь не секли и здесь не было муштры.

Здание лицея аркой соединялось с царской резиденцией — Екатерининским дворцом. Весной и летом лицеисты обитали вблизи сановных и именитых людей, которые селились рядом с императорским дворцом в резиденциях и на дачах. Тем самым создавалось ощущение сопричастности, иллюзорной близости к высшему свету, которая должна была стать реальностью по прошествии нескольких лет.

В своих воспоминаниях Иван Пущин оценивает создание лицея как событие национального масштаба. Новое учебное заведение «самым своим названием поражало публику в России <…> замечание мое до того справедливо, что потом даже, в 1817 году, когда после выпуска мы, шестеро, назначенные в гвардию, были в лицейских мундирах на параде гвардейского корпуса, подъезжает к нам гр. Милорадович, тогдашний корпусной командир, с вопросом: что мы за люди и какой это мундир? Услышав наш ответ, он несколько задумался и потом очень важно сказал окружавшим его: «Да, это не то, что университет, не то, что кадетский корпус, не гимназия, не семинария — это… Лицей!» Поклонился, повернул лошадь и ускакал»[15].

Громкий успех первого набора лицеистов несколько затмевает достижения Лицея в последующие годы. Между тем и далее из его стен выходили незаурядные личности, оставившие заметный след в российской истории. Лицей с завидным постоянством выпускал из своих стен хорошо подготовленных к государственной службе юношей, наделенных знаниями и талантом. Среди них, помимо Горчакова и его сокурсника М. А. Корфа, ставшего членом Госсовета, возглавившего II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, высот государственной карьеры достигли: Д. Н. Замятнин, А. В. Головнин, М. Х. Рейтерн, деятели эпохи великих реформ, входившие в правительство при Александре II.

При всем том, однако, в свете время от времени делались безосновательные попытки представлять лицеистов недоучками, не получившими фундаментального образования, какое дают университеты. Так, великосветские круги, оттесненные от кормила власти, из-за этого предубеждения к лицеистам пытались представить Горчакова «баловнем судьбы и промысла обстоятельств». Его способности всячески принижались кланом Нессельроде даже и тогда, когда он уже стал министром. Его вьщвижение объясняли не тем, что он был лучше, а просто

отсутствием конкурентов: одни, мол, оказались слишком стары, другие же впали в немилость из-за своего иностранного происхождения.

Жизнь и служение Горчакова опровергают эти суждения. Он занимался в лицее до исступления, — видимо, именно на него намекал Пущин, говоря, что некоторые якобы готовы в занятиях «довести себя до чахотки». Но лицеиста Горчакова хватало и на светские шалости, он умел веселиться и вполне мог быть душой компании.

До нас дошли лицейские письма Горчакова, которые как нельзя лучше открывают характер совсем еще юного человека, позволяют составить представление о задатках его незаурядной личности. Слог, каким они написаны, выдает способности, присущие в ту пору мало кому из его сверстников. Он пишет свободно и раскованно и в то же время проявляет большую деликатность, когда речь идет о просьбах к близким. Мы видим юношу глубоко чувствующего, приветливого и благодарного. В его письмах нет места жалобам и нытью, плаксивым капризам или хвастовству. Живо и легко излагая по преимуществу обыденные хлопоты и заботы, он проявляет такие свойства души, которые не могли не тронуть покровительствовавших ему родственников. Если он в чем и нуждается, то только в самом насущном, если о чем-то просит, так только о самом важном и при этом не настаивает, а если и напоминает о своей просьбе, делает это весьма деликатно. Со страниц писем перед нами предстает крепкий духом, целеустремленный, жизнерадостный юноша, всецело увлеченный и поглощенный учебой. В Лицее ему нравятся все и всё. Ни о ком и ни о чем он не пишет с укоризной и сожалением. Здесь мы находим подтверждение его расположения к Пушкину, восхищение пушкинским дарованием. Некоторые из стихов товарища юный Горчаков, переписывая, отправляет дяде. Характерно, что Пушкин — единственный из лицеистов, о ком Горчаков говорит в дошедших до нас письмах той поры довольно подробно. Письма нельзя читать без волнения: не только потому, что так в России уже давно никто никому не пишет, но и потому, что в этих строках оживает человек, судьба которого отстоит от нас на два столетия.

А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой

<Начало ноября 1814 г. >

«Сколь я вам обязан признательностью, дорогая тетенька, за точность и доброту, с которой вы наполняете мою маленькую сокровищницу (так я называю маленькое собрание писем, полученных мною от тех, кто мне дорог). Если я не ответил вам немедленно на ваше первое письмо, то только вследствие того,

что вы благоволили предупредить меня вторым письмом. Нет, дорогая тетенька, вы имели бы право обидеться, если бы я пытался прикрыть правду в письме к вам, но вот как было дело: не имея вчера времени взяться за перо (нам был задан большой урок по праву) и зная, что сегодня почта уйдет рано, я решил встать ранним утром. И вот я за своим столом, церковный колокол пробил 5 часов, а вчера вечером я лег очень поздно. Полуоткрытые глаза, голова, еще наполненная сном, мысли, плохо связанные, — вот, дорогая тетенька, отпечаток чего вы найдете в моем письме. Но благоволите одобрить мое усердие, ибо я ни за что на свете не хотел пропустить эту почту. — Со всем тем, дорогая тетенька, я не могу не поблагодарить вас за доброту, с которой вы исправляете ошибки, которыми кишит мой стиль. Невзирая на вашу крайнюю снисходительность, не могу не сознавать, что вы нашли их в гораздо большем количестве, чем хотите мне сразу сообщить, чтобы не удручать вашего весьма преданного, тем более уязвленного своей неопытностью, что он имеет перед глазами столь совершенный образец. Вместе с тем вы доставили мне чувствительное удовольствие куплетами. У меня также имеется маленький сборник разных пьес, для которого это ценный дар. На этот раз отвечаю вам дурной пьесой, списанной наспех. Это одно из стихотворений, известных под названием: стихи на взятие Парижа. Да не испугает вас этот заголовок, так как вы в них не найдете никаких: Ура! Слава! Геенна! Миротворец и т. д., и т. д. Это стихи, которые, хоть и являются подогретым супом, до сих пор сохранили некоторое достоинство, они кажутся написанными в порыве радости: кажется, что поэт, восхищенный славой своей страны, набросал на бумагу эти куплеты, первые мысли, пришедшие ему в голову. Будьте добры сообщить мне в дальнейшем некоторые пьесы из вашего сборника, и будьте уверены, моя добрая тетенька, что я всегда что-нибудь найду, чтобы послать вам в ответ. Но вот, я и прерван на полпути, так как я расположился писать вам… Будьте добры сообщить мне, доходят ли мои письма по этому адресу?»[16]

А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову

22 апреля 1816 г., *Царское Село*

«Не получая долгое время ни строчки в ответ на последнее письмо мое, любезный Алексей Никитич, я не желал бы предположить, чтоб оно было потеряно; ибо тогда длинный промежуток в переписке нашей, столь для меня приятной, мог бы ввести вас в заблуждение, что прежняя ревность моя ослабела. Впрочем, мне во всяком случае приятнее сделать сие предположение, нежели подумать, что, любезный дядюшка, вы не могли найти несколько свободных минут, дабы обрадовать меня

ответом. С надеждой буду ожидать каждую почту, авось, либо что-нибудь получу от любезного Лю-цернского жителя. Последнее посещение ваше в Царском сделало на меня глубокое впечатление. Вы позволили мне говорить вам о себе; я воспользуюсь сим позволением. Долго колебался я между родом службы, который бы мне избрать. Военная хотя не представляла мне почти ничего привлекательного в мирное время, кроме мундира, которым отныне прельщаться представляю молодым вертопрахам, однако я все же имел предрассудок думать, что молодому человеку необходимо начать службу с военной. Ваши советы решили сомнения мои, и я предоставляю другим срывать лавры на ратном [поприще] и решительно избираю статскую, как более сходную с моими способностями, образом мыслей, здоровьем и состоянием; и надеюсь, что так могу быть более полезным. Без сомнения, если бы встретились обстоятельства, подобные тем, кои ознаменовали 12-й год, тогда, по крайней мере, по моему мнению, каждый, чувствующий в себе хотя малую наклонность к военной, должен бы посвятить себя оной, и тогда бы и я, хотя не без сожаления, променял перо на шпагу. Но так как, надеюсь, сего не будет, то я избрал себе статскую и из статской, по вашему совету, благороднейшую часть — дипломатику. Заблаговременно теперь стараюсь запастись языками, что, кажется, составляет нужнейшее по этой части. Русский, французский и немецкий я довольно хорошо знаю; в английском сделал хорошие начала, и надеюсь нынешнее лето усовершенствоваться в оном. Кроме того, может быть, займусь еще итальянским, потому что открылся случай. Латинский только никак в голову не идет. Главное дело было бы приобресть практические знания, чего в лицее сделать нельзя. Я ожидаю от вашей дружбы и вашего расположения и вашей опытности, что, любезный дядюшка, не откажете мне написать об этом ваше мнение и не оставите меня вашими советами. Также должен прибегнуть я к снисходительности вашей, заняв вас в течение целого письма, а может быть, и наскучив собою.

Впрочем, тем не менее остаюсь вечно любящий вас Горчаков»[17].

Не удивительно, что лицейские письма Горчакова дошли до нас. Пещуровы хранили их как бесценную семейную реликвию, где юношеской рукой любовно запечатлен мир, в котором и они сами, и их племянник предстают столь живо и непосредственно. Каждое из пятидесяти четырех лицейских писем проникнуто тонким, лирическим мировосприятием. От них веет свежестью и задором, жаждой познания, радостью бытия. Они вызывают гамму добрых чувств, оставляя в душе читающего самые приятные

впечатления.

Пушкин был центром того магнетического поля, которое и тогда, и особенно впоследствии притягивало к себе публику, вызывая интерес к лицею и его воспитанникам. Нельзя разделить мнение тех, кто считает, что, не будь в лицее Пушкина, мало кто потом вспомнил бы о лицее и лицеистах. Однако и Пушкина, конечно, обогатил лицей, его духовная атмосфера, прожитые и пережитые в нем годы.

Лицейские бумаги первого курса, собранные академиком Я. К. Гротом и опубликованные его сыном в 1911 году, во многом проясняют картину жизни того учебного заведения, которое ныне принято называть пушкинским лицеем. Как становится ясно из этих документов, ее главной особенностью было редкостное стечение благоприятных обстоятельств. В недрах лицея оформились выдающиеся и разнообразные дарования. Конечно, в ходе учебы и при выпуске рано было говорить о будущности того или иного из юношей: даже талантливые педагоги, которым, несомненно, принадлежит заслуга в пробуждении в том числе нравственного потенциала лицеистов, не могли предугадать, как сложатся их судьбы, однако они снабдили их удивительно точными и многозначными характеристиками, в которых подметили главенствующие черты своих воспитанников[18].

Сегодня мы можем взглянуть на лицей и лицеистов первого выпуска не только глазами пушкиноведов или с точки зрения исторического контекста событий 14 декабря 1825 года и участия в них лицеистов первой волны. Между тем в лицейской среде уже в начале пути выделилось крепкое ядро, состоявшее из юношей, твердо решивших посвятить себя службе Государю и Отечеству. Их уже тогда отличали целенаправленность, старательность, самодисциплина и безупречность в поступках, разумеется, насколько это было возможно в их возрасте. Впоследствии именно они применили себя в деле, выросли и возвысились на ниве государственного служения.

«Вольнодумная» часть лицеистов двинулась в ниспровергатели существующего строя, другая, пожалуй, более представительная, — в ряды его устроителей.

Вот как представляли Пушкина и Горчакова их лицейские воспитатели:

«Князь Горчаков (Александр), 14-ти лет. Превосходных дарований. Благородство с благовоспитанностью, крайняя склонность к учению с быстрыми в том успехами, ревность к пользе и чести своей, всегдашняя вежливость, нежность и искренность в обращении, усердие, ко всякому дружелюбие, чувствительность с великодушием и склонность к благотворению

суть неотъемлемые принадлежности души его; пылкость ума и нрава его выражают быстрая речь и все его движения; при всем том он осторожен, проницателен и скромен. Крайняя чувствительность причиняла ему прежде много страданий, но теперь она вошла в пределы умеренности; он начинает сносить ее со свойственным великодушием. Опрятность и порядок царствуют во всех его вещах»[19].

«Пушкин (Александр), 13-ти лет. Имеет более блистательные, нежели основательные дарования, более пылкий и тонкий, нежели глубокий ум. Прилежание его к учению посредственно, ибо трудолюбие еще не сделалось его добродетелью. Читал множество французских книг, но без выбора, приличного его возрасту, наполнил он память свою многими удачными местами известных авторов; довольно начитан и в русской словесности, знает много басен и стишков. Знания его вообще поверхностны, хотя начинает несколько привыкать к основательному размышлению. Самолюбие вместе с честолюбием, делающее его иногда застенчивым, чувствительность с сердцем, жаркие порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотность с остроумием ему свойственны. Между тем приметно в нем и добродушие, познавая свои слабости, он охотно принимает советы с некоторым успехом. Его словоохотность и остроумие восприяли новый и лучший вид со счастливою переменою образа его мыслей, но в характере его вообще мало постоянства и твердости»[20].

Такое с одной стороны — сходство, с другой — различие натур не позволило им далее мирно сосуществовать. Когда им исполнилось по двадцать шесть — двадцать семь лет, друзья окончательно разошлись и никогда уже больше не встречались и не писали друг другу.

Горчаков, несмотря на свою приверженность к раннему пушкинскому творчеству, не принадлежал к числу первых друзей Пушкина. Поэт питал безотчетную любовь и привязанность к Дельвигу, Кюхельбекеру, Малиновскому и в первую очередь к «ветреному мудрецу» Пущину, которому впоследствии посвятил знаменитое «Мой первый друг, мой друг бесценный!..».

Однако Горчакова Пушкин выделял, о чем свидетельствуют, в частности, обращенные к нему стихи. Горчаков обладал особыми качествами, которые проявлялись не только в учебе. Александр Горчаков обладал задатками несомненного лидера. В отличие от других лицеистов он не получил едкого прозвища, избежал насмешек и карикатур. Его называли Франтом, но, пожалуй, по тем временам это словечко вряд ли можно было воспринимать как насмешку.

Вот характеристика, которую дал Горчакову директор лицея Энгельгардт:

«…сотканный из тонкой духовной материи, он легко усвоил многое и чувствует себя господином там, куда многие еще с трудом стремятся. Его нетерпение показать учителю, что он уже все понял, так велико, что никогда не дожидается конца объяснения. Если в схватывании идей он выказывает себя гениальным, то и во всех его более механических занятиях царят величайший порядок и изящество…»[21]

Индивидуальность такого рода в подростковой среде — фактор, безусловно, благотворный. Когда лидеру свойствен «верный, милый нрав», это особенно ценно, хотя, надо признать, Горчаков порой проявлял нетерпимость к посредственности.

Юношеская дружба Пушкина и Горчакова была преисполнена созидательного смысла, несла в себе полезное начало — состязательность. Она приводила в действие скрытые в них задатки, игру воображения, творчества, вдохновения, укрепляла стремление к самосовершенствованию. В лицейское время оттачивалось эстетическое чувство, формировалась восприимчивость воспитанников к возвышенному, стремление к идеалу. Упражнения в словесности в этом смысле играли особую роль и сопровождались попытками лицеистов собственными усилиями создать что-либо значительное, заслуживающее признания.

Уже тогда между друзьями установился диалог, суть которого — поиски своего призвания, места в жизни. В глубине души и Пушкиным, и Горчаковым владела «одна, но пламенная страсть»: стремление к успеху, славе.

Что должен я, скажи, в сей час
Желать от чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Детей, любезную супругу?
Или богатства, громких дней,
Крестов, алмазных звезд, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлечен был в путь кровавый,
Чтоб в битвах гром из рук метал
И чтоб победа за тобою,
Как древле невскому герою,
Всегда, везде летела вслед?

Свой во многом интуитивный опыт каждый примерял к цели, к которой хотел бы стремиться. Горчаков уже тогда «запасался

языками», твердо решив избрать для себя «дипломатику». Пушкина же все более и более увлекала его муза, уводя в сторону от проторенных путей.

В те дни — во мгле дубровных сводов,
Близ вод, текущих в тишине,
В углах лицейских переходов,
Являться Муза стала мне.
Моя студенческая келья,
Доселе чуждая веселья,
Вдруг озарилась — Муза в ней
Открыла пир своих затей;
Простите, хладные науки!
Простите, игры первых лет!
Я изменился, я поэт.

Атмосфера лицейского общения не была беспечной и безоблачной, как это иногда представляют. Уже тогда, в подростковом возрасте, Пушкину приходят мысли о том, что же несет в себе дружба. Впоследствии, вспоминая лицейские годы, он написал:

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

Да, в ту пору в отношениях между лицеистами имели место и «обмен тщеславия», и «покровительство». Свои только что написанные поэтические строки Пушкин первым делом нес Горчакову. Не все и не всегда вызывало в юном рецензенте восторг, но Горчаков в своих суждениях был убедителен. С ним приходилось считаться. Особенно там, где начинающему сочинителю изменял еще не отточенный вкус, где скоропалительность наносила ущерб стихотворному строю…

Лишь в 1928 году, более чем через сто лет, в архиве Горчакова была найдена озорная лицейская поэма Пушкина «Монах», которая, как счел Горчаков, была неудачной и недостойной дарования поэта. Его суждение, видимо, прозвучало настолько жестко, что спорить никто не стал, и об этом опусе даже автор поспешил забыть…

Юный поэт находился под обаянием личности Горчакова — для него он был, безусловно, интереснее других. «Приятный

льстец, язвительный болтун», «остряк небогомольный», «философ и шалун» проявлял изобретательность в развлечениях, в исканиях благосклонности у дам. Не случайно именно с Горчаковым Пушкин, по его словам, был готов делить жизнь «меж Вакха и Амура».

И нежная краса тебе дана,
И нравится блестящий дар природы,
И быстрый ум, и верный, милый нрав;
Ты сотворен для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забав.

Взрослея, лицеисты судили-рядили о жизни, о будущем, о выборе пути. Окончание лицея сулило им немало возможностей. Многие министерские учреждения готовы были принять их в свое лоно: военное министерство, министерства финансов, юстиции, просвещения, департаменты других ведомств.

По окончании лицея друзья определились во внешнеполитическое ведомство: Горчаков — в чине титулярного советника, Пушкин ступенью ниже — коллежским секретарем. Помимо Горчакова и Пушкина на службу в Министерство иностранных дел по личному распоряжению Александра I были зачислены также лицеисты П. Греневиц, Н. Корсаков, В. Кюхельбекер, С. Ломоносов, П. Юдин. Примерно в это время здесь начал свою службу А. Грибоедов.

Доподлинно не известно, что предопределило изначальное неравенство в положении Горчакова и Пушкина в министерстве — протекция ли влиятельных покровителей или результаты учебы. Последнее вероятнее всего, поскольку Горчаков окончил лицей вторым (после Вольховского), был отмечен малой золотой медалью, Пушкин — девятнадцатым из списка в двадцать девять фамилий.

Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.
Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый, и славный,
Моя стезя печальна и темна…

Течение чиновной жизни вносило свои коррективы в прежние жизненные установки друзей. Они стали расходиться во взглядах на службу и принятые здесь правила поведения, наконец, в образе

жизни. Пушкин не желает быть там, где:

…вялые, бездушные собранья,
Где ум хранит невольное молчанье,
Где холодом сердца поражены…
Где глупостью единой все равны.
Я помню их, детей самолюбивых,
Злых без ума, без гордости спесивых,
И, разглядев тиранов модных зал,
Чуждаюсь их укоров и похвал!..

Но несмотря на отразившееся в этих строках неприятие мира, в котором Горчаков чувствовал себя вполне органично, как и в лицейские времена, у них находилась возможность для встреч, душевных бесед и споров. Горчаков и теперь пытался наставлять своего друга, желая удержать его в подобающих рамках, убеждал его в необходимости соответствовать нравам и обычаям большого света.

Ты мне велишь оставить мирный круг,
Где, красоты беспечный обожатель,
Я провожу незнаемый досуг… —

сетовал Пушкин в своем большом поэтическом послании другу. Увы, становилось все более очевидным: Пушкин не мог быть одновременно примерным чиновником и большим поэтом. Поэта тянет туда,

Где ум кипит, где в мыслях волен я,
Где спорю вслух, где чувствую живее…

Но ему не хотелось терять друга. Ему недоставало общения с ним, особенно в светских салонах, в обществе «золотой» молодежи, где кипели страсти, била ключом жизнь, замешанная на острых ощущениях и удовольствиях.

И ты на миг оставь своих вельмож
И тесный круг друзей моих умножь,
О ты, харит любовник своевольный,
Приятный льстец, язвительный болтун,
По-прежнему остряк небогомольный,
По-прежнему философ и шалун.

Непреложные законы жизни оказались сильнее. В государевом служении преимущество было на стороне Горчакова, его способности были востребованы незамедлительно. Началась серьезная работа: составление дипломатических документов, участие в переговорах, подготовка визитов, поездки за границу на международные конгрессы.

Пушкин не нашел себя на этом поприще — служба была ему противопоказана. Его свободолюбивому гению было тесно в жестко регламентированном мире, он искал выхода — и находил его в стихах. Новые, все более зрелые произведения выходили из-под его пера — «Песнь о вещем Олеге», ода «Вольность»…

Жизнь разводила друзей, они все более отдалялись друг от друга…

В 1820 году Горчаков впервые был включен в качестве атташе в состав государственной делегации, участвовавшей в работе конгресса Священного союза в Троппау, затем, в 1821-м, — в Лайбахе, и в 1822-м — в Вероне. Молодой дипломат проявил глубокие знания, широту кругозора, удивительную работоспособность. Он замечен Александром I, который оказался осведомленным даже о его желании работать в посольстве в Лондоне.

«Император Александр I рано стал отличать меня своею благосклонностью, — вспоминал Горчаков. — При встречах в бытность за границей, в разных немецких городах на конгрессах, а также в бытность мою в его свите в Варшаве, государь всегда останавливал меня при встречах на прогулках, говорил очень приветливо и всегда отличал, как одного из лучших питомцев любезного Его Величеству Царскосельского лицея. Это он сам мне выразил в Лайбахе, встретившись со мною на единственной улице, бывшей в то время в этом городе. При этом государь Александр Павлович, совершенно для меня неожиданно, сказал, между прочим: "Ты просишься в Англию, в Лондон. И прекрасно, я отправляю тебя туда секретарем нашего посольства"»[22].

По окончании конгрессов, получив за верную службу орден Святой Анны, Горчаков отправился в Лондон, на должность первого секретаря русского посольства.

Совсем иначе складывалась судьба Пушкина. В 1820 году за «опасные стихи» он был отправлен в первую ссылку в Кишинев и Одессу. Время это, несмотря на драматические издержки, не было потеряно для него даром. В ссылке он написал поэмы «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», первые строки романа «Евгений Онегин», множество превосходных стихов. Тем

временем в Петербурге вышла в свет поэма «Руслан и Людмила», которая мгновенно разошлась и пользовалась огромным успехом у читающей публики.

Лишь в сентябре 1825 года судьба позволила друзьям встретиться вновь.

Возвратившись в связи с болезнью из Лондона, Горчаков побывал на Псковщине — приехал навестить своего дядю А. Н. Пещурова в его родовом имении в Лямоново. Дядя в ту пору был опочецким воеводой и предводителем местного дворянства и имел высочайшее поручение осуществлять негласный надзор за находившимся здесь, в Михайловском, ссыльным поэтом Пушкиным.

Существуют разноречивые суждения об этой встрече лицейских друзей. Сам Пушкин в присутствии Горчакова напишет Вяземскому: «Горчаков доставит тебе мое письмо. Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере, с моей стороны. Он ужасно высох — впрочем, так и должно; зрелости нет в нас на севере, мы или сохнем, или гнием, первое все-таки лучше. От нечего делать я прочел ему несколько сцен из моей комедии <«Бориса Годунова»>»[23].

Как вспоминал впоследствии Горчаков, тогда у Пушкина был повод для обиды: по старой лицейской привычке Горчаков позволил себе сделать ряд замечаний по поводу прочитанных ему Пушкиным сцен «Бориса Годунова»…

Позднее поэт переступил через свою обиду и в своем известном стихотворении «19 октября» посвятил Горчакову восторженную строфу:

> Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
> Хвала тебе — фортуны блеск холодный
> Не изменил души твоей свободной:
> Все тот же ты для чести и друзей.
> Нам разный путь судьбой назначен строгой;
> Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
> Но невзначай проселочной дорогой
> Мы встретились и братски обнялись.

Та встреча в Лямонове оказалась последней, во всяком случае в нашем распоряжении нет никаких свидетельств об их дальнейших контактах.

Могло ли быть преградой для общения то обстоятельство, что Горчаков все это время находился за границей? Ведь слово Пушкина, как известно, доносилось до «глубины сибирских руд». Что мешало Горчакову писать лицейскому другу? Диппочта

исправно доставляла из-за границы не только служебную, но и личную корреспонденцию российских дипломатов…

Возможно, причина состояла в том, что наступили иные времена — суровые и жесткие. Лицейской вольницы не было и в помине. В этих обстоятельствах стало трудно сохранять открытость и теплоту, свойственные юности. И у Пушкина, и у Горчакова появились — и остались до конца жизни — свои «опекуны» — Бенкендорф и Нессельроде. К ним обоим у сановных царедворцев имелись претензии. Впоследствии Горчакову доведется полистать свое досье, хранившееся в III Отделении, где он, должно быть, с удивлением, прочтет: «Не без способностей, но не любит Россию». Пушкин же до конца своих дней будет под неусыпным надзором тайной полиции.

События на Сенатской площади 14 декабря 1825 года трагически сказались не только на судьбе заговорщиков и их близкого окружения — были отвергнуты и отторгнуты от участия в государственных делах многие талантливые представители различных сословий. Появившимся в начале века надеждам российской национальной элиты вытеснить иностранцев, занять ключевые посты в государстве не суждено было сбыться.

В попытке государственного переворота приняли участие родовитые потомки тех, кто верой и правдой веками укреплял российский престол. Многие сверстники Николая I, составлявшие цвет служилого дворянства, окончили жизнь на каторге или на поселении в Сибири, иные сложили головы на Кавказской войне, кто-то зачах на чужбине.

Царская вера в преданность российского дворянства была поколеблена. И на этот раз, уже по иным, более жестким причинам, ставка была сделана на иноземцев, вызывавших больше доверия. Они заняли ключевые посты, им принадлежало преимущественное право на управление державой. Николай I окружил себя людьми, готовыми демонстрировать свое раболепное повиновение и абсолютную преданность.

Вот интересное свидетельство прусского канцлера Бисмарка: «Как он <Николай> понимал свои отношения с собственными подданными, явствует из одного факта, о котором рассказал мне сам Фридрих-Вильгельм IV. Император Николай попросил его прислать двух унтер-офицеров прусской гвардии для прописанного врачами массажа спины, во время которого пациенту надлежало лежать на животе. При этом он сказал: «С моими русскими я всегда справлюсь, лишь бы я мог смотреть им в лицо, но со спины, где глаз нет, я предпочел бы все же не подпускать их». Унтер-офицеры были предоставлены без огласки этого факта, использованы по назначению и щедро

вознаграждены. Это показывает, что, несмотря на религиозную преданность русского народа своему царю, император Николай не был уверен в своей безопасности с глазу на глаз даже с простолюдином из числа своих подданных; проявлением большой силы характера было то, что он до конца своих дней не дал этим переживаниям сломить себя»[24].

Ближайшие друзья и помощники императора на всем протяжении его царствования — по преимуществу дворяне немецкого происхождения. Своим он мало доверял или не доверял вовсе, выразив свой подход к подбору кадров предельно лаконично: «Российские дворяне служат России, немецкие — мне».

Главноуправляющими в Российской империи стали в ту эпоху Бенкендорф, Нессельроде, Клейнмихель и другие… Репрессии пали тогда не на одних лишь участников тайного общества декабристов. Остракизму было подвергнуто целое поколение коренного русского дворянства. Не давали ходу, чинили препятствия не только тем, на кого пало подозрение, но и людям, ничем себя в глазах власти не запятнавшим.

В истории декабрьского восстания и роли декабризма в судьбе России еще предстоит более объективно разобраться. Проникнутые духом сочувствия и сострадания литературные и эпистолярные источники, особенно пушкинская поэзия, романтизировали как само событие, так и его участников. Радикализм декабристов, этого «узкого крута революционеров, страшно далеких от народа», пришелся по душе их последователям: от народников до большевиков. Героизируя декабристов, они тем самым обосновывали «кровавый и беспощадный» путь как единственно возможный при переустройстве России, путь, предполагавший в том числе физическое уничтожение не только императора, но и членов царской семьи. Исполнение замысла, которому помешали случай и чья-то нерасторопность, уже тогда ввергло бы Россию в великую Смуту, как это случилось позже, в XX веке.

Горчакову инкриминировали то, что он «знал, но не донес» о заговоре декабристов. Всю свою долгую жизнь Горчаков пытался осмыслить происходившее. К этой болезненной, судя по всему, теме престарелый канцлер обратился и на исходе жизни. Из простой и безыскусной исповеди, записанной по следам доверительного разговора, состоявшегося в 1883 году, за несколько месяцев до смерти Горчакова, следует, что в заговор декабристов он посвящен не был. О «заговорщицкой» деятельности некоторых своих друзей он знал, но не видел в том ничего предосудительного, так как тайные сходки и сборища

были тогда в моде. Многие исследователи данного периода, в частности филолог и историк Б. Тарасов, отмечают, что «после антинаполеоновского похода, когда как бы вторично было прорублено окно в Европу, разнообразию мечтательных идеалов, казалось, не было предела. Снова оживились веяния рационализма, энциклопедизма, республиканизма, масонства…»[25]. Молодые дворяне, обуреваемые жаждой самоутверждения, нередко исключительно из следования моде окружали свои собрания ореолом таинственности, а то и вступали в масонские ложи. В одной из организаций братства «вольных каменщиков» — ложе «Соединенных друзей» — состояли и будущие декабристы П. И. Пестель, М. И. Муравьев-Апостол, И. А. Долгоруков, а также будущий шеф жандармов Бенкендорф, министр Балашев и великий князь Константин Павлович, принадлежавшие к доминировавшему в этом обществе типу «модников». Преобладание такого типа людей делало ложу «одинаково чуждой и глубокого морального настроения, и сосредоточенной политической мысли»[26]. По мнению большинства исследователей, эта и подобные организации не несли никакой угрозы существующему режиму.[27]

Совсем другое дело — общество декабристов. Если допустить, что Горчаков знал об их намерениях и не признался в том после мятежа, получается, что он нарушил дворянский кодекс чести. Этот негласный свод требований к поведению людей высокого происхождения исключал возможность проявить малодушие, уйти от ответственности, тем более покрывать кого-то или потворствовать чьему-то уклонению от обвинения. Следуя этому кодексу чести, многие декабристы во всем повинились, готовые нести ответственность, не переваливая ее на других.

В этой связи явной небылицей представляется свидетельство о будто бы проявленном Горчаковым порыве: после провала мятежа он якобы предложил заграничный паспорт Ивану Пущину, с тем чтобы тот мог скрыться за границей. Ведь для того чтобы осуществить этот план — добыть заграничный паспорт для преступившего один из главных законов дворянского кодекса чести Ивана Пущина, — Горчаков должен был совершить целый ряд должностных подлогов. Первым делом предстояло выкрасть бланк документа, поскольку такие бумаги подлежали строгому хранению, далее — фальсифицировать его, заполнив по установленной форме, получить доступ к печати или как-то подделать ее, а затем подделать подпись того должностного лица, кто по уставу имел право подписывать такие документы… Может быть, такие деяния могли бы осуществить лихие фальшивомонетчики, но никак не государственный чиновник.

Натянутый характер беседы Пущина с князем Горчаковым после возвращения первого из изгнания свидетельствует о сомнительности такого предположения. Косвенно это подтверждает и тот факт, что Горчаков приложил немало усилий к тому, чтобы смягчить судьбу как раз не самого Пущина, но его родного брата, который, по всеобщему убеждению, понес наказание незаслуженно: к замыслам и поступкам декабристов и своего брата Михаил Пущин отношения не имел… Однако недоброжелатели князя продолжали настаивать на том, что его связывают близкие отношения с несколькими мятежниками.

Случилось так, что Горчаков, по невероятному стечению обстоятельств, сам стал невольным свидетелем событий, происходивших на Сенатской площади 14 декабря 1825 года.

«В день 14 декабря 1825 года, — вспоминал Горчаков, — я был в Петербурге и, ничего не ведая и не подозревая, проехал в карете цугом с форейтором в Зимний дворец для принесения присяги новому государю Николаю Павловичу. Я проехал из дома графа Бобринского, где тогда останавливался, по Галерной улице чрез площадь, не обратив внимания на пестрые и беспорядочные толпы народа и солдат. Я потому не обратил внимания на толпы народа, что привык в течение нескольких лет видеть на площадях и улицах Лондона разнообразные и густые толпы народа.

Помню весьма живо, как в то же утро, 14 декабря, во дворце императрица Александра Феодоровна прошла мимо меня утороплеными шагами одеваться к церемонии; видел ее потом трепещущею; видел и то, как она при первом пушечном выстреле нервно затрясла впервые головою. Эти нервные припадки сохранились затем у нее на всю жизнь.

Видел митрополита Серафима, возвратившегося во дворец с Петровской площади и тяжело опустившегося в кресло, трепещущего всем телом. Он полагал, что был весьма близок к погибели, и дрожал при воспоминании об опасности, которой избег, как он думал, совершенно случайно.

Видел я, и вспоминаю вполне ясно, графа Аракчеева. Он сидел в углу залы, с мрачным и злым лицом, не имея на расстегнутом своем мундире ни одного ордена, кроме портрета покойного государя Александра Павловича, и то, сколько помню, не осыпанного бриллиантами. Выражение лица Аракчеева было в тот день особенно мрачное, злое, никто к нему не приближался, никто не обращал на него внимания. Видимо, все считали бывшего временщика потерявшим всякое значение.

Новый государь, Николай Павлович, вел себя вполне героем»[28].

Нам не раз еще придется обращаться к воспоминаниям

Горчакова, в которых он размышляет о главных вехах прожитой жизни. Этот единственный документ во многом определяет канву исследований, посвященных судьбе последнего российского канцлера. Вполне понятно, что некоторые этапы своей жизни Горчаков запечатлел в воспоминаниях так, как сам воспринимал их, в то время как в реальности все было значительно сложнее. В эпизодах, где описывается, например, начало служебной карьеры, сквозит некоторая ущербность, недовольство, стремление и себя отнести чуть ли не к «жертвам» николаевского режима… С этим можно было бы согласиться, если бы не то обстоятельство, что Горчаков, принадлежавший к гордому и непокорному племени лицеистов, слыл личностью не только талантливой, но и имевшей о себе весьма высокое мнение, не был заносчив, но в душе презирал посредственность и уж тем более не был готов прислуживаться… Любопытно, что родных братьев Александра I — Николая Павловича и Михаила Павловича — намечалось зачислить в Лицей в первый же год его существования. Необходимо иметь в виду и то, что и царствующий император Николай I, и те, кому он особенно доверял, были примерно одногодками Горчакова. В их способностях и достоинствах молодой дипломат не раз имел возможность убедиться. Кое-кто не то что складно писать — хорошо говорить по-русски не мог. Не это ли было причиной болезненного чувства недооцененности и невостребованности, которое не покидало его долгие годы? В то же время свойственное Горчакову самомнение не могло не нанести ущерба его карьерным устремлениям. Многие исследователи приводят в качестве примера следующий эпизод, относящийся к началу его службы в Лондоне. На вопрос случайного заезжего гостя из России, как ему служится, Горчаков, коснувшись отношений с тамошним российским послом бароном Ливеном, ответствовал: «Как может чувствовать себя человек, привязанный к трупу?!» Возмездие за неосторожное обращение со словом последовало незамедлительно: Горчаков был переведен в посольскую миссию в Риме (правда, с сохранением прежнего довольствия, которое, к слову сказать, вдвое превосходило должностные оклады других служивших там русских дипломатов). В те времена Рим считался окраиной Европы, и проявить себя там было гораздо труднее, чем в Лондоне.

Выстроить в ту эпоху достойную карьеру без влиятельной поддержки было немыслимо. Кумовство считалось нормой, и каждый дворянский род, в силу сложившихся традиций, старался использовать свои связи и возможности. Одно дело, правда, когда это касалось отпрысков типа фонвизинского недоросля, другое — таких, как Горчаков. «Пристроить» кого-то по тем временам, как и

теперь, еще не означало гарантировать удачное течение карьеры.

У Горчакова, как и у других его сверстников, имелись весьма влиятельные ходатаи и покровители, причем, в отличие от многих других, они были совершенно уверены в деловых качествах своего протеже, не сомневаясь в том, что он сумеет подтвердить свои способности. Родственная близость семейства Пещурова к Каподистрии, который был тогда одним из главноуправляющих Министерства иностранных дел, позволила Горчакову изначально быть на виду. Заявить о себе в столь сложном организме, каким уже к тому времени являлось внешнеполитическое ведомство, было не просто, а строптивый «Рюрикович», необычайно одаренный, видный, не заискивавший перед начальством, казался на голову выше всех сослуживцев. Его перспективы угадывались уже тогда. Понимали это все, в том числе и сам Горчаков: «19-ти лет, в чине титулярного советника, начал я свою карьеру служебную под покровительством и руководством знаменитого впоследствии президента греческой республики, графа Каподистрия. Но этого покровительства было достаточно, чтобы вызвать ко мне нерасположение Нессельроде, который был смертельным врагом Каподистрия. Неприязнь эта рано отразилась и на мне.

Однажды дядя мой, князь Андрей Иванович Горчаков, человек весьма храбрый, богатый, но весьма и весьма недальний, приезжает к Нессельроде, управлявшему тогда Министерством иностранных дел, с ходатайством о производстве меня в камер-юнкеры.

— Как! его, вашего племянника, Александра Горчакова? Да ни за что! — воскликнул Нессельроде. — Посмотрите, он уже теперь метит на мое место!

И отказал наотрез. Тогда князь Андрей Иванович Горчаков тут же и тогда же попросил о той же милости для другого своего племянника, Хвостова, и Нессельроде тотчас согласился».[29]

В Министерстве иностранных дел на тот момент было двоевластие: часть департаментов подчинялась Нессельроде, другая — Каподистрии. Такое положение длилось не долго — управление в конечном счете целиком перешло к Нессельроде. Сохранились разноречивые отзывы и суждения о том, как складывались отношения двух высокопоставленных дипломатов. На каком-то этапе они, как утверждают некоторые, работали слаженно. Но это, вероятнее всего, миф. Когда Каподистрия вынужден был подать в отставку, его единомышленники и ученики остались без всякого попечения.

На стороне Нессельроде решающими были не одни только его деловые качества — главную роль сыграла тонкая

политическая интрига, разыгранная австрийским императорским двором и его канцлером Меттернихом, который в 1821 году написал буквально следующее: «В России во всей заграничной русской дипломатии есть две партии, открыто обозначающие себя именами Меттерниха и Каподистрии. Это мне не особенно лестно. Обе партии ненавидят друг друга и противоположны одна другой, как правая и левая во Франции»[30].

Противостояние завершилось в конечном счете тем, что внешняя политика России долгое время направлялась партией Меттерниха, послушным исполнителем воли которой стал Нессельроде. Сам Меттерних удаление Каподистрии рассматривал как «самую полную из побед, когда-либо одержанных одним двором над другим»[31].

В мировой истории имеются замечательные имена, о которых предпочитают говорить уклончиво или не говорить вовсе. И дело не в том, что они не заслужили почестей, просто в кризисные моменты окружающие оказывались недостойны их, не сумев оценить их историческую правоту, не дав им возможности осуществить намеченное.

Одним из таких людей и был граф Иван Антонович Каподистрия (1776–1831), гордость и боль русской истории. Правота его суждений и взглядов в полной мере открылась лишь впоследствии, когда стал возможен доступ к архивам австрийской монархии. Грек по национальности, он воспринимал Россию как свою вторую родину и служил ей преданно и верно. И конечно же, его политические установки, кредо дипломата, отдававшего приоритет национальным интересам страны, которой он служил, не могли не иметь последователей.

Горчакову посчастливилось работать под началом Каподистрии пять лет — в пору своего профессионального становления, когда на европейской политической сцене разворачивалась борьба за наследство поверженного Наполеона, шел новый передел Европы. Тогда Горчаков многое сумел понять, многому научиться, тогда же выкристаллизовались, окончательно сформировались его политические взгляды. Во всем этом, как и в дальнейшей политической судьбе Горчакова, ощущается влияние его наставника. Каподистрии довелось также принимать участие в судьбе Пушкина: направив нерадивого дипломата с сопроводительным письмом к генералу И. Н. Инзову под его покровительство и опеку, глава министерства тем самым смягчил участь опального поэта. В своем письме Каподистрия писал, что видит в Пушкине «гениальность необыкновенную».

Весьма характерна рекомендация поэта Василия Андреевича Жуковского, которому было поручено подыскать безупречных

педагогов, тех, кому предстояло заняться образованием и воспитанием наследника престола — будущего императора Александра II. Не считаясь с переменами в настроениях, царивших у российского трона, невзирая на то, что Каподистрия практически был отстранен от должности и находился в отставке, Жуковский, обращаясь к бабушке наследника, вдовствующей императрице Марии Федоровне, напишет: «Государыня, соблаговолите окинуть взором все поприще, уже им пройденное; он был безупречен, как общественный деятель; таким же остался он и в частной жизни. Он был другом своего государя, который, разлученный с ним силою обстоятельств, продолжал любить его до могилы. Он обладает обширною ученостью, замечательно разнообразною. Он опытен в людях, изученных им во всех видах и во всех отношениях. Он хорошо знает свой век и все действительные потребности своего времени. Ему знакомы все партии, которые существуют ныне и соперничают друг с другом, хотя он и не придерживается ни одной из них исключительно. По своим правилам, он одинаково далек от того ложного либерализма, который стремится восстановить народы против своих правительств, как и от тиранического ослепления, возбуждающего правительства против народов. Наружность его привлекательна и внушает доверие. Он в цвете лет, ему нет еще пятидесяти годов, но его душа еще свежее его возраста. С этой душевною свежестью он умеет соединять холодный рассудок, чрезвычайно логичный, и обладает даром выражать свои мысли ясно и правильно, что придает особенную прелесть всему, что он говорит. Он нашего вероисповедания — а это предмет весьма существенный. В нем настолько энтузиазма, насколько нужно, чтобы быть разумным, не будучи холодным, и пламенно стремиться к своей цели, не увлекаясь никакою обманчивою страстью, способною переступить за установленные пределы… Как оживлялась бы наша деятельность при свете его ума и энергии его души! Как всякий страх, столь естественно истекающий из сознания нашего бессилия, исчез бы при мысли, что мы имеем мудрого руководителя, с которым легко прийти к соглашению, который желает добра, стремится единственно к добру и с прямотою высокой души соединяет в себе силу познаний и опытности!»[32]

Каподистрия был представителем преследуемой, гонимой и истребляемой греческой аристократии, живым осколком Византийской империи, некогда простиравшейся на территориях теперешней Малой Азии, Среднего и Ближнего Востока, Восточной Европы. Греки первыми приняли удар османских войск, позже завоевавших огромные территории, насаждавших

мусульманство в исконно христианских странах, огнем и мечом подавляя акции протеста, стихийные восстания. Жертвы террора искали защиты и убежища среди единоверцев, в первую очередь — в Российской империи.

Каподистрия был одним из них. О его драматической судьбе нашим современникам почти ничего не известно, а это был удивительный человек[33]. Оказавшись в изгнании, он не стал приспособленцем, не подыскивал тихое место и не уклонялся от конфликтов ради сохранения собственного положения. Это был человек действия, целеустремленный, волевой, с сильным характером. Он «усвоил себе интересы России несравненно глубже и вернее, чем большая часть правительственных лиц, его современников»[34].

Дипломат блестящих способностей и редкой проницательности, Каподистрия понимал, кто и в какой мере делал Россию орудием в достижении целей европейских монархий, нанося ущерб ее национальным интересам. По окончании войны 1812–1815 годов он пытался обратить внимание государя на зыбкость политических итогов военной победы над Наполеоном. Но ни в одном из затрагиваемых им вопросов не встретил поддержки. Став лидером Священного союза, Россия, по мнению Каподистрии, получила редкий исторический шанс использовать свое политическое влияние, чтобы радикально, без особых военных усилий, решить вопрос национального освобождения христианских народов Европы, подвергавшихся геноциду и насильственной исламизации. Эта вековая цель российского императорского дома была в тот момент весьма близка к осуществлению. Но и в этом вопросе к Каподистрии не прислушались.

Из века в век процесс национально-религиозной перековки христиан осуществлялся кровавыми методами, поражавшими своим размахом и жестокостью. Чтобы представить формы и масштабы геноцида в отношении греков-христиан уже в XIX веке, достаточно осмыслить такой исторический факт. В 1820 году подавление восстания греков на европейских территориях началось с варварской акции устрашения. Несмотря на энергичные протесты европейских держав, шесть главных иерархов Православной церкви во главе с епископом Константинопольским были мученически казнены в Стамбуле — повешены в своем торжественном церковном облачении над вратами христианских храмов. Восстание на Балканах оказалось потопленным в крови.

Каподистрия не был революционером, «карбонарием», каким его пытался представить австрийский канцлер Меттерних. Он был

ревностным сторонником освобождения Греции путем скоординированных действий европейских держав. Поняв тщетность своих усилий, оклеветанный Каподистрия оставил службу в России. Поселившись в Женеве, он занялся консолидацией сил греческих патриотов, сбором средств на нужды освобождения родины и добился-таки желанной цели. Ценой новых и больших жертв, понесенных Россией в войне с Турцией, был подписан Адрианопольский мирный договор. Главный его итог — признание права народа Греции на религиозную самобытность и национальную независимость.

Четыре года жизни, вплоть до своей трагической гибели, Каподистрии удалось посвятить созданию независимой Греческой республики. Он стал первым президентом Греции. Строительство республики велось в условиях разрухи и междоусобиц, когда казна была пуста, а земледелие и торговля заброшены. Первым делом необходимо было создать органы управления, установить законность и порядок. Строгость и жесткость в наведении порядка, решительное пресечение анархии и преступности, меры по достижению согласия имели широкую поддержку в народе.

Созидательные устремления Каподистрии были остановлены на середине пути. Первый президент Греции стал жертвой тайной политической интриги, целью которой было удержать молодую республику в орбите западного влияния. Братья Мавромихали, совершившие подлое убийство Каподистрии, были растерзаны разгневанной толпой. Через шесть месяцев после гибели Каподистрии его прах навсегда упокоился на острове Корфу, где и теперь сохраняется его склеп.

Отставка Каподистрии, его расставание с Россией, как и уход из жизни, не означали, однако, забвения его политической программы. Российская действительность, международные события, извлекаемые из них уроки так или иначе подтверждали жизненную силу идей Каподистрии. Для мыслящих людей его взгляды и в мрачные времена николаевской эпохи сохраняли привлекательные черты. Программа, в которой, независимо от внешних обстоятельств, отдавался приоритет национальным интересам России, не могла не иметь стойких последователей. Одним из них всю жизнь оставался Горчаков. Каподистрия стал для него непререкаемым авторитетом, кумиром его жизни. Мраморный бюст Каподистрии, выполненный по заказу Горчакова, все годы службы находился в кабинете министра. В своем кратком завещании Горчаков упоминает этот бюст среди немногих бесценных для него предметов: «Завещаю Министру иностранных дел бюст графа Каподистрия и прошу хранить его в память обо мне в Санкт-Петербургском главном архиве»[35].

Такая верность отверженному политику (а отнюдь не только принадлежность к поколению декабристов и близость к опальному Пушкину) и была истинной причиной служебных неприятностей и препон, которые чинили Горчакову на его весьма длительном карьерном пути. Нессельроде давно заприметил его — не только как успешного молодого дипломата, но прежде всего как последователя Каподистрии, носителя его идей.

Недоверие, испытываемое Каподистрией к политике Меттерниха, в равной мере было присуще и Горчакову. На его глазах развертывались противостояние и борьба, плелись интриги, смыслом которых было отстранение Каподистрии, а затем и забвение его политической программы.

Нет ничего странного в том, что Горчаков ощущал пристальное внимание начальства. От него ждали промахов, поскольку он был одним из тех, кто понимал подлинный смысл событий, затевавшихся тогда Меттернихом и подвластным ему Нессельроде. Однако Горчаков не потерял себя, не разменял свою судьбу на суету и мелочи жизни, не утратил своих способностей, а, напротив, развивал и углублял их. Горчаков чувствовал свое высокое предназначение и всю жизнь не расставался с надеждой быть востребованным. Ждал, когда наконец сможет войти в мир больших целей и великих свершений. Сохранившиеся свидетельства, хотя и весьма разноречивые, подтверждают, насколько трудным, но закономерным было движение Горчакова к вершинам государственной службы.

Правда истории требует объективности. Нет причин представлять Горчакова бесконечно гонимым и преследуемым высокопоставленными недоброжелателями. Определенно можно утверждать, что начальство его не жаловало, хотя мы не можем знать наверное, насколько оно было необъективно и давал ли к этому поводы сам Горчаков. Понятно, что проявления строптивости и инакомыслия в те времена пресекались беспощадно. Ключевые персоны государства не имели права вызвать хотя бы малейшее сомнение в своей личной преданности непосредственному начальству. Что было делать молодому и энергичному дипломату в ситуации, когда Нессельроде, казалось, навек занял свой пост, не оставив никаких шансов заменить его на протяжении четырех десятилетий? Удивительно ли, что честолюбивый Горчаков, не желавший мириться с подобным положением дел, вызывал к себе неоднозначное отношение власти?

Между двумя событиями — назначением в Лондон в 1822 году, как раз тогда, когда Каподистрию выпроводили в отставку, и началом деятельности Горчакова в качестве посланника при

Вюртембергском дворе — пролегли долгие годы. Политические коллизии того времени, изгибы личной судьбы формировали и закаляли личность Горчакова. Двадцать лет, проведенные в тени, в ожидании настоящего дела, дают повод судить о нем не только как о человеке особой судьбы, но и как об удивительно стойкой и последовательной в достижении своих целей личности. Он не растратил своих честолюбивых устремлений, не надломился, не ожесточился. Не имея возможности продвигаться вверх, двигался вглубь, обогащаясь знанием европейской культуры, навыками политического общения. Годы службы в Италии, которая в то время была «политической провинцией» и где Горчаков провел около восьми лет, не прошли даром, ведь Флоренция, где обосновался Горчаков, была Меккой европейской культуры.

Все, кто знал его в ту пору, отмечают поразительную работоспособность и широту увлечений российского поверенного в делах. Его интересовали история культуры, живопись и архитектура, он совершенствовался в знании иностранных языков, при этом стараясь поддерживать связь с видными российскими и итальянскими политиками, литераторами, художниками.

В рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) хранятся письма Горчакова к Жуковскому. Их немного, всего одиннадцать, но охватывают они весьма протяженный период — с 1833 по 1850 год. Содержание писем позволяет предположить, что их было значительно больше, да и общение Горчакова с Жуковским включало в себя, вероятно, гораздо более широкий круг тем. Однако уже из дошедших до нас писем видно, насколько духовно близки были эти два совершенно разных человека и как высоко ценил Горчаков дружеское расположение Жуковского, место которого в отечественной словесности было для него очевидным.

«От души благодарю вас, почтеннейший Василий Андреевич, за дружеское воспоминание, хорошие о себе вести и присылку «Новоселья»[36], — писал Горчаков. — В нем нашел, по слабому моему разумению, *большие чудеса.* Впрочем, оклад, в который воткнуты крупные алмазы Жуковского, Пушкина, Вяземского и Крылова, всегда драгоценный, второму и третьему благоволите при случае замолвить за меня дружеское словечко. — Желал бы взамен прислать вам что-нибудь итальянского произращения, но мы очень бедны: лучшие произведения последних времен, или, правильнее, les moins mauvaises <наименее плохие *(фр.)*>, суть, верно, вам известно, Записки Сильвия Пеллико и Гектора Фиерамоска исторический роман Promessi sposi <«Обрученные»>, который некоторые ставят выше сочинения Манцони, на что я совсем не согласен. — «Страшный суд» гравировался в Милане славным Лонгием <Лонги>, но он умер, не совершив еще до половины своего труда, а по сие время никто не посмел взяться за его резец…»[37]

Вот еще один отрывок из письма Горчакова: «Душевно благодарю за драгоценный подарок. Гомер и Тацит всегда были любимыми моими писателями. В смиренном простодушии первого, в энергии второго — нечто родственное со славным нашим русским народом. Радуюсь случаю читать «Одиссею» в родном и прекрасном языке. Удалось Германии, доставившей вам досуг, хотя одну нам оказать услугу…»[38]

Две эти короткие цитаты свидетельствуют об искреннем интересе Горчакова к литературным явлениям времени. Высокий вкус, чувство прекрасного с молодых лет были свойственны его разносторонней натуре. Юношеская дружба с Пушкиным навсегда соединила его с русской литературой, а длительное пребывание за границей — с искусством Западной Европы.

За годы дипломатической службы Горчаков собрал превосходную коллекцию живописи и предметов прикладного искусства, которая уже при жизни составила ему славу высокого ценителя прекрасного, покровителя муз. Отлично понимая, что полотна старых мастеров давно обрели своих владельцев, Горчаков предпочел собирать произведения современных ему художников, причем только те, которые соответствовали его эстетическим запросам[39].

Собрание князя Горчакова состояло из работ художников, представляющих бельгийскую, голландскую, австрийскую, итальянскую, испанскую, немецкую, французскую и швейцарскую школы. Среди них были картины старых мастеров, таких, как Антонис Ван Дейк, Адриан де Велде, Жан-Батист Грез, Иоганн Дрехслер, Альберт Кейп, Клод Лоррен, Лукас ван Лейден и других,

а также работы художников XIX века: Эугена Франсуа де Блока, Эжена Жозефа Вербукховена, Луи Галле, Иоханнеса Босбоома, Куккука, Кнейпа, Пьера Прюдона, Теодора Руссо, Эмиля Беранже и многих других.

Вот как писала о высокопоставленном собирателе картин газета «Иллюстрация» в 1860 году: «Князь — человек вполне просвещенный и изящного вкуса, понимает и любит все прекрасное. У него одна из лучших картинных галерей древней и новейшей школы, и он много содействовал распространению любви к искусствам в своем отечестве… "Поощряйте искусства, — говорит он часто друзьям своим, — это самый благородный способ тратить свои деньги, и помните, что от чувства до добродетели только один шаг"»[40].

Правда, от своей «артистической слабости» ему впоследствии пришлось отказаться: высокое государственное положение министра, требовавшее полной отдачи, не позволяло уделять этому занятию достаточно времени. Но коллекция, собранная Горчаковым за годы пребывания за границей, вызывала восхищение у современников, став ярким явлением художественной жизни. «Что скажешь о князе Горчакове? — писал своему знакомому один из его современников в пору, когда еще ничто не предвещало государственного возвышения российского дипломата. — Недостает слов, которыми можно было бы передать восхищение людьми, подобными ему, использующими свои возможности столь достойно, умно и великодушно»[41].

Натуре Горчакова было свойственно и многое другое. Он был удивительно чутким человеком, свято чтившим память о лицейском времени. Об этом свидетельствует следующий факт. Как известно, Корсаков, один из лицеистов первого выпуска, был в числе тех, кто вместе с Горчаковым и Пушкиным поступил на службу в дипломатическое ведомство. Впоследствии он получил назначение в Италию, где по нездоровью закончил свой жизненный путь. Спустя годы Горчаков разыскал его могилу и на свои средства соорудил небольшой надгробный памятник лицейскому товарищу.

Обаяние, которое излучал Горчаков, изысканные манеры, своеобразная аура, которую ему удавалось создавать вокруг себя, умение завораживать собеседников интересным разговором производили на окружающих поистине магическое действие. Энциклопедические знания, общительность, широта души, способность находить совпадение во взглядах, настраиваться на доверительный разговор — эти качества сближали его с разными людьми, позволяя устанавливать тесные связи, даже дружеские отношения с элитой тех стран, где он служил. В те годы

формировался политический багаж дипломата Горчакова. Близкими ему по духу людьми, с кем Горчаков, став министром, поддерживал добрые отношения, были: Камилло Бенсо Кавур (1810–1861), граф, государственный деятель и дипломат Сардинского королевства, лидер либерального течения итальянского движения за освобождение и объединение Италии; Уильям Гладстон (1809–1898), премьер-министр Великобритании в 1868–1874, 1880–1885, 1886, 1892–1894 годах; Луи-Адольф Тьер (1797–1877), глава исполнительной власти с февраля 1871-го, в 1871–1873 годах президент Франции, известный историк.

Имелось немало и других видных политиков, с кем Горчакову не составляло труда находить общий язык. Вот как значительно позже, в 1857 году, описывал свои впечатления от общения с Горчаковым испанский дипломат Хуан Валера: «В течение… разговора, длившегося три или четыре минуты, я был скромен, а князь, как всегда, блистателен и любезен. Даже если он станет говорить о моркови, то будет держаться глубокомысленно: хмурить брови, строить гримасы (а рот у него ужасный и огромный, как кратер вулкана), бросать пронзительные, испытующие взгляды сквозь очки (глаза же у него навыкате и очень живые) и производить тысячу элегантных, аристократических жестов своими длинными, худыми руками (кисти рук некрасивы, хотя и ухожены); тело его тоже все время в движении. Я смотрел на него очень внимательно и с большим почтением и про себя отмечал некрасивость, бросающуюся в глаза, особенно если находишься рядом и никуда не спешишь. Мефистофель, наверное, был таким же, когда метался с доктором Фаустом».

В пристальном внимании к мельчайшим деталям, к манере ведения Горчаковым диалога испанский дипломат невольно отметил уникальную особенность, свойственную поведению политиков большого масштаба, — сам предмет беседы как бы ускользает, отступая на задний план. Это же отмечал и другой современник будущего канцлера — французский политический деятель Эмиль Оливье: «Это человек среднего, скорее высокого, чем низкого роста, не очень правильные мелкие выразительные черты лица, тонкие губы прозорливого скептика, глаза, искрящиеся остроумием за стеклами золотых очков, лицо, озаренное мыслью, которая то и дело давала о себе знать в добродушных или колких остротах; его разговор очаровывал. Он об этом знал и любил ему предаваться, ему нравилось, когда его называли оратором, сожалели даже, что в России для него не было трибуны»[42].

За годы, проведенные за границей, окончательно сложились

его взгляды как политика и дипломата на современный ему мир. Революционные брожения в Италии, нараставшие там социальные конфликты побуждали анализировать и сопоставлять причинно-следственные связи, природу противоречий между властью и народом. Именно тогда Горчаков начал понимать, в какой мере недальновидные действия правительств повинны в возникновении национальных катаклизмов. И все же, несмотря на накопленный политический опыт, не все складывалось, как хотелось — по вполне понятным теперь причинам. Перспективы дальнейшего служебного продвижения для Горчакова в какой-то период оказались сужены до предела. Назначение в Вену советником посольства при австрийском дворе не сулило ничего хорошего: здесь его ожидали встречи с Меттернихом, идейным противником Каподистрии. Австрийский канцлер находился тогда на вершине славы, занимая господствующее положение на арене европейской политики. Однако именно отсюда начался взлет карьеры Горчакова, чему способствовал целый ряд различных, несопоставимых по масштабу и значению событий.

Первым в их ряду может считаться женитьба князя в 1838 году на Марии Александровне Мусиной-Пушкиной, урожденной княжне Урусовой. О том, почему так долго не налаживалась личная жизнь Горчакова, достоверных сведений нет. Возможно, этому мешали материальное неблагополучие и длительное пребывание за пределами родной земли. Кратковременные приезды в Санкт-Петербург заполнялись служебными делами, не оставляя времени найти достойную спутницу жизни. Вполне вероятно, что в соответствующих домах Горчакова не воспринимали как человека, способного составить достойную партию, поскольку ни служебное, ни финансовое положение князя никак нельзя было назвать блистательным. Состояния у него не было, по «Табели о рангах», согласно которой и выплачивалось чиновничье жалованье, он занимал одну из низших ступеней, из тех, которые было труднее всего пройти. Потребности начинающих чиновников, обусловленные соблюдением светских традиций и правил этикета, заметно превосходили их материальные возможности. Низшие классные чины обязаны были, не считаясь с достатком, иметь подобающее их общественному положению жилье, прислугу, приличествующую одежду и аксессуары для появления в свете, принимать гостей и, как замечал сам Горчаков, в особо важных случаях «разъезжать в карете цугом с форейтором».

«Необходимость для государственных служащих придерживаться образа жизни, обусловленного обстоятельствами и общественным мнением, ставила тех из них, кто не обладал

наследственным состоянием и не занимал старших должностей, в трудные, часто унизительные условия, — вспоминал он позднее. — Разница в размере содержания старших и младших служащих одного учреждения могла быть десятикратной, а то и более»[43].

Итак, можно лишь гадать, почему Горчаков женился так поздно, в сорок лет, и взял в жены вдову с тремя детьми от первого брака. Тремя красавицами-невестами сестрами Урусовыми в начале девятнадцатого столетия восхищались не только в Москве, но и в столице. И в юные годы, и в замужестве Мария Александровна была чрезвычайно привлекательна, одарена талантами, прекрасно образована. Получив предложение графа И. А. Мусина-Пушкина, героя Отечественной войны, она вышла за него замуж. Семейство это было украшением московско-петербургского общества.

Обаяние Марии Александровны покорило и Пушкина. В 1828 году он посвятил ей замечательное стихотворение «Кто знает край, где небо блещет…», которое завершают строки:

Скажите мне: какой певец,
Горя восторгом умиленным,
Чья кисть, чей пламенный резец
Предаст потомкам изумленным
Ее небесные черты?
Где ты, ваятель безымянный
Богини вечной красоты?
И ты, харитою венчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?
Забудь еврейку молодую,
Младенца-Бога колыбель,
Постигни прелесть неземную,
Постигни радость в небесах,
Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках.

Горчаков сблизился с Мусиной-Пушкиной, когда, уже будучи вдовой, она гостила в Вене у своего дяди, посланника при австрийском дворе, Д. П. Татищева. Мария Александровна родила Горчакову двух сыновей. Брак их был поистине счастливым. Княгиня была художественно одаренной натурой. До нас дошли талантливо исполненные ее рукой акварели. На одной из них изображена идиллическая атмосфера посольского салона в доме Татищева, где в крайнем левом ряду угадываются фигуры двух влюбленных — Марии Мусиной-Пушкиной и Александра

Горчакова…

В воспоминаниях духовника Горчакова протоиерея Базарова сохранилось свидетельство того, каким был будущий российский канцлер в один из наиболее драматических периодов своей жизни, когда «промысел Божий производил над ним <Горчаковым> сильную операцию, готовя сделать из него сосуд, избранный для нового, более почетного употребления». В этих воспоминаниях подробно рассказывается о том, как внезапно заболела Мария Александровна, как она умирала, как после ее смерти Горчакову пришлось воспитывать и устраивать детей. Главное в этих записках — непосредственные впечатления. Они приоткрывают душевное состояние Горчакова, атмосферу в доме в наиболее мрачный период его жизни, когда фортуна, казалось, забыла своего любимца.

После смерти жены Горчаков долго находился в глубокой депрессии, потеряв интерес ко всякой деятельности. Однако молитва, обращение к Богу помогли ему вернуть душевные силы, выстоять, возвратиться к жизни. И хотя Горчаков пережил свою жену на 27 лет, в своем завещании он написал такие слова: «Где бы я ни умер, желаю, чтобы тело мое было предано земле возле всегда горячо любимой и оплакиваемой жены моей, в общей ограде».

Правда, поначалу роман советника Горчакова с племянницей всемогущего посла в Вене, его намерение вступить в брак натолкнулись на яростное сопротивление Татищева. Втайне движимый имущественными соображениями, посланник под предлогом большой разницы в возрасте (по некоторым данным, Мария Александровна была старше Горчакова на 17 лет) чинил всяческие препятствия их браку. В интриги было втянуто и петербургское начальство Горчакова. Было сделано все для того, чтобы пребывание в австрийской столице для молодоженов оказалось невозможным. Посыпались придирки, обвинения в превышении полномочий в период, когда посол, возложив на Горчакова свои обязанности, находился в отпуске. Дерзкое поведение дипломата, к тому же имеющего не слишком благонадежное прошлое, послужило кое для кого удобным поводом. Горчаков был поставлен перед выбором: либо личное счастье, либо отставка. Здесь дали о себе знать и гордость, и стремление не уронить собственного достоинства. 25 июля 1838 года Горчаков такое заявление написал, и отставка была принята. Молодое семейство возвратилось в Петербург. Более двух с половиной лет карьерный дипломат, обладающий превосходными способностями, оставался не у дел. Потребовались долгие месяцы ожидания, чтобы восстановиться на службе и получить новое

назначение.

«Вставить ногу в стремя», как выразился в кругу друзей Горчаков, позволили настойчивые ходатайства родственников перед Николаем I. Среди хлопотавших была и свояченица, весьма влиятельная при дворе фаворитка Николая I княгиня С. А. Радзивилл.

После долгих проволочек Горчаков получил назначение в одно из тридцати восьми независимых «лоскутных» государств тогдашнего Германского союза — Штутгарт, став посланником при Вюртембергском королевском дворе.

Предложенное Горчакову место не имело такого значения, как другие российские представительства в столицах Европы, где царила дипломатическая активность. И все же Вюртембергский двор был известен своими давними родственными связями с российской короной. Это обстоятельство впоследствии оказалось для Горчакова весьма благоприятным. Скромная по тем временам должность в Штутгарте в конечном счете стала началом нового, более продуктивного этапа жизни.

В первые же годы пребывания в Штутгарте Горчаков получил весьма деликатное поручение от самого Николая I. Династические браки — явление, порожденное не высокомерием коронованных особ, желающих сохранить чистоту королевской крови. При заключении таких союзов главное — их политическая подоплека. Судьба великой княгини Ольги Николаевны, средней дочери Николая I, не стала исключением.

Идеи легитимизма, которые исповедовал Священный союз, были главным связующим звеном между составлявшими его государствами. Скрепить этот союз должны были кровные узы, соединяющие семьи правителей Европы. Николай, состоявший в близком родстве с правящим домом Пруссии, прочил в мужья своей дочери Ольге наследника престола другого крупного государства-союзника — Австрии. Не случайно первый выход юной великой княжны в большой свет произошел в 1835 году в Праге, когда на балу присутствовал австрийский император с семьей. Однако, несмотря на фурор, произведенный 13-летней Ольгой, в Австрии иначе расценивали перспективы этого брака. Внутренние противоречия Священного союза, боязнь осложнить отношения с другими крупными европейскими государствами заставляли относиться к подобным шагам с особой осторожностью. Предложение, исходившее от русского царя, было под благовидным предлогом отклонено.

Отказ оскорбил не только царское достоинство Николая, но и отцовские чувства — он очень любил дочь. К тому же в семье Романовых не могли забыть участи несчастной сестры царя,

Александры, которая не пережила подобного оскорбления. Учитывая все эти обстоятельства, становится понятной деликатность данного Горчакову императором поручения: ему следовало найти жениха для великой княжны.

Знакомство Горчакова с влиятельными персонами из окружения Вюртембергского королевского двора призвано было сыграть в этом деле неоценимую роль. Он, например, был весьма дружен с наследным принцем Лейхтенбергским, состоявшим в браке с великой княжной Марией Николаевной, старшей дочерью и любимицей Николая I. Это в ее честь в Петербурге были воздвигнуты носящие и теперь ее имя Мариинский дворец, Мариинский театр…

В переговорах о возможном вступлении в брак великой княжны Ольги Николаевны, помимо Горчакова, участвовало немало сочувствующих и посредников, и эти переговоры наконец увенчались успехом. Ольга Николаевна стала кронпринцессой Вюртембергской. Ее знакомство с будущим мужем, помолвка, бракосочетание, переезд на новое место, обустройство, привыкание к новой обстановке, стилю чужой жизни были предметом неослабного внимания российского посланника. В первый год после замужества, в 1847 году, сестру навестил старший брат, наследник престола цесаревич Александр. Здесь состоялось знакомство будущего императора Александра II с Горчаковым — российским посланником при Вюртембергском дворе. Судьба предоставит им в дальнейшем возможность деятельно сотрудничать в трудные времена всеевропейской смуты.

Великая княгиня Ольга Николаевна от природы была наделена уравновешенным нравом. Она росла в исключительно благоприятной для духовного развития атмосфере, а ее наставником и учителем был крупнейший русский поэт и просветитель Василий Андреевич Жуковский.

Ольга Николаевна заслужила репутацию одной из самых душевных властительниц Европы. Делать добро стало для нее жизненным кредо. Один только перечень благотворительных учреждений, организованных великой княгиней Ольгой, мог бы составить целую страницу. Усилиями королевы Вюртембергской в Штутгарте и окрестностях были созданы ясли, приют для маленьких и грудных детей, лечебница для больных детей и учеников, общество спасения младенцев, женское общество попечения о детях без надзора, николаевское попечительство о слепых детях, глазная лечебница для бедных, кружки, школы и, наконец, королевский институт Ольги в Штутгарте, с программой благотворительности для больных и страждущих. В европейских

кругах ее называли «виртуозом благотворительности», а среди соотечественников она заслужила ласковое прозвище «солнышка для русских».

В годы революционной смуты 1848 года толпа, пытаясь взять приступом Вюртембергский королевский дворец, вплотную подошла к его стенам. Кронпринцесса Ольга вышла на балкон и обратилась к толпе с умиротворяющими словами. «Я, — спокойно произнесла она, — дочь императора Николая I и поэтому ничего не боюсь: он обеспечит мою защиту». Достоинство и смелость кронпринцессы так подействовали на толпу, что она вдруг угомонилась и собравшиеся разошлись по домам.

Ольге Николаевне Романовой, королеве Вюртембергской, было доступно понимание новаций, которых требовало время. В меру сил она была сподвижницей и помощницей брата Александра, поддерживая его реформаторские устремления. Однако ее главная историческая заслуга состоит, быть может, в том, что она сумела по достоинству оценить Александра Горчакова, открыв ему путь к успешной карьере. Благодаря Ольге Николаевне императорский двор узнал, как Горчаков мыслит и какие идеи продвигает. К нему начали наконец прислушиваться, ему стали доверять. Интересно, что духовником в ту пору и у великой княгини Ольги, и у Горчакова был один и тот же священник — протоиерей Н. И. Базаров.

Революционная волна 1848–1849 годов, прокатившаяся по странам Центральной Европы, обострила всеобщий системный кризис. Европе пришлось вспомнить о порядком подзабытых итогах европейских конгрессов 1820–1822 годов, на которых председательствовал еще Александр I, ибо координация усилий по защите монархий от народных волнений и революций вновь стала делом как никогда актуальным. Время потребовало от России больших политико-дипломатических усилий. На преодоление создавшейся угрозы была нацелена не только военная мощь Российской империи — в процесс урегулирования были вовлечены влиятельные государственные политики и дипломаты. Ставилась задача выправить ситуацию, консолидировать силы европейских монархов. Цесаревич Александр Николаевич, выполняя волю отца, находился в центре событий, нанося визиты в европейские столицы с целью помочь урегулировать кризис. События 1848–1849 годов, поворотные в дипломатической судьбе Горчакова, стали серьезным испытанием для будущего российского императора. Одним из поручений наследнику престола великому князю Александру Николаевичу было добиться помилования мятежных венгерских генералов во главе с Гёргеем, сдавшихся русским войскам. Вполне допустимо

предположить участие в этом деликатном деле и Горчакова.

Время не оставило серьезных свидетельств эффективности политико-дипломатических усилий будущего российского самодержца. Не так-то просто было определить в ту пору, где, когда и в каком регионе могло быть оправданным участие России в военных операциях против восставших, однако можно сказать наверняка, что именно благодаря ее участию положение удалось стабилизовать, тем самым предотвратив, в частности, крушение империи Габсбургов, когда в 1849 году русские войска под командованием генерала Паскевича подавили вооруженное восстание в Венгрии.

Дни и месяцы пребывания в накаленной атмосфере кризиса, как известно, сближают людей, связанных одной целью. Будущий российский император по-настоящему увидел и оценил Горчакова в деле. Жизнь текла в столкновении и сопоставлении мнений. Поискам выхода из тупиковых ситуаций, как водится, способствовали многочисленные встречи, беседы, переговоры. Здесь Горчаков всегда был на высоте. Безукоризненное поведение, незаурядные способности открыли наконец для императорского дома Горчакова-политика. Тогда-то в царском окружении произошел окончательный перелом в восприятии достоинств его личности. По-иному стали относиться к нему и в политических кругах Санкт-Петербурга. Это было очевидно и для самого Горчакова.

Его донесения стали регулярно попадать в доклады Николаю I, подтвердившему свое расположение к Горчакову рядом наград, врученных ему, по сути, в течение одного месяца 1849 года. За заслуги в преодолении революционных событий в Европе он получил в марте орден Святой Анны I степени, затем орден Святого Владимира II степени. В августе — «Знак отличия за 30 лет беспорочной службы».

До вступления в должность министра иностранных дел оставалось еще немало лет, но Горчаков постепенно обретал все больший вес, и положение его становилось все более прочным. Российский императорский двор, воспринимая его как свое доверенное лицо за границей, поручал ему решение весьма важных вопросов межгосударственного характера. Людей с дарованиями, какими обладал Горчаков в ту пору, в российском МИДе было немного. Способных же эффективно вести дела за рубежом можно было сосчитать по пальцам.

В 1850 году Горчаков был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Германском союзе с сохранением прежнего поста. Де-факто же он становится послом России в Европе. Российское посольство в Штутгарте

превратилось в центр европейской дипломатической активности, сюда непременно наносили визиты представители именитых европейских фамилий. Подробные рассказы о проводимых российским посольством роскошных и весьма представительных приемах часто печатались на страницах многих газет.

На свои традиционные обеды посол приглашал представителей различных государств, блистая в присутствии избранного общества своими знаниями и остроумием. Он цитировал наизусть целые строфы из Шиллера, Байрона и русских поэтов. Имя Горчакова было в центре внимания штутгартских и франкфуртских салонов. В тот период он особенно увлекался своими светскими обязанностями и блеском своей личной и общественной жизни. Это был один из лучших периодов его жизни.

Однако триумф российского посла был непродолжителен, ибо покоился на весьма зыбких основаниях. Любой успех России был сопряжен с неизбежным ущербом для самолюбия держав Европы. Вмешательство России во внутренние дела других государств порождало у европейских монархий болезненные комплексы, ощущение зависимости от русского оружия, а значит, и от царя. Общественное мнение, сложившееся в ряде стран по отношению к Николаю I, было негативным. Россия выполнила роль европейского жандарма, применив свою военную машину, хотя это и было сделано согласно прежним договоренностям. Европейская печать писала, что Николай I играет роль «европейского полицеймейстера, который вздумал предписывать всем императорам и королям, каким образом они должны действовать и поступать»[44]. Всеобщее недовольство усилилось после того, как на переговорах в Ольмюце под политическим давлением России Пруссию вернули в Германский союз, где лидирующую роль в ту пору весьма неуверенно играла Австрия.

Однако сам Николай I считал себя спасителем Европы Как вспоминал будущий министр народного просвещения А. В. Головнин, «государь Николай Павлович являлся везде каким-то начальником; ему делали самые торжественные встречи, принцы крови съезжались, чтобы представиться ему, он осматривал войска, раздавал иностранным генералам и офицерам ордена, раздавал множество денег, давал министрам ряд наставлений, ласковый прием его высоко ценился, невнимание очень огорчало»[45] Такое отношение вызывало у императора приятное головокружение, искажало представление о реальности В итоге российский самодержец стал полагать, что может оказывать безграничное влияние на европейские государства Между тем рассчитывать на благодарность и тем более политическую

зависимость европейских стран было по меньшей мере наивно К исходу четырех лет со времени тех событий ситуация вокруг России незаметно, но существенно изменилась Первым сигналом этого изменившегося отношения стал так называемый международный «спор о ключах»

В 1852 году Горчаков на долгое время направился во Францию, где наблюдал процесс восстановления в стране имперского правления, а затем подключился к разрешению внезапно разгоревшегося международного спора вокруг святых мест в Палестине В конфликт, спровоцированный французским консульством в Иерусалиме, оказались вовлечены местные католики и православные христиане, которым со времен крушения Византийской империи покровительствовал российский император

Вопрос о том, кому должен принадлежать приоритет в доступе к христианским святыням — Вифлеемской пещере, где, по преданию, родился Христос, и Храму Гроба Господня в Иерусалиме, вызвал серьезное противостояние между Францией и Россией

Проблема выходила далеко за рамки церковного спора Речь шла о лидерстве в христианском мире, которое определялось обладанием ключами, дающими право доступа к святыням. Ситуация здесь никогда не была стабильной, поскольку османский режим менял позицию в зависимости от военно-политической ситуации в Европе и расклада сил среди влиятельных христианских государств

Конфликт удалось лишь пригасить Была достигнута договоренность о совместных усилиях двух сторон с целью благоустройства Святых мест, в частности об их участии в восстановлении купола над Храмом Гроба Господня, который оставался разрушенным после пожара 1808 года Был также подписан временный протокол, обеспечивающий доступ к святыням

Тлеющий характер религиозного противостояния изменился к 1853 году, когда Николай I заговорил о необходимости дележа наследства «бедного больного», каким русский император считал Османскую империю. Конфликт перерос в масштабную войну с Портой. Ее неизбежный распад в политических кругах Европы прогнозировался многими, но предоставить одной России право довершить этот процесс европейское сообщество никак не хотело. Николай I допустил серьезный политический просчет. Его неколебимая вера в прежних союзников, надежды если не на поддержку, то хотя бы на их дружественный нейтралитет не оправдались.

Представления о навсегда зависимом положении монархических дворов Европы от мощи русского оружия становились опасными. Революционные события 1848–1849 годов обнажили уязвимость европейских монархий, их неспособность противостоять массовым проявлениям народного протеста. Слишком громоздкие, состоявшие из представителей самых бедных слоев населения, нацеленные на войну с другими государствами, а не со своим народом европейские армии не были способны эффективно подавлять революционные выступления в собственных странах. Однако это вовсе не означало, что европейские государства не были способны противостоять внешнему врагу. В условиях, когда национальным интересам и чести страны наносился урон, внутренние конфликты на время отступали на второй план. Небольшая победоносная война за пределами собственных границ во все времена служила для правителей хорошим средством как единения страны, так и укрепления собственной власти. Подобные планы вынашивал Луи Наполеон Бонапарт, провозглашенный в 1852 году императором французов Наполеоном III. Эти обстоятельства не мог или не хотел принимать в расчет Николай I.

Российский императорский двор жил в условиях, когда соображения государственной тайны трактовались весьма свободно, а политическое доверие превращалось в беспочвенную доверчивость. Окружение царя имело семейно-кла-новые связи с европейскими странами. Доступность любой, самой конфиденциальной информации, в том числе и государственной важности, делала страну в этом смысле вполне беззащитной. О какой закрытости в разработке и осуществлении политической или военной стратегии можно было вести речь, если, к примеру, посол России в Австрии Петр Мейендорф был зятем Буоля — министра иностранных дел этой страны, а министр иностранных дел России Нессельроде в течение десятилетий был убежденным сторонником, едва ли не креатурой австрийского канцлера Меттерниха…

Основной целью Карла Васильевича Нессельроде было сохранить за собой место, которое он занимал в общей сложности сорок с лишним лет. Царь не особенно считался с его мнением, так что, по словам академика Е. В. Тарле, входя к нему для доклада, Нессельроде никогда не знал в точности, с какими политическими убеждениями оттуда выйдет. Послы, делавшие при нем карьеру и действовавшие в самых важных пунктах — Павел Дмитриевич Киселев в Париже, Бруннов в Лондоне, Мейендорф в Вене, Будберг в Берлине, были умнее и даровитее

Нессельроде, но они следовали его указаниям и своим карьеристским соображениям, когда сообщали в Петербург иной раз отнюдь не то, что видели их глаза и слышали уши, а то, что, по их мнению, было бы приятно прочесть царю. Когда же они сообщали правду, Нессельроде преподносил ее так, чтобы не вызвать неудовольствия Николая I.

Нессельроде был человеком, склонным к миру, но перо его всегда было готово по приказу монарха строчить бумаги, прямо ведшие к войне, которую сам он никогда не одобрял, — так отзывался о нем тонкий наблюдатель, саксонский представитель при петербургском дворе граф Карл Фитцтум фон Экштедт. Французский посол в Петербурге маркиз Кастельбажак, любимец Николая, доносил в Париж: «Император Николай I — государь чрезвычайно эксцентричный. Его трудно вполне разгадать, так велико расстояние между его хорошими качествами и его недостатками… Его прямодушие и здравомыслие иногда помрачались лестью царедворцев и союзных государей… он обижается, если ему не доверяют, очень чувствителен, не скажу к лести, но к одобрению его действий». Царь умел очаровывать нужных ему людей и осыпал их милостями и любезностями; он умудрился при получении французской ноты о разрыве сношений и о войне наградить отъезжавшего в 1854 году из Петербурга Кастельбажака орденом Александра Невского[46].

В 1848 году произошли революции во многих странах Европы: во Франции, Пруссии, Австрии (в том числе Чехии, Словакии, Трансильвании, Хорватии, Венгрии, которая в результате лишилась дарованной ей прежде конституции и получила такое же управление, как и остальные части Австрийской империи); Италии, где она проходила под знаком объединения и освобождения от австрийского владычества.

Отношения России с Турцией в тот период складывались весьма неровно. Россия дважды оказала помощь турецкому султану, которому угрожал восставший против него могущественный вассал египетский паша Мухамед-Али, за что была вознаграждена заключением выгодных трактатов с Турцией.

Англия и Франция употребили все старания, чтобы ослабить русское влияние в Турции. По настоянию Наполеона III турецкое правительство отняло у палестинских греков, которым покровительствовала Россия, ключи от Гроба Господня и заведование другими святынями Палестины и передало их находившемуся под покровительством Франции католическому духовенству. Греки попросили заступничества России, Николай I потребовал восстановления традиционных прав православных греков, на что султан ответил отказом.

Осенью 1853 года русская эскадра под командованием Ушакова блокировала в Синопской бухте турецкий флот и полностью уничтожила его. В войну в качестве союзников Турции вступили Англия и Франция, а несколько позднее Сардиния. Россия обратилась за поддержкой к Австрии и Пруссии. Австрия в ответ предъявила ей ультиматум, заняв антирусскую позицию. Пруссия заняла позицию недружественного нейтралитета. Так Россия оказалась одна против всей Европы.

5 июля 1854 года в Вену прибыл новый глава российской миссии в Австрии Александр Михайлович Горчаков, заменивший своего предшественника Мейендорфа. Ему было в ту пору уже 55 лет, и он впервые получил достойно широкое поприще для проявления своих недюжинных дипломатических дарований. По признанию многих из тех, кто хорошо его знал, это был исключительно умный, даровитый и нравственно чистоплотный человек. Независимость характера и чувство собственного достоинства мешали Горчакову в его карьере, Нессельроде его не любил и долго держал на второстепенных ролях, несмотря на его живой ум и несомненные дипломатические способности. Приехав в Вену, Горчаков, будучи в полном расцвете своих умственных сил, с честью, достоинством и уменьем старался парировать вражеские удары и бороться с обступавшими его со всех сторон неимоверными трудностями. Уже на другой день после своего появления в Вене Горчаков имел долгую беседу с министром иностранных дел Австрии Буолем, главным противником России при венском дворе. Горчаков уловил полную солидарность Буоля с западными державами в вопросе о том, чтобы заменить единоличное покровительство России Православной церкви в Турции общим покровительством всех пяти великих держав (то есть Англии, Франции, Австрии, Пруссии и России) всем христианским подданным Турции вообще. Но не это больше всего занимало в тот момент Буоля. С самого начала военных действий между Россией и Турцией он продумывал следующий план действий: Австрия должна была перейти на сторону западных держав и за это получить Молдавию и Валахию, то есть богатую житницу и огромное приращение территории и могущества. Это должно было избавить ее от вечной угрозы со стороны России, усилив стратегически. Победа союзников в его глазах была предрешена.

Франц-Иосиф, убедившись, что в случае войны с Россией Германский союз не поддержит его военными силами, поспешил пригласить Горчакова, очень ласково его принял и просил не обижаться на то, что австрийские войска, воспользовавшись уходом русских войск, вошли в Валахию, объясняя этот демарш

необходимостью помочь оказавшемуся в бедственном положении населению. На самом деле венский двор начал агитировать государства Германского союза за проведение мобилизации в размере 60 тысяч человек, так что царь вынужден был считаться с тем, что на западной границе империи сосредоточивалась еще одна враждебная сила.

В Вене знали, что за невмешательство в войну против России стояла не только Пруссия, но и весь Германский союз. Здесь опасались, что после войны Николай I круто переменит свою германскую политику и станет помогать не Австрии, а именно Пруссии в ее стремлении к объединению германских государств, и такая перспектива вовсе не радовала Вену. Горчаков пытался выведать, как мыслит об этом прусский посол в Вене Альвенслебен. Но тот хитрил: Пруссии не хотелось раздражать ни Наполеона III своим отказом участвовать в конференции четырех государств об условиях мира, ни Николая I — своим согласием в ней участвовать. Горчаков понимал, что для России наступил очень опасный момент, поскольку Австрия вскоре собирается присоединиться к враждебной России коалиции. Горчаков направил царю через канцлера письмо, которое назвал «криком совести». Он пытался образумить Петербург, явно не понимавший грозивших России опасностей. Освобождать славян — хорошо, и делать это нужно непременно под нашим знаменем — но не теперь! «Час Турции еще не пробил, и поэтому мы еще осуждены сосуществовать с Портой…» «Это будет ненадолго, но в настоящий момент это неизбежно. Мир будет заключен, и Турция не исчезнет с карты Европы; мир будет менее выгодным, чем те, которые до сих пор мы заключали», но он будет необходимой передышкой, вынужденным перемирием. Венский кабинет не остановится перед войной, если Россия полностью не выведет войска из дунайских княжеств. Желая повлиять на мнение царя, Горчаков приводит даже такой аргумент: в австрийских владениях в случае войны с Россией может вспыхнуть революция. Неужели царь захочет вместе с революцией сражаться против австрийского правительства?

3 августа Горчаков подал в Петербург очень тревожный сигнал: он «самым секретным путем» узнал, что французский министр Друэн де Люис предложил создать наступательный и оборонительный союз между Францией, Англией, Австрией и Турцией и что Буоль сочувствует этому плану. Этот союз, по мнению Горчакова, имел целью «терроризовать Пруссию, заставить ее примкнуть к этой комбинации» и пропустить через свои владения французские войска в Россию, а если она откажется, то «занять военной силой Берлин»[47].

В тот же день, 3 августа, Горчаков узнал и о том, на каких условиях Франция и Англия готовы были согласиться на перемирие и начало переговоров с Россией. Обе державы требовали предварительного изъявления согласия на принятие выдвинутых еще весной четырех пунктов: во-первых, пересмотра трактата 1841 года о проливах; во-вторых, замены русского протектората над княжествами общеевропейской «гарантией»; в-третьих, свободного плавания всех судов по Дунаю; в-четвертых, уничтожения права покровительства отдельных держав своим единоверцам и замены его коллективной гарантией прав всех христианских вероисповеданий в Турции со стороны всех великих держав. Первым сообщил об этом Горчакову прусский посол Альвенслебен, и он же поделился своим впечатлением: Франция в случае принятия этих условий готова тотчас идти на перемирие, но Англия будет колебаться. По мнению Горчакова, все указанные четыре пункта были приемлемы для России. Пересмотр трактата 1841 года о проливах? Но ведь этот трактат «не есть предмет большой нашей нежности», и ведь неизвестно, чем он будет заменен. Свобода плавания по Дунаю? Это тоже дая России уступка очень легкая. Общее покровительство всех держав над Молдавией и Валахией вместо исключительно русского? Тоже ничего особенно вредного для России в этом Горчаков не видел. Наконец, общее покровительство всех держав всем христианам все-таки не помешает православным обращаться всегда именно к русскому представителю, а не к другим, не к католику-французу или австрийцу и не к протестанту-англичанину. Однако Горчаков усматривал за этими в принципе приемлемыми для России уступками такое развитие событий: Молдавия и Валахия легко могли перейти во владение Австрии, в качестве награды за предательство; и, главное, влияние России в Турции и на всем Востоке будет совсем подорвано. Но несмотря ни на что Горчаков считал целесообразным принять четыре пункта — и окончить войну.

Буоль, с одобрения Франца-Иосифа, поспешил особой нотой уведомить Францию и Англию, что Австрия вполне принимает все четыре пункта. Мало того, она взяла на себя обязательство, в случае своего вступления в войну с Россией, вести с ней переговоры на основании этих четырех пунктов.

Прусский король Фридрих-Вильгельм поддался панике, и Нессельроде 12 (24) августа доложил царю: «Пруссия, находя, что четыре пункта предложения таковы, что могут служить основанием для начала переговоров, рекомендует нам принять их». Николай I наложил следующую резолюцию: «Жалкий язык Пруссии меня не удивляет; я ожидал этого, как новой подлости с

ее стороны. Обращать на это внимание было бы ниже меня. Я не меняю ничего из того, насчет чего мы согласились, и вы можете изготовить соответствующие ответы». То есть на предложения европейских держав царь ответил отказом, согласившись принять указанные четыре пункта лишь как повод для начала переговоров. 5 августа Горчаков вновь отправил депешу, в которой настаивал на необходимости поскорее принять четыре пункта, поскольку его не оставляла надежда остановить войну. Он руководствовался тем, что Альвенслебен от имени Пруссии заявил ему, что в случае принятия четырех пунктов Пруссия будет поддерживать Россию, а Буоль от имени Франца-Иосифа заверил, что Австрия в таком случае отделится от Англии и Франции.

8 августа 1854 года четыре державы: Англия, Франция, Австрия и Пруссия подписали ноту, ставившую предварительным условием начала мирных переговоров безоговорочное принятие царем четырех пунктов.

14 (26) августа Нессельроде переслал Горчакову в Вену официальный ответ на австрийское предложение о четырех пунктах. Русский канцлер настаивал, что в свое время, объявив о выводе войск из Молдавии и Валахии, русский двор делал уступку Австрии и Германскому союзу, хотя это решение и было для России опасно, потому что давало неприятельской коалиции свободу действий и подвергало риску нападения русское Черноморское побережье. Однако на новые уступки Россия не была готова. Русские войска, руководствуясь стратегическими соображениями, перешли через Прут и вернулись в русские пределы, где и будут ждать неприятеля, «решительно защищая нашу территорию от нападений иностранцев, с какой бы стороны они ни последовали».

Незадолго до получения русской депеши в Вене происходили очередные колебания. «Политика здесь делается час за часом, в зависимости от страха, который внушаем мы, или от давления, которое оказывает Запад», — писал Горчаков канцлеру Нессельроде.

Прочтя донесение Горчакова о реакции на русскую депешу в Вене, где царили «лихорадочная нерешимость и большая растерянность», Николай написал на полях: «Вот оно и доказательство, что мы хорошо поступили». Одновременно командующему войсками на Пруте князю М. Д. Горчакову был послан приказ в случае нападения на него союзников преследовать их, снова форсируя Прут, невзирая на присутствие там австрийцев.

Франц-Иосиф уже помышлял о «сближении» и даже хотел, чтобы в целях этого сближения наладилась переписка между

генерал-квартирмейстером австрийской армий и М. Д. Горчаковым.

Три дня подряд — 3, 4 и 5 сентября (н. ст.) проходили совещания между Буолем и А. М. Горчаковым. Буоль был встревожен перспективой войны Австрии с Россией. Он взял назад свои недавние угрозы, заявив, что «глубоко сожалеет» о неправильном якобы истолковании в Петербурге роли Австрии, и выразил от имени Франца-Иосифа «живую скорбь» по поводу царского неудовольствия, решительно опровергая приписываемое ему намерение «запугать» царя.

«Запугать русского императора? Да кто мог бы возыметь такое абсурдное намерение?» — воскликнул Буоль.

«Вы!» — ответил Горчаков, умышленно державшийся во время этих бесед очень высокомерно.

После этих бесед с Буолем, отступившимся от прежних позиций, князь А. М. Горчаков наметил линию поведения на всю предстоявшую зиму («Наша дипломатическая задача в эту зиму будет состоять в том, чтобы помешать включению Пруссии и остальной Германии в орбиту Австрии»), поскольку предвидел, что именно на это граф Буоль направит все свои усилия.

В Вене даже не приободрились, узнав о приготовлениях к переправе войск союзников из Варны в Крым. Напротив, осторожному Францу-Иосифу не нравилось, что австрийцы оставались один на один с русской армией, стоявшей у Прута. Омер-паша со своим войском, по мнению австрийских генералов, хорош был лишь для обороны в крепости, но не смог бы устоять против русских в открытом поле. Что, если царь сделает Крым второстепенным театром военных действий, подготовив наступление на берегах Дуная? Что, если ироничный тон и высокомерная язвительность А. М. Горчакова были лишь дипломатическим вступлением к предстоявшим военным действиям М. Д. Горчакова сначала на Пруте, потом на Дунае, а потом в Галиции?

В первых числах сентября в Вену ненадолго приехал для прощания отозванный бывший русский посол Петр Мейендорф.

Франц-Иосиф в разговоре с ним подчеркнул, как сожалеет, что навлек на себя неудовольствие царя. В донесении от 6 сентября Горчаков сообщал: Буоль повел «медовые речи и ведет себя ягненком». Николай, отчеркнув весь абзац о Буоле, пометил на полях: «негодяй»[48]. Австрии приходилось вести двойную игру: она никак не могла поссориться с Луи Наполеоном. Горчаков твердо решил даже не вступать в объяснения с Буолем относительно четырех пунктов и дружеским речам Франца-Иосифа и Буоля не поддаваться. Факты говорили сами за себя:

письменные обязательства, связывавшие Австрию с западными державами, соглашение с Турцией о временной оккупации Молдавии и Валахии, пребывание австрийских войск в княжествах. У Горчакова были основания отказываться верить пустым словам, вызванным очередным припадком страха. Николай не только подчеркнул его слова, но и надписал на донесении приказ канцлеру: «Телеграфируйте Горчакову, что я вполне одобряю»[49].

Горчаков так излагал в донесении свою ближайшую цель: «Существенным пунктом мне продолжает казаться необходимым заставить венский кабинет высказаться так, чтобы в его нынешних интимных отношениях с Западом оказалась трещина, которая с течением времени расширилась бы и сделала бы возвращение к прежним блужданиям более трудным»[50]. Буоль, естественно, заметил это стремление Горчакова и всячески старался не попасть в западню. Горчаков настаивал, чтобы Буоль свое «раскаяние» как-то обозначил на бумаге; но австрийский министр, понимая, что эта бумага каким-нибудь образом непременно будет доведена до сведения Наполеона III, старался от этого ускользнуть и никаких письменных признаний не делал. Когда граф Буоль попросил Горчакова сообщить в Петербург о «примирительных комментариях» по поводу четырех пунктов, которые он, Буоль, желал довести до сведения царя, Горчаков рекомендовал ему самому написать в Петербург и передать депешу через австрийского посла Эстергази. Буоль, естественно, его совету не последовал.

Фридрих-Вильгельм в письме от 18 августа 1854 года горячо рекомендовал своему петербургскому шурину принять четыре пункта, доказывая их безобидность. Он ссылался на то, что и австрийский король, «превосходный Франци», теперь совсем счастлив, что русские уходят из дунайских княжеств, и если бы не подлый Буоль, который под давлением французского посла в Вене Буркнэ заставил «превосходного Франци» подписать договор с Англией и Наполеоном III, все было бы совсем хорошо. Письмо было подписано: «Ваш всецело преданный, всецело привязанный, всецело верный брат и друг Фриц». В приписке он сообщая «возлюбленному Никсу», что, если мир не восстановится, Европу охватит пожар революции.

Но ни запугивание революционным пожаром, ни заступничество за австрийского короля не возымели успеха. Революции царь не боялся, а Франца-Иосифа считал большим подлецом и предателем, таким же, как его иностранный министр Буоль.

Проживавший в мирном Дармштадте бывший русский посол

в Англии барон Бруннов, склонный к безмятежному мировосприятию, во всем происходившем умудрялся усматривать утешительные симптомы, о чем и писал время от времени в Петербург. То он убеждал Нессельроде, что Буоль вовсе не так зловреден по отношению к России и вся его беда лишь в том, что он человек «посредственный», то 1(13) сентября, за неделю до Альмы сообщал о благотворных переменах австрийского двора в отношении России. Царь написал на его восторженном письме: «Я ничуть этому не верю».

Горчаков полагал, что избежать военного выступления Австрии зимой удастся, поскольку денег в австрийской казне не было. Именно этим объяснял Горчаков предложение Франца-Иосифа, высказанное царю, воспользовавшись австрийским дружелюбием, перебросить русскую армию, стоящую у Прута, в Крым, к Севастополю, осада которого должна была начаться в середине сентября. Горчаков не доверял австрийскому дружелюбию и не советовал этому любезному приглашению следовать.

В конце сентября в Вене стали распространяться известия о битве под Альмой и отступлении Меншикова, о начале осады Севастополя, а в октябре заговорили об усилиях союзников поскорее покончить с Севастополем и о возможной потере Россией Крыма.

Граф Буоль опять круто изменил свое поведение, ибо события подтвердили его правоту в глазах Франца-Иосифа, и он получил полную свободу действий.

«Я держусь самого дурного мнения о намерениях венского кабинета относительно нас», — писал Горчаков 7 октября 1854 года в Петербург: Буоль стал держать себя вызывающе по отношению к Пруссии и Германскому союзу и давал понять, что отныне Австрия совсем не нуждается в их содействии и помощи. «Зложелательность венского кабинета по отношению к нам даже не прикрывается уже внешними формами…»

Горчаков задавался вопросом, чем объяснить такое поведение Австрии, ведь положение в стране отнюдь не улучшилось, в том числе материальное. Горчаков решительно советовал канцлеру Нессельроде (то есть царю, который читал его донесения с карандашом в руке) ожидать отныне от Австрии лишь самого худшего. Тон Буоля в беседах с Горчаковым был уже так дерзок, что становилось ясно, что он сжег свои корабли. Когда в Вене распространился ложный слух, облетевший всю Европу, будто Севастополь взят, министр внутренних дел Бах, наиболее близкий к Францу-Иосифу, «говорил направо и налево: вы видите, как мы были правы, что предпочли западный союз — союзу с этим

сгнившим зданием». Николай подчеркнул эти строки и отчеркнул это место на полях. Горчаков был встревожен таким поворотом событий и переменил свое мнение относительно перспективы вступления Австрии в войну зимой: «Если союзники будут иметь решительный успех в Крыму, Австрия сделает все, чего они от нее потребуют». Горчаков рекомендовал «угадывать линии поведения Австрии по намерениям западных держав»[51]. Как видно, Горчаков и не думал успокаивать царя и пытаться представить ситуацию лучше, чем она была на самом деле, и пытался подвести царя к мысли о возможности для России принять пресловутые четыре пункта.

В этот момент появившийся в Вене первый министр Баварского королевства фон дер Пфордтен довел до сведения австрийского императора, что Пруссия и Германский союз не могут помочь Австрии в случае ее войны с Россией и, напротив, готовы оказать ей всяческую помощь в случае возникновения конфликта с Францией. Этот демарш вызвал новую волну переговоров по четырем пунктам, которые инициировала Австрия. В случае, если Россия согласится начать переговоры на основе четырех пунктов, австрийский кабинет обещал пригласить западные державы принять участие в дискуссии, установив перемирие, и в самом умеренном духе интерпретировать эти пункты во время такой дискуссии. Если западные державы откажутся, Австрия и Германия, несмотря на эпго, обязались вступить с Россией в прямые сношения, а если совещания Австрии с Россией увенчаются успехом, Австрия обязалась объявить себя удовлетворенной и предоставить Англии и Франции без нее продолжать войну. Россия же должна была дать заверения, что, чем бы ни окончилась война, она не возьмет назад своего согласия соблюдать условия, выработанные между нею и Австрией.

Пфордтен сообщил это Горчакову, который туг же отправил депешу в Петербург. Конечно, сами условия были не вполне ясны. Буоль якобы не успел отредактировать письмо прусскому королю до отъезда Пфордтена, и Горчаков полагал, что Буоль лгал от начала до конца и собирался написать совсем не то, что обещал. Но у Горчакова появилась надежда, что при известных условиях Австрия отойдет от Англии и Франции. Слово было за царем.

Фон дер Пфордтен, уезжая из Вены, так передал через Горчакова свои опасения: «Если четыре предложения будут отвергнуты Россией, неизбежна война между нею, с одной стороны, и Австрией и западными державами — с другой, и Германия (Германский союз) неминуемо будет позже вовлечена в войну. Цель войны тогда состояла бы в реальном и длительном

ослаблении русского могущества»[52].

Донесение Горчакова, отправленное из Вены 7 ноября, 15-го было вручено канцлеру Нессельроде в Петербурге. Курьер, мчавшийся почти без отдыха из Вены в Петербург, в пути узнал о поражении России в Инкерманском сражении, о кагором еще не знал Горчаков, отправляя депешу.

Русские напали на английские позиции, понесли огромные потери и были отброшены, но они нанесли урон англичанам и те были бы уничтожены, если бы им на выручку не пришли французы и если бы не странное поведение русских военачальников, из которых один не привел в действие резервы, а другой внезапно велел отступать. Так что известию в Париже и Лондоне ничуть не обрадовались: стало очевидным, что союзникам предстоит длительная и кровопролитная война.

15 ноября Николаю доставили полученное из Вены донесение Горчакова. Теперь, после Инкермана, он на многое смотрел иными глазами. Отказ от исключительного покровительства православным в Турции, от протектората над Молдавией и Валахией, от контроля над устьями Дуная — эти три пункта, как это ни было болезненно для царского самолюбия, можно было бы в конечном счете принять. Но пересмотр договора между великими державами и Турцией означал нарушение законных прав России ограждать свое побережье от врагов, обезопасить свои границы.

Однако вечером 16 ноября Нессельроде передал Валентину Эстергази, брату австрийского посла в Берлине, что государь принял все четыре пункта.

Для Наполеона III дело зашло слишком далеко, чтобы он согласился окончить войну, не взяв Севастополя, удовольствовавшись лишь дипломатической победой. А потому Англия и Франция решили, что теперь принятия Россией четырех пунктов уже слишком мало для установления мира. Австрия, в силу сложившихся обстоятельств, пошла у них на поводу, хотя бы потому, что парижская и лондонская биржи могли нанести ряд серьезнейших ударов по и без того находившимся в плачевном состоянии австрийским финансам.

Наполеону III нужна была не мирная конференция, но взятие Севастополя, военная победа. Необходимо было добиться выступления Австрии, дав ей понять, что в противном случае она потеряет Северную Италию.

22 ноября Горчаков провел беседу с Буолем и удостоверился, что принятие Россией четырех пунктов ничего не дало. Буоль придирался к мелочам, к формулировкам, и даже после того как Горчаков заявил ему, что Россия в несущественных мелочах

готова уступить, не давал окончательного ответа.

Каждое новое свидание с Буолем укрепляло убеждение Горчакова, что Франц-Иосиф боится, согласившись на переговоры с Россией, испортить отношения с западными державами и что никакие уступки с русской стороны уже не помогут. Однако Горчаков на протяжении длительного времени пытался убедить своего австрийского коллегу в том, что Австрии гораздо менее выгодно влияние в Турции западных держав, чем России: Англия всюду подвергает чужую торговлю и промышленность жестокой конкуренции, а Франция даже пускает в ход революционные идеи (намек на антиавстрийскую агитацию в Италии). Однако Франция оказывала на Австрию серьезное давление, вплоть до прямых угроз вооруженного восстания в Италии.

Горчаков знал, что творилось вокруг Франца-Иосифа: ему доносили, что французский посол Буркнэ не выходит из кабинета Буоля, и он понимал, что необходимо как можно скорее прекратить войну. На Германский союз, на Пруссию Горчаков надеялся очень мало: недавно заключенный австро-прусский договор разрушил надежды России получить поддержку с этой стороны.

И все же договор Австрии о союзе с Англией и Францией был составлен и наконец подписан 2 декабря 1854 года. Для России эта новость была как гром среди ясного неба. Когда Буоль сразу по подписании договора сообщил его содержание князю Горчакову, тот был совершенно обескуражен.

В соответствии с только что подписанным договором в Вене должны были пройти совещания четырех держав относительно все тех же четырех пунктов. Горчаков убедительно советовал царю не отказываться от участия в этих совещаниях.

Договор от 2 декабря 1854 года ухудшил политическую обстановку вокруг воевавшей России. Отныне в любой момент Австрия могла заявить, что, поскольку мир не заключен, она обязана, согласно договору, вступить в войну. Австрийская армия, которой в мирное время России не приходилось опасаться, теперь могла сыграть существенную роль в случае вторжения в русские пределы.

7 декабря Горчаков был принят Францем-Иосифом. Аудиенция была продолжительной. Русский посол долго и убедительно разъяснял императору значение договора. Горчаков указывал, что этот договор заключает в себе косвенный, но весьма реальный ультиматум Австрии по отношению к России. Император в ответ горячо жал ему руку. На этом дело и кончилось.

15 декабря Горчаков встретился с Буолем, пытаясь добиться

допущения Пруссии к участию в предстоявшей конференции, поскольку, вопреки очевидным фактам, царь все еще надеялся на ее активную поддержку. Из этого ничего не вышло, так как союзники опасались разногласий между Пруссией и Австрией.

28 декабря 1854 года лорд Уэстморлэнд, Буркнэ, граф Буоль и А. М. Горчаков собрались на первое, предварительное совещание. Оно проходило более-менее спокойно, часть предложений союзников Горчаков принял, затем, когда стали обсуждать вопрос о преобладании России на Черном море, возник спор и Горчаков привел доводы, почему Россия не может безоговорочно принять предложение западных держав. Вот как описывает конец заседания Горчаков: «Мы встали. Лорд Уэстморлэнд снова повторил: «Значит, вы отвергаете наши предложения?» Я заметил на это, что я принял несколько пунктов и возражал против других пунктов. Господин Буоль спросил меня, не желаю ли я взять двадцать четыре часа на размышление. Я ему ответил, что если этим господам угодно делать то же самое, то я ничего так не желал бы, как того, чтобы собраться на вторичное заседание». И вдруг французский и английский представители объявили, что, поскольку князь Горчаков возражал на предложения их правительств, это равносильно отказу России участвовать в конференции «В таком случае, господа, — сказал Горчаков, — я могу только заявить вам, что настаиваю на моих возражениях». Это означало, что Австрию прямо подталкивали к войне. Однако дипломаты все же договорились ждать ответа из Петербурга.

8 января они вновь собрались вместе и Горчаков сообщил о желании царя продолжить работу конференции, а также о его согласии по ряду вопросов, вызвавших споры на прошлом заседании. Горчаков зачитал составленный им документ, который не вызвал возражений у лорда Уэстморлэнда. Тогда Буркнэ «вскричал», что ему этот документ внушает серьезные опасения и он сомневается в полезности продолжать собрание. Однако Горчакову удалось направить разговор по конструктивному руслу, и, казалось, стороны начали приходить к некоему решению Горчаков было решил, что остается только исполнить еще несколько дипломатических формальностей, собраться снова, пригласив турецкого представителя, и подписать мир. Однако у Буркнэ были твердые инструкции не соглашаться на мир, пока не будет взят Севастополь. К тому же и царь не был готов принять все условия западных держав. Он считал, что перемирие невозможно, пока союзники не очистят Крым и не снимут с Севастополя осаду.

Между тем приближалось 1 января 1855 года, дата, после

которой, не договорившись с Россией, Австрия обязана была вступить в войну. В этих обстоятельствах Горчаков испросил личной аудиенции у австрийского императора и был им принят в начале января 1855 года. Аудиенция длилась два часа, но и этот разговор ничего не дал.

Конференция все продолжала свою работу, хотя позиции сторон не сближались.

10 января 1855 года Сардиния присоединилась к союзникам и объявила России войну. Это была блестящая победа Луи Наполеона.

28 марта (9 апреля) началась усиленная бомбардировка Севастополя, продолжавшаяся почти без перерывов до 6 (18) апреля. Это был ответ всем, кто возлагал хоть малейшую надежду на венскую конференцию. Примерно в это же время Горчаков получил ноту от Нессельроде, в которой Россия отказывалась пойти на ограничение своего военно-морского присутствия на Черном море. Русский посол уведомил об этом Буоля, и 22 апреля 1855 года конференция прекратила свою работу.

Главный театр военных действий сосредоточился вокруг крепости Севастополь, которая героически оборонялась без малого год. Только после того, как было взято главное укрепление Малахов курган, крепость оставили защитники, предварительно потопив корабли русской эскадры, чтобы воспрепятствовать заходу в гавань кораблей противника. И хотя России сопутствовал успех на Кавказе: ей удалось взять хорошо укрепленную турецкую крепость Каре, войну она проиграла.

Внезапная смерть Николая I оставила его преемника, Александра II в некоторой растерянности: он даже поначалу заявил, что будет сохранять верность принципам Священного союза, о котором, кроме него, в Европе уже никто не вспоминал.

Переговоры о мире были возобновлены уже между канцлером Нессельроде, оставившим без внимания очередную инициативу Горчакова, имевшего возможность обсуждать эти вопросы с очень влиятельным в Париже графом Морни, и французским министром иностранных дел графом Валевским. Об этих тайных переговорах стало известно австрийскому двору, что привело к новому обострению российско-австрийских отношений и выдвижению России ультиматума уже из пяти пунктов. Пятый пункт имел расплывчатую формулировку: он давал возможность западным державам во время будущих мирных переговоров с Россией возбуждать новые вопросы и предъявлять новые претензии «в интересах прочности мира».

Александр II, обсудив предложенные условия, принял решение, которое Горчаков довел до сведения графа Буоля:

Россия принимает четыре пункта, но пятый отвергает, а также не пойдет ни на какие территориальные уступки. В ответ Буоль заявил: если Россия не примет всех пяти пунктов, Австрия объявит ей войну.

Наконец в 1856 году, 30 марта, после тяжелейших переговоров, был подписан Парижский мирный договор, по которому России пришлось согласиться на нейтрализацию Черного моря и другие унизительные для нее условия, которые, кстати, выдвинула Австрия. Согласно договору, Россия, равно как и Турция, были признаны побежденными сторонами. России были возвращены Севастополь и Крым, Турции — Кавказ. Ни Россия, ни Турция не могли держать флот на Черном море. Были нейтрализованы также проливы, дельта Дуная перешла к турецкому вассалу Молдове, Россия получила Южную Бессарабию, все христианские подданные султана перешли под протекторат всех европейских держав.

У здравомыслящего политика и дипломата Горчакова не было, да и не могло быть шансов выиграть партию в этой проигрышной позиции. Исход противостояния решался на бастионах Севастополя. Во многих исследованиях, посвященных этому историческому периоду, явно ощущается нежелание понять обстоятельства, в которых находился тогда Горчаков. Наверное, его можно, как это делали некоторые не вполне объективные современники и исследователи, упрекнуть в избыточной патриотической риторике. Его депеши с места переговоров в Вене оценивались ими лишь как попытка вдохнуть уверенность в павшего духом самодержца, попутно заявив о себе как о последовательном и стойком радетеле интересов Отечества. Вне их внимания и тогда, и впоследствии оставались многие непреложные факты. Все годы своего служения Горчаков, так же как и его наставник граф Каподистрия, анализировал, собирал и суммировал свидетельства двойственной политики австрийского кабинета по отношению к России. Горчаков прогнозировал подобное развитие событий, неоднократно разоблачал политику Меттерниха в своих депешах в Петербург. Правда, которую он открывал, колола глаза. Ее отвергали с порога, поскольку она разрушала миф, в стойкости которого опытные российские политики все-таки сомневались. Предостережения, направленные Горчаковым в Петербург в 1837 году, в пору, когда он играл ведущую роль в работе посольства в Вене и глубже, чем кто-либо другой, знал ситуацию изнутри, вызвали озлобление и стали для российского посланника причиной неприятностей и опалы. Уже тогда в своем докладе Горчаков смело и уверенно делал вывод: *в* критический период, когда европейское равновесие будет

нарушено, рассчитывать на Австрию как на союзницу не приходится. Даже нейтралитет этого государства, на его взгляд, был маловероятен. Суждения Горчакова в очень скором времени стали достоянием австрийского правительства, что имело тяжелые для Горчакова последствия.

Неприятности в личной жизни, случившиеся во второй половине тридцатых годов, и сам Горчаков, и его окружение склонны были связывать с его неудачным диалогом со всесильным Бенкендорфом. Вот как спустя много лет сам Горчаков, будучи уже глубоким стариком, излагал этот эпизод: «Как-то однажды в небольшой свите императора Николая Павловича приехал в Вену граф Александр Христофорович Бенкендорф.

За отсутствием посланника, я, исполнявший его должность в качестве старшего советника посольства, поспешил явиться, между прочим, и к графу Бенкендорфу.

После нескольких холодных фраз он, не приглашая меня сесть, сказал:

— Потрудитесь заказать хозяину отеля на сегодняшний день мне обед.

Я совершенно спокойно подошел к колокольчику и вызвал maître d'hotelя гостиницы.

— Что это значит? — сердито спросил граф Бенкендорф.

— Ничего более, граф, как то, что с заказом об обеде вы можете сами обратиться к maître d'hotelю гостиницы.

Этот ответ составил для меня в глазах всесильного тогда графа Бенкендорфа репутацию либерала».

Однако вряд ли все объясняется одной только этой историей. Бенкендорф, возможно, был деспотом, но не настолько мелким человеком, чтобы мстить по ничтожному поводу… Раздражение, вызванное женитьбой Горчакова, также нельзя считать решающим обстоятельством, повлиявшим на его служебную карьеру в то время. Дело, судя по всему, было в другом. С некоторых пор Горчаков, по мере служебного роста, становился все более неудобен для австрийской политики и дипломатии. И предпринималось немало попыток его остановить. П. В. Долгоруков, видный российский чиновник, впоследствии — человек, оппозиционно настроенный по отношению к официальной власти, в своих «Петербургских очерках» воссоздает весьма мрачную картину жизни российских верхов конца царствования Николая I и начала правления Александра II. В характеристиках, данных им петербургским сановникам, он ни о ком, кроме Горчакова, не говорит добрых слов. Приведем один эпизод из книги, весьма показательный для воссоздания

атмосферы во взаимоотношениях дипломатических персон высокого ранга Австрии и России.

«В Вене существует древний этикет, согласно которому архиканцлер берет шаг при дворе даже перед чрезвычайными послами и не обязан никому отдавать визитов, — этикет, которого князь Меттерних всегда придерживался. Граф Буоль, хотя был не архиканцлером, а лишь первым министром, вздумал также не отдавать визитов иностранным министрам и бывал у барона Мейендорфа не как у русского посланника, но как у своего шурина.

Барон Мейендорф это выносил, но князь Горчаков не захотел терпеть. Приехав в Вену, он остановился не в русском посланничьем доме, а в гостинице. Граф Буоль не только не отдал ему визита, но еще нарочно, из аффектации, приехал в ту гостиницу посетить иностранную даму, там остановившуюся, и не зашел к русскому дипломату. Князь Горчаков не захотел принимать от него приглашений ни на обед, ни на вечер, доколе не заставил его отдать себе визит, и уже тогда только переехал в русский посланничий дом. Отношения у них были самые натянутые»[53].

Во время Крымской войны Горчаков напрямую столкнулся с тем, что, по сути дела, когда-то прогнозировал, — с фактическим отказом Австрии от союзнических отношений с Россией и переходом ее в стан воюющей коалиции. И именно тогда сложилась ситуация, в которой изменить что-либо было практически невозможно. А положение русских войск под Севастополем становилось все тяжелее.

Это было время огромных потерь, глубоких разочарований. И в первую очередь — в своих возможностях, в собственных силах. Крымская война стала в какой-то мере наказанием за беспричинную самоуверенность, за безотчетную веру в непогрешимость своих деяний. Она знаменовала крушение авторитарной политики Николая I.

Как ни был изворотлив российский дипломат, добываемые им в ходе переговоров отсрочки, передышки, перерывы в военных действиях решающей роли не играли. К тому же от Горчакова требовали строго следовать путаным, постоянно менявшимся установкам, получаемым из Петербурга.

Его усилия не могли повлиять на позицию Николая I, долгое время делавшего ставку на военное решение проблемы. Справедливости ради следует отметить, что не один Николай I, но и правители других времен и народов не раз терпели поражение, оказываясь в плену собственных заблуждений. У таких людей самомнение, подогреваемое льстивым окружением,

постепенно перерастало в манию величия, в то время как опыт, суждения и выводы преданных помощников с ходу отвергались. Не мог Горчаков воздействовать и на Нессельроде, лихорадочно пытавшегося найти средства к тому, чтобы разрушить коалицию. Конфликт зашел слишком далеко. Остановить военные действия не удавалось. На тот момент у России не было аргументов, которые изменили бы желание противников использовать благоприятный шанс, выступив против нее.

Скоропостижная смерть государя, славившегося крепким здоровьем и большой силой воли, оказалась для всех неожиданной, породив даже слухи о самоубийстве. В отблеске пожара Крымской войны уход из жизни Николая I казался современникам катастрофой.

Однако с воцарением его сына — Александра II начался новый этап российской истории, в котором князю Горчакову предстояло сыграть одну из ключевых ролей.

Глава II. Министр и министерство

Сокрушительное поражение России в Крымской войне предопределило в том числе и то, что российское Министерство иностранных дел, в силу авторитарности императора и отчасти обоснованного его недоверия к «разномастной дипломатии», вообще оказалось выключенным из процесса подготовки и обеспечения внешнеполитических планов империи. Донесения дипломатов, реально оценивавших сложившуюся перед войной ситуацию, не принимались царем в расчет. Канцлер Нессельроде, кажется, осознавший в последний момент всю тяжесть положения, в котором оказалась Россия, потерял всякую инициативу перед нетерпимым к возражениям Николаем I. Это был закат его собственной карьеры. После окончания войны он был отправлен в отставку, а на его место новый самодержец назначил Александра Михайловича Горчакова.

Престиж внешнеполитического ведомства пал в ту пору настолько низко, а горизонты России так сузились, что при передаче дел Горчакову его предшественник, подводя плачевные итоги своей деятельности, сказал, что само министерство следовало бы сократить за ненадобностью, поскольку после подписания Парижского трактата, завершившего Крымскую войну, новому министру иностранных дел нечем будет себя занять. Действительно, военное фиаско привело к полной внешнеполитической изоляции России. Горчакову, получившему в наследство руины, лишь напоминавшие о прежнем международном могуществе российского государства, приходилось все начинать сызнова.

Государственные назначения, особенно в такой сложной и тонкой сфере, как внешняя политика, были предметом особой заботы монархов. Никому до конца не доверяясь, российские императоры, как правило, становились «сами для себя министрами иностранных дел». Так вели дела и Петр I, и Екатерина II. Лишь самые доверенные лица из «ближних бояр» занимали при них ответственные должности, однако управление внешней политикой вершили, естественно, не они. Правители не спешили полностью доверить кому-либо судьбу межгосударственных отношений, предпочитая лично контролировать эту деятельность, а главное — бесконтрольно принимать решения. Все создаваемые для этих целей службы носили подчиненный характер. Распределение ответственности между несколькими высоко стоящими чиновниками, дробление поручаемых им функций создавали условия, благоприятные для

того, чтобы контролировать как ход дел, так и тех, кто эти дела вел.

Посольский приказ — первое из дошедших до нас названий ведомства, которое с XVI века ведало внешними сношениями Московского государства[54]. Размещалось оно в специально построенной избе в пределах крепостной ограды первого Кремля, где облеченные доверием царя дьяки принимали заезжих гостей. До начала XVIII века структура и штатная численность приказа не претерпели больших изменений, тогда как направление деятельности дипломатического ведомства и функциональные обязанности служащих постепенно расширялись. Реорганизованный в петровские времена Посольский приказ получил новое название — Коллегия по иностранным делам. Петра Великого беспокоили надежность и преданность людей, близко стоявших к государственным делам и планам. Он настраивал их быть бдительными к тому, чтобы среди служителей по иностранным делам не было «диряво»; строго наказывал «в том крепко смотреть», «а ежели кто непотребного в оном месте допустит, те будут наказаны, яко изменники». Коллегиальность в организации дипломатической службы России доминировала практически до начала XIX века, когда впервые заговорили о министерском единоначалии. Опыт давний и ближний указывал на то, что прежний способ управления снижал порог личной ответственности, вносил путаницу и разлад в решение государственных дел. Деление неделимых обязанностей порождало конфликт, который рано или поздно разрастался, нанося ущерб делу. Коллегиальность обнаружила непреодолимые изъяны уже в первые годы после предпринятых Петром I изменений в системе государственного управления. Покуда царь-реформатор находился в Персидском походе, разразился конфликт в едва преобразованной из Посольского приказа Коллегии по иностранным делам между президентом и вице-президентом — Александрам Головкиным и бароном Шафировым. Дело кончилось тем, что Петру I пришлось со свойственной ему решительностью разрубить узел. Проверенный в делах Павел Петрович Шафиров, сенатор и подканцлер, имевший к тому времени немалые заслуги и облеченный доверием государя, был обвинен в том, что «изругал по-матерному» обер-прокурора, и приговорен к смертной казни, которая была назначена на 22 февраля 1722 года и которая в последний момент была заменена «заточением в Сибирь».

По прошествии века история, по сути, повторилась, когда Александр I назначил во внешнеполитическое ведомство двух равноуправляющих — Нессельроде и Каподистрию. Это

обстоятельство сказалось на внешней политике государства, что причинило России немало вреда. Вместе с тем к середине XIX века внешнеполитическое ведомство Российской империи, преодолев длительный путь становления, сложилось в весьма солидный государственно-управленческий организм. Оно располагало весомым международным авторитетом. Выстроились его структура, регламент деятельности, распределение функций между департаментами. В общей схеме министерства отображались главные на тот момент приоритеты внешней политики России. Действовала разветвленная сеть постоянных представительств за рубежом, система связи между ними и центром. Тогдашнее внешнеполитическое ведомство имело ряд посольств за границей, постепенно увеличивалось число генеральных консульств, консульств, вице-консульств и консульских агентов. В 1827–1828 годах министерство переехало с Английской набережной, 32 в недавно отстроенный величественный и элегантный ансамбль Генерального штаба на Дворцовой площади, напротив Зимнего дворца. В нем помимо МИДа разместились другие ключевые ведомства империи: Министерство внутренних дел и Военное министерство. Крыло МИДа одним своим фасадом выходило на Дворцовую площадь, другим — на набережную Мойки, выдвигаясь в направлении пересекающего реку широкого Певческого моста. С той поры словосочетание «Певческий мост» в международном обиходе обрело такое же значение, как ныне «Смоленская площадь».

Особенность ведомства состояла в том, что квартира министра — место его постоянного проживания — находилась здесь же, соседствуя с его рабочими кабинетами, что было заложено и в проекте. Расположение министерств в непосредственной близости от резиденции императора упрощало процедуру оперативного рассмотрения возникавших вопросов. Министрам достаточно было в любое время суток пересечь Дворцовую площадь, чтобы оказаться на аудиенции у императора. Император и глава внешнеполитического ведомства никогда не разлучались. В период длительного отсутствия монарха в Зимнем дворце министру выделялись покои в императорских загородных резиденциях или специальный вагон в следующем за границу поезде царя, а также апартаменты по соседству в отводимых для высоких иностранных гостей резиденциях.

К этому времени во внешнеполитическом ведомстве России, вопреки многим неблагоприятным обстоятельствам, накопился огромный опыт, выработались славные традиции, которые смог воспринять и приумножить новый российский министр иностранных дел.

Горчаков наследовал не только и не сколько Нессельроде, сколько многим поколениям российских дипломатов. Однако какими бы талантливыми, умными, ловкими и изворотливыми ни проявляли себя дипломаты, в первую очередь потомки вспоминают деяния тех, кому они верой и правдой служили. Между тем быть назначенным управлять внешней политикой такого государства, как Россия, само по себе многое значит, ибо по большому счету это означает обладать достоинствами, редко сочетающимися в одном человеке.

Труд дипломата требует живости ума, свободы в изложении мысли, склонности к анализу и одновременно импровизации, изворотливости, способности к компромиссу. Точно и тонко выстраиваемые диалоги и дискуссии оказываются зачастую ценнее военных экспедиций, сражений и битв. Суть дипломатического решения конфликта в том, что у каждой из сторон появляется возможность отстоять тот минимум, который в конечном счете обеспечивает сохранение достоинства государства и незыблемость его интересов, хотя разум оказывается порой не в состоянии преодолеть культ силы, на которую, к сожалению, и поныне делают ставку отдельные государства.

В этом смысле история России хранит немало показательных примеров. «Сочно» и «образно» казаки Запорожской Сечи ответили некогда на дипломатическое послание турецкого султана Махмуда IV (1680). Мы знаем об этом главным образом благодаря картине выдающегося русского художника Ильи Ефимовича Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Само же послание турецкого правителя, его суть оставались и остаются чуть ли не мифом, не имеющим реального исторического наполнения. Между тем его текст гласит: «Я, султан, сын Магомета, брат Солнца и Луны, Внук и Наместник Божий, владетель всех царств: Македонского, Вавилонского и Иерусалимского, великого и малого Египта; царь над царями; властелин над властелинами; необыкновенный рыцарь, никем не победимый; хранитель неотступный гроба Иисуса Христа; попечитель Бога самого, надежда и утешение мусульман, смущение и великий защитник христиан, повелеваю вам, запорожские казаки, сдаться мне добровольно и без всякого сопротивления, и меня вашими нападениями не заставьте беспокоить. Султан турецкий Махмуд IV»[55].

Как видим, послание облечено в каноническую для того времени форму. В нем содержатся грозное предупреждение, предложение сдаться и, наконец, просьба не провоцировать конфликт. Вполне уместно заметить, что казаки в то далекое

время беспокоили не только султана Махмуда IV — они одолевали и княжество Московское, совершая дерзкие набеги вплоть до окрестностей Москвы, перехватывая караваны, направляемые в сопредельные государства. Неизвестный летописец в псковском сказании «О бедах, скорбях и напастях» пишет о них как о «нехотящих жити в законе божий и во блазей вере и в тишине, но в буйстве и во объядении и во упивании и в разбойничестве живуще, желающе чужого имения…». Так что смысл и тон послания Махмуда вполне понятны, даже если опустить свойственные тому времени преувеличения и метафоры. В нем перечислены реалии, не считаться с которыми было бесполезно и бессмысленно. Гнев, раздражение, сарказм запорожцев более всего вызвала преамбула, где казакам давалось понять, с кем они имеют дело. Видимо, по этой причине уже в первых пяти строках ответного послания запорожцев, помимо других скабрезных слов, пять раз повторены слова «черт» и «сучий сын»[56].

Эмоции при улаживании подобных дел излишни, если не вредны. Подчас они оборачиваются большими потерями, кровопролитием и войнами. Отзвуком оскорбительного ответа запорожцев чувствительному к проявлениям почтительности султану стали длившиеся в течение двух с половиной веков Русско-турецкие войны. С 1680 года (времени написания письма запорожцев) этих войн было одиннадцать!

К сожалению, наши предшественники еще не обладали той зрелостью, которую ныне шаг за шагом обретает мировое сообщество. Готовность воевать, стремление к территориальным приращениям, преследованию и усмирению врагов на разных этапах истории были основой не только российской политики. Военные рейды Суворова по Европе, Потемкина — по Бессарабии и Крыму, Барятинского — по Северному Кавказу, Скобелева — по Средней Азии и Балканам считались важнейшей заслугой царствований, куда более ценной, чем усилия государевых людей, занятых предотвращением войн или устранением их последствий. Всегда готовая пустить в ход силу, Россия редко отдавала должное тем, кто уберег страну от необходимости принесения очередных жертв, пролития крови, материальных затрат, которые тяжким бременем ложились на государство, истощая и разоряя и без того отсталое хозяйство.

Система международных отношений, весьма сложная как прежде, так и теперь, зависела и зависит от множества различных факторов. В этой системе до сих пор нет равновесия, равно как и четких критериев международного взаимодействия. Но обретаемый в ходе столкновений на полях брани трагический и

горький опыт со временем повысил роль дипломатических аргументов, которым стало отдаваться все большее предпочтение. В Новое время древняя житейская мудрость «Худой мир лучше доброй ссоры» в системе межгосударственного общения постепенно наполнилась практическим смыслом, выведя дипломата на авансцену политической жизни.

Судя по сведениям, содержащимся в летописях, вначале в Посольском приказе служило не более десятка человек и суть их занятий заключалась в том, чтобы выслушивать зарубежных гонцов и сообщать содержание беседы московскому князю. Долгое время их деятельность сводилась к попыткам улаживать усобицы, возникавшие в ходе межкняжеских конфликтов, и создавать союзы, противостоящие общему врагу. Прошли столетия, прежде чем дипломатическая служба стала инструментом разрешения внешних противоречий, средством улаживания всевозможных конфликтов и отстаивания интересов страны. К тому времени европейским государям стало ясно, что только личным умом и способностями невозможно справиться со все усложнявшейся международной обстановкой. По мере усложнения стоявших перед государством задач ноша принятия внешнеполитических решений для царствующих особ становилась все более тяжкой и обременительной, последствия вызванных ими событий далеко не всегда удавалось предугадать. Технология международного общения постоянно совершенствовалась, обогащаясь разнообразным опытом, утверждением новых ценностей и представлений. Дипломатическое мастерство становилось все более ценимым и востребованным. К нему прибегали, дабы ограждать государство от внешних угроз, отдалять, смягчать или преодолевать споры и конфликты. Наряду с этим необходимо было отрабатывать способы закрепления достигнутых договоренностей. Так шаг за шагом вырабатывалась структура дипломатического ведомства и определялись требования, которым должны соответствовать его деятели.

Управляющий Посольским приказом дьяк Е. И. Украинцев, занимавший эту должность с 1689 по 1699 год, предъявил на утверждение Боярской думе штат внешнеполитического ведомства: пять «старых» подьячих и семнадцать «средних и молодых». Это был своего рода проект реформы. Рассмотрев эти предложения, Дума увеличила штатную численность приказа на одну единицу, предоставив возможность принять еще пять внештатных стажеров без жалованья. Прообразом департаментов в ту пору выступали «повытья», возглавляемые одним из «старых» подьячих. Дипломатические функции Посольского приказа к тому времени уже определились и группировались по пяти

национально-территориальным направлениям, свидетельствуя о довольно широком круге выдвигавшихся властью задач:

«папежское, цесарское, гишпанское, французское, аглинское»;

«персицкое, армянское, индейское, калмыцкой Чаган Батырь, Донские казаки»;

«польское, свейское, турское, крымское, волосков, мультянское, галанцы и амбурцы, вольные города, греки и приезды греческих властей»;

«дацкое, брандербургское, курляндское»;

«грузинское, китайское, юргенское, бухарское, сибирские калмыки».

До нас дошли имена тех, кто в ту пору отвечал за сношения на заданных географических направлениях. «Повытья», которые ведали связями с Европой, возглавляли Максим Алексеев, Нефимонов, Тарасов; с Азией — Симоновский и Никита Алексеев.

Помимо этих обязанностей «старые» подьячие занимались тогда и другими делами особой государственной важности, перепоручить которые кому-либо еще считали невозможным. Посольский приказ ведал протокольно-церемониальными делами, такими, как, например, «чины царских венчаний на царство и бракосочетаний», «хранение царственной большой печати», «торговые дела с иноземцами», попечение о наиболее важных для государства производственных монополиях, «расправные дела», суть которых состояла в доведении до исполнителей государственных распоряжений.

Со времен Посольского приказа сохранились скупые сведения о талантливых, незаурядных личностях, стоявших во главе этого внешнеполитического ведомства. Они были разными по складу ума, темпераменту, образу действий. Но их судьбы оказались едины в главном — именно они были востребованы, их способности оказались ценнее других, в их деяниях великие князья видели смысл и пользу. Не по праву наследования, но по одаренности и преданности долгу им доводилось брать на себя решение задач государственного масштаба. Их служение и деяния по-разному оценивались потомками: их возвышали и поносили, молва о них обрастала преувеличениями и легендами, поскольку понимание исторического смысла и значения содеянного ими приходило с большим опозданием. Одно ясно: именно они оказались в нужный момент на нужном месте, только им суждено было если не руководить событиями, то по крайней мере успевать за ними.

Одним из таких людей был руководитель Посольского приказа во времена Бориса Годунова с 1570 по 1594 год дьяк

Андрей Щелкалов, человек необычайно пронырливый, умный и злой. Не зная покоя ни днем ни ночью, работая как «безгласный мул», он считал, что недостаточно загружен работой, так что царь Борис не мог надивиться на его трудолюбие и часто говорил: «Я никогда не слыхал о таком человеке и полагаю, что весь мир был бы для него мал».

Долее чем кто бы то ни было у истоков внешней политики России стоял Иван Тарасьевич Грамотин. Он был востребован на протяжении 44 лет — с 1595 по 1638 год (год его смерти) и служил, несмотря ни на что, при сменявших друг друга русских царях и самозванцах. Он служил царю Федору I (Иоанновичу), Борису и Федору Годуновым, Лжедмитрию, польскому королевичу Станиславу, Василию Шуйскому, а затем и Михаилу Романову. «Беспринципность и корыстолюбие сочетались в этом человеке с редкими политическими способностями, литературным талантом и готовностью к восприятию отдельных сторон европейской культуры»[57]. Положение его не всегда было устойчивым, не раз Грамотин попадал в опалу, но всякий раз прирожденные способности изворотливого царедворца помогали ему восстанавливать свое положение при дворе. В конце жизни его обвинили в колдовстве, с помощью которого он якобы и держался у власти, используя то ли волшебный крест, то ли перстень. И хотя обвинение было для того времени очень серьезным, и Грамотин легко мог окончить свои дни на плахе, вначале он всего лишь был отправлен в ссылку, а затем его даже оправдали, и он еще с десяток лет руководил Посольским приказом. Служение Грамотина отнюдь не было бескорыстным: умело и расчетливо используя свое влияние, он накопил немалые богатства, став крупным землевладельцем и одним из богатейших людей своего времени.

Пример Грамотина убедительно показывает: личности его масштаба были более чем востребованы, так что царям приходилось даже мириться с очевидными пороками своих приближенных.

Колоритной и весьма значительной фигурой другого типа дипломата был посольский дьяк А. Л. Ордин-Нащокин (1605–1680), ведавший внешними делами Московского царства при Алексее Михайловиче. Это был человек весьма стойких взглядов и убеждений. Ему хватало мужества идти наперекор мнению большинства, когда оно вступало в противоречие с его представлениями о политической целесообразности и государственных интересах. Шведы, признавая влияние, которое Ордин-Нащокин оказывал на внешнюю политику Московского царства, называли его «русским Ришелье». Он — кажется, первый

государственный чиновник, решившийся подать в 1671 году в отставку, когда стратегические планы царствования пошли в направлении, противником которого он был, после чего постригся в монахи (1672), став иноком Антонием в одном из псковских монастырей. Однако обойтись без него верховная власть не могла, и его вызывали из монастыря для ведения межгосударственных переговоров с Польшей.

Особое значение Ордин-Нащокин придавал нравственным качествам российских чиновников, исходя из того, что внешнеполитическое ведомство — Посольский приказ — есть «око всей России», и дела его следует поручать «беспорочным, избранным людям». Он считал необходимым, чтобы «думные дьяки великих государственных дел с кружечными делами не мешали бы и непригожих речей на Москве с иностранцами не плодили бы».

Ордина-Нащокина отличали живость ума, широта взглядов, способность к деятельному общению, умение завязывать отношения, получать разнообразную информацию, анализировать ее, ориентируясь в расстановке политических сил.

В петровское время таким деятелем был Федор Алексеевич Головин (1650–1706). Его дипломатический дар, мудрость, способность мыслить и действовать в новом духе Петр ценил более всего. Головин сумел проявить себя и на Востоке, и на Западе. Первым его дипломатическим достижением стало заключение трудного для России Нерчинского договора с Китаем (1689), что дало ему право называться в царских грамотах «наместником Сибирским». Головин — непременный участник всех реформаторских и военных предприятий Петра I. В самое трудное для царя время он сопровождал его во всех рискованных делах и походах. Возглавляя Посольский приказ, Головин еще заведовал Оружейной палатой и Монетным двором. Для всех, и прежде всего для иностранцев, он был «первым министром» Петра. Его имя открывает список кавалеров высшей награды Российской империи — ордена Святого Андрея Первозванного. Он первым из русских получил графское достоинство. Внезапный уход Головина из жизни Петр I воспринял как глубочайшую трагедию, или, говоря его словами, «адскую горесть». Никто не смог заменить ему Головина, а исполняемые им одним обязанности пришлось поделить между несколькими сановниками. Увы, теперь мы почти не вспоминаем об этом замечательном русском человеке, не чтим его память.

Забвение — нередкий удел выдающихся российских государственных деятелей.

Почти забыты имена замечательных русских дипломатов

князей Куракиных. Борис Иванович (1676–1727) и Александр Борисович (1752–1818) Куракины достигли вершин дипломатического служения.

Борис Иванович Куракин был востребован в пору зрелости Петра I, когда интенсивная реформаторско-созидательная деятельность русского самодержца начала приносить плоды. Ему пришлось немало потрудиться, чтобы добиться международного признания России как великой державы. Начав с посольской должности в Вене, он стал одним из доверенных лиц российского самодержца, выполняя все, в том числе и наиболее деликатные, внешнеполитические поручения Петра I.

Александр Борисович Куракин с детских лет был душевным другом и любимцем Павла I. За оппозиционность по отношению к Екатерине II он был сослан в свое имение, и наследник престола, будущий Павел I, сумел выхлопотать у матери разрешение на одну встречу с другом раз в полгода. В недолгое время царствования Павла I Куракин был послом в Вене, сенатором, возглавлял внешнеполитическое ведомство, выполнял особые поручения монарха. После заговора, лишившего Павла I жизни, именно Куракину унаследовавший престол Александр I поручил разбирать архив отца, где тот обнаружил завещанные ему лично документы и ценности.

При Александре I Куракин с успехом продолжил служение, занимая высокие должности — первоуправляющего в Коллегии иностранных дел, канцлера Капитула российских орденов. Последняя должность Куракина — посол России в наполеоновской Франции. Он приложил немало усилий к тому, чтобы предотвратить разрыв в отношениях двух императоров. К этому времени относится трагическое для русского посла событие. В 1810 году, в Париже, на свадебном балу в честь венчания Наполеона I с дочерью австрийского императора эрцгерцогиней Марией-Луизой случился страшный пожар. В огне погибло двадцать человек, в том числе и супруга русского посла. Сам князь проявил поразительную самоотверженность. Уступая женщинам дорогу, он едва не погиб в огне. Его обгоревшее, не подававшее признаков жизни тело в раскаленном, шитом золотом, увешанном регалиями мундире с трудом удалось вытащить из пламени. Так окончательно и не оправившись, через несколько лет после этих событий Александр Борисович Куракин скончался.

Граф Андрей Иванович Остерман (1686–1747), которого впоследствии так охотно подвергали хуле представители российской элиты, среди современников слыл необычайно образованным и неподкупным сановником. Знание четырех

языков, способности тонкого политика и дипломата возвысили его еще при Петре I: он прошел путь от переводчика походной канцелярии императора до члена Тайного совета. Ему, вместе с Брюсом, Петр поручил вести трудные переговоры и заключить Ништадтский мир, который поставил точку в длившейся более двадцати лет Северной войне. Время, наступившее после кончины Петра I, нельзя назвать благостным. Остерман вынес на своих плечах тяготы нескольких царствований. Благодаря ему были разрешены тяжелейшие кризисы, которые порождала борьба за место на российском престоле. «Первый кабинет-министр», «оракул» четырех царствований, «душа» правления императрицы Анны Иоанновны, Остерман в свое время принял участие в составлении Табели о рангах и организации Коллегии иностранных дел, вице-президентом которой стал в 1723 году.

Итогом жизни и сорокалетнего служения российскому престолу стал смертный приговор и эшафот, который построили специально для него и некоторых других сановных представителей прежних царствований на спуске Васильевского острова у здания Двенадцати коллегий. Правда, занесенный над головой топор был остановлен: казнь заменили ссылкой в Березов, где он вскоре и умер. Заслуги Остермана очень скоро были преданы забвению.

Судьбам чиновников, в разное время возглавивших внешнеполитическое ведомство, завидовать не приходится. Отнюдь не всем из этих оставивших славный след в российской истории людей довелось умереть своей смертью. Посольский дьяк Иван Висковатый, долгие годы ведавший внешними сношениями Московского государства в царствование Ивана Грозного, был казнен. Тогда же был казнен и дьяк Васильев, преемник Висковатого в Посольском приказе. Возглавивший Посольский приказ Артамон Матвеев, который вел внешние дела при царе Алексее Михайловиче, был сброшен стрельцами с Красного крыльца в Кремле и зверски убит.

Мало мы знаем и еще об одном ярком представителе племени дипломатов — графе Никите Ивановиче Панине (1718–1783). В течение двадцати лет он возглавлял Коллегию иностранных дел при Екатерине II. Панин был инертен и даже, по мнению императрицы, ленив. Однако за этой его медлительностью и несуетностью ощущалась мудрость государственника, делавшая его незаменимым. Рассудительностью, глубокими познаниями, собственным достоинством Панин вызывал опасливо почтительное отношение к себе окружающих. Причиной тому был представленный им обширный проект, касавшийся реформы правительства. Проект,

оказавшийся не по вкусу недавно занявшей трон императрице, ставил целью устранить влияние фаворитизма и установить такую «твердую форму правительства», при которой государство управлялось бы «не изволением лиц, а властью мест государственных».

Дипломатический талант Панина сочетался с безупречными нравственными качествами. В его честности были убеждены даже политические враги, которые уважали графа как личность гордую, благородную, безусловно неподкупную. Екатерина II одарила его всеми мыслимыми по тем временам наградами, однако держала на расстоянии, поручив ему, помимо прочего, заботы о воспитании наследника престола, будущего императора Павла I.

Деятельность Панина оказалась так или иначе связанной с осуществлением идеи «Северного аккорда», предполагавшей заключение всеми северными державами общего наступательного и оборонительного союза для поддержания мира на севере Европы и противодействия Бурбонской и Габсбургской династиям.

Подписанные Паниным союзные договоры 1764 года с Пруссией, 1765-го — с Данией, 1766-го — с Великобританией сформировали сильную, хотя и не лишенную некоторых внутренних противоречий коалицию, укрепив позиции России и обеспечив ей ряд гарантий в условиях тогдашней угрозы со стороны Османской Турции.

Глубокий и яркий след в богатой блестящими именами екатерининской эпохе оставил Александр Андреевич Безбородко (1747–1799). Его скульптурная фигура выделяется среди других в основании величественного памятника Екатерине II, что поставлен в глубине Невского проспекта на площади Островского. Он был искусным льстецом и тонким политиком, умел вершить труднейшие государственные дела и при этом, совсем в духе своего времени, предаваться пьянству и распутству. Стремительно взойдя по чиновной лестнице, он до конца дней оставался незаменимым при дворе. Его феноменальная память, изворотливость, искусное владение словом, способность к импровизации и глубоко осмысленной творческой деятельности привели к невероятному даже по тем временам жизненному триумфу. Когда в возрасте 52 лет он скончался, потомки на надгробном памятнике не без хвастовства начертали: «Александр Безбородко, князь Империи Всероссийской с титлом светлости и граф Римской… трудом и дарованиями приобрел доверенность государей, в царствование Екатерины II и Павла I управлял внутренними и внешними делами…» О его необычайных

способностях свидетельствует дошедший до наших дней любопытный анекдот. Однажды, «среди пламенной оргии», ему сообщили, что императрица требует его к себе. Мертвецки пьяный Безбородко приказал окатить себя ледяной водой, пустить кровь сразу из обеих рук, мгновенно протрезвел, переоделся и отправился во дворец. «Александр Алексеевич, готов ли указ, о котором мы говорили давеча?» — спросила государыня. «Готов, матушка», — ответил Безбородко, достал из-за пазухи бумагу и стал читать. Императрица слушала внимательно, а когда Безбородко окончил чтение, одобрила документ и попросила оставить ей текст, так как хотела кое-что в нем исправить. Безбородко упал на колени и стал молить о пощаде: оказалось, что он держал перед собой чистый лист.

В русской истории XVIII–XIX веков известны целые династии дипломатов. Так, судьба старейшего русского дворянского рода Бестужевых-Рюминых могла бы послужить сюжетом драматичнейшего исторического повествования. Эти щедро одаренные от природы люди из века в век верно служили Отечеству именно на дипломатическом поприще. Поднимаясь к вершинам власти, предки Бестужевых стали одним из опорных кланов Дома Романовых. В семье сложилась традиция отправлять юных отпрысков в возрасте 10–12 лет на выучку за границу, откуда через 5–6 лет они возвращались подготовленными к деятельному служению Отечеству.

Один из первых Бестужевых, Матвей, еще в XV веке выполнял посольские поручения Ивана III, вел переговоры с золотоордынским ханом Ахметом. К моменту восхождения на престол Петра I (1699) Бестужевы были уже весьма влиятельным дворянским родом Российской империи. Петр I часто привлекал их к государственным делам как внутри страны, так и за границей. Благодаря энергии и заслугам Петра Михайловича Бестужева, выполнявшего, не без успеха, многие поручения Петра, в том числе и «присмотр политических дел за границей», постепенно продвигались по служебной лестнице и его сыновья — Михаил и Алексей, которые впоследствии вошли в число немногих именитых политических деятелей XVIII столетия, занимая высокие государственные и дипломатические посты.

Старший, Михаил Петрович Бестужев, семнадцатилетним юношей был направлен Петром I в Копенгаген в должности секретаря посольства, и с тех пор вся последующая его судьба была связана с дипломатической деятельностью за пределами Отечества. За свою долгую жизнь — и в петровское царствование, и потом — он выполнял дипломатические миссии в Лондоне, Гааге, Стокгольме, Берлине, Вене, Париже. Даже участие его

супруги, урожденной графини Ягужинской, в заговоре против императрицы Елизаветы Петровны не повлияло на продолжение дипломатической карьеры Михаила Бестужева. Графиня Ягужинская была осуждена к наказанию кнутом, «урезанию языка» и ссылке, а Бестужев отправился посланником в Берлин, потом — в Варшаву…

Еще более удивительной была жизнь младшего брата Алексея Петровича Бестужева. С согласия Петра Алексей, будучи еще юношей, служил камер-юнкером у курфюрста Ганноверского, который, взойдя впоследствии на английский престол и став королем Георгом I, назначил его своим посланником к Петру I. В судьбе Алексея Бестужева было много невероятного. Взлеты сменялись падениями. Ему довелось и сидеть в Шлиссельбургской крепости, и практически единовластно шестнадцать лет, с 1741 по 1757 год, управлять внешней политикой России. Он был великим канцлером империи, имел все мыслимые по тем временам награды, в том числе и орден Андрея Первозванного. В конце жизни он был лишен всех регалий, приговорен к смерти и заканчивал жизнь в ссылке в своем имении Горстово под Москвой. Однако с восшествием на престол Екатерины II ему незамедлительно был возвращен чин генерал-фельдмаршала, а также все прежние владения и награды.

Превратности судьбы побудили Алексея Петровича Бестужева-Рюмина на склоне лет написать книгу, которая в 1763 году была напечатана в Москве и других городах Европы. Ее название говорит само за себя: «Утешение христианина в несчастьи, или Стихи, избранные из Святого Писания».

Впоследствии в русской истории были и другие Бестужевы, заявлявшие о себе немалыми талантами и способностями. Однако участие потомков славного дворянского рода Бестужевых-Рюминых в заговоре 14 декабря 1825 года предопределило его отход от активной политической жизни. Один Бестужев был повешен, двое других закончили жизнь на каторге и в ссылке, после чего этот именитый род пришел к своему закату.

* * *

В служебных помещениях нового, построенного в конце XVII века здания Посольского приказа были развешаны картины с аллегорическими изображениями Правды, Мудрости, Воздержания и Крепости. Так на символическом языке выражались требования к достоинствам, какими должны были обладать те, кто находился на дипломатической службе. При

этом, как видим, преобладающее место отводилось нравственным качествам. Условия, в которых доводилось жить и действовать дипломатам, часто таили в себе всяческие искушения. Граф Остерман в свое время представил в Сенат записку, в которой выразил беспокойство о том, чтобы государевы люди «от скудости дьявольским научением в какое прегрешение не впали», чтобы в отношениях с иностранцами «чисто и честно себя держали, не имели при этом потребности в каких-либо сторонних интересах, ведущих к получению сторонних доходов».

Политико-дипломатические усилия России долгое время, вплоть до XX века, были ориентированы на запад и восток, поскольку именно на этих географических направлениях сосредоточились ее интересы и именно отсюда исходила реальная угроза для российской государственности. На западе то были германские, польские, шведские племена и княжества, на востоке — тюркские и татаро-монгольские кочевые народы. Государство стояло перед необходимостью направлять за рубежи доверенных людей, а затем и специальные экспедиции — посольства. Их целью было узнать и понять, как живут соседи, чем они заняты, что замышляют. Для решения таких задач нужны были особые люди. К ним предъявлялись исключительные требования, и основными всегда оставались преданность и надежность. Работа за границей, в миссиях и посольствах, давала опыт, который оказывался востребованным во всяких иных сферах государственной деятельности. Здесь вырабатывались столь необходимые для этого качества, какие невозможно было приобрести нигде более. В некоторых странах, находящихся в зависимом положении, посол становился весьма влиятельной политической фигурой, мог существенно влиять на проводимую государством в этом регионе политику и предпринимаемые местным правительством шаги. Перемещение дипломата из Отечества в зарубежье и обратно — так называемая ротация — постепенно стало основополагающим принципом дипломатической службы.

Большинство выдающихся российских дипломатов — и Ордин-Нащокин, и Панин, и Куракины — в разные годы по многу лет служили за границей. Долгое пребывание за рубежом не только обогащало их знаниями и опытом, но и освобождало от неизбежной по тем временам вовлеченности в дворцовые интриги, от участия в борьбе за место у трона. Этим соображениям, среди прочих, отдавался приоритет и при выдвижении их на важнейшие государственные посты. Но случалось и другое. Неверные оценки, самомнение и эгоцентризм, выводы, делаемые под влиянием ложных представлений, так или

иначе влияли на важнейшие государственно-политические решения, последствия которых оказывались крайне тяжкими. Яркий пример этому можно найти и во времена Горчакова. Плачевными оказались итоги деятельности российского посла в Константинополе Н. П. Игнатьева, ставшего одним из виновников развязывания Балканской войны 1877–1878 годов, о чем еще будет идти речь в главе V.

Посольская служба значила по тем временам очень многое. Миссии, отправляемые за границу, по сути дела, были единственным источником информации о реальном положении дел в сопредельных государствах и в мире в целом, они поставляли особо ценные сведения, которые нельзя было почерпнуть из других источников и от которых зависели направленность и характер межгосударственных отношений. Важным, если не главным, в посольской деятельности была способность достоверно оценивать положение дел в стране пребывания, прочность местной власти и ее устремления, находить пути к доверию и взаимопониманию, независимо от обстоятельств, избегать изоляции, достигать согласия в конфликтных ситуациях, разрушать враждебные намерения, противостоять происках политических противников, выведывать подлинное отношение правящих кругов к представляемой дипломатическими миссиями стране.

Международные конвенции, закрепляющие права посольских людей, появились не сразу, да и теперь они далеки от совершенства, а их строгое исполнение и сегодня остается под вопросом. Со временем государи, не желая терпеть ущерба для собственной чести, стали наделять своих послов особыми полномочиями и привилегиями, возводя их в ранг чрезвычайных, что, согласно международной практике, должно было обеспечить их неприкосновенность. Однако на практике жизнь посольских людей, невзирая на ранги, во все время их миссии часто подвергалась опасности. Даже после того как межгосударственные отношения обрели цивилизованные формы, а коллективные международные договоры закрепили торжественно принятые обязательства по отношению к лицам, несущим дипломатическую службу, оберегать их честь, достоинство и даже жизнь было и остается нелегкой задачей.

В 1768 году, объявив войну России, турецкий султан Мустафа III заточил в подземелье Едикульского замка весь состав российского посольства во главе с влиятельным деятелем екатерининского времени, выдающимся дипломатом А. М. Обресковым, а затем вывез его и остальных посольских людей с военным обозом на боевые позиции турецкой армии. Перед

глазами русских дипломатов разворачивалась картина войны, которая велась с особой жестокостью по отношению к русским пленным и населению оккупированных территорий. Место, где турки держали русского посла, было обозначено воткнутыми в землю копьями с водруженными на них отрубленными, уже почерневшими и разлагающимися головами. Освобождены из своего плена русские дипломаты были только в 1771 году.

В ходе трагических событий 30 января 1829 года в Тегеране погиб Александр Сергеевич Грибоедов — талантливейший литератор, автор бессмертной комедии «Горе от ума», полномочный министр в Персии, явивший не оцененный соотечественниками пример государственного служения: ему принадлежит авторство в составлении важнейшего договора России с Персией — Туркманчайского (1828), завершившего Русско-персидскую войну 1826–1828 годов и надолго определившего основу отношений этих двух государств.

Прежде чем российское общество узнало о выдающемся литературном даровании Грибоедова, он проявил себя искусным дипломатом. По воле жизненных обстоятельств — а это была ссылка на Кавказ за участие в дуэли — Грибоедов оказался в центре военно-политических предприятий России на Кавказе, в Персии и Турции. Укрепившаяся за Грибоедовым репутация востоковеда, знатока языков и традиций закавказских окраин России предопределила и его служебную карьеру — он был вынужден принять на себя нелегкую миссию посланника в Персии — стране, недавно потерпевшей от России военное поражение. Здесь он проявил свои незаурядные качества государственного чиновника высокого класса. Ему было поручено проведение переговоров с побежденной стороной. Неуступчивость и твердость дипломата Грибоедова надолго врезались в память поверженного противника. Находясь в стане неприятеля, в Туркманчае, молодой российский дипломат навязал Персии весьма обременительный для нее договор, подводивший итоги войны 1826–1828 годов. Речь шла и о серьезных территориальных уступках, и о немалой контрибуции.

Решительные действия русского посланника, его неподкупность, защита им соотечественников и притесняемых местным населением христиан стали причиной страшной расправы, которую озверевшая толпа мусульман-фанатиков учинила надо всей миссией. Этот трагический эпизод, естественно, вызвал резкое ухудшение двусторонних отношений, невыгодное обеим сторонам. При этом даже в Санкт-Петербурге находились такие, кто склонен был винить в произошедшем самого Грибоедова. Тем не менее персидский шах, желая

загладить вину и смягчить последствия трагедии, отправил к Николаю I специальную делегацию, которая должна была передать его извинения российскому императору. «Постепенно водворились мир и согласие, как будто ничто не нарушало их, — с горечью писал биограф. — Не стало только великого человека…»

В периоды опасных противостояний участь посольств была порой плачевна. Они первыми подвергались репрессиям, терпели унижения и надругательства. На них вымещались злость населения и недовольство правящих кругов страны пребывания. Сношения с воцарившимися на просторах Византийской империи османами в XIV–XV веках были особенно трудны и опасны, и не только для Российского государства, но и для других стран Европы. Жестокому обращению подвергались посольские люди в Крымском и Ногайском ханствах. Российские власти вынуждены были осуществлять обмен делегациями-заложниками: ханские гости отправлялись восвояси лишь тогда, когда российские переговорщики вступали в территориальные владения России. В древние времена гарантами надежности и безопасности при проведении переговоров часто выступали княжеские дети. В 1095 году для переговоров с половецкими ханами Итларем и Кытаном Владимир Мономах отдал в «тали» (заложники) своего сына Святослава. В ответ Итларь сам согласился стать заложником и с лучшей частью своей дружины вошел в Переяславль, где должны были проходить переговоры. Дружина Мономаха стала настаивать на том, чтобы воспользоваться случаем и перебить вражеский отряд. Князь колебался, но дружинникам удалось настоять на своем: ночью в стане Кытана выкрали Святослава, затем убили самого Кытана и перебили его дружину, а наутро Итларя вместе с его людьми зазвали в избу, заперли и через разобранную крышу перестреляли всех из луков[58].

Первейшей целью в ходе обмена посланцами или гонцами было не только установить полноту государственного статуса, но и получить исчерпывающую информацию о том, как относятся соседи к сопредельному государству и где видят границы его владений. В ходе официальной церемонии, содержание которой оговаривалось заранее, устанавливался или подтверждался уровень государственного признания владетельных пределов государя. Охранение государевой чести было первостепенным требованием в сношениях с иностранными державами. В приветственном обращении и во вручаемых грамотах гостям предписывалось торжественно и точно именовать все титулы царствующей особы и владения, на которые распространяется ее власть.

Вопрос, как вести дело, с чего начинать диалог с иноверцами и иноземцами, как держаться с ними, испокон веку был и остается одним из существенных и актуальных в дипломатической деятельности. Каждая из вступающих в переговоры сторон движима желанием свести к минимуму возможность непредвиденных обстоятельств или тупиковых положений. Исторических причин для такого развития событий было немало. В условиях, когда не существовало твердых международных законов, непрочная и расплывчатая в своих очертаниях государственность нуждалась в охранных актах, действие которых требовало постоянного подтверждения. Именно поэтому обязательной частью протокола было поименование и перечисление титулов царствующей особы, хотя со временем это стало анахронизмом. Требование русских послов придерживаться этого ритуала без отступлений не всегда встречало понимание, особенно в европейских странах, однако им приходилось на это соглашаться.

Так, делегации Ивана Грозного, приехавшей в Речь Посполитую с целью проведения трудных переговоров о возвращении захваченных поляками земель, удалось добиться немаловажных по тем временам протокольных уступок: иноземные послы обязаны были отныне титуловать русского царя не «Святейшеством», а «Величеством» и являться на прием к нему с непокрытой головой, без шапок и шляп, как это было прежде.

Известен и такой случай. Могущественному французскому королю Людовику XIV пришлось уступить всем требованиям Петра Потемкина, посланника русского царя Алексея Михайловича, который настоял на том, чтобы в ответной грамоте царю были точно указаны все его титулы и чтобы она, переписанная заново, без добавлений и помарок, была вручена ему лично «из королевских рук».

Порой российские дипломаты, заботясь о достоинстве посла и представляемого им государства, позволяли себе нарушающие протокол отступления от общепринятого в данном государстве порядка. Весьма смелым было поведение русского посланника Михаила Плещеева, воспротивившегося унизительным церемониям стамбульского двора. Посланник, отправленный Иваном III с миссией в Турцию, вопреки обычаю, которому следовали все западные послы, поклонился падишаху стоя, не падая на колени, чем немало удивил двор Баязетов. Известно, какое унижение испытывали некоторые представители западных монархий при турецком дворе. К примеру, Лачит, посланник французского короля Людовика XIV, на первой же аудиенции у великого визиря был «бит по лицу, укушен» и потом вскоре

отозван по требованию всесильного министра. Английскому посланнику Гербону великий визирь угрожал «дать 1000 палок»[59]. Впрочем, у Михаила Плещеева появлялись последователи, которые шли еще дальше.

Князь Алексей Федорович Орлов, личный друг и доверенное лицо Николая I, по прибытии в Константинополь для подведения итогов Русско-турецкой войны 1828–1829 годов прибег к неожиданному для турок протокольному приему. «Исторический вестник» 1884 года так освещает этот эпизод: «Представители России оказали европейской дипломатии большие услуги тем, что заставили турок отказаться от многих своих невежливых обычаев в отношении к иностранным послам. Новейшую такую услугу оказал граф Алексей Федорович Орлов; когда он приехал в первый раз в Константинополь в эпоху заключения Адрианопольского мира, то драгоманы посольства сочли необходимым предупредить А. Ф. Орлова, что, по принятому этикету, великий визирь не встает ни перед драгоманами, ни даже перед послами. Орлов шутя ответил, что визирь для него встанет, но драгоманы спорили, насколько дозволяло почтительное отношение их к послу, так что дело едва не дошло до пари. Действительно, в день аудиенции Орлов вошел к великому визирю с отличавшею его вельможною осанкою (он был гигантского роста, плечист), прямо подошел к дряхлому старику, визирю, сидевшему, поджавши ноги, на подушках, дружелюбно протянул ему руку и, приветствуя его на турецком языке, так крепко сжал ему руку в своей, что старик вскочил как ужаленный, а затем Орлов стал водить его, все держа за руку, по комнате. В этой прогулке прошла вся аудиенция. С тех пор турецкий этикет был прогнан. Великий визирь встает не только для послов, но и для посланников»[60].

Переговоры продолжались непрерывно более восьми месяцев. Орлов тогда продемонстрировал удивлявшую турок терпеливость, изобретательность и изворотливость. В результате и был подписан известный Адрианопольский мирный договор, ставший значительной исторической вехой царствования Николая I.

Издавна сложился обычай: посольства, отправляемые в иностранные государства, непременно везли с собой царские дары и подношения. Это было не только подтверждением добрых намерений, но и свидетельством широты души, символизировало богатство и процветание царствующей особы и его государства. Те посольские дары, что сохранились до наших времен, — предметы подлинного искусства, образцы непревзойденного мастерства, свидетельство высочайшего уровня культуры тех стран, из которых посольства прибывали. Сейчас в российских

музеях сохранилась лишь часть этих сокровищ. Посольские дары ныне хранятся во многих московских и петербургских музеях: в Оружейной палате, Государственном историческом музее, в Эрмитаже, Российском этнографическом музее и других.

Среди таких даров были уникальные, шитые золотом и серебром наряды и ткани, усыпанные драгоценными камнями украшения, инкрустированное оружие, декоративная и церковная утварь, воинское оснащение, конская упряжь, кубки, символы царственной власти. Ныне они стали своеобразной летописью торгово-дипломатических отношений России с соседними государствами.

Постепенно выработался ритуал, связанный с подношением даров как непременной части дипломатического этикета. Соблюдение протокола было признаком не только хорошего тона, но и фактом признания посольской миссии. «Любительские поминки» — так называли дипломатические дары в Древней Руси. Их было принято «приходовать», то есть заносить в специальные государственные реестры и книги, определяя место их хранения, ибо они были не царским, но государственно-национальным достоянием, и благодаря этому часть даров в целости и сохранности дошла до наших дней.

Посольские дары, кроме всего прочего, должны были задать благожелательный тон предстоящим переговорам. Порой в них заключался некий особый смысл[61].

Посольский дар, врученный в 1684 году от имени австрийского императора Леопольда I царям Ивану и Петру Алексеевичам, представлял собой массивное серебряное блюдо с искусно исполненной сценой торжества в честь недавней победы австрийцев над турками. Подарок, как утверждают исследователи, означал дипломатично выраженное предложение присоединиться к антитурецкой коалиции.

Петр I, желая угодить прусскому королю Фридриху Вильгельму I, время от времени посылал «любезному брату, куму и другу» в подарок высокорослых мужиков-великанов: король, несмотря на свою легендарную скупость, тратил огромные деньги, покупая или вербуя в других странах в свою гвардию солдат необычайно высокого роста.

Так, в июле 1720 года русский посланник при прусском дворе Александр Головкин докладывал Петру I: «Капитан Чернышев с десятью большими гренадерами сюда приехал и высокий указ вашего императорского величества исправно мне отдал, по которому третьего дня оных гренадеров его королевскому величеству Прусскому королю при отправлении надлежащего комплекта я презентовал»[62].

О том, какими были те гренадеры, свидетельствуют дошедшие до наших дней изображения, выполненные маслом на картоне в натуральную величину. Картины были переданы в дар Николаю I наследниками Фридриха Вильгельма, и их выставили в одном из залов Екатерининского дворца в Царском Селе.

Надлежащие «комплименты» и «презенты» и теперь остаются непременным атрибутом дипломатической жизни, однако ныне обращения, обязательные для текстов государственных посланий, грамот, даже личных писем, подкрепленные изысканными «подношениями», в отличие от прежних времен, уже не воспринимаются как действенные аргументы.

Впрочем, размах и щедрость посольских подношений имели и теневую сторону. Дорогие подарки, делаемые посольскими людьми, служили неприкрытой приманкой для иных неустойчивых, падких на наживу политиков. Правителям, мыслящим по-государственному, не имело смысла скупиться, ибо порой благодаря удачно сделанному подношению они получали сведения, значение которых трудно переоценить.

Желание завладеть достоверной информацией, государственными секретами — одна из теневых сторон межгосударственного противостояния. В Коллегии иностранных дел, а затем и в министерстве имелся специальный фонд на так называемые «чрезвычайные расходы», за счет чего оплачивались услуги разного рода конфидентов, приобретались дорогие подарки для коронованных особ, финансировались особого назначения проекты, «тайности подлежащие». Попытки перекупить на свою сторону влиятельных политиков — явление, время от времени и ныне встречающееся в международной практике. История и современность знают примеры, когда алчность — а отнюдь не идейные соображения — подводила людей к государственной измене.

Вот характерный пример. Известный европейский дипломат и политик Талейран — не только признанный авторитет в международной дипломатии: его жизнь насквозь пропитана адом политического цинизма и коварства. Человек, привнесший в политическую жизнь Франции и Европы новые идеи, автор принципа легитимизма в международной политике, Талейран вошел в тайные сношения с российским самодержцем Александром I, донося ему о планах и намерениях своего правителя — Наполеона I. Делал он это не столько по идейным соображениям, сколько корысти ради, регулярно испрашивая у русского императора вознаграждение… Его тайные услуги стоили, несмотря на их безусловную ценность, очень дорого, так что русскому императору приходилось порой умерять аппетит

своего высокопоставленного агента, ограничивая размер запрашиваемых им субсидий…[63]

Искусство дипломатии выработало определенный круг смысловых, как теперь говорят — знаковых, сочетаний. Ими точно фиксируются некоторые «стандартные» положения, так что неверное их толкование исключается. «Право вето», «статус-кво», «де-факто», «де-юре», «модус вивенди», «персона грата», «персона нон фата» и т. д. и т. п., — эти понятия давно, переступили границы дипломатического лексикона и широко используются в деловой практике.

Однако термины, стандартные обращения к правителям и посольские дары не исчерпывали вопрос о том, как должны осуществляться сношения на государственном уровне. Тщательная продуманность деталей проведения переговоров приобретала особое значение особенно в тех случаях, когда стороны едва связывала тонкая нить, подтачиваемая всяческими опасениями, предубеждениями, враждебностью.

В июне 1807 года русская армия, потеряв 30 тысяч убитыми и ранеными, потерпела сокрушительное поражение от наполеоновских войск при Фридлянде (Пруссия). Наступавший противник дал возможность русским войскам переправиться через Неман и закрепиться на противоположном берегу. Участников конфликта отделяла друг от друга лишь река. Чтобы преодолеть последствия военного столкновения, сохранив достоинство и победителя, и побежденного, был создан специальный протокол. Желая подчеркнуть абсолютное равенство вступающих в переговоры сторон, на расстоянии, равноудаленном от берегов Немана, был установлен плот с сооруженным над ним шатром. Начало встречи в Тильзите предусматривало синхронное причаливание лодок — и Александр I, и Наполеон I должны были ступить на плот одновременно. Как известно, беседа двух императоров началась с фразы, произнесенной Наполеоном I: «Так из-за чего же мы воюем?»

Что двигало тогда победителем, радевшим о сохранении достоинства русского самодержца? Дело в том, что война с Россией не входила в стратегические планы Наполеона. Более того, ему хотелось видеть Александра I союзником. «Встреча на плоту» послужила отправной точкой для установления взаимоприемлемых на том историческом этапе отношений между Россией и Францией. Наполеоновской дипломатии, сделавшей ставку на тщательную проработку протокольных тонкостей, удалось добиться тогда немалого успеха. В ходе последовавших затем длительных переговоров в Тильзите были подписаны Русско-французский договор о мире и дружбе и Русско-

французский договор о наступательном и оборонительном союзе.

Искусство вести переговоры, достигать компромисса, отстаивая то возможное и необходимое, что отвечало бы взаимным интересам, — одно из особо ценимых качеств дипломата. Здесь имеет значение многое, но определяющим остается знание исторических и политических традиций, сильных и слабых сторон оппонентов, психологическая совместимость тех, кто ведет трудный, порой нескончаемый диалог.

«Классическая дипломатия», «тайная дипломатия», «дипломатия новая и старая», «публичная дипломатия», «народная дипломатия», «дипломатия канонерок», «челночная дипломатия», наконец, «рутинная дипломатия» — вот термины, в которых выражаются разные подходы к дипломатической деятельности на разных исторических этапах. Это дает основания говорить, что дипломатия — как наука и как искусство — и прежде, и теперь не стоит на месте.

История знает немало примеров, в частности, «рутинной дипломатии». Особенно ярким, пожалуй, можно назвать длившиеся много лет в прошлом, XX веке переговоры между КНР и СССР по пограничной проблеме. Обреченным вести эти, по сути, бесперспективные дискуссии дипломатам приходилось нелегко. И тем и другим было ясно: без политической воли руководства двух стран решение найдено не будет. Переговорный процесс растянулся на годы. Для непосвященных это действо было лишено глубинного смысла, однако усилиями дипломатов переговоры оставались единственным каналом, с помощью которого страны поддерживали диалог, удерживаясь от радикальных действий. По рассказам профессионального китайского дипломата Лю Гуанджи, переговоры были лишь видимой частью того, что оставалось за официальной чертой. За рамками официальных бесед и встреч находилось время для личного, неформального общения, и именно оно поддерживало незатухающим очаг российско-китайской дружбы, подвергшейся суровому испытанию с переменой политической погоды. Будучи великолепным знатоком русского языка, Лю стал ключевой фигурой таких неформальных контактов, отдавая все свое время, в том числе и личное, расшифровке, переводу, сверке и согласованию бесчисленных документов и протоколов, в которых политическая власть двух стран тогда особенно не нуждалась. Это подорвало его здоровье: он потерял зрение.

Но у того тяжелого времени было и нечто положительное. В ходе многолетнего переговорного процесса воспиталась и вызрела плеяда дипломатов, которым затем пришлось восстанавливать двусторонние добрососедские отношения.

Многие из них заняли позднее ключевые позиции в межгосударственных отношениях России и стран СНГ.

Одно из свойств исторического процесса — постепенное продвижение к открытости в межгосударственных отношениях. Не только общая канва событий, но и их глубинная суть, варианты подхода к решению проблем становятся достоянием общественности. Все чаще проблемы анализируются, изучаются все возможные подходы к их решению, причем не только за закрытыми дверями кабинетов высоких персон. Возникают широкие общественные дискуссии, в которые вовлекаются представители политической, научной, деловой, религиозной элиты. Многочисленные пресс-конференции, заявления для печати, интервью официальных лиц в той или иной мере приоткрывают завесу таинственности и секретности. Все решительней заявляют о себе требования гласности и открытости. Все большее значение в общественном мнении придается специальным изданиям, выпускам международных аналитических обзоров.

Дипломаты XIX века оказались в свое время на острие всех этих тенденций, которые в ту эпоху еще только начали проявляться. Политическая печать пользовалась все большим авторитетом и влиянием, появились скоростные средства связи (телеграф), а главное — заявило о себе массовое общественное сознание: люди хотели все знать, обо всем судить. Политическая действительность, как бы тому ни противились сами политики, обретала черты публичности, а их мысли и дела подвергались оценке общественности.

Экономическое могущество и военная мощь, оставаясь доминирующими в межгосударственных отношениях, оказывались под возрастающим давлением норм международного права. Язык ультиматумов, выступления с позиции силы по всеобщему признанию становились все менее продуктивными. И именно благодаря действиям дипломатов во многом формировались вес и авторитет государства в международном сообществе.

Приводимые ниже цифры позволяют судить, как развивалась российская дипломатия и как ширилось ее влияние на международной арене на протяжении двух столетий. В 1802 году Россия располагала 44 загранпредставительствами (2 посольства, 18 миссий, 14 генеральных консульств, 8 консульств и 2 вице-консульства). В 1902 году за границей России действовало 8 посольств (в Берлине, Вене, Лондоне, Мадриде, Париже, Риме, Константинополе, Вашингтоне), 25 миссий, 3 дипломатических и политических агентства, 29 генеральных консульств, 69

консульств, 39 вице-консульств. Число сотрудников МИДа составляло 643 человека (297 в центральном аппарате и 346 в загранучреждениях). В 2002 году в штате МИДа насчитывалось уже 3300 сотрудников центрального и 7600 — загранаппарата (включая 2600 дипсотрудников). Российская Федерация ныне поддерживает дипломатические отношения со 178 странами и имеет 140 посольств, 12 представительств при международных организациях, 76 генеральных консульств и 4 консульства. Определенным политическим итогом деятельности МИД РФ стало введение указом президента празднование 10 февраля профессионального праздника «День работников дипломатической службы».

Классическим примером разрешения дипломатическими средствами международного конфликта, чреватого применением силы, стал польский кризис 1861–1864 годов.

Положение в Польше в ту эпоху было тяжелым: крепостное право было здесь отменено еще в 1807 году, однако крестьяне, получив личную свободу, по-прежнему отбывали феодальные повинности. Очень острым был и национальный вопрос, антирусские настроения активно поддерживал Запад.

В начале 1861 года в Варшаве прошла очередная массовая демонстрация, которая была расстреляна царскими войсками. Последовали аресты. Однако правительство пошло и на некоторые уступки: восстановление Государственного совета Царства Польского, упраздненного после восстания 1830–1831 годов, открытие Варшавского университета и т. д. Но они уже не удовлетворяли польское общество, особенно радикалов.

И хотя восстание 1863–1864 годов было слабо подготовлено и вспыхнуло стихийно, за ним стояли и радикальные организации, и определенные интересы западных держав, которые не замедлили вмешаться в польские дела. Франция и Англия потребовали от России прекратить кровопролитие в Польше, в прессе европейских стран развернулась шумная антирусская кампания. Пруссия и Австрия, участники разделов Польши, были обеспокоены началом мятежа, но каждая в силу собственных политических причин. В конце января 1863 года Петербург посетил генерал-адъютант прусского короля Г. фон Альвенслебен, подписавший с канцлером Горчаковым конвенцию о совместных военных действиях против повстанцев. В Варшаве он подписал с русским командованием военную инструкцию. Русские войска получали право преследовать мятежников на сопредельной прусской территории, прусские — в Царстве Польском.

Как отмечает исследователь В. Е. Воронцов, будучи послом в России, Бисмарк наслушался откровенных речей Александра II о

том, что русским Польша якобы в тягость, и теперь допускал возможность захвата и онемечивания этого края в случае ухода русских. Однако польское восстание он решил усмирять вместе с Россией.

Австрия заняла двойственную позицию. Она отдавала дань антирусским настроениям Парижа и Лондона, но, как совладелица исторической Польши, желала не ее возрождения, а превращения польского вопроса в предмет выгодного торга. Поэтому австрийцы решили всего лишь интернировать отряды бежавших из Польши повстанцев.

Альвенслебенскую конвенцию Франция использовала как повод к интернационализации польского конфликта. Но если гнев Наполеона III обрушился на Пруссию, то Лондон считал главным виновником Россию. 26 февраля 1863 года канцлер Горчаков получил депешу британского кабинета, требовавшего восстановить польскую конституцию 1815 года. Он ответил «дружественным отказом». Наполеон III добивался от русского царя уступок, которые удовлетворили бы поляков, и грозил разрывом отношений. Англия, Франция и Австрия с грехом пополам согласовали собственные позиции. 5 апреля 1863 года их послы передали Горчакову депеши правительств с единым требованием — прекратить войну в Польше, восстановить мир. Ответные депеши Горчакова подтвердили желание России закрепить за Царством Польским автономию и водворить в крае мир, но не иначе как путем полного подавления мятежа.

Инициаторы антирусской кампании склоняли к участию в ней другие европейские страны. Пруссия, усмирявшая поляков, прочие германские государства, Швейцария и Бельгия не вняли доводам «миротворцев». Остальная Европа и Турция решили иначе. Папа римский Пий IX выступил в защиту польского духовенства, но русский царь с ним не согласился, сославшись на участие католической церкви в мятеже.

Кульминация дипломатического сражения настала 5 июня 1863 года, когда Горчакову были переданы английская, французская и австрийская депеши. России предлагалось объявить амнистию мятежникам, восстановить конституцию 1815 года и передать власть самостоятельной польской администрации. Будущий статус Польши должна была обсуждать европейская конференция. Однако имелись и разночтения. Если Англия и Франция настаивали на проведении конференции и заключении русско-польского перемирия, то Австрия не допускала созыв конференции без согласия России и робко просила русских прекратить достойное сожаления кровопролитие.

1 июля Горчаков отправил ответные депеши: Россия отказала трем державам в правомерности их сторонних внушений и энергично протестовала против вмешательства в собственные внутренние дела. Право рассмотрения польского вопроса признавалось только за участниками разделов Польши — Россией, Пруссией и Австрией, но — после усмирения мятежа.

Теперь все зависело от решимости сторон идти до конца. «Англия умереннее других, Австрия же, из трусости, может быть, хуже Франции», — заметил Александр II. Европа стояла перед выбором: воевать или не воевать с Россией из-за Польши. Ноты, отправленные тремя державами в августе 1863 года, возлагали на Россию ответственность за последствия, которые может за собой повлечь продолжение смуты.

Антирусская коалиция, во многом благодаря дипломатическим усилиям Горчакова, не сложилась. Неразрешимыми оказались противоречия между Англией и Францией — первая отстаивала «венскую систему» 1815 года, вторая желала покончить с ней. Австрия по-прежнему боялась войны. Для пересмотра «венской системы» император французов пригласил в Париж глав европейских государств. Русский царь согласился прибыть на конференцию при условии участия прочих держав, но англичане наотрез отказались от такого участия. Франция осталась в одиночестве. Россия избежала интервенции, а полякам оставалось лишь вспоминать слова Тадеуша Костюшко о том, что дружба с Францией чаще всего вредила Польше.

Весной 1863 года русское правительство сделало гуманный шаг к мирному окончанию конфликта. 31 марта, в день православной Пасхи, царь объявил о полной амнистии мятежников, которые сложат оружие и возвратятся к долгу повиновения в течение ближайшего месяца, до 1 мая. Но этот шаг царского правительства никакого впечатления на мятежников не произвел, напротив, наиболее радикальные из них провозгласили своей целью воссоздание независимой Польши в границах 1772 года.

Захватнические планы польских мятежников и европейское вмешательство встревожили русское общество. К защите единства любезного отечества призывали дворянство и городская дума Петербурга. Небывалый патриотический подъем охватил Москву. 17 апреля 1863 года государь, тронутый столь единодушной поддержкой общества, отменил в стране телесные наказания и принял депутатов от разных сословий и краев. Александр II как никогда прежде ощущал прочность своей державы: «Я еще не теряю надежды, что до общей войны не дойдет; но если она нам суждена, то я уверен, что с Божией помощью мы сумеем отстоять

пределы Империи и нераздельно связанных с ней областей…»

Вооруженные выступления польских повстанцев, отказ польской оппозиции рассмотреть варианты политического компромисса вынудили Россию стать на путь военного решения проблемы. Конфликт развивался в условиях иностранного вмешательства, в котором преобладало влияние Англии и Франции. В него оказались вовлечены не только ведущие дипломатические ведомства европейских стран, но и влиятельные общественные силы, органы печати, известные публицисты. Накал политических страстей вокруг Польши достиг своего апогея в 1863 году; ситуация становилась настолько острой, что допускала развитие событий по крымскому сценарию. Франция, вдохновленная своими военными и политическими успехами в Италии, была движима желанием добиться отторжения от Российской империи католической Польши… Россия подверглась тотальному давлению, оказалась на грани международной изоляции… Преодоление польского кризиса средствами классической, а также публичной дипломатии принято считать вершиной политической карьеры Горчакова. Здесь он проявил удивившее мир дипломатическое искусство, противопоставить которому что-либо существенное его оппоненты не смогли.

Набиравшие техническую мощь средства массовой информации существенно активизировали интерес общественности к поиску путей разрешения международных проблем. Потребностью становилась не только своевременная информированность, но и стремление собственными суждениями конструктивно влиять на ход событий. Прямые, или, как их теперь называют, «горячие» линии связи, скоростные средства передвижения, способствующие частым контактам и встречам глав государств и правительств, казалось бы, оставляли все меньше места для дипломатических маневров, для общих фраз, длительного продумывания и согласования взглядов. Это предполагало особую ответственность за точность и взвешенность однажды высказанной позиции. Отводимые некогда только традиционной, классической, дипломатии функции тем не менее не утрачивались, но усложнялись, древнее искусство становилось еще более тонким, особенно когда речь шла о болезненных и сложных для разрешения вопросах.

Межгосударственные отношения во второй половине XIX века вступали в особую фазу. Горчаков столкнулся с необходимостью не только реформировать внешнюю политику России, но также и унаследованную им структуру внешнеполитического ведомства. Первоочередной его задачей стало вдохнуть в этот сложный управленческий организм свежие силы и новые идеи, привести

его в соответствие с теми задачами, которые встали перед поверженной в Крымской войне Россией.

Причины трагического положения, в котором оказалась Россия, были очевидны и для нового самодержца, Александра II. Политическая обстановка вокруг России, положение дел внутри страны, само Министерство иностранных дел в том виде, в каком оно осталось от прежнего управителя, требовали решительных конструктивных преобразований. Поворотным моментом начального этапа царствования Александра II стало секретное совещание у императора, где наиболее близкие к дому Романовых люди, причастные к управлению Россией, нашли наконец в себе силы реально оценить ситуацию.

Любая война, даже победоносная, отвлекает государство от необходимости заняться собственным благоустройством, откладывает в долгий ящик решение назревших внутренних проблем. Крымская война открыла глаза не только высокопоставленным сановникам, но и тем радикальным славянофилам, кто из века в век тащил Россию в болото национальной самоизоляции. Среди них оказался и «лейб-публицист» императора Николая I, издатель «Москвитянина» М. П. Погодин. Проникшись «духом времени», он писал: «Нельзя жить в Европе и не участвовать в общем ее движении, не следить за ее изобретениями, открытиями физическими, химическими, механическими, финансовыми, административными, житейскими. Если Австрия и Пруссия могут в день примчать свои войска к границам Польши, то нельзя нам волочиться туда два месяца. Если их штуцера берут теперь на две тысячи шагов, то нельзя довольствоваться нам тульскими ружьями и надеяться на один штык, который не доходит теперь до своего места назначения. Если их конические пули уходят глубже в тело и производят рану смертельную, то нельзя нам стрелять прежним горохом. Если винт сообщает их кораблям способность двигаться как угодно, то нельзя остаться нам со старыми методами кораблестроения, — а механика, химия, физика, астрономия позовут к себе естественные науки; естественные науки приманят математику, высшая математика потребует философии и пр. Нельзя ограничивать число людей образованных известными цифрами, ибо пределы этих официальных цифр наполняются, по известному закону, посредственностями и пошлостями; а таланты-то все остаются вне оных…»[64]

Решимость власти отмежеваться от прежнего курса и пойти по пути реформ проявилась прежде всего в отставках прежних министров и назначениях на государственные посты новых людей. Удаление с политической арены одиозных персон, многие

из которых, казалось бы, навсегда вросли во власть, давало повод к надеждам на дальнейшие перемены.

Новый российский самодержец уже с первых шагов стал проявлять приверженность к некоему новому курсу, смысл и значение которого на первых порах, однако, ни сам Александр II, ни его окружение не могли внятно сформулировать. Тогда в газетной публицистике начавшиеся перемены стали называть перестройкой. Жесткие реалии, отодвигавшие Россию на обочину европейской политики, разлад во внутренней жизни государства, унаследованный от прежнего режима, одряхлевший управленческий аппарат, — все это ставило перед российским самодержцем проблемы, одолеть которые в одночасье не представлялось возможным.

Когда Горчаков приступил к своим новым обязанностям, посол Франции в России граф Морни доносил императору Наполеону III о Горчакове как «о государственном человеке с живым, острым умом, щеголяющем независимостью своих мнений и утверждающем, что принял портфель только для того, чтобы доставить торжество своим идеям»[65].

Горчаков оказался одним из немногих, у кого действительно были свои идеи, касавшиеся государственного управления. Формулируя их, он опирался на многолетние наблюдения жизни далеко продвинувшихся в политическом укладе, в экономических и демократических традициях стран Европы.

Сообщение о назначении Горчакова министром иностранных дел привело в растерянность некоторых близких к новому государю людей. Разочарование настигло прежде всего тех, кто уверовал в свое чуть ли не наследственное право на те или иные государственные должности. Имелись, однако, и другие взгляды на эти кадровые перемены. Вот что писал о них будущий военный министр Д. А. Милютин: «…уволен от должности министра иностранных дел граф К. В. Нессельроде, принимавший в течение почти пятидесяти лет (с 1807 г.) деятельное участие во всех дипломатических делах Европы, наряду с самыми знаменитыми политическими деятелями XIX столетия. Подписанием Парижского мирного договора закончил он свое видное поприще. На место его призван князь Александр Михайлович Горчаков, выказавший много такта, энергии, ловкости на посту посланника в Вене при крайне трудных обстоятельствах последнего времени. Назначение его было принято весьма сочувственно в русском обществе; радовались у нас тому, что политика наша наконец вверена человеку русскому, притом родовитому, потомку Рюрика, сумевшему поддержать достоинство России перед вероломной и двуличной Австрией»[66].

Двойственность в оценке личности Горчакова и едва сдерживаемое раздражение читаются в написанном в те дни письме русского посланника в Берлине А. Будберга к сыну канцлера Нессельроде: «Назначение Горчакова меня не удивило бы два года тому назад. Оно меня чрезвычайно удивляет теперь, после того, что случилось в Вене… Но может быть, ему больше повезет во главе министерства, чем во всех тех миссиях, которые ему поручались. Конечно, ума в нем достаточно…»[67]

И хотя у государя преобладали амбициозные воззрения на историческую миссию России в международном плане, он прекрасно понимал, сколь насущным является поиск решения вопиюще сложных внутренних проблем. Насколько позволяли реалии того времени, уже в начале царствования Александр II, прислушиваясь к советам князя Горчакова и его сторонников в правительстве, решился на предоставление некоторых политических прав и свобод, начал медленный демонтаж казарменных норм и правил. Одна из первых либеральных мер — новая система получения загранпаспортов. Прежняя, «николаевская» сильно затрудняла выезд за пределы России. «По моему совету, — вспоминал впоследствии Горчаков, — Государь повелел понизить пошлину на заграничные паспорта с 500 рублей до 5 рублей за полугодичное пребывание за границей»[68].

Министр иностранных дел в тот период стал главным, наиболее приближенным к Александру II советником практически во всех государственных делах. Он помог власти в труднейший момент ее становления обрести ощущение надежности, веры в перспективу. Ему удалось вдохнуть мужество и уверенность в самодержца, в членов его семьи и окружение, предложив энергичные меры, способные придать царствованию Александра II отличные от прежних смысл и значение.

Горчаков был человеком, к которому Александр II с давних пор — еще со времени их встреч в революционной Европе и впоследствии в Штутгарте — испытывал симпатию и доверие.

Предоставление политических прав и свобод, начало которым было положено возвращением из ссылки опальных декабристов, ослабление цензуры, открытая дискуссия о способах решения крестьянского вопроса — лишь часть проблем, которые, по воспоминаниям Горчакова, обсуждались им в доверительных беседах с Александром II.

Горчаков на петербургском политическом небосклоне был человеком малоизвестным: его лицо не примелькалось в светских салонах и коридорах власти. Императору, поставившему своей целью приобщить Россию к европейским ценностям, сведущий советник был необходим. Когда, в ходе долгих уговоров,

Александр II получил от Горчакова согласие занять пост министра, произошла сцена, смысл и значение которой носит на первый взгляд религиозно-мистический, а по сути — глубоко символический характер. Горчаков неожиданно обратился к императору с просьбой: «Ваше Величество, снимите с одного из образов Ваших крест и возложите на меня. Да дарует он мне силы к поднятию того креста великих трудов, которые Вы возлагаете на меня с обязанностью министра иностранных дел». Лицо Государя просветлело удовольствием. Он вынес из соседней комнаты небольшой серебряный крестик и, возлагая на меня, сказал: «Примите это, князь. Да укрепятся ваши силы». Этот крестик всюду меня сопровождал»[69].

Этот символический жест скрепил их союз. В дальнейшем в отношениях Александра II и Горчакова установился такой уровень доверия, разрушить который, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся ближним окружением царя попытки, оказалось невозможно. За годы царствования Александр II не однажды производил замены в своем кабинете. Приходили и уходили люди разного калибра, разных достоинств. Горчаков неизменно оставался на своем месте. «В России есть только два человека, которые знают политику русского кабинета: император, который ее делает, и я, который ее подготовляет и выполняет»[70], — сказал однажды Горчаков Бисмарку.

В самом деле, Горчаков старался строго придерживаться этого правила. В тех же случаях, когда мнения императора и министра расходились, князь использовал все свое дипломатическое искусство, чтобы убедить Александра II в своей правоте. Горчаков был тонким политиком во всем, что касалось сильных и слабых сторон личности Александра II. Ему так удавалось влиять на формирование мнений императорского окружения, что предлагаемый им подход к решению внешних проблем рано или поздно становился и точкой зрения Александра II. Бисмарк, близко наблюдавший Горчакова в годы своего пребывания в Петербурге в качестве прусского посланника, отмечал эту способность российского министра: «Если император когда-нибудь почувствует, что Горчаков ловко и незаметно, всякий раз под новыми предлогами, умеет отклонить его от собственных целей, то он окажет сопротивление, доходящее до упрямства; но Горчаков умеет блюда… всякий раз поливать новым соусом, который по вкусу императору, до сих пор он самостоятельно держит руль в своих руках, и императорский корабль идет по даваемому им направлению»[71].

С момента назначения министром Горчаков погрузился в общегосударственную жизнь, ради чего ему пришлось от многого

отказаться: от прежней размеренной жизни, от одного из сильнейших его увлечений — коллекционирования живописи и предметов искусства. Горчаков принял деятельное участие в выработке подходов к ключевой проблеме царствования — крестьянской реформе. Уже в начале 1857 года, стремясь придать динамизм и конкретность устремлениям императора, Горчаков подготовил служебную записку «О шести способах к достижению освобождения крестьян от крепостного состояния». Неподдельный интерес императора вызвала раздобытая Горчаковым брошюра, в которой были подробно изложены способы решения крестьянского вопроса в сопредельных с Россией княжествах Молдавии и Валахии.

Горчаков вступил в должность министра в обстоятельствах, которые облегчали продвижение новых идей касательно внешней политики России и открывали дорогу новациям в управлении внешнеполитическим ведомством. Появилась редкая возможность вершить многое из назревшего, для того чтобы создать отвечающий духу времени дееспособный и динамичный управленческий организм. Как никто другой Горчаков познал сильные и слабые стороны аналогичных ведомств европейских государств. Ему было с чем сравнивать и что предложить. С первых предпринятых министром шагов становилось ясно: Горчаков давно готовил себя к этой роли. Его решения были призваны способствовать повышению эффективности работы министерства, а также посольств и миссий за границей, провести кадровые перестановки и даже чистку, освободившись от случайных людей, оказавшихся в МИДе в поисках личных выгод.

Горчаков передал в другие ведомства несвойственные министерству функции, такие, как политическая цензура, протокол императорского двора, вопросы опеки и управления окраинными территориями, переводческая работа для сторонних нужд.

Смена самодержца в России, как правило, сопровождалась уходом тех, кто занимал ключевые посты в государстве, а также высокопоставленных чиновников.

В своих новых назначениях Горчаков-министр руководствовался прежде всего интересами дела, пытаясь противостоять конъюнктурным соображениям и креатурам, главным достоинством которых была протекция высокого лица. Особенно это касалось назначений за границу. Здесь он проявлял несвойственную тогда в таких делах твердость. Именно деловые соображения, а не принадлежность к влиятельным силам определяли для Горчакова ценность того или иного дипломатического чиновника.

В системе отношений между государствами роль посла, его способности, политический вес и личный авторитет всегда имели особое значение. От его расторопности и политического веса зависело доверие, а в иных обстоятельствах — и судьба межгосударственных отношений. Медлительность в доставке дипломатической почты, несовершенство средств связи осложняли возможность оперативно и своевременно согласовывать официальную реакцию на различные международные события. Послу необходимо было обладать высокой мерой государственной мудрости и даже политической изворотливости. Умение находить правильное решение, часто в критических ситуациях, проявляя при этом достоинство, выдержку и хладнокровие, — обязательные для дипломата качества, которые даются опытом и талантом.

В российских светских кругах преобладало легковесное отношение к исполнению посольских функций. Многим, в том числе и высокопоставленным чинам в государстве, назначение на посольскую должность казалось воздаянием за «черную» работу. Кое-кому грезилась красивая жизнь с сильными впечатлениями, веселыми развлечениями, элегантными собеседниками. «После трудов, понесенных на военном министерстве в военное время, хорошо бы отдохнуть в Париже»[72], — говорил, метя на место посла России во Франции, князь В. А. Долгоруков, военный министр времен бесславной Крымской войны.

Мало кто мог тогда разделять взгляды Горчакова на реальное содержание дипломатической деятельности за рубежом. Пожалуй, он был единственным или одним из немногих в окружении императора, кто отчетливо понимал, что легковесное отношение к службе за пределами России оборачивалось для государства упущенными возможностями и даже потерями, восполнить которые, как правило, не удавалось. Между тем он на собственном опыте убедился, какое значение имеет должность посла, особенно в кризисных ситуациях. Ведь Горчаков, будучи посланником за границей, оказался в гуще событий, вызванных революционной волной в Европе 1848–1849 годов. Тогда, по его словам, ему пришлось пройти «огонь и воду». Затем последовали драматические 1853–1856 годы, когда в ходе крымской эпопеи Горчаков оказался единственным дипломатом высокого ранга, находившимся в эпицентре враждебной России коалиции. Да только ли это?

Сколь бы решительно ни был настроен Горчаков в отношении кадров, выбор приходилось делать из весьма ограниченного круга лиц. Таких, кто мог соответствовать уровню назревших задач, было немного. Зато имелось немало других…

Принципиальная позиция, занимаемая Горчаковым, охладила рвение влиятельных претендентов, в том числе и таких, для кого покровительство государя позволяло считать посольское назначение делом решенным. Горчаков порой вынужден был идти на крайние меры, угрожая государю своей отставкой, и ему обычно удавалось добиться своего. Вышеупомянутому князю Долгорукову так и не суждено было получить посольский пост в Париже. Тщетными оказались и усилия царских любимцев из семейства Адлербергов пристроить бездарного родственника посланником в Дрезден, затем в Брюссель…

Министр хотел видеть на посольских должностях таких людей, кто был в состоянии реально защищать интересы государства. Впоследствии, проявив твердость, он пошел наперекор своей влиятельной покровительнице, великой княгине Ольге Николаевне, пытавшейся предложить на престижную посольскую должность свою креатуру — оскандалившегося во время студенческих беспорядков 1861 года ректора Петербургского университета адмирала Н. В. Исакова.

Слов нет, царствующая династия давала немало поводов к тому, чтобы в российской элите коренилось отношение к заграничным назначениям как к своего рода инструменту поощрения и наказания. Служить за границу отправляли неугодных, угодивших же вознаграждали назначением в те страны, где их миссия сводилась, как правило, к исполнению представительских функций. Теперь положение дел изменилось.

Огромное значение имело то, кто будет назначен послом во Францию, поскольку именно на этом направлении реально выстраивались основные приоритеты российской внешней политики. В итоге в 1856 году в Париж отправился граф Павел Дмитриевич Киселев (1788–1872) — авторитетный государственный деятель, игравший видную роль в прежние царствования. Это был динамичный, прогрессивно мысливший политик, прошедший большой жизненный путь: участник войны с Наполеоном, боевой генерал, командир крупных воинских соединений. После окончания Русско-турецкой войны (1829–1830) он был назначен российским наместником в княжествах Молдавии и Валахии. Это ему удалось удачно осуществить первый опыт освобождения местных крестьян от крепостной зависимости.

Николай I намеревался поручить Киселеву разработку решения крестьянского вопроса и в России, создав для этого специальный комитет. Однако тогда перевес оказался на стороне дворянско-помещичьей элиты, не желавшей коренных перемен. Возобладала поддержанная императорским окружением точка

зрения не менее авторитетного для Николая человека — министра финансов Е. Ф. Канкрина: «Недостатки старого известны, а нового — скрыты». Киселеву удалось лишь несколько облегчить положение государственных крестьян. Попутно следует отметить: опыт Киселева в решении крестьянской проблемы в конце концов оказался востребованным: его учеником и последователем был Николай Милютин, которому довелось, несмотря на чинимые препятствия, сыграть важнейшую роль в деле освобождения российского крестьянства. Пушкин, знавший Киселева в годы южной ссылки и затем по Петербургу, считал его «возможно, самым замечательным из наших государственных людей»[73].

Киселев возглавил созданное государем впервые в истории России Министерство государственных имуществ, которым он управлял около восемнадцати лет, за что и был возведен в графское достоинство. Предлагая графу Киселеву должность посла в Париже, Александр II обратился к нему с такими словами: «Я здесь прошу не о согласии, а о пожертвовании с вашей стороны»[74].

Это назначение было целесообразным и с деловой, и с политической точки зрения и свидетельствовало о серьезности намерений российского руководства.

Все последующие перестановки и новые назначения на посольские должности в ключевые страны осуществлялись, как правило, в пользу карьерных дипломатов. Так, в Вену был направлен В. П. Балабин, в Лондон — М. И. Хрептович, в Константинополь — А. П. Бутенев.

Еще важнее для министра было подвергнуть пересмотру систему функционирования самого министерства. Выдвинув во главу угла высокий профессионализм, Горчаков попытался оптимизировать работу одного из ключевых ведомств государства. В ходе пересмотра штатов, их структуры было проведено и преобразование всей системы управления. С 1859 года была восстановлена принятая в царствование Екатерины II норма — необходимость при определении на дипломатическую службу подтвердить знание двух иностранных языков и иметь диплом о высшем образовании. Были введены повторные внутриведомственные «испытания» для тех, кто готовился вступить в вакантную дипломатическую должность. Таким путем обеспечивалось преимущество тем, кто обладал незаурядными способностями, демонстрировал неординарность мышления и широту познаний. Помимо соображений сугубо профессионального свойства, эти меры ослабляли напор со стороны высокопоставленных чиновников, радевших за своих

протеже. Горчаков исходил из того, что служащие Министерства иностранных дел — лица особые, наделенные рядом качеств, каких может не быть у представителей других ведомств. Их служебная значимость зависит от целого ряда достоинств, а исполняемые обязанности требуют специальной, длительной подготовки.

Особое предпочтение отдавалось умению в совершенстве владеть языком международного дипломатического общения, каким в ту пору утвердился французский. В министерстве все сотрудники изъяснялись только по-французски, что давало повод некоторым публицистам язвить, называя внешнеполитическое ведомство «иностранным министерством русских дел».

Возглавив МИД, Горчаков стал первым российским министром, обратившим внимание на необходимость систематизации и последующего изучения дипломатических документов прошлого. Начали разбирать архивы, относившиеся к истории внешней политики и государственного строительства, открыв к ним постоянный доступ для исследователей.

Главноуправляющий архивным департаментом Гамбургер оставил красноречивые воспоминания о том, каких трудов стоило Горчакову добиться передачи одного из солидных особняков Москвы, здания бывшего Горного управления, для размещения фондов московской части архивов МИДа. Пришлось выдержать атаку весьма влиятельных лиц, чтобы «отбить» здание в пользу архивного ведомства. Эта полная драматических перипетий эпопея завершилась выделением средств на капитальный ремонт здания. Его открытие состоялось в 1868 году.

Горчаков инициировал издательскую деятельность министерства выпуском в 1861 году первого ежегодника. В нем публиковались важнейшие сведения и документы о деятельности МИДа за истекший год. Тогда же приступили к изданию «Собрания трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами», «Восточного сборника», а также словарей восточных языков.

Реформирование ведомства продолжалось на протяжении многих лет. В 1865 году на рассмотрение Государственного совета были внесены предложения относительно новой структуры и штатной численности аппарата Министерства иностранных дел Российской империи, согласно которым предлагалось практически на две трети (с 306 до 139) сократить число его сотрудников. Делалось это в первую очередь за счет ликвидации «столов и столоначальников, надзирающих за работой других». Александр II вслед за Государственным советом все эти предложения утвердил.

Оптимизация численности, ликвидация промежуточных звеньев позволили расширить возможности растущей сети загранучреждений и увеличить оклады занятым на особо ответственных должностях, поскольку ассигнования на нужды министерства сокращению не подвергались. Горчаков добился и того, чтобы служащим министерства были установлены более высокие государственные чины и ранги. Повышение, о котором не могли мечтать чиновники других ведомств, было признанием деловых достоинств сотрудников, свидетельствовало о внимании к людям, близко стоящим к кормилу государственного управления. Тогда же, впервые в истории министерства, была создана специальная кадровая служба: департамент хозяйственных и счетных дел был преобразован в департамент личного состава и хозяйственных дел, уточнены его функции, укреплены штаты.

В 1868 году было принято новое «Учреждение» министерства. В его регламент были внесены уточнения принципиального порядка. Предмет ведения внешнеполитического ведомства России определялся так:

«Политические сношения с иностранными правительствами;

Покровительство в чужих краях русской торговле и вообще русским интересам;

Ходатайство о законной защите русских подданных по делам их за границей;

Содействие к удовлетворению законных требований иностранцев по делам их в России».

Тогда же были откорректированы функциональные обязанности департаментов, уточнены характер и функции ряда должностей, в частности, это касалось и роли заместителя Горчакова, «товарища министра».

В целом же реформаторские усилия Горчакова направлялись на профессионализацию кадров, на выявление и максимальное раскрытие способностей тех, кто с ним работал. Ведь перед аппаратом министерства остро стояла задача не только находиться на уровне политической повседневности, но и прогнозировать возможное развитие международных событий.

Министр умел ценить талантливых работников, старался в интересах службы сохранить тех, кто был особенно полезен. Молодой перспективный дипломат князь А. Б. Лобанов-Ростовский, в ту пору посол России в Турции, без объяснения мотивов подал прошение об отставке. Шаг был довольно неожиданным и даже дерзким для 38-летнего дипломата, занимавшего один из ответственнейших государственных постов. Такой поступок дипломата высокого ранга бросал тень и на само

министерство. Однако Горчаков не стал требовать объяснения или тем более осуждать князя. Сообщая о согласии Александра II на отставку, на полях прошения Горчаков от себя написал: «Нет необходимости, мой дорогой князь, говорить Вам о моих личных сожалениях». По прошествии нескольких лет Лобанова-Ростовского удалось вернуть на дипломатическую службу. Завершить карьеру ему довелось министром иностранных дел Российской империи (1895–1898).

«Министр — «божество» и подчиненные — «жрецы» творили внешнюю политику России в особой атмосфере, — писал в своих воспоминаниях князь В. П. Мещерский. — Они воздавали божье — богу своему и свое — себе с замечательным искусством и тактом. Никогда князь не чувствовал в своих жрецах противоречия себе, никогда они его не сводили с престола всеведущего божества, но в то же время нередко это божество говорило их мыслями. Но искусно также вел работу равновесия сам канцлер, во всем, что его касалось… Он всегда был блестящ и великолепен везде тем, что он входил в каждое положение, в каждую минуту, в каждый вопрос — не как бог, а как умный человек. Этот царь слова, этот бог своего ведомства никогда не оскорблял чье-либо самолюбие, никогда не осмеивал чье-либо убеждение, никогда не являлся деспотом своего великозвучащего «я»!

Способность слушать других, не подавляя масштабом и могуществом собственной личности, — одна из особенностей Горчакова-министра. Горчаков умел окружать себя талантливыми людьми, а его канцелярия «носила отпечаток элегантности и была действительно подготовительною школою для дипломатической службы»[75].

Горчаков-министр в своей работе с аппаратом старался поставить дело таким образом, чтобы обмен мыслями, взглядами на проблему происходил в виде дискуссий, состязательности умов, помогал быстро находить сильные ходы, неотразимые аргументы, оперативно облекать их в глубокие по форме и смыслу дипломатические документы. Министр исходил из того, что главным результатом деятельности ведомства должен быть лаконичный документ, в котором, насколько позволяли условия и возможности, прописывались бы цели, установки, предложения, дающие приемлемый ответ на вызов политических обстоятельств времени.

Горчаков более чем кто-либо понимал: слово — уникальное, единственно доступное дипломату оружие. Восточная мудрость гласит: «Человек совершенного ума словами улаживает такие дела, которые невозможно осуществить с помощью сотен храбрых

воинов». Мудрость восточная перекликается с не менее весомой по смыслу русской мудростью: «Слово не стрела, но пуще стрелы». Оно способно разрушить мир и остановить войну, может окрылить, но может и сразить, повергнуть человека в прах, вроде бы оставив его живым. Умение пользоваться словом как искусством — одна из высоко ценимых черт даровитых дипломатов, существенный признак профессионала высокого класса. Мастерски владели словом видные современники Горчакова — Талейран, Меттерних, Бисмарк, Кавур, Пальмерстон, Биконсфильд… Тем не менее как оратор, политический публицист Горчаков не имел себе равных. Он умел находить доводы разящей силы и тонко оперировать ими. Оппонентам не всегда удавалось что-либо этому противопоставить. Его выдающимся способностям оратора, завораживающему собеседников красноречию завидовал Бисмарк. В своих мемуарах, бросая порой упреки и обвинения своему политическому противнику, он, однако, никак не мог отказать Горчакову именно в мастерском владении словом, в способности тонко и точно излагать свои мысли. Достоинства Горчакова-публициста, его литературную одаренность современники отмечали особо. Тютчев величал его «нарциссом чернильницы». А императорский рескрипт — адрес, направленный Александром II к юбилею, 50-летию государственного служения Горчакова, — особо отмечает именно эту черту его таланта: «Вся Россия торжественно признала заслуги Ваши, когда в 1863 году Вы, в исполнение Моих предначертаний, силою слова обезоружили подымавшихся на нас врагов и тем запечатлели имя Ваше на скрижалях будущей летописи нашего Отечества»[76].

Особой, скрытой от глаз, важной и трудоемкой частью дипломатической деятельности является составление, правильнее сказать, подготовка дипломатических документов: донесений, протоколов, нот, меморандумов, заявлений, договоров, соглашений и т. п. Не случайно особо ценным качеством дипломата принято считать способность к работе за письменным столом. Еще в начале службы, в 1820 году, в ходе трехмесячной работы на международном конгрессе Священного союза в Троппау начинающий дипломат Горчаков написал и направил в центр около 1200 донесений. Тогда Горчаков доказал, насколько старательно и продуктивно может работать. Для одного только архива МИДа в тот период он ежедневно посылал до тридцати сообщений. Его работоспособность была замечена не только в дипломатической среде, но и самим Александром I, возглавлявшим русскую делегацию.

Сколь бы важными и значительными ни казались

произносимые в ходе дипломатических бесед, обменов мнениями, переговоров слова и речи, их подлинный смысл, реальная ценность определяются тем, как, в какой форме они получают отображение в документах.

Многовековая практика выработала особый дипломатический стиль, формы и формулы, обеспечивающие работу по подготовке таких документов. Однако и здесь, как в любом искусстве, есть свои вершины, образцы, в которых проявляются лучшие черты дипломатического стиля — строгость, лаконичность, точное изложение событий и фактов, не допускающее их искажения или двойного толкования; при этом язык таких документов, как правило, совершенно индивидуален, окрашен талантом пишущего. В подобных случаях «стандартная» коллизия или совокупность «непредвиденных» обстоятельств излагается с особой экспрессией, обретая своеобразное звучание.

Горчаков-дипломат в своем деле оказался новатором. Он сумел доказать, насколько литературный язык Пушкина с успехом употребим в системе, казалось бы, незыблемо казенного общения. Стиль дипломатических документов, в составлении которых он принимал участие, обрел живые черты, оснастился разнообразием литературно-художественных средств и приемов. Горчаков стремился следовать классическим литературным канонам, добиваясь стилистической целостности, совершенства в таком официальном деле, как дипломатическая переписка. Это особенно очевидно, если сопоставить дипломатические документы прежнего времени с тем, что выходило из-под пера Горчакова. Похоже, он придавал значение каждому слову, каждой строчке, уделяя работе над текстом немало времени и таланта. Возможно, по этой причине у Горчакова не оставалось вдохновения ни для дневниковых записей, ни для мемуаров.

Ниже приводятся некоторые фрагменты из дипломатической переписки Горчакова.

«Наш августейший монарх расположен самым дружественным образом к Франции, каким бы ни было правительство, которое ею управляет. Вы будете выразителем этих чувств.

Его Императорское Величество желает, чтобы эта страна возродилась и снова заняла подобающее ей место в Европе. По этому поводу наша моральная помощь ей на этот счет обеспечена, насколько это возможно.

Приобретенный опыт и потребности ее нынешнего положения побуждают французское правительство искать наше доброе намерение и отступиться от своих враждебных традиций и сблизить свои интересы с нашими.

Мы признаем, что взаимный и долговременный обмен услугами установил бы между нами прочные отношения.

Франция нашла бы в этом моральную поддержку в своем настоящем положении. По мере того как она укрепилась бы, согласие двух стран могло бы стать взаимовыгодным.

Мы желаем использовать эти добрые отношения, не провоцируя их. Речь идет лишь об использовании этих отношений справедливым образом, отвечая на них сердечной взаимностью, но не допуская чрезмерной близости и доверчивости с правительством, которое еще не завоевало право на них, — не поддерживая ни под каким предлогом стремления, которые не могли бы войти в наши расчеты и которые мы расцениваем как опасные для самой Франции, остерегаясь излишнего усердия, которое могло бы поставить под угрозу нашу политику, и, особенно, любых обязательств, которые имели бы целью создание общности интересов, на которые мы не могли бы пойти.

Таковы, князь, рамки, которыми должна ограничиваться Ваша миссия. Она требует много такта и осторожности.

Император свидетельствует Вам о своем высоком доверии, передавая его Вашим заботам».

(Из инструкции Горчакова послу во Франции Н. А. Орлову. Декабрь 1871 г.)

«Борьба, которая, к несчастью, завязалась, не сможет ни продолжаться бесконечно, ни довести до полного уничтожения одну из сторон. Рано или поздно необходимо будет прийти к какому-либо соглашению, допускающему существование различных ныне борющихся интересов.

Следовательно, американская нация дала бы доказательство глубокой политической мудрости, если бы она постаралась общими усилиями прийти к < подобному > соглашению прежде, чем бесполезное кровопролитие, бесплодное расточение общественных сил и богатств, акты насилия и взаимные репрессалии вырыли бы бездну между обеими частями Союза и в конечном счете привели бы к их взаимному истощению и, быть может, к непоправимому разрушению торговой и политической мощи.

Государь не может допустить возможности столь прискорбных перспектив. Его Величество продолжает еще полагаться на практический здравый смысл граждан Союза, всегда рассудительно оценивающих свои подлинные интересы. Его Величество хотел бы верить, что члены федерального правительства и владетельные лица обеих сторон используют все поводы и соединят все свои усилия, чтобы успокоить разбушевавшиеся страсти. Нет таких расходящихся интересов,

которые нельзя было бы примирить, ревностно и упорно работая над этим делом в духе справедливости и умеренности».

(Из депеши Горчакова посланнику России в США Э. А. Стеклю. Июль 1861 г.)[77]

Министр иностранных дел Российской империи Горчаков ознаменовал начало своей деятельности дипломатической депешей от 21 августа (2 сентября) 1856 года. Документ этот давал международному сообществу представление о принципах и подходах к осуществлению внешней политики нового царствования.

Появление документа вызвало живую реакцию в европейских политических кругах. Разноречивое толкование некоторых его положений только усиливало широкий резонанс. По сути, это был ответ на вызов, неоднократно звучавший в европейских политических кругах и международной прессе. Речь шла о том, что Россия после подписания Парижского договора затаила обиду, «воротит нос», уклоняется от деятельного участия в европейских делах в условиях и обстоятельствах, вызывающих всеобщее беспокойство.

Документ не только подводил итог недавнему военному конфликту — войне в Крыму, но и проводил черту под прежним, отошедшим в прошлое историческим этапом. В депеше излагаются основные контуры внешней и внутренней политики России, определяется ее подход к решению международных проблем, принципы, которыми она намерена руководствоваться в дальнейшем.

Это был, по сути, программный документ, оповещающий международное сообщество о том главном, что будет определять политическую жизнь России в период нового царствования. Стать на этот путь публичности было непростым делом. Но выбор был сделан. Основополагающие идеи, заложенные в документе, послужили программой деятельности Министерства иностранных дел. Последовательная и стойкая позиция Горчакова на протяжении двадцати лет не позволяла резко изменять избранный Россией курс.

Эту циркулярную ноту вполне можно считать своеобразным документом-памятником, образцом дипломатии, возвышающим ее до уровня подлинного искусства. Помимо смысловой, общеполитической канвы современники не могли не отметить литературно-публицистические достоинства депеши. На этом имеет смысл остановиться подробно, поскольку и ныне, по прошествии более чем полутора столетий, документ этот принято считать своеобразным эталоном.

Суждения и выводы депеши базируются на

основополагающих требованиях международного права. Обеспечение мирных условий сосуществования европейских государств — лейтмотив, проходящий через весь текст: «… всеобщий мир должен быть отправной точкой для восстановления отношений, основанных на уважении прав и независимости правительств.

Менее чем когда-либо в настоящее время в Европе допустимо забывать, что правители равны между собой и что не размеры территорий, а святость прав каждого из них лежит в основе тех взаимоотношений, которые могут между ними существовать.

…Это и есть та доктрина, которую государства, причисляющие себя к странам, стоящим во главе цивилизации и в которых принципы политической свободы получили свое наивысшее развитие, не переставали выставлять в качестве собственных убеждений».

Та часть ноты, где затрагиваются две актуальные проблемы того времени — положение в Греции и Неаполитанском королевстве, содержит намеки на то, что в политике великих государств имеет место «двойной стандарт»: державам-победительницам указывается на «неприкрытое провозглашение прав сильного над слабым»: и та и другая страна в тот период подвергались бесцеремонному вмешательству в их внутренние дела. Оценки Горчакова усиливают смысловое содержание документа. Очевидно, что сходные предпосылки обусловили унижение России. Очевидно и то, что политические уроки и итоги Крымской кампании в исторической перспективе еще предстоит выверить и оценить. В документе Горчаков останавливается на наиболее характерных нарушениях международных норм, за которыми тогда стояли конкретные государства, говорит о настоятельной необходимости соблюдения правил поведения, основанных «на уважении прав и независимости правительств», когда «не размеры территорий, а святость прав каждого из них лежит в основе тех взаимоотношений, которые могут между ними существовать».

Разве не с тем же столкнулось международное сообщество в канун XXI века, когда одно из государств, правдами и неправдами добившись поддержки союзников, начало военные действия в районе, далеко отстоящем от его границ?

Само начало циркуляра содержит скрытый вызов, заставляя оппонентов вернуться к тому, под чем, казалось бы, подведена черта. Касаясь событий, отошедших в недавнее прошлое, иносказательно, но твердо проводится мысль: подлинные мотивы стран, выступивших против России, — отнюдь не высокие принципы, но собственные интересы. В нем с иронией и

сарказмом читается мораль еще совсем недавним союзникам и друзьям. И это писалось в ту весьма напряженную пору, когда еще звучали призывы окончательно поставить Россию на колени, когда «голос иностранных дипломатов сохранял еще ноты войны и победы. Эти ноты были грубы и резки в устах Пальмерстона, сухи и чопорны в устах Буоля»[78].

Между тем в документе отсутствует какое-либо упоминание победителей и побежденных. Более того, начальная часть депеши, вопреки известным на тот момент реалиям, констатирует лишь то, что Россия, руководствуясь стремлением противодействовать дальнейшему развитию конфликта, пошла на подписание Парижского договора не ради собственного спасения, но во имя установления мира.

«Объединившиеся против нас государства выставили лозунг уважения прав и независимости правительств.

Мы не претендуем на то, чтобы вновь приступить к историческому разбору вопроса о том, в какой мере Россия могла создать угрозу тому или иному из этих принципов.

В наши намерения не входит вызвать бесплодную дискуссию, но мы хотим достигнуть практического применения тех же принципов, которые провозгласили великие державы Европы, прямо или косвенно объявляя себя нашими противниками, и мы тем более охотно напоминаем об этих принципах, что никогда не переставали их придерживаться.

Мы не хотим быть несправедливыми ни к одной из великих держав и строить предположение, что тогда дело шло лишь о преходящем лозунге и что по окончании борьбы каждый сочтет себя вправе придерживаться линии поведения, соответствующей своим интересам и своим собственным расчетам.

Мы никого не обвиняем в использовании этих больших по значению слов в качестве орудия, временно пригодившегося для расширения поля битвы и которое сдается затем в арсенал и покрывается там пылью. Напротив, мы хотим оставаться при убеждении, что державы, провозгласившие эти принципы, делали это честно, вполне добросовестно и с искренним намерением применять их в любых обстоятельствах».

Для мыслящего читателя становится ясно, что Россия глубоко уязвлена и оскорблена и что она опровергает исходные обвинения, послужившие поводом для агрессии.

Однако в целом документ преследует главную цель: из пережитых, драматических для Европы событий должны быть сделаны всеобщие и обязательные для всех выводы. Провозглашаемые принципы должны носить универсальный характер и применяться независимо от обстоятельств.

В разных частях депеши достаточно внятно просматриваются контуры внешней политики России, формируются ее основные подходы. Приверженность открытости и гласности — одна из главных ее черт.

«Император хочет жить в полном согласии со всеми правительствами. Его Величество считает, что наилучшее средство для достижения этого — не утаивать своих мыслей ни в каком из вопросов, связанных с международным европейским сообществом».

Подобный подход обусловливает приоритеты в политике нового царствования: Россия сознательно и добровольно отходит от межгосударственных борений в сложный для себя период. Здесь преобладает ясное понимание того факта, что значение и вес дипломатических аргументов будут приниматься во внимание лишь тогда, когда страна обретет собственную политическую и экономическую стабильность. Это был один из новых элементов российской политики, оказавшийся весьма неожиданным для ее политических оппонентов.

Отныне Россия намеревалась руководствоваться собственными интересами, проводить самостоятельную политику, не обремененную прежними обязательствами. В депеше был вынесен приговор Священному союзу, возникшему в постнаполеоновское время. Россия, как известно, в течение десятилетий, начиная с разгрома Наполеона и взятия Парижа в 1814 году до событий Крымской войны, то есть до 1854 года, была признанным лидером этого союза, прилагала все усилия к его сохранению и укреплению, зачастую ценой больших собственных жертв.

«Союз тех, кто в течение долгих лет вместе с нами отстаивал принципы, которым Европа обязана сохранением мира на протяжении свыше четверти века, не существует более в своей прежней неприкосновенности».

Первейшие интересы России отныне обращены на решение национальных задач: хозяйственное строительство и улучшение жизни народа. Ее участие в мировых делах будет проявлено лишь в обстоятельствах, затрагивающих российские интересы, или в случаях, когда Россия сочтет своим долгом стать на защиту справедливости.

«Император решил предпочтительно посвятить свои заботы благополучию своих подданных и сосредоточить на развитии внутренних ресурсов страны свою деятельность, которая будет направлена на внешние дела лишь тогда, когда позитивные интересы России потребуют этого безоговорочно.

Политика нашего августейшего государя имеет

национальный характер, она ни в коем случае не является эгоистичной, и, ставя интересы своих народов на первое место, Его Величество не допускает мысли о том, что этими интересами может быть оправдано нарушение прав других. Так будет всякий раз, когда голос России сможет оказаться полезным правому делу обеспечения права или же когда император сочтет достойным высказать свое мнение. Что касается использования наших материальных сил, император оставляет за собой право распоряжаться ими по собственному усмотрению».

Ключевое место в депеше отведено той части, где излагаются мотивы, по которым государство и выразители его воли были вынуждены держать паузу. Это переходное состояние определялось ситуацией в России и вокруг нее. В тексте документа не было сказано, как долго продлится это состояние, где и каким сферам будут отданы приоритеты. Выбранные в ноте для определения этого состояния слова, допускающие при переводе разные толкования, послужили поводом для многочисленных комментариев.

Предложение из двух слов: «Россия сосредоточивается», несмотря на неопределенность, по крайней мере, означало устремленность государства к иным, новым целям.

«Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит перед лицом тех фактов, которые не согласуются ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится. Россия сосредоточивается».

Последующая часть ноты как бы вновь возвращает читателя к выводам и суждениям, высказанным вначале, опровергая оценки прежних целей и устремлений России, извращающие их суть. В завершении высказано предостережение тем, кто хотел бы вычеркнуть Россию из числа ведущих европейских держав.

«Что же касается молчания, в котором нас обвиняют, то мы могли бы напомнить, что когда-то против нас была организована искусственная шумиха, потому что мы поднимали свой голос каждый раз, когда мы считали необходимым встать на защиту справедливости. Эта деятельность, проникнутая заботой о ряде правительств, из которой сама Россия не извлекла никакой выгоды, использовалась, чтобы нас обвинить в стремлении к какому-то общему господству…

Мы могли бы наше молчание объяснить впечатлением, оставшимся от воспоминания об этом.

Но мы находим, что это неподобающая позиция для державы, которой Провидение отвело в Европе место, занимаемое Россией».

Целостное прочтение послания позволяет говорить о его

выстроенной драматургии. Гордый и уверенный тон, твердость и независимость, убежденность в суждениях и оценках, ироничная в отдельных местах интонация не могли не воодушевлять русского читателя.

Это восприятие усиливается использованием словесных оборотов, придающих тексту особую эмоциональную окраску: «борьба, исход которой ускользал от человеческого предвидения», «насильственная подмена собой его авторитета», «право сильного над слабым», «использование больших по назначению слов в качестве орудия, временно пригодившегося для расширения поля битвы и которое сдается затем в арсенал и покрывается пылью».

Отточенные строки обращены не только к политикам и дипломатам, а и к широкой читающей публике, для которой международная жизнь — неотъемлемая часть их общественной и индивидуальной жизни. Такой документ мог быть составлен дипломатом, который не только знает сложившиеся в этом деле традиции, но и в совершенстве владеет языком дипломатии, возвышая ее до уровня искусства. Циркуляр заставляет задуматься, побуждает искать скрытый смысл, заключенный в нем подтекст, некий «ключ» для прояснения и уточнения его подлинного содержания. Каждая мысль, каждый тезис послания облечен в чеканные фразы, которые можно рассматривать и как некие формулы или положения. Циркуляр написан превосходным литературным языком и даже в наше время звучит удивительно современно.

По сути дела, в послании излагается проблематика, которой мир живет поныне. Формы конфликтов, их характер и подход к их разрешению во многом остаются неизменными. Проступая из глубины прошлого, их черты весьма узнаваемы. С известными коррективами и допущениями они легко проецируются на день сегодняшний. Сквозь строки депеши как бы доносится биение взволнованного сердца России. Едва остыв от обид и разочарований, она посылает международному сообществу сигналы бодрости, преисполненные достоинства и веры в собственные силы, в свое будущее.

Россия словно вновь приоткрывает миру свою загадочную душу, показывая, что «общий аршин» в подходе к ней неприемлем. Нота несла в себе нечто большее, чем изложение политических устремлений российского кабинета. Ее содержание давало повод судить о появлении некоей новой философии, по-иному определяющей намерения России и ее взгляд на собственное местоположение в окружающем мире. В депеше провозглашалась принципиально новая для Российской империи концепция. Если прежде всюду и во всем она придерживалась

идей верности союзам и солидарной помощи монархическим дворам Европы, то теперь Россия выдвигала своим главным приоритетом национальное саморазвитие, идею сосредоточения на решении своих внутренних проблем.

Сквозь строки документа проступают черты Горчакова-министра, открывая достоинства сильной личности, обладающей качествами, с которыми, несмотря ни на что, нельзя не считаться. Всем, кто тогда находился у руля международной политики, стало ясно: в лице нового министра предстоит иметь дело с «крепким орешком», с личностью, не подвластной внешним или корпоративным влияниям, с человеком, который всецело движим национальными интересами России.

Перед нами еще один документ — депеша министра Горчакова послу России в Англии барону Будбергу, написанная в наиболее сложный период начала шестидесятых годов.

Именно в это время, весной 1862 года, мир заполонили апокалипсические сообщения о беспорядках и актах вандализма, которые сотрясали Россию. Охватившие Петербург невероятные по своим масштабам пожары вызвали шок не только у правящей российской элиты и аккредитованных здесь иностранных дипломатов, но и за пределами государства. Были дни, когда, казалось, горел весь город. Пламенем были объяты огромные жилые и торговые массивы, Апраксин и Гостиный дворы. Огонь подбирался к Публичной библиотеке и Министерству внутренних дел. На борьбу с огнем были брошены все силы. Непосредственное участие в тушении пожаров принимал даже сам император. Не лучше обстояло дело в провинции. По поступавшим оттуда сведениям, ситуация была не менее тревожной, акты гражданского неповиновения имели место в разных частях государства.

Казалось бы, указания министра своему представителю за границей должны были бы содержать сухие инструкции о том, какова должна быть позиция посла, отражающая точку зрения государственной власти на внутренние события в трудный для России период. Однако содержание документа оказалось несравненно более широким:

«Теплота высказанного вами чувства позволила мне судить о размерах преувеличенных толков, распространяемых за границею, о положении нашей столицы и России вообще. Это призрак на дальнем расстоянии или же фантастическое здание, строители которого далеко не благоволят к России. Положение наше трудное, как и всякого государства, приступающего к органическим реформам. Пространство империи, разнообразие племен, ее составляющих, увеличивают затруднения. Всеобщая

болезнь, свирепствующая в Европе и вне ее, не пощадила и нас; но из всего этого разумный и беспристрастный наблюдатель, пребывающий на местах, не заключит, что мы на краю пропасти и бессильны обуздать волнение умов, а также преступные замыслы, с ним связанные. Все классы общества чувствуют себя не вполне хорошо, и существует некоторое колебание ввиду того, что представляется толпе великою неизвестностью. Дело в том, что она выступила из своих привычек и стоит лицом к лицу с властью, которая, вступив на путь прогресса, не считает материальное давление необходимым условием успеха… Мы полагаем, что прогресс этот, чтобы быть верно понятым и идти путем правильным и прочным, нуждается в содействии общественного мнения. Отсюда широкая свобода, дарованная выражению мысли, даже писаной и порою переходящей в своеволие. Симптомы эти поразили иностранцев. Морская ширь (la plaine liquide), как выражается Расин, нигде не бывает спокойна. Так и у нас. Но равновесие восстанавливается. Когда волны вздымаются, как теперь повсюду, было бы наивностью утверждать, что море мигом утихнет. Главная задача — поставить плотины там, где общественному спокойствию или интересу, а в особенности если существу власти, угрожает опасность. Об этом и заботятся у нас, не отступая от пути, который наш августейший государь предначертал себе со дня вступления на престол, наш девиз: ни слабости, ни реакции»[79].

Этот документ характерен для дипломатической практики Горчакова: здесь он обращается как будто не к послу России, точнее сказать — не только к нему, но к общественному мнению Европы. Перед читателем предстает эпическая картина русской жизни, написанная весьма выразительно и сочно. Ни слова о светлом будущем: документ содержит только мужественную, честную и глубокую оценку российской реальности. Из понимания и трезвого взгляда на происходящее как раз и проистекает свет в конце тоннеля. В целом же перед нами сильный, эмоционально выстроенный документ, разрушающий сомнения и колебания, вселяющий веру в тех, кому он адресован. Перед читателем предстает образ власти, которая точно знает положение вещей и видит цели, к которым стремится. Эта власть отдает себе ясный отчет в ситуации и обладает уверенностью, что выход из сложившегося положения будет непременно найден.

В последующем Горчаков не раз прибегнет к этому испытанному средству. Его выверенные и аргументированные дипломатические послания продемонстрируют миру свою эффективность, удерживая страну от применения силы, как, впрочем, и оберегая ее от внешнего вторжения на протяжении

последующих двадцати лет.

Глава III. Реформы и реформаторы

В центре Петербурга, на канале Грибоедова, стоит величественный храм Воскресения Христова, или, как его еще называют, Спаса на Крови. Он строился 24 года, на рубеже XIX–XX веков. Окончательно воздвигнут и освящен в 1907 году. В 1914 году из-за начавшейся Первой мировой войны был закрыт, затем подвергся поруганию: в нем был склад, в блокадные годы — морг, после войны — хранилище театральных декораций. После долгой реставрации летом 1998 года он вновь предстал таким, каким был девяносто лет назад… Его архитектурный облик и убранство, расцвеченные эмалями и золотом купола — одно из последних, наивысших проявлений творческого взлета зодчих, художников, мастеров императорской России.

Храм Спаса на Крови — не только памятник русской архитектуры и монументально-декоративного искусства, не только религиозно-культовое сооружение. Это чудом сохранившийся памятник императору России, мемориал Александра П. Храм построен на месте его гибели, именно там, где бомба террориста нанесла ему смертельное ранение. Помимо изображений библейских сюжетов на фасадах храма по его периметру расположен ряд монументальных гранитных досок. На них золотом начертан свод «деяний Александра II», основные этапы, отметившие правление российского императора.

Посетители, поглощенные созерцанием великолепия собора, порой не удосуживаются уделить этому достойного внимания, тем более что чтение текстов затруднено особым старинным шрифтом, да и расположены доски неудобно. Однако на начертанных здесь строках стоило бы остановиться. Прочитав надписи на стенах Спаса на Крови, можно оценить масштаб преобразований и нововведений, какие были предприняты в различных сферах жизни российского государства, ощутить близкую связь тех деяний и событий с современностью.

Всего досок двадцать.

Часть из них посвящена становлению личности государя, восшествию Александра II на российский престол. Другая относится к военным походам и победам, в том числе тем, которые мало что скажут даже подготовленному читателю. Время поглотило их значение и смысл. Но есть и такие, которые неотделимы от российской истории.

Перед нами, по сути дела, панорама жизни России третьей четверти XIX века. Здесь начертаны законы и правила, привнесшие принципиально новое в управление страной, в

отношения собственности, в систему народного образования и просвещения, в судопроизводство и многое другое, вокруг чего нынче идет дискуссия в современной России. Немало из того, что впоследствии было отвергнуто и забыто, оживает теперь в том же виде, как это было в ту далекую пору. Кое-что, весьма существенное, прямо проецируется на проблематику, которой сегодня озабочено общество.

20 ноября 1864 года

Судебные уставы.

Рассмотрев сии проекты, Мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных Наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе Нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем всех и каждого, от высшаго до низшаго…

Александр.

В этих словах: «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех» — отображена одна из программных целей, стоявших перед Александром II. К тому, чтобы право и закон стали главенствующими в обществе и чтобы судебная власть получила надлежащую самостоятельность, были приложены реформаторские усилия многих мыслящих людей всей предшествующей российской истории. Гласный суд присяжных, опиравшийся на судебные уставы 1864 года, пользовался широкой поддержкой в российском обществе. Окончательное разрушение его, как и многих уложений, придававших судебной системе цивилизованные черты, произошло после 1917 года, когда классовая ненависть решительно отвергла предшествующий опыт строительства российской государственности.

Предпринимаемые на рубеже XX и XXI веков преобразования судебной системы России шаг за шагом, а порой и слово в слово повторяют искания, пройденные русским обществом в ту эпоху. Обретается опыт, накопленный российским обществом в 60—70-е годы XIX века. Реформируемое право и судопроизводство продвигаются теми же путями, какие прокладывал министр юстиции Замятнин со своими единомышленниками и помощниками.

«Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех» — заветная цель века нынешнего, как и минувших веков.

На другой доске значится:

27 апреля 1863 года Ограничение телесных наказаний.

До середины XIX века избиение, насилие над человеческой личностью достигало огромных масштабов. Палка, плеть, ремень, зуботычина были главными инструментами, державшими людей в повиновении. Страх казался самым действенным средством для продвижения России вперед. Жестокие, изощренные формы наказаний оставались уходящей в века традицией. Избивали розгами, шпицрутенами в армии, драли «кошками» на флоте, совершавших преступления метили клеймами. Арсенал средств, использовавшихся судебно-исполнительными органами, был велик. К «нерадивым» служащим государственных учреждений применялись «кандалы и стул с цепью», битье палками, таскание за волосы и пощечины. Розги и кулачная расправа считались обыденными педагогическими средствами в системе школьного образования.

Со времен Петра I, когда у классной стены стоял солдат с хлыстом, или Анны Иоанновны, когда провинившихся кадетов драли «кошками», российская система воспитания, за редкими исключениями, разнообразила применение розг. Если в некоторых женских институтах это наказание носило условный характер, как угроза или предупреждение, то в «благородном» Смольном институте воспитанниц секли публично, «с большой торжественностью». В тридцатилетнее правление Николая I физические наказания детей в школе стали нормой. Тогда, как свидетельствует современник, «розги покупались возами, и это гнусное наказание производилось еженедельно по средам и субботам… всякий учащийся, получивший в субботу, понедельник или во вторник единицу или же записанный в журнал за шалость, был высечен в среду, а провинившихся в среду, четверг или пятницу секли по субботам»[80].

В педагогическом обиходе царили представления, что «оплеуха отмыкает поле для раскаяния», что «боль розги развивает нравственное чувство и весьма часто лучше всего другого пробуждает совесть»[81].

Упразднить наказания — шаг по тем временам решительный и смелый. Пойти на него не было просто царственным жестом. Такое решение стало признаком того, что в России прочность ее устоев, стремление к общественному порядку обретали иные черты. Это означало, что жизнедеятельность общества могла быть управляема по гораздо более гуманным правилам и законам.

Российское общество, пройдя извилистый путь развития, ушло и от этих реформ Александра II и опустилось до сталинской системы дознания. Неисчислимы невинные жертвы, подвергавшиеся истязаниям. Многочисленные процессы над политической оппозицией с полученными под пыткой

признаниями — черные страницы, которые не удалишь из нашей истории.

Происходящее и поныне за стенами следственных изоляторов свидетельствует о том, что наше общество еще не излечилось от наследственного недуга отвечать насилием на насилие или использовать насилие с целью установления истины. Разве не относится к категории насильственных действий, носящих характер пытки, система содержания подследственных в невероятно переполненных камерах, без соблюдения элементарных санитарных норм?

Вот содержание еще одной доски:

1 января 1864 года

Положение о земских учреждениях.

16 июня 1870 года

Городовое положение.

6 апреля 1865 года

Закон о «предоставлении печати возможных облегчений».

Начертанное на доске затрагивает весьма актуальную для современного общества проблематику. Первые два указа относятся к организации жизни российского общества, к условиям образования и функционирования органов регионального и местного самоуправления, что и теперь вызывает немало споров. Третий указ регламентирует взаимоотношения средств массовой информации и власти — вопрос и сегодня более чем болезненный.

Современное российское общество, по сути, начинает все сызнова, фактически с нуля выстраивая то, над чем ломали голову и находили решения в то далекое время. Если вникнуть в суть решений, которые были предложены тогда, придется признать высокую ценность обретенного опыта, и в то же время бесплодность некоторых путей, по которым теперь пытаются прокладывать обществу дорогу.

Организация земств стала ответом на интенсивное пробуждение в обществе скрытых в нем сил и тенденций к самоуправлению. Россия с ее бескрайними просторами и сложнейшим административным делением нуждалась в саморегуляции. Были предложены — в качестве общегосударственных — законы, предусматривающие универсальные формы управления, приемлемые для губернских и уездных учреждений, для городов и весей. В частности, земствам предстояло взять на себя огромную, в том числе рутинную, но необходимую работу для продвижения крестьянской реформы. Основное внимание было сосредоточено на взаимодействии конкретных людей в малых территориальных образованиях. По

сути дела, в стране обретала права гражданства форма общественного самоуправления. Ее задачи определялись организацией жизни в новой системе отношений, распутыванием местных противоречий, развитием системы здравоохранения и образования.

Слова в названии закона отображают реальную проблематику того времени: ослабить цензурный гнет, предоставив публицистике простор для выражения общественных настроений. Речь идет не о свободе печатного слова, а лишь об определенных рамках, в пределах которых тогдашняя печать могла действовать открыто и легально. Предпринималась попытка публично, на государственном уровне найти цивилизованные пути для преодоления неизбежных противоречий между властью и общественным мнением. Его выразителем стала нарождавшаяся тогда политическая публицистика.

И до сей поры актуальна и остра эта весьма тонкая сфера жизни общества. И в наше время все еще не отлажен механизм, обеспечивающий баланс и взаимодействие всех ветвей власти. Помимо «возможных послаблений», как прежде, так и теперь, очевидны попытки, преобразовав, сохранить «возможные ограничения». Сделать публичное слово управляемым и послушным. Разве не этим озабочены сегодня некоторые специально создаваемые структуры в органах государственного управления?

На одной из табличек речь идет о продвижении гласности или, как теперь говорят, «прозрачности» в осуществлении ключевых государственных дел, а именно о расходовании денежных ресурсов страны. Она гласит:

22 мая 1862 года

Положение о Государственной росписи и финансовых счетов и обнародовании их во всеобщее сведение.

Впервые в истории России с воцарением Александра II власть приступила к публичному информированию своих подданных о государственных доходах и расходах. «Бюджетная роспись» начинает публиковаться в газетах, статьи бюджета становятся доступными, их можно подвергать анализу. Эти законодательные решения несли в себе двоякий смысл: с одной стороны, обществу следовало заботиться о пополнении и рачительном использовании собственных ресурсов, с другой — признавались права граждан судить о наиболее важном из того, чем располагает государство…

Если соприкоснуться с реалиями политической жизни последнего десятилетия XX века, прислушаться к полемике, которая ведется в стенах Государственной думы, может

показаться, будто бюджет страны, его статьи, споры вокруг расходов и доходов — обыденная норма. Реальность, однако, заключается в том, что этот благотворный процесс, начало которому было положено в 60-е годы XIX века, только в 90-е годы XX века получил свое продолжение. Амбициозные политические установки, отвергающие необходимость государства жить по средствам, произвольное обращение с национальным бюджетом, непомерные внешние заимствования — все это тягостное наследие советского периода, которое ныне дорого обходится российскому народу. Последствия такой политики еще долгим эхом будут отражаться в грядущей российской жизни.

История несправедлива к российскому императору Александру II. Его роль в строительстве российской государственности основательно забыта. Личная судьба, драма его жизни неведома равнодушным, несведущим потомкам. Между тем Александр II — не только царь-освободитель российского крестьянства и император, избавивший в ходе Балканской войны славянские народы Европы от османского ига. Подлинный исторический смысл его царствованию придают предпринятые им масштабные реформы, целью которых было ввести Россию в разряд динамично развивающихся европейских стран. Первая и самая существенная заслуга Александра II состоит в том, что он не стал дожидаться громовых раскатов революции, а сам, своей волей приступил к радикальному изменению облика государства. Теперь, с позиций нынешнего времени, реформы Александра II представляются не менее значимыми, нежели предпринятые Петром I.

В первую очередь это имущественная реформа. Не о разделе государственной — то есть ничейной — собственности, а обо всех членах общества шла речь. Перед необходимостью «делиться» был поставлен целый класс индивидуальных владельцев. Им предстояло добровольно отказаться от части своих богатств в пользу других людей, которые до этого были их собственностью…

Дошедшие до нас разноречивые свидетельства, ангажированные, как теперь говорят, политическими обстоятельствами исследования так или иначе открывают перед нами личность государя как человека неутомимого, прожившего жизнь далеко не праздную и очень сложную.

Несмотря на то, что террористы вели за ним настоящую охоту, все годы своей царственной жизни он не укрывался «за семью заборами», был личностью чрезвычайно деятельной, круг его общения до конца дней оставался предельно широк. Значительная часть его жизни прошла в дороге, в переездах по России и странам Европы. В годы Балканской войны он находился

в действующей армии, стойко перенося лишения и болезни, испытывая моральный гнет ответственности за неисчислимые жертвы…

Много загадочного, необъясненного остается в судьбе этого человека. До 1917 года он был широко признан в народе, ему было воздвигнуто свыше двухсот памятников по всей империи. Православная церковь Болгарии до сих пор поминает его имя на божественных литургиях, а площади в столицах Болгарии и Финляндии и сегодня украшены монументами в его честь. Ведь российский самодержец, идя дальше своих отца и дяди, положил начало национально-государственному самоопределению финского народа. В 1863–1869 годах княжеству Финляндскому были «дарованы» высочайшие указы, гарантировавшие политические права и привилегии этой автономии; тем самым была заложена основа самостоятельной и стабильной национальной системы местного самоуправления.

Да, ему, вероятно, недоставало некоторых качеств, какими были наделены его предки — Петр I, Екатерина II, Александр I или его отец Николай I. Царственное начало не было в нем столь ярко выражено, он уступал своим предшественникам в амбициях, не слыл таким жестокосердым…

Исторические документы, исследования, мемуары создают образ противоречивый, в них высказываются мнения от самых восторженных до уничижающих. Говорили, что Александр II был невеликой силы ума, непоследователен, подвержен влияниям, слишком влюбчив, быть может, не особенно осмотрителен и осторожен в предпринимаемых шагах и решениях. Драматически складывалась его личная жизнь. Многолетний роман с княгиней Долгоруковой, впоследствии Юрьевской, их тайная связь, которая не была секретом для окружающих, необходимость делить свою жизнь на две семьи не могли не оказывать влияния на жизнь императорского дома и на мировосприятие самого российского самодержца.

Обстоятельства личной жизни, которые светское окружение неизменно ставило Александру II в упрек, кажутся невинными на фоне того, какие подробности преподносит современное бытие сильных мира сего. Теперь, когда укрыть от общества мельчайшие подробности повседневной жизни его лидеров становится все трудней, остается одно: следовать библейской заповеди и никого не судить, предоставив такое право божескому суду. Если же судить лишь по тем деяниям, которые вершились ради общественного блага, многие человеческие недостатки и слабости не кажутся столь значительными. Даже если Александр II и не был наделен качествами, которыми современники и потомки

привыкли наделять царственных особ, тем значительней предстают его деяния, героика и драма его жизни…

Александр II вступил на престол в 1855 году, в атмосфере кризиса, охватившего практически все стороны российской жизни. Он вынужден был начинать свое царствование с «регистрации поражений и капитуляций». Крымская война 1854–1856 годов обернулась катастрофой для внутренней и внешней политики российского государства. Тогда, после подписания странами — участницами конфликта мирного договора — Парижского трактата (1856), молох войны еще продолжал свою разрушительную работу. Апатия, растерянность в высших эшелонах управления, неспособность прежней руководящей элиты избавить страну от угрозы полного развала становились все очевидней.

Поначалу Александр II принимал решения, исходя из установившейся при отце практики. Но так было не долго. Заседание совета, состоявшего из преданных российскому трону мыслящих людей, происходившее 16 марта 1856 года, открыло глаза самодержца на бесперспективность продолжения старого курса. «Все прогнило» — таков был безрадостный вывод. Затем наступил период примерок и раскачки, когда новый российский император искал подступы к намечаемым реформам.

Многовековые традиции, унаследованный уклад жизни не позволяли проводить радикальные реформы. В этом смысле Россия середины XIX века особенно сильно отставала от передовых европейских стран. В сложившемся политическом порядке стойко сохранялись архаизмы, унаследованные от прежних царствований. Стиль ведения государственных дел, да и само общество в том виде, в каком оно тогда существовало, свидетельствовали о неготовности к серьезным преобразованиям.

Царю пришлось потратить около трех лет на то, чтобы помещичье-бюрократический аппарат осознал необходимость перестроиться, пойти по пути «освобождения крестьян сверху». В конце концов Александр II понял тщетность этих своих усилий. Оказывая поддержку новому российскому самодержцу на словах, на деле дворянско-помещичья среда не проявляла готовности и способности к самореформированию. Становилось все очевиднее, что бюрократическая система в том виде, как она складывалась веками, может быть только тормозом в осуществлении задуманного. Однако гласность, сопровождавшая поездки императора по стране, его многочисленные выступления перед дворянами делали свое дело. Ему удалось подготовить общество к мысли о грядущих неизбежных преобразованиях. Начиная с 1858 года император переходит к решительным действиям.

Стиль правления Александра II значительно отличался от предшествующих. Его готовили к роли самодержца с юных лет. Николай I, как известно, делал все, чтобы цесаревич в нужный момент оказался достоин той роли, которую уготовила ему судьба. Он требовал от сына учиться государственному делу, последовательно постигать систему внутреннего управления, познавать деятельность правительственного механизма, вникать в тонкости внешней политики. Таким образом, необходимость принять на себя управление Россией не застигла Александра II врасплох, и в период с 1855 по 1881 год страна находилась в руках прекрасно образованного, умеющего применять свои знания на практике человека. Но еще более важным отличием этой александровской эпохи является то, что в государственных делах стала весьма заметна роль крупных личностей, а их влияние на жизнь российского общества стало огромным.

По мнению С. Ф. Платонова, к тому времени «общество таило в себе достаточное число способных людей, и в эпоху реформ императора Александра II они вышли наружу»[82].

Вышли они наружу, однако, не сразу. Прошли годы, прежде чем в ходе неизбежно нудной, к тому же требующей деликатности работы удалось расчистить поле для прихода новых людей. Препятствовали этому разные обстоятельства, в том числе былые авторитеты, их прежние заслуги перед троном. Конечно, новые претенденты, выдвигаемые, как правило, «из групп влияния», тоже не всегда оказывались на высоте. И все же к тому времени выросло поколение людей государственно мыслящих, которые не колеблясь поверили в неизбежность и необходимость реформ. Характерно, что за всеми процессами переустройства российской жизни стояли реальные государственные деятели. Российская действительность, факты и тенденции, противостоять которым было невозможно, заставляли Александра II подтягивать к вершинам власти талантливых людей. Они проявили мужество, целеустремленность и жажду реализовать себя с пользой для государя и государства.

Существует характерный анекдот: отвечая на упреки матери, вдовствующей императрицы, по поводу новых назначений на государственные посты, Александр II якобы как-то сказал: «Мой папа был гений, потому мог позволить себе окружать трон остолопами. А я не гений — мне нужны умные люди…» Трудно сказать, насколько документально точен этот эпизод. Однако, несмотря на то, что вокруг трона всегда толпились люди пустые и мелкие, в целом в кадровой политике Александру II сопутствовал успех.

Император расчистил пространство для осмысленных и

самостоятельных действий достойным людям. Он смог ограничить самовластие, что далеко не всегда удавалось его могущественным предкам, умел прислушиваться к мнению и доводам других… Это свойство натуры Александра II отмечал в своем дневнике Д. А. Милютин: «У государя часто проявляется прекрасная черта характера: он великодушно делает уступки, жертвуя своим самолюбием, когда признает это нужным для пользы государственного дела. У него много мягкости и гибкости и в характере, и в образе действий»[83].

Исследователи подтверждают это: «Если государственная школа Николая не владела Александром II целиком, если он все же действовал по-новому, то причина того лежала не в его самостоятельных творческих силах, которых было не много, а в несомненной гибкости и мягкости его душевного уклада, вызвавших чуткое восприятие новых жизненных требований и новых жизненных условий»[84].

Не сразу и ценой немалых усилий Александру II удалось освободиться от одиозной части своего окружения: ему трудно было вырваться из этого порочного круга. Постепенно сформировалась новая элита, состоявшая из представителей именитых фамилий, потомственных чиновников, обедневших дворян, владетельных помещиков и даже бывших крепостных. Именно им было отныне доверено управление Россией. Безусловно, в их деяниях можно обнаружить немало ошибок, однако в кризисные периоды российской истории они принимали на себя продвижение сложных государственных дел.

Одной из ключевых фигур царствования Александра II, чьи заслуги в деле реформ несомненны, был брат императора великий князь Константин Николаевич (1827–1892), второй сын Николая I, который не унаследовал ни свойств отцовского характера, ни его установок на то, как надо управлять Россией. Зато он оказался приверженцем реформ — гораздо более последовательным, чем его старший брат, Александр II, став соавтором и сторонником далеко идущих преобразований, многие из которых Константин продвигал собственными усилиями. Его напористость, жажда деятельности порой ставили самодержца в тупик, вызывали раздражение. Но препятствовать ему было трудно, порой бесполезно…

Среди некогда величественных фортификационных сооружений в Финском заливе, ограждавших Санкт-Петербург от военных нападений с моря, и сейчас возвышается одно из наиболее значительных строений, взорвать или уничтожить которое так никому и не удалось. Это форт Константин. Его неповторимый архитектурный облик, его монолитность и сегодня

вызывают восхищение. Заброшенный, полуразрушенный, он пробуждает у современников желание вдохнуть жизнь в это забытое, окруженное со всех сторон водой уникальное здание. Форт получил свое название в честь великого князя Константина Николаевича. Это единственное сохранившееся свидетельство служения этого достойнейшего человека. Однако укрепление фортификационных сооружений вокруг Кронштадта — не самое главное в деятельности великого князя по возрождению и укреплению могущества России.

С детства Николай I нацеливал сына на военно-морское дело. Константин Николаевич еще при отце ходил в морские походы, занимался введением новаций в судостроении и управлении флотом. Главное же — флотская служба стала для него полигоном, где представилась возможность осуществить первые прогрессивные преобразования. Здесь ему удалось упразднить архаичные и жестокие традиции, унижающие личность телесные наказания. «Морской сборник», патронируемый великим князем Константином, стал первым печатным органом, продвигавшим идеи обновления России. В нем публиковались важнейшие материалы, не подверженные цензуре, где напрямую говорилось о потребности и путях переустройства страны. К делам ведомства он привлек свежие интеллектуальные силы, российскую интеллигенцию. Видные писатели того времени — И. А. Гончаров, А. Ф. Писемский, Д. В. Григорович — состояли на службе в Морском министерстве. Вокруг великого князя стал формироваться кружок либерально мыслящих людей, впоследствии названный «партией константиновцев». Именно отсюда стали выдвигаться люди на ключевые государственные должности.

Силы единомышленников были всецело сосредоточены на подготовке и осуществлении крестьянской реформы. Близость и доверие императора развязывали руки, давали свободу действий, которая позволяла преодолевать косность, скептицизм многочисленной «крепостнической партии». Великий князь Константин Николаевич, насколько это позволяли условия, оставался своеобразным политическим центром, где решались сложные проблемы реформирования России: крестьянская реформа, введение гласного суда, образование представительных органов губернского и местного самоуправления. Первой личной заслугой великого князя Константина Николаевича было объявление всемилостивейшего указа о повсеместной отмене в России телесных наказаний. И уже этим он заслужил почетное место в российской истории.

Великий князь и его окружение взяли на себя чрезвычайно

трудную миссию — разрабатывать реформы и преобразования и осуществлять их. Не все и не всегда удавалось. На каких-то этапах влияние великого князя ослабевало. Многие его сторонники вынуждены были уйти в отставку. Да и сам он не оправдал надежд: не смог справиться с урегулированием польского кризиса 1862–1863 годов. Его попытки достичь примирения без жертв и кровопролития успеха не имели, либеральные ценности оказались чуждыми и другой стороне. На него, наместника в Царстве Польском, было совершено покушение, он подвергался атаке как со стороны революционно настроенных польских кругов, так и со стороны российской реакционной прессы. Не желая принимать жесткие карательные меры, Константин Николаевич покинул Польшу, где начинала царить смута. Неоднозначной была ситуация с продажей Аляски, подходами к приватизации государственной собственности, распределению концессий. В позиции великого князя окружающие усматривали свойственное ему стремление не обделить себя, что лишний раз подчеркивало противоречивость его характера, наделенного как незаурядными чертами и достоинствами, так и множеством человеческих слабостей, которые порой брали верх. Ходили разные толки и о его личной жизни. Известно, что он был большим любителем женской красоты и не отказывал себе в некоторых вольностях.

Однако все это не может перевесить сделанного им для преображения и реформирования России. Он был последователен, чувствовал и понимал, сколь необходимо прокладывать дорогу достойным людям, тем, кто полезен России в сложный, переломный период ее истории. Нисколько не стремясь присваивать себе чужих заслуг, Константин Николаевич никогда не чинил препятствий людям более одаренным, чем он сам.

Влиятельной и сильной фигурой царствования Александра II была великая княгиня Елена Павловна (1806–1873) — Фредерика Шарлотта Мария, дочь вюртембергского принца Карла, сочетавшаяся браком с Михаилом, четвертым сыном Павла I.

Среди многочисленных великих князей и княгинь времен Николая I и Александра II Елена Павловна — личность исключительная. Ее жизнь дает повод говорить о ней как о государственном деятеле, человеке, всецело поглощенном общественными заботами, посвятившем себя наиболее трудным российским проблемам. Хотя она родилась и воспитывалась в одном из германских княжеств, все ее задатки и способности, помыслы и деяния, перенесенные на русскую почву, прижились и без оговорок были приняты русским обществом.

В годы Крымской войны Елена Павловна возглавила движение сестер милосердия. Ее обращение к русским женщинам прийти на помощь раненым и больным всколыхнуло всю Россию. Созданная ею «Крестовоздвиженская община сестер милосердия» положила начало службе оказания первой помощи раненным на полях сражений, стала прототипом того, что впоследствии преобразилось в ныне всем известный Красный Крест. Собственный дом в Петербурге в годы войны она превратила в склад медикаментов. Собрав отряд из наиболее авторитетных врачей, среди которых был выдающийся хирург Пирогов, она направила их в Севастополь, в действующую армию.

Николай I высоко ценил ее ум, относился к ней с особым уважением. Елена Павловна умела привлекать к себе людей удивительным даром общения, интеллектом, образованностью. Талантливейшие люди того времени — писатели, художники, ученые — были излюбленным ее окружением. Она была организатором русского музыкального общества, стояла у истоков создания Петербургской консерватории. Ее усилия на поприще просвещения, создания центров здравоохранения, учебно-научных медицинских учреждений не забыты и сегодня.

Когда здоровье великой княгини пошатнулось, потребовалось создать императорский совет по управлению учреждениями великой княгини: институтами, училищами и школами, больницами и лечебницами, клиническими центрами.

Если в первые годы жизни в России великая княгиня Елена Павловна была поглощена идеями вспомоществования и благотворительности, то впоследствии она отдала немало сил делу реформирования России. Одна из ее главных исторических заслуг, не слишком известная и не получившая должного признания, состояла в продвижении и поддержке преобразовательных идей, которые ложились в основу российских реформ. Она была одной из ключевых фигур в немногочисленном, но влиятельном сообществе «константиновцев». Неоценима ее заслуга в содействии тем, кто не на словах, а на деле способствовал отмене крепостного права. Елена Павловна побуждала императора делать ставку на людей конструктивно мыслящих, способных и знающих, понимающих толк в том, что и как необходимо делать. Благодаря ей и великому князю Константину Николаевичу удалось создать «штаб», состоящий из людей, которые реально разрабатывали и писали программу крестьянской реформы. В трудные периоды столкновения принципиальных идей и мнений вокруг крестьянского вопроса она брала под защиту наиболее радикальное крыло реформаторов, выводя из-под удара ключевую

фигуру творческого коллектива — «красного», как тогда его называли в некоторых кругах, Н. А. Милютина.

Спокойная и мудрая, великая княгиня постоянно оказывала поддержку сомневавшемуся в правильности избранного пути императору, сообщая ему об отношении к российским реформам европейских государей. Так, находясь в 1860 году за границей, Елена Павловна встречалась с Наполеоном III и писала затем Александру из Женевы, что император Франции «выразил самое искреннее восхищение той твердостью, с которой Вы преодолеваете все препятствия», и что, по его мнению, «принцип освобождения крестьянина с землей не позволяет сомневаться в уме государя»[85].

Идя на риск потерять личное состояние, она предоставила свое имение в Полтавской губернии для осуществления крупномасштабного эксперимента. За два года до обнародования освободительного манифеста там предварительно была опробована модель крестьянской реформы — в том виде, как ее представляли люди, близкие ей по духу.

Без всяких преувеличений великую княгиню Елену Павловну следует отнести к числу немногих подлинных вдохновителей преобразований, предпринятых тогда в России.

И все же, несмотря на все свои достоинства, великий князь Константин Николаевич и великая княгиня Елена Павловна не были способны заниматься рутинной работой, точно и ясно выстраивать и выверять, что и как следует делать. У них не хватало качеств, необходимых для длительной, изнуряющей работы, подобной той, что выполняют каменщики, выкладывая стены здания. Тут нужны были другие люди — люди особой породы — целеустремленные, обладающие убеждениями, знаниями, способностями чиновники. И такие люди находились, пусть не сразу, но прокладывали себе дорогу, и их появление в конечном счете стало велением времени.

Кружок великого князя Константина Николаевича внешне производил впечатление дискуссионного клуба. Однако в том, как действовали и мыслили те, кто органично вливался в это сообщество, угадывались зачатки первой в России легальной партии либерального толка. Устава и программы не существовало, отсутствовали руководящие органы и документы: недавнее прошлое, связанное с судьбой декабристов и петрашевцев, многому научило российских интеллектуалов.

Постепенно обрел вес уже упоминавшийся прежде печатный орган объединения — «Морской сборник», где публиковались материалы, главным достоинством которых было выражение программных взглядов и идей либерально-реформаторской

направленности. Его авторы вдумчиво анализировали проблемы, приводили неотразимые аргументы при обосновании тех или иных конструктивных идей, продвигали многое из того, что подготавливало российские реформы, а затем и вошло в их программу.

На протяжении 1855–1860 годов рекомендации влиятельных покровителей позволили наиболее одаренным участникам кружка пройти «обкатку» на различных должностях в правительственных ведомствах и департаментах, постепенно эти люди заняли главенствующее положение там, где вызревали условия для реформаторского творчества, где выстраивались принципы и подходы к намеченным преобразованиям.

В продвижении крестьянской реформы ключевые позиции перешли к Н. А. Милютину, в реформе системы государственного и местного самоуправления — к П. А. Валуеву, народного и университетского образования — к А. В. Головнину, в судебной — к Д. Н. Замятнину, в реформировании экономики и финансов — к М. Х. Рейтерну, в цензурной — к Валуеву, Головнину, А. В. Никитенко и в военной реформе — к Д. А. Милютину.

Не сразу и не в одно время эти люди оказались призванными на государственные посты. Не каждому из них сполна удалось реализовать себя, осуществить задуманное. Не каждый был в состоянии охватить полноту проблем и далее найти средства и ресурсы для их решения. По-разному судьба наградила их удачей и признанием современников. Но именно они оказались в нужный момент на нужном месте. Им по заслугам должно принадлежать место на почетном пьедестале истории российской государственности.

Первой такой фигурой, «рабочей лошадью» в правящем кабинете Александра II, стал князь Александр Михайлович Горчаков, взявший в свои руки внешнюю политику страны.

Еще в молодые годы цесаревич Александр Николаевич много внимания уделял Министерству иностранных дел. После ознакомительного посещения министерства для него был подготовлен специальный доклад — обзор всех сторон деятельности внешнеполитического ведомства. В докладе особо подчеркивалось: внешняя политика России совершается «по предписаниям и под руководством самих государей».

И в самом деле, внешнеполитическое ведомство находилось в прямом ведении российских самодержцев. Это часто приводило к тому, что министры иностранных дел не имели возможности для свободного принятия решений. Ни канцлер К. В. Нессельроде, пытавшийся противостоять железной воле Николая I, ни Н. К. Гире, опытнейший дипломат, отодвинутый от управления

внешней политикой России Александром III, не были свободны в принятии государственных решений.

Совсем иное положение занимал рядом с императором Александром II Горчаков. Несмотря на солидный возраст, он более чем кто-либо отвечал требованиям нового царствования. И внешне, и внутренне Горчаков воплощал собой тип государственника. Он имел многолетний опыт европейского общения, был способен на равных, без подобострастия, вести диалог и с правителями других государств, и с собственным государем. Его умение держаться, беседовать, вести дискуссию выделяло его среди других государственных мужей. Рослый, стройный, элегантный, всегда изысканно одетый, Горчаков превосходно смотрелся, был украшением императорской свиты. «Питомец мод», «большого света друг», «обычаев блестящий наблюдатель» — качества, подмеченные еще Пушкиным, с течением времени только развивались в Горчакове. Кроме всего прочего, он был человеком энциклопедических знаний, живого ума и остроумия, блестяще умел каламбурить, знал новейшие анекдоты. Сановников не могло не раздражать его превосходство. Вызывали зависть его служебное долголетие, чины и награды, которыми он был отмечен. Время от времени рождались слухи о возможной отставке Горчакова, да и сам он неоднократно заявлял о своем намерении уйти с поста министра иностранных дел. Долгоруков писал о Горчакове: «…он единственный из петербургских министров… объявлял иногда, что выйдет в отставку, если по такому-то или по такому-то вопросу мнение его не будет уважено»[86]. Однако альянс императора и министра, этих разных по складу характеров и возрасту людей, сохранил жизнеспособность, выстоял под натиском дворцовых интриг и заговоров высшей бюрократии, выдержал бурные события того времени.

Официальная хроника того времени, дневники, воспоминания современников, исследования, предпринятые по свежим следам и впоследствии, подтверждают тот факт, что Горчаков принимал участие в разработке и продвижении важнейших решений и проектов царствования Александра II. Его деятельную роль в судьбе российского государства даже самые пристрастные недоброжелатели и исследователи не в состоянии отрицать. Историческая заслуга Горчакова состоит прежде всего в том, что его усилиями обеспечивались стабильные международные условия для осуществления внутрироссийских преобразований. Им была предложена и с большим дипломатическим искусством продвигалась такая внешняя политика, которая на протяжении двадцати лет оберегала

российское государство от вмешательства в военные конфликты, столь часто возникавшие в Европе в ту пору.

Назначенный одним из первых в команду Александра II, министр Горчаков соответствовал тому высокому уровню требований, которые предъявлял император при подборе членов кабинета. На начальном этапе Горчаков даже стал негласным лидером в трудно собираемой команде реформаторов из числа государственных деятелей, постепенно вовлекавшихся в высший эшелон руководства. Позднее в кабинет министров пришли и другие государственные деятели, которым пришлось принять на себя бремя ответственности, проявить способность эффективно работать в противоречивых условиях набирающих силу преобразований. Сейчас мы бы называли этих людей «младореформаторами».

Ключевым событием, вокруг которого выстраивался социально-политический орнамент царствования Александра II, стала крестьянская реформа. Этот акт оказал огромное влияние на все стороны жизни, вызвав глубокие преобразования всего государственного организма.

Разработка реформы, ее этапов и форм осуществления находилась под воздействием противоречивых, порой взаимоисключающих обстоятельств и противостоящих влиятельных сил. Если в выборе цели у Александра II сомнений не было, то о том, каким образом выполнять задуманное, какие использовать подходы, шли споры. Сочувствующие государю были, однако дело не двигалось. Было создано, затем распущено несколько высочайших комиссий и комитетов, деятельность которых не шла дальше словопрений. Один состав заседающих сменял другой, но вопрос о том, каким будет механизм предполагаемой реформы, оставался открытым. В конце концов Александр II понял: достижение цели возможно лишь под его собственным строгим контролем и при его непосредственном участии.

Он сделал ставку на людей, близких ему, в том числе и хорошо известных по Департаменту военных учебных заведений, который он возглавлял в молодые годы, когда был наследником престола. Там он обрел преданных друзей, на которых мог положиться в трудную минуту.

Среди сподвижников государя в первую очередь следует назвать С. С. Ланского, назначенного Александром II на пост министра внутренних дел, а также Я. И. Ростовцева, генерал-адъютанта, начальника Главного штаба по военным учебным заведениям. Практической работой над проектами важнейших документов занимался Н. А. Милютин — директор департамента,

а затем товарищ министра внутренних дел. В «конструктивное меньшинство» помимо Милютина входили талантливые разработчики и полемисты Я. А. Соловьев, князь В. А. Черкасский, Ю. Ф. Самарин и некоторые другие либерально мыслящие госчиновники, помещики, публицисты.

В начальный период работу по подготовке проекта реформы фактически возглавил Сергей Степанович Ланской (1787–1862). На заседаниях очередного специального комитета, учрежденного «к указанию начал, на которых может и должно быть совершено освобождение крестьян», Ланской решительно заговорил о невозможности выкупа крепостных людей и безземельного их освобождения. Консервативное большинство встретило его предложения в штыки, разразилась горячая полемика, не давшая, впрочем, никаких конкретных результатов.

В самый разгар споров произошло событие, которого давно ожидали император и его сторонники. Виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову удалось склонить дворян своей губернии подать прошение об отмене крепостной зависимости крестьян. Правда, в адресе на высочайшее имя литовские помещики допускали лишь их освобождение без земли, однако Александр II, проигнорировав этот пункт прошения, издал рескрипт, в основу которого была положена программа Ланского. Литовским помещикам предлагалось избрать губернский комитет для разработки реформы согласно принципам, заявленным министром внутренних дел.

Немедленно по опубликовании этого рескрипта в обществе началось брожение. Главной мишенью консерваторов стал, разумеется, Ланской. В отличие от главного либерала — великого князя Константина, Ланской, не принадлежавший к царской фамилии, подвергся не имевшей удержу травле со стороны своих противников. Однако министр предвидел такой поворот событий и сделал все, чтобы ви-ленский прецедент, сдвинувший дело с мертвой точки, вовлек в орбиту реформаторской деятельности всю страну. В течение одной ночи он напечатал сотни экземпляров рескрипта и разослал их наутро во все концы империи, придавая, таким образом, полную гласность действиям правительства. После этого противники реформы лишились возможности по своему усмотрению воздействовать на процесс образования дворянских губернских комитетов.

Когда намерения императора отменить крепостное право были официально оглашены, появились попытки разжигания массовой истерии, возникли слухи о повсеместных волнениях крестьян и близости демократической революции. Под влиянием такой «информационной атаки» Александр вновь начал

колебаться, но Ланской выступил последовательным защитником проводимой линии. Министр внутренних дел представил царю подробный отчет обо всех случаях неповиновения крепостных с момента опубликования рескрипта. Статистика свидетельствовала, что волнения хотя и происходили, но, как правило, ограничивались пределами отдельных поместий и не имели тех угрожающих масштабов, которые им приписывали.

Первый, очень сложный этап всестороннего реформирования российской действительности, когда небольшому числу, буквально горстке преобразователей противостояла вековая косность большинства русских помещиков, когда для начала великого дела необходимо было хоть на йоту сдвинуть монолитную глыбу консервативного сознания целого класса, — этот этап прошел под знаком взвешенных действий министра внутренних дел Ланского. Он всеми силами противился нагнетанию атмосферы страха, избегал крайних мер, твердо стоял на своем, не прячась от уничтожающей критики. Как вспоминал видный либеральный деятель той эпохи Я. А. Соловьев, «от министра внутренних дел требовали войска и строгих полицейских мер, а он настаивал на скорейшем опубликовании начал предпринятого преобразования; ему со всех сторон говорили, что в таком деле нельзя торопиться, а он со своими предписаниями, — исполняя священную волю Государя Императора… торопил, с своей стороны, дворянство к скорейшему представлению адресов, поставляя предводителям на вид, что не от поспешности, а от медлительности дворян можно ожидать пагубных последствий. Плодами этих распоряжений были: немедленное представление дворянами адресов об открытии комитетов и терпеливое ожидание народом обещанной ему свободы»[87]. В этом и состоит главный результат служения Ланского, его неоспоримая, хотя и многими позабытая заслуга перед Отечеством.

Между тем в конце 1858 года губернские дворянские комитеты стали присылать в столицу подготовленные ими проекты освобождения крестьян. Для их рассмотрения и выработки единой программы отмены крепостного права было предложено организовать специальные Редакционные комиссии. Царь согласился на это, но с тем условием, «чтобы председательство… было поручено генерал-адъютанту Ростовцеву»[88]. Так основные рычаги управления в подготовке реформы перешли к другому давнему другу императора, имевшему к тому же неоспоримые заслуги перед правящей династией.

Дом № 3 по Марсову полю украшает мемориальная доска,

гласящая, что здесь с 1817 по 1825 год жил участник вооруженного восстания против самодержавия Е. П. Оболенский. Но мало кто знает, что в тот же период жильцом этого дома был еще один выдающийся человек, сыгравший огромную роль в проведении великих преобразований эпохи Александра II. Этот человек — Яков Иванович Ростовцев (1803–1860).

Ростовцев и Оболенский знали друг друга довольно близко, причем последний не особенно старался скрыть свою принадлежность к тайному обществу. Накануне 14 декабря сосед заговорщика по чистой случайности узнал о готовящемся восстании. Ростовцев относился к той части русских военных, которые не сочувствовали вольнолюбивым настроениям, охватившим общество после возвращения победоносной армии Александра I из Парижа. Преданный императору, он немедленно отправился к Николаю и сообщил о заговоре, не назвав, однако, имен бунтовщиков. Ростовцев, с его высокими понятиями о чести, не мог предать близкого знакомого. По возвращении от царя он известил Оболенского и Рылеева о своем поступке.

Последовавшие затем события навсегда убедили Николая I, а затем и его сына в безупречной честности этого человека. В николаевское царствование Ростовцев сделал блестящую карьеру, дослужившись до чина генерал-адъютанта и должности начальника Главного штаба по военным учебным заведениям. Александр II доверил ему подготовку крестьянской реформы, то есть отдал в его руки дело преобразования России.

Продолжая линию Ланского, Ростовцев направлял работу Редакционных комиссий в либеральное русло. Им были сформулированы выводы о временнообязанном положении крестьян, о наделении их землей в том размере, каким они владели при крепостном праве, о гарантиях правительства на выкуп поземельной собственности. Знакомясь с этой программой, великий князь Константин Николаевич писал царю: «Мне кажется, что он <Ростовцев> находится на истинной и правой дороге, которая приведет к благополучному разрешению этого жизненного для России вопроса»[89].

По предложению Ростовцева помимо комитетских проектов Редакционные комиссии стали принимать к рассмотрению любые материалы, касающиеся крестьянской проблемы. Председатель обратился даже в III Отделение с просьбой присылать ему экземпляры «Колокола». В ответ на опасения некоторых сотрудников (еще несколько лет назад одно упоминание имени Герцена могло обернуться ссылкой) Ростовцев сказал: «Что нам за дело до личностей? Кто бы ни сказал полезное, мы должны воспользоваться»[90]. Несмотря на противодействие

консервативной оппозиции, программа реформы приобретала реальные очертания. Наиболее яркой фигурой среди «прогрессивного меньшинства» стал молодой, энергичный товарищ министра внутренних дел Николай Алексеевич Милютин (1818–1872).

Племянник Павла Дмитриевича Киселева, тщетно пытавшегося провести отмену крепостного права во времена прошлого царствования, он унаследовал от дяди как понимание пагубности крепостничества для развития страны, так и нетерпимость к такому положению дел. Едва поступив на службу в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел, Николай Милютин составил записку о причинах голода и неурожая в России. Вскоре эта записка легла на стол тогдашнего министра графа А. Г. Строганова и привела его в крайнее недоумение. Выводы молодого чиновника выдавали его глубокий ум, незаурядные аналитические способности и необычайную смелость, — такая записка навсегда могла закрепить за автором репутацию человека неблагонадежного. Однако Строганов не стал подвергать Милютина репрессиям, напротив, он поручил ему составить описание железных дорог России, с чем тот блестяще справился. Потом были более серьезные поручения: ревизии госимущества и крестьянских хозяйств на юге страны, длительные поездки в Нижегородскую и Ярославскую губернии, на Украину, в ходе которых Милютин набирался опыта, приобретал тот багаж знаний, с которым в начале нового царствования и пришел в большую политику.

«Благосостояние сельского хозяйства, — писал еще в 1840-е годы профессор-экономист В. А. Милютин, брат Николая, — прочно и обеспечено в той стране, где поземельная собственность не сосредоточивается в руках привилегированного класса, образуя небольшое число огромных поместий, но раздробляется на множество… участков… Крестьяне не подвергаются ни нищете, ни бедности там, где они сами по большей части являются помещиками»[91]. На этом и базировалась программа Николая Милютина. Жесткая либеральная позиция привлекла его в лагерь Константина Николаевича и Елены Павловны. Именно он, в имении великой княгини, подготовил проект освобождения крестьян.

Александр II с опаской отнесся к молодому чиновнику, заподозрив его в революционных симпатиях, однако личные поручительства тетки императора, а также министра Ланского перевесили недоверие царя, и Николай Милютин возглавил хозяйственную комиссию по решению крестьянского вопроса. Жесткий, сильный, последовательный, уверенный в себе, он

представлял разительный контраст с седовласыми чиновниками времен Николая I. На государственном поприще появился новый тип управленца-реформатора, не лишенный своих недостатков и допускавший некоторые перегибы, но тем не менее способствовавший достижению куда более эффективных результатов.

Отдавая себя служению идее, эти трое — Ланской, Ростовцев, а впоследствии и Милютин — как ни выспренно это звучит, фактически принесли собственные жизни на алтарь великих реформ. Авторы проекта как могли старались оптимизировать весьма болезненный процесс реформы, ввести его в рамки целостного государственного акта. Многое делалось в спешке, в обстоятельствах, сбивающих с толку и не дававших времени на раздумья. Предпринимались попытки соединить несоединимое, учесть противоположные мнения. Часть элиты, отодвинутая на задний план, не без успеха противостояла задуманному. Не всегда удавалось усмирить и рвение самих реформаторов. Давал о себе знать определенный радикализм, который наносил ущерб делу. Интенсивный труд с полной самоотдачей и психологическое давление, которому они подвергались, в конечном счете истощили их физически и духовно. Уже находясь на смертном одре, Ростовцев, оставаясь главой Редакционных комиссий, продолжал вычитывать и подписывать последние документы. Он умер незадолго до объявления высочайшего манифеста об отмене крепостной зависимости. Вслед за ним ушел из жизни отвергнутый, затравленный оппозицией Ланской. А Н. А. Милютина, который далее осуществлял комплекс работ по формулированию и изложению концепции крестьянского освобождения применительно к восставшей Польше, инсульт настиг в тот момент, когда он яростно отстаивал необходимость проведения очередного этапа реформ на заседании Государственного совета. От этого удара ему уже не довелось оправиться, и деятельность его на этом завершилась.

По своим масштабам крестьянская реформа 1861 года — явление ничуть не менее значимое, чем приватизация 1990–1992 годов. Ставилась задача не просто, отменив крепостную зависимость, дать волю, или, как говорил Ростовцев, «птичью свободу» преобладающей части населения, но и создать класс собственников из миллионов безземельных крестьян, наделив российского земледельца не «ваучером», а реальным участком земли. Реформа предусматривала весьма трудные решения, побуждавшие имущих делиться не государственной, но личной, закрепленной за ними вековым укладом собственностью.

У истоков реформы стояли весьма достойные, глубоко

преданные идее люди. Не их вина или беда в том, что они не смогли достичь цели в том объеме и так, как они этого хотели. Непреложная логика подобных процессов состоит в том, что на некоторых перевалах истории не появляется той наделенной высшей мудростью управляющей силы, которая способна решительно подчинить себе все обстоятельства.

На поиски оптимального решения крестьянской проблемы был мобилизован весь аппарат государственной власти. Представители профильных министерств на правах постоянных членов были включены во все подготовительные рабочие, совещательные и тому подобные органы и комитеты. Министерство иностранных дел приложило немало усилий к тому, чтобы предоставить в их распоряжение описание ранее найденных другими государствами подходов к решению крестьянской проблемы. Одно из них содержалось в представленной Горчаковым Александру II брошюре, где обобщался опыт решения этого вопроса в княжествах Бессарабии и Валахии.

Однако, как водится, для России был избран свой, «судьбоносный» путь: к решению проблемы пытались приложить руку влиятельные представители разных кругов, руководствовавшиеся главным образом собственными интересами. Так, в последний момент свои исправления в текст уже готовой к обнародованию реформы, немало напутав, внес весьма влиятельный митрополит Филарет. Противникам реформы как таковой принадлежало большинство и в самом Государственном совете[92]. Горчаков же, исповедовавший в целом либеральные идеи, не имел собственной обоснованной позиции в этом вопросе, поскольку был далек от проблем крепостничества, не мог познать и по-настоящему прочувствовать ее изнутри, к тому же проведя большую часть жизни за пределами России. Упреки коллег по кабинету в том, что Горчаков колебался и не мог с ходу поддерживать те или иные предложения, были вполне обоснованны.

В результате подготовка реформы затянулась, в намечаемых преобразованиях был утрачен темп, общество устало от ожиданий.

Полного освобождения крестьяне с момента обнародования манифеста и «Положений» не получили. Они должны были еще в течение двух лет отбывать несколько измененные, но, по сути, те же повинности, что и при крепостном праве. Отменялись лишь «добавочные сборы» натурой. Зато крестьяне получили личную свободу, отныне они наделялись имущественными и гражданскими правами. Наделение крестьян землей носило

принудительный характер: помещик обязан был предоставить крестьянину надел, а крестьянин обязан был его выкупить, рассчитавшись со всеми податями и повинностями, в том числе с рекрутской. В основу выкупа была положена не реальная, рыночная цена земли, а феодальные повинности, то есть крестьянам пришлось платить не только за наделы, но и за свою свободу — утрату помещиком крепостного труда.

В канун опубликования самого акта даже представители высшего света испытывали ощущение неполноты, незавершенности, несбалансированности предлагаемых преобразований. В первые дни после обнародования высочайшего манифеста Зимний дворец пребывал в глубокой тревоге. Опасения, обуревавшие Александра II и его окружение, возможность массовых беспорядков побудили его держать у подъезда в полной готовности экипажи — на случай неблагоприятного развития событий. Впоследствии эти тревожные ожидания полностью оправдались: в 1861–1862 годах Россию захлестнули стихийные крестьянские бунты.

* * *

Политическая обстановка в России в период с 1861 до 1863 года все более накалялась. Ее осложняли восстания в Царстве Польском, затянувшаяся война на Кавказе. Обстоятельства потребовали решительных мер, а главное — новых действующих лиц в управлении страной.

Многие лихорадочные решения власти были вызваны беспокойством за состояние местных органов управления, которым предстояло приводить механизм реформ в действие. Презрение, с каким относились к чиновному служению в оппозиционных монархии кругах, во многом было оправданно. Бюрократизм, чинопочитание, взяточничество и коррупция действительно были (да и ныне остаются) болезнью общества; без системного лечения эта хворь перерастала в хроническое заболевание. И дальние, и близкие предшественники Александра II уделяли немало времени и сил для того, чтобы если не избавить Россию от коррупции, то хотя бы ограничить масштабы этого бедствия. В свое время Петр I приказал за взяточничество четвертовать своего главного налогового чиновника. На разных этапах российской истории предпринимались попытки осмыслить это явление, исследовать его генезис.

По мере того как становилась все более явной неэффективность телесных наказаний, тюрем и каторги,

появлялась потребность сосредоточиться на функционировании самого государственного механизма. Растущий объем управленческих задач и нехватка сил, способных их разрешить, — вот то противоречие, которое из века в век носило непреодолимый характер. Если к тому добавить, что военно-политические устремления России не соответствовали ее хозяйственно-экономическим возможностям, становятся понятными глубинные проблемы российской государственности.

Порядок осуществления властных функций оставался крайне уязвимым в монархической системе. Болезненную реакцию российских самодержцев вызывала время от времени озвучивавшаяся идея выдвижения на ведущие роли «первого» министра, обладающего полномочиями организатора или хотя бы координатора работы правительства. Не имея порой привычки и желания скрупулезно заниматься деталями обсуждаемых вопросов, участвовать в долгих, регулярных заседаниях, монархи тем не менее не спешили доверить кому-либо выполнение распорядительных функций общегосударственного значения, усматривая в отправлении таких функций возможность посягательств на императорскую власть. В результате сама власть утрачивала должную оперативность и эффективность, создавая тем самым предпосылки для волокиты, ведомственных перекосов, порождая соперничество высоких чинов за место у трона. На фоне нарастающей сложности и многообразия государственных задач, как правило, взаимосвязанных и взаимозависимых, решения принимались без должной проработки всех возможных обстоятельств. Принцип «разделяй и властвуй» находил свое практическое преломление в стиле жизни и поведении высших чиновников. Главная их задача состояла в том, чтобы, сохраняя честь мундира, отстаивать приоритеты руководимых ими ведомств. Неискореним был и свойственный системе монархического правления фаворитизм, когда рано или поздно кто-то из равных по чину и званиям правительственных лиц оказывался к императору ближе других.

Все эти обстоятельства подтачивали предложенную Горчаковым идею создания Совета министров. Просуществовав некоторое время, этот орган заглох, поскольку ранее сложившийся келейный способ решения проблем, не требующий утомительных дискуссий, оказался более приемлем для монарха. По этой же причине заседания Государственного совета все более сводились к пустой формальности, поскольку каждый понимал, что любая проблема будет реально решаться в других условиях и при других обстоятельствах.

Еще одна из закоренелых российских проблем состояла в

использовании в корыстных целях преимуществ государственной службы. На первых порах становления механизма государственного управления труд чиновников из казны не оплачивался, поскольку средств на эти цели не выделялось. Жили управленцы за счет «приношений просителей». Далее, по мере появления условий и финансовых возможностей, высокопоставленным чинам стало дозволено использовать часть налоговых податей в свою пользу, так называемое «кормление». Поэтому традиция путать государственный и собственный карман имеет свою историческую основу.

Все эти разлагающие управление порочные традиции вызывали серьезное беспокойство у российских правителей. Они ломали голову над тем, как организовать государственный аппарат. Известны, например, усилия Петра I «сообщить верховному управлению правильную организацию», то есть подобрать приемлемую для России управленческую систему. Тогда приняли шведскую модель, при которой главным принципом была коллегиальность. Несмотря на некоторые преимущества (возможность устанавливать контроль управленцев друг над другом), новая система оказалась чрезвычайно затратной. Потребовались огромные расходы, связанные с переводом чиновников на государственное жалованье. Дорогостоящим оказалось и создание органов власти и контроля за госаппаратом (рекетмейстеры, прокуроры и др.). Эффективность же их работы не удовлетворяла власть. Коллегиальность на местах — в губерниях, уездах и городах — порождала волокиту и склоку среди чиновников.

Росло число инстанций, возникали параллельные бюрократические системы, контролирующие их деятельность. Обескураживающе современно звучат слова манифеста от 9 января 1727 года: «Умножение правителей и канцелярий во всем государстве не только служит к великому отягощению штата, но и к великой тягости народной… Разные управители имеют свои особливые канцелярии и канцелярских служителей… каждый по своим делам бедный народ волочит».

В годы правления Екатерины II и Павла I стало совершенно очевидным, что коллегиальность замедляет действия администрации, снижает ее ответственность, затрудняет принятие грамотных решений. Необычайного размаха уже тогда достигло бумаготворчество, ставшее для чиновничества самоцелью. Процедурой написания и переписывания документов занимались сотни и тысячи мелких чиновников, во многом без пользы для дела, в то время как оплата их работы требовала огромных затрат.

Поиски модели управления никогда не прекращались, наряду с этим разрабатывались нормы и правила несения государственной службы. Осознавалась необходимость наполнить служение смыслом, одинаково важным как для государства, так и для каждого человека. Уложения и регламенты, табель о рангах, специальные, личные формуляры, сословные списки и т. п. регулировали условия и правила несения службы, структуру властных органов, их иерархию. Характерно, что штатные гражданские служащие принимали присягу, имели мундиры и знаки отличия, поскольку известно, что движущей силой чиновного служения является не одна только материальная заинтересованность, но и честолюбие, желание отличиться, достичь признания.

Александр I, придя к власти, решился на упразднение системы коллегий и учредил министерства. Он наделил их руководителей-министров правом единоначалия. Были предприняты и другие шаги для повышения управляемости государственной машины, однако обнаружилась нехватка пригодных к этому национальных кадров, которую возмещали иностранцы. Подобная традиция, уходящая корнями в далекое прошлое, претила национальной элите, и это стимулировало рост национального самосознания. В высшем эшелоне российского общества все более стали заявляться права коренной нации на управление государством.

Однако события в Петербурге на Сенатской площади 14 декабря 1825 года на десятилетия отбросили нарождавшиеся возможности в формировании резерва государственных кадров, пополняемого из национальной среды. Николай I, потеряв доверие к представителям российской знати, вновь сделал ставку на иностранцев.

Опасной тенденцией, дающей о себе знать в периоды неустойчивости и радикальных социальных потрясений, является и «проращивание» во власть тех, кого называют на современном языке «криминалитетом». Появление и возвышение Распутина и К° в кризисный для России период Первой мировой войны — характерный тому пример. Причина этого явления заключается в том, что имущественные круги, обеспокоенные неясными перспективами, стараются делегировать во властные структуры своих людей. Делается это в первую очередь на низших уровнях управления, в расчете на быстрый рост своих выдвиженцев.

С подобной проблемой в начале XIX века столкнулся Николай I, когда неожиданно для себя обнаружил в государственном аппарате немало людей без роду без племени, малограмотных, а то и вовсе необразованных, из бывших крепостных. Оказалось,

что помещики, предвидя крестьянскую реформу и желая иметь своих людей во власти, давали своим крепостным вольную с одной только целью: заранее определить их где-либо в чиновничьем аппарате… Николай I был в ярости. Тогда, в запальчивости, он поставил своей целью знать в лицо каждого госчиновника, так же как он знал каждого офицера. Помимо прочего, Николай 1 обратил внимание на то обстоятельство, что законы, уложения и инструкции составлялись с таким расчетом, чтобы было совершенно необходимо их толкование, которое получали, дав чиновнику взятку. Борьба самодержца со взяточничеством, носившая на первых порах весьма решительные формы, обернулась небывалым разрастанием бюрократического аппарата.

Россия эпохи Александра II выдвинула ряд администраторов нового типа, готовых иначе, чем прежде, основываясь, как сказали бы теперь, на научном подходе, двигать Россию в будущее. После отставки заболевшего С. С. Ланского во главе Министерства внутренних дел был поставлен граф Петр Александрович Валуев (1815–1890), впоследствии подтвердивший свое право многие годы находиться на различных государственных постах.

В истории России это был, пожалуй, самый уникальный министр внутренних дел. Его записка «Дума русского во второй половине 1855 года» по цензурным соображениям была опубликована лишь в 1893 году. В ней Валуев, будучи тогда курляндским губернатором, выявил уязвимые места в системе государственного управления в России. И впоследствии, находясь на высших государственных должностях — министр внутренних дел (1861–1868), министр по делам государственных имуществ (1872–1879), председатель Комитета министров (1879–1881), Валуев относился к негативным процессам внутри чиновного сословия как к бедствию, ставящему под вопрос «охранение внутренней безопасности государства». Саморазмножение чиновников, образующих особый класс, становилось тормозом в решении управленческих задач государства. Именно тогда стало актуальным выражение Гиляровского: «В России две напасти: внизу власть тьмы, вверху тьма власти».

В докладной Александру II Валуев, уже будучи министром внутренних дел, напишет:

«На безусловную исполнительность и преданность значительнейшей части служащих чиновников нельзя полагаться. Одни вообще не представляют коренных условий благонадежности, другие имеют притязания не руководствоваться указаниями высших правительственных инстанций, но руководить ими в духе так называемого «современного

направления»; еще другие уже глубоко проникнуты теми идеями, которые ныне волнуют часть литературы и молодое поколение, и суть тайные враги, скрывающиеся в общем строе администрации; наконец, большинство признает над собою, кроме начальственной власти, власть общественного мнения, и потому часто *повинуется условно, исполняет нерешительно и вообще более озабочено будущим, чем настоящим.* Таким образом, меньшинство гражданских чинов и войско суть ныне единственные силы, на которые правительство может вполне опираться и которыми оно может вполне располагать… Едва ли существует в целом мире государство, где столь значительная часть населения живет в разных должностях за счет остальной части этого населения, как в России. Наплыв людей, ищущих мест и сетующих на правительство, когда они не находят оных или по неспособности не могут найденных удержать за собой, постоянно увеличивается. Они составляют тяжкое бремя для государственного бюджета и в то же время образуют постепенно возрастающий класс недовольных, вредный для спокойствия государства»[93].

Бесконтрольное увеличение численности чиновничьего аппарата привело к резкому падению уровня оплаты их труда. В 1857 году вопрос о материальном положении государственных служащих был поднят в ходе работы Особого совещания (под председательством статс-секретаря графа Д. Н. Блудова). Члены совещания указывали на недопустимость такого положения, когда «чувства справедливости и человеколюбия почти не дозволяют преследовать с надлежащей строгостью за взятки и другие более или менее преступные действия», так как «в канцеляриях присутственных мест многие, иногда семейные, люди должны жить пятью или десятью рублями в месяц». Несмотря на финансовые затруднения, в период царствования Александра II в 1860—1870-х годах оклады чиновников были постепенно увеличены в полтора-два раза, а затем и более. Сокращались штаты в ведомствах, а высвобождаемые материальные ресурсы шли на оплату труда оставленных на службе.

Вполне понятно, что приход Валуева в правящий кабинет Александра II в период, когда крестьянская реформа уже была объявлена, свидетельствовал о том, что «революционные» мысли, изложенные в его записке, содержали правду, не считаться с которой было бессмысленно. Более того, становилось ясно: без обновления, перестройки аппарата государственного управления заявленные в манифесте 1861 года реформы останутся на бумаге. И это стало подтверждаться фактами уже в первые месяцы после его опубликования. В обществе зрело недовольство, и не только потому, что реальный старт реформ откладывался на два года, но

и потому, что бюрократический механизм не проявлял готовности к отмене крепостного права на деле.

На повестку дня ставился вопрос об эффективном функционировании системы управления государством, ключевым звеном в котором оставался человек, чиновник. Одной из целей, которую ставил перед собой Валуев, было желание усилить власть центра непосредственно на местах, где реально решался вопрос о Земле и Свободе — свободе личности и праве на землю. Этим целям впоследствии послужила земская реформа 1864 года, а затем те же принципы и подходы уже без участия Валуева были положены в основу Городового положения (1870).

На долю Валуева выпала самая трудная часть внутригосударственной работы — административные преобразования. Решение крестьянского вопроса стимулировало реформы в системе управления России. Каждая из выдвигаемых проблем смыкалась с другими, которые, в свою очередь, находились в зависимости от ряда противоречивых факторов. Министерство внутренних дел в ту пору было одним из главных, если не ключевым, а министр внутренних дел — едва ли не первым министром. Ведомство сосредоточивало в своих руках многочисленные функции, регулирующие жизнедеятельность гражданского общества. Правильнее сказать: жизнь россиян в мирное время. В его обязанности входило отнюдь не только обеспечение спокойствия и общественного порядка во всей империи, но и вопросы организации административного управления в губерниях, городах, волостях и уездах. Делать эту работу в России успешно мало кому удавалось. Отлаживать этот процесс, учитывая, как он складывался веками, было крайне трудно. Отсталый хозяйственно-экономический уклад, отсутствие транспортных коммуникаций, низкий уровень законности и законопослушания граждан, неграмотность значительной части населения — все это обусловливало управленческие задачи, одолеть которые было не под силу даже самым талантливым администраторам. Власть в центре и на местах исходила из собственного понимания целесообразности, руководствуясь принципом «что хочу, то и ворочу». Не случайно в русской истории практически нет имен государственных мужей, чьи заслуги в этом направлении были бы бесспорно признаны.

Валуев одним из первых попытался выстроить целостный взгляд на управление, оценить эффективность работы государственного аппарата. Стремясь проследить движение распорядительных функций от центра до конкретного присутственного места, указывая на уязвимые звенья, Валуев формулировал предложения по исправлению ситуации. Часто ему

приходилось прибегать к тактике «прокладывания троп», когда вопросы делились на части, а их решение продвигалось в коридорах власти в зависимости от обстоятельств, прежде всего от настроения самого императора. Проводить в жизнь правительственные распоряжения, когда у каждого сановника имеется своя точка зрения, было непросто. Требовалось искусство политического маневрирования, умение лавировать. Любая постановка вопроса «ребром» не имела перспективы: всякая новация в управлении воспринималась с превеликой осторожностью. Принцип «недостатки всякого нового скрыты, а старого известны» в этой среде был особенно чтим, поскольку дело, которому служил Валуев, затрагивало самую тонкую и важную сферу — отправление властных функций. Время диктовало их перераспределение, а именно: передачу от столицы к периферии, и это встречало непонимание, а то и сопротивление. В таких ситуациях Валуеву помогали его красноречие, способность маневрировать, находить уклончивые ходы, альтернативные решения.

В то время, когда в других странах получали права гражданства формы конституционного правления, в Петербурге по-прежнему делалось все для укрепления самодержавия. Необходимость в продвижении политических прав и свобод понималась Александром II в той мере, в какой это не ущемляло его власти. Опасаясь проникновения в страну революционных доктрин, император руководствовался заповедями своих еще весьма влиятельных в Европе монархических союзников. Полезными и необходимыми они считали «лишь те изменения в законодательстве и управлении, которые проистекали из свободной воли обдуманного и просвещенного решения тех, кому Господь вверил власть». Деятельность Валуева не могла не соответствовать этим принципам. Как бы то ни было, именно на нем лежит ответственность за решительные репрессивные меры по прекращению студенческих беспорядков 1861 года и использование отнюдь не всегда приемлемых средств в отношениях с радикальной публицистикой. Некоторые современники отмечали витиеватость его речей, уклончивые формулы и фразы, за которыми трудно было уловить конкретику, и эти его свойства в представлении многих затмевали сущность его служения. Между тем Валуева отличали редкие по тем временам качества: умение анализировать и обобщать мнения, находить подходы к проблемам исходя из суждений людей, весьма разных по складу ума и общественному положению. Он проявлял удивлявшую многих способность выражать самое существенное и целесообразное в лаконичных законопроектах,

распоряжениях и указах. Когда подготовленные им записки ложились на стол императора, они, как правило, получали поддержку. Даже если на совете у императора Валуев оказывался в одиночестве, ему порой удавалось победить оппонентов с помощью слова, которым он владел мастерски.

Наделенный светлым государственным умом, интеллектуал и литератор, Валуев хорошо знал жизнь, понимал реальные процессы, в ней происходящие. Александр II не раз отмечал «неусыпные старания к введению и правильному действию законодательных и административных преобразований» — так говорилось в высочайшем рескрипте, посвященном юбилею государственного служения министра Валуева. Всегда ровный в отношениях с людьми, педантичный и элегантный, Валуев в окружении императора слыл «вторым Горчаковым». Именно Валуеву принадлежит идея учредить государственный печатный орган, где бы без искажений и интерпретаций излагалась государственная точка зрения, мнение правительства по поводу текущих событий.

На протяжении всей жизни Валуев не переставал заниматься литературным творчеством. Его прозу отличали тонкое чувство стиля, афористичность. В правительственных и околоправительственных кругах часто употребляли принадлежащую министру крылатую фразу: «Хлеб не сажают снопами, а сеют зерном» (суждение это относилось к реформаторским настроениям, которые в ту пору кое-кого захлестывали). Дневник Валуева открывает нам литературный автопортрет этого человека.

Интересен следующий факт: в черновиках повести «Капитанская дочка» Пушкин называет главного героя вовсе не Гриневым, а… Валуевым! У нас нет оснований предполагать случайность этого совпадения (поэт неоднократно встречался с будущим министром в доме Вяземских, на дочери которых Валуев был женат), поскольку ряд гриневских черт явно прослеживается в той личности, которая предстает перед нами со страниц дневника. «Это… не только усвоенные еще в родительском доме понятия о чести и долге русского дворянина, но и восходящие также к годам счастливого усадебного детства теплота чувства, восприимчивость сердца, способность страдания сердцем и, наконец, данные Богом и воспитанием здравомыслие и обходительность, позволявшие и перед лицом законных властей (как это показано в собственном жизнеописании Валуева), и в присутствии еще более грозного самозваного государя Петра Федоровича (как случилось с Гриневым) держаться с достоинством, не заискивая и не лукавя, но в то же время

располагая к себе сильнейших и могущественных особ…»[94]

Беспристрастный читатель видит за строками лаконичных записей глубоко мыслящего, преследуемого сомнениями, терзаемого наветами человека, которому нелегко дается пребывание на столь высоком посту и который, несмотря ни на что, мужественно противостоит враждебным ему обстоятельствам.

Вместе с тем дневники Валуева — летопись того времени. Автор прежде всего описывает дело, лишь вкратце касаясь личной жизни. Его перо воссоздает выразительную картину разлада системы управления государством в наиболее драматический период — 1861–1863 годы. Страну сотрясали крестьянские бунты и студенческие волнения, акты вандализма, армия была дезорганизована. Накал страстей и острота проблем достигли своего апогея, и дневник Валуева отражает это с документальной точностью.

«23 мая 1862 года:

В городе шесть пожаров, за раз три, потом два, и еще один ночью. В Ямской выгорело 35 домов. Густой и широкий столб дыма стоял над этой частью города с 1/2 4-го до ночи. Подозревается зажигательство. Пожары были вчера и третьего дня. Пожарные команды измучены.

30 июня 1862 года:

Утром в городе. Множество разных лиц и дел. Признаки разложения продолжаются. Подполковник Александрийского гусарского полка Красовский в Киевской губернии разбрасывал возмутительные воззвания к солдатам и подстрекал крестьян к неповиновению, в малороссийском национальном костюме. Из Тюмени городничий доносит по телеграфу о бывших там поджоге и уличных беспорядках.

13 июля 1862 года:

У меня были разные лица, между прочих, пермский губернатор Лошкарев, один из несноснейших и пустейших губернаторов, а таковых, увы, немало.

20 февраля 1863 года:

Правительство даже внутри империи некоторым образом в осадном положении. Обуревающие волны поднимаются незаметно. Слабость орудий, неповоротливость механизма, отсутствие господствующих или руководящих личностей, — вот те признаки, которые меня тревожат и смущают»[95].

Свойственная монархическому управлению система ценностей предопределяла весьма изощренные условия борьбы за место у трона. Имелось немало способов воздействовать на климат в императорском окружении. Влиятельные круги

вынашивали различного рода идеи и вносили предложения, последствия осуществления которых порой было трудно предвидеть.

Насущная задача времени состояла в том, чтобы изменить систему управления государством. Нужны были решительные меры, чтобы избавить правительственный аппарат от несогласованности в решениях и действиях, от необдуманных, порой однобоких, корпоративно выработанных постановлений, продвигаемых теми, кто ближе всех стоял к императору. Горчаков настаивал на том, чтобы «главнейшие органические дела государственные, прежде чем быть представленными в Государственный совет или в комитет гг. министров, словом сказать, прежде, чем получить форму закона или высочайшего повеления, непременно бы обсуждались в собрании ближайших советников государя, под непременно личным председательством Его Величества; в таковой коллегии должны быть министры и лица, им особо приглашаемые, но вне этого совета и именно по этим органическим вопросам ни один министр отнюдь не должен был иметь особого, с глаза на глаз, собеседования, а тем более доклада государю императору»[96].

В результате было начато построение вертикали управления страной. Решалась задача: как обеспечить эффективность политического руководства в сочетании с ответственностью министерств и отдельных государственных деятелей за вверенные им сферы жизни общества. Была предпринята попытка организовать планомерную работу Совета министров, отнеся его к числу «высших учреждений империи», ввести его деятельность в рамки регламента, избавить процесс принятия решений от субъективизма и произвола, чтобы важнейшие для страны решения получали взвешенную оценку в ходе всесторонних обсуждений.

Одним из выдающихся «константиновцев», немало повлиявших на ход дел в российском государстве на протяжении царствования Александра II, был граф Михаил Христофорович Рейтерн (1820–1890). Графский титул он получил в конце своей деятельности, перед самой смертью в 1890 году. А до той поры ему, выпускнику Царскосельского лицея, пришлось пройти трудную дорогу служебного восхождения в министерствах финансов и юстиции, морском ведомстве, Комитете железных дорог, в составе Редакционных комиссий по подготовке крестьянской реформы. С его именем связаны важнейшие преобразования в укладе хозяйственно-экономической жизни России. Министерство финансов было ему поручено в кризисный период 1862 года, когда неокрепший механизм государственного

управления реформируемой России подвергся жестоким испытаниям. Финансовое положение страны было крайне тяжелым. Дефицит бюджета, растущие долги по государственным обязательствам, неизбежные новые расходы на проведение реформ ставили перед новым министром, казалось бы, неразрешимые задачи. Рейтерн начал с упорядочения того, чем реально располагала Россия. Он настоял на необходимости предать гласности бюджетные возможности государства — опубликовать финансовые росписи доходов и расходов, что никогда прежде не делалось. Наряду с этим был введен новый порядок планирования, рассмотрения и утверждения сметных ассигнований, установлен контроль за исполнением бюджетов министерств и ведомств.

Рейтерн возвел бережливость в ранг государственной политики. Его упорное нежелание выделять большие средства на нужды других ведомств часто приводило к жарким баталиям в Комитете министров. Против такой позиции особенно возражал Дмитрий Милютин, с математической точностью доказывавший, что денег, выделенных на реформирование армии, недостаточно. Рейтерн выстаивал в этих спорах и столь же точно и последовательно доказывал, что ни одна страна мира за всю историю не имела столько военных расходов в мирное время, как Россия, что в нестабильный период коренных преобразований государству более чем когда бы то ни было следует воздерживаться от крупных трат, иначе последствия могут быть непредсказуемыми. Отладить хозяйственный механизм государства можно было, по мнению Рейтерна, лишь через развитие производительных сил. Для этого следовало поддержать частнопредпринимательскую деятельность населения. Впервые в России в экономический обиход был введен рынок ценных бумаг, созданы первые частные коммерческие банки, ссудно-сберегательные товарищества, выстраивались правила, регулирующие кредитно-денежные отношения. В трудных условиях переходного периода проводились поиски оптимальных налоговых форм, приемлемых таможенных тарифов, вводились меры преодоления нарождавшегося монополизма.

Основное внимание финансового ведомства было сосредоточено на развитии транспортной сети страны, поскольку нехватка железных дорог была главным препятствием в развитии товарного производства и сбыта зерна, мануфактурных изделий. Создавались благоприятные условия для строительства железных дорог, протяженность которых примерно за двадцать лет возросла более чем в двадцать раз.

Однако устанавливаемые правила, предполагающие

легитимное развитие акционерных коммерческих банков и предприятий, не поспевали за процессом. Новая экономическая политика, становление рыночных форм хозяйствования сопровождались злоупотреблениями, биржевыми кризисами. Строить новую экономику в условиях финансового хаоса было непросто. Бремя государственных расходов, вызванных польским кризисом, Кавказской войной, военной реформой, реформой образования, переустройством системы управления, наконец, расходы на содержание двора не давали возможность сводить концы с концами. Попытки укрепить национальную валюту ни к чему не приводили. Решения, принимаемые с целью стабилизировать налоговое бремя, не давали желаемых результатов.

Все годы служения на посту министра Рейтерн опасался бедствия, могущего перечеркнуть те положительные результаты, которые были получены. Таким бедствием стала война. Рассудительный Рейтерн справедливо полагал, что гарантией преодоления финансового кризиса прежде всего является сохранение мира, и потому резко отрицательно относился ко всему, что могло бы его нарушить. Он категорически протестовал против расширения экспансии в Среднюю Азию, готов был продать Аляску по смехотворно малой цене, чтобы только избежать осложнения отношений с США, отверг предложение Горчакова выступить с территориальными претензиями к Турции после отмены нейтрализации Черного моря, наконец, умолял императора отказаться от Балканской кампании 1877–1878 годов. В записке, направленной Александру II, Рейтерн предсказывал ее трагический исход, убеждая царя, что война «принесет России неисправимое разорение и приведет ее в положение финансового и экономического расстройства»[97]. Однако его голос услышан не был. Две огромные империи — Российская и Османская — вновь сошлись в жестокой и кровопролитной схватке.

Министр, видя, как на его глазах рушатся плоды многолетней работы, с началом Балканской войны подал прошение об отставке, но, движимый чувством долга, оставался на своем посту вплоть до заключения Берлинского мирного договора (1878).

Очевидно, что деятельность на таком посту в столь сложное время не могла привести к устраивавшим всех результатам. И министерство, и Рейтерн систематически подвергались критике, нападкам оппозиции, тем более что самого министра нельзя было назвать личностью особо яркой, такой, какими были Горчаков и Валуев. В нем было что-то от бухгалтера, предпочитавшего вести утомительные разговоры на языке цифр. Но он умел заставить себя слушать, его аргументы порой имели решающее значение.

Рейтерн понимал уязвимое положение возглавляемого им ведомства, весьма самокритично относился к себе и результатам своей деятельности. Несмотря на льющуюся со всех сторон несправедливую и некомпетентную критику, министр не стремился прибегать к легко доступным мерам административного наказания. Тем более что реально финал министерской карьеры Рейтерна был отмечен заметным успехом. Систематические усилия, направляемые на экономическую поддержку крестьянской реформы и развитие сети железных дорог, дали ощутимые результаты в критический для страны военный период. Неурожай 1877 года в Европе, вызванный сильной засухой, стимулировал российский экспорт — появилась возможность с большой выгодой для себя торговать с европейскими странами.

Продвижение правовой реформы в России Александра II связано с именем Дмитрия Николаевича Замятнина (1805–1881). Судьба и карьера этого выпускника Царскосельского лицея во многом схожи с карьерой и судьбой Горчакова. Ему удалось многого достичь уже в годы царствования Николая I. Доказывая свои способности делом, Замятнин сумел выдвинуться на высокие государственные должности — герольдмейстера, обер-прокурора, сенатора. Пост министра юстиции Замятнин принял уже на склоне жизни и карьеры, в 57 лет. Однако именно с этой поры в его судьбе начался новый, наиболее значительный этап. Замятнину было поручено на деле продвигать задуманную в общих чертах, но так и не осуществленную за предшествующие семь лет судебную реформу. Помимо подготовки новой редакции судебных уложений, законов, норм, работу требовалось вести сразу в нескольких направлениях: создавать материальную базу судебных органов, а главное — находить персонал, способный действовать в изменяющихся условиях, когда впервые в общественном обиходе стали употребляться понятия «правовое государство», «гражданское общество», «защита прав личности» и впервые всерьез задумались над тем, что жестокость — истязания, пытки, телесные наказания — лишает общество перспективы в его цивилизованном развитии.

В этой сфере также сформировался сплоченный круг талантливых единомышленников, обладающих силой интеллекта и государственной волей, таких, как В. П. Бутков, С. И. Зарудный, К. П. Победоносцев, А. А. Книрим, М. Е. Ковалевский, О. О. Квист, Н. И. Утин, Н. И. Стояновский, Д. А. Ровинский, Н. А. Буцковский.

Опора на подобных людей придавала министру Замятнину сил и уверенности, ощущение надежности и обстоятельности в делах. В результате гласность и публичность вывели правосудие

из «мрака канцелярской тайны», впервые поставив суды в России под контроль общества и печати.

Реформа судебной системы России была провозглашена императорским указом 20 ноября 1864 года. Старая судебная система с ее укоренившимися пороками подлежала демонтажу. И все же именно среди ее представителей Замятнин искал единомышленников, постепенно подбирая тех, кто на деле проявлял готовность подхватить новое, продвигаться по избранному пути. Целеустремленность, деятельная энергия Замятнина удивляли всех. Он посетил десятки судебных заседаний, наблюдал течение процессов, выявляя тех, кому предстояло в будущем пожизненно вершить суд над людьми. Одним из его единомышленников стал Н. И. Стояновский, товарищ министра. С его участием удалось отстоять главные ценности судебной реформы и, что особенно существенно, запустить механизм ее продвижения. Благодаря настойчивости Замятнина и его «команды» в начале 1866 года приступили к работе окружные судебные инстанции в Санкт-Петербурге, а затем и в Москве. Для их укомплектования потребовалось время. Однако масштабность решенной Замятниным и его министерством задачи говорит сама за себя. Для замещения новых должностей в Санкт-Петербурге и Москве необходимо было подготовить судебный персонал в количестве 394 человек, которым предоставлялся пожизненный иммунитет. И это обстоятельство оказалось решающим с точки зрения практического применения судебной практики к российским реалиям.

Новые правовые установления довольно быстро привились: эффективно заработал суд присяжных, доказал свою жизнеспособность институт мировых судей. Для того чтобы на деле вершить суд «скорый, милостивый и правый для всех», Замятнин строго отстаивал и защищал новые принципы судопроизводства, а именно: гласность судебной деятельности и независимость суда; состязательность сторон в ходе процесса; избавление прокурорского надзора от подчинения «случайным административным видам и соображениям». Продвижение этих требований было делом непростым. Давали себя знать интересы представителей высших сословий, тех, кто в прежние времена имел возможность управлять судом и его решениями в собственных целях. Соприкосновение высшей власти с новыми юридическими реалиями вызывало раздражение и противодействие. Колебания маятника общественных настроений, выступления политической оппозиции были сопряжены с немалыми испытаниями для новой судебной системы:

оказывалось давление на суды, делались попытки склонить прокуратуру к административным санкциям, изобретались различные способы манипулирования правовыми, нормами. Поступали указания свыше с целью надавить на прокуратуру, включить механизм подавления радикализма и инакомыслия, особенно когда заходила речь о юридической оценке некоторых выступлений в газетах и журналах, где остро критиковалась государственная система.

Реакция, наступившая вслед за покушением Каракозова на Александра II в 1866 году, ознаменовала собой и наступление на новую систему судопроизводства. Верховенство закона было поставлено под вопрос. Первой жертвой стали вынужденный уйти в отставку Замятнин, а затем и наиболее влиятельные его последователи. Бывшего министра, однако, не выставили за порог: его назначили членом Государственного совета, где он продолжал отстаивать ценности созданной им судебной системы. Дело его жизни, несмотря на мрак реакции и невежество ретроградов, и далее проявляло свою жизнеспособность.

Гласный суд присяжных, опирающийся на судебные уставы 1864 года, пользовался широкой поддержкой в российском обществе. Окончательное разрушение его, как и многих других уложений, придававших судебной системе цивилизованные черты, произошло после 1917 года, когда классовая ненависть решительно отвергла предшествующий опыт строительства российской государственности.

Предпринимаемые ныне, на рубеже XX и XXI веков, преобразования судебной системы России повторяют искания, пройденные русским обществом в ту далекую эпоху. Реформы права и судопроизводства продвигаются теми же путями, какие прокладывал Замятнин со своими единомышленниками и помощниками.

* * *

В наиболее плодотворный, реформаторский период царствования Александра II его правящий кабинет укреплял Александр Васильевич Головнин (1821–1886), в ту пору министр народного просвещения (1861–1868).

Деятельность Головнина выходила далеко за рамки его прямых обязанностей. Он олицетворял собой движущие силы так называемой эпохи десятилетия (1856–1866). Это был государственный деятель, интересы и влияние которого простирались на всю общественную жизнь, что прибавляло ему популярность и одновременно множило число его врагов.

Головнин проявил свои способности уже сразу после окончания того же Царскосельского лицея, выполняя различные задания по линии Морского министерства, в частности в Финляндии, где ему пришлось провести около года для составления подробного описания этого края. За это время он выучил шведский язык в дополнение к четырем европейским, какими уже владел. Великий князь Константин Николаевич ценил его энциклопедическую образованность и видел в нем своего единомышленника. «Морской сборник», который было поручено редактировать Головни-ну, в первые годы правления нового российского самодержца стал рупором набирающего силу движения за обновление России. Журнал собирал новаторски мыслящих людей из публицистов, литераторов, деятелей радикального крыла интеллигенции, кому впоследствии удалось влиться в когорту реформаторов новой эпохи. Среди них были братья Д. А. и Н. А. Милютины, Ю. Ф. Самарин, К. Д. Кавелин, Д. Н. Замятнин. В этой среде рождались грядущие проекты и разрабатывались подходы к решению крестьянского вопроса, вынашивались планы преобразований в других сферах российской жизни.

Министерство народного просвещения, ранее считавшееся второстепенным, в ходе осуществленных Головниным преобразований стало занимать ведущее положение в общественно-политической жизни России. Либерализация университетского образования основывалась на освоении европейских традиций. Для их тщательного изучения за границу были командированы прогрессивно мыслящие доверенные лица. В 1863 году был обнародован Устав высших учебных заведений, где ликвидировались барьеры между студентами и преподавателями, обосновывались права на университетское

самоуправление, вводились новые ученые степени и создавались новые научные кафедры. Тогда же были существенно повышены оклады профессоров. Главной целью, которую преследовал Головнин, являлось не только повышение качества российского образования, преодоление отставания науки и обучения от потребностей времени, но и построение в России гражданского общества, основанного на праве и законе.

В 1864 году были изданы Устав гимназий и Положение о народных школах, что стало частью плана системной реорганизации обучения и воспитания молодого поколения России, обеспечивавшей их преемственность.

Отношения власти и общественности, взгляды которой выражались в прессе, носили тогда (как и сейчас) весьма болезненный характер. Работа, которую проводил Головнин, строилась вокруг свободы слова и печати. Это была одна из наиболее актуальных тем, поскольку строить гражданское общество, расширять правовое пространство без свободы слова и печати немыслимо. Головнин был одним из инициаторов Закона о предоставлении печати возможных облегчений (1865). Цензурный комитет, в задачи которого входили в том числе и репрессивные меры воздействия на периодическую печать, литературу, публицистику, по его настоянию был выведен из Министерства просвещения и передан в Министерство внутренних дел.

Головнин воплощал новый, редкий для России тип чиновника, к тому же представителя верховной администрации. Принципами его работы были гласность, стремление в ходе дискуссий изучать вопросы с разных сторон с привлечением общественных сил. Он изъездил Россию вдоль и поперек не только в поисках ответов на насущные вопросы, но и в поисках людей, с которыми можно было осуществлять преобразования. Его ориентация на европейский административный и политический опыт, попытки перенести элементы уклада западной жизни на русскую почву были и остаются причиной травли со стороны его идейных противников.

* * *

Еще одно забытое имя из немногочисленной когорты выдающихся реформаторов александровского времени — Валериан Алексеевич Татаринов (1816–1871). По сути дела, он один из первооснователей системы органов государственного контроля за состоянием и целесообразным расходованием

денежных ресурсов империи. В 1852 году, когда обнаружились злоупотребления, растраты и воровство в «Комитете 18 августа 1814 года» — органе, учрежденном по итогам войны с Наполеоном I с целью оказания материальной поддержки раненым и инвалидам, Татаринов открыл власти глаза на необходимость системных мер по учету и контролю за движением государственных средств, которые смогли бы избавить казну от постоянного расхищения.

Изучив опыт организации государственной отчетности, принципы сметного финансирования органов управления в Пруссии, Франции, Бельгии и Австрии, Татаринов стал руководителем комиссии по коренному переустройству всей системы контроля за использованием финансов и автором реформы бюджетной политики. Несмотря на нападки и травлю, Татаринову удалось объединить все средства, которыми располагала страна. Отныне они находились в ведении одного органа — Министерства финансов. Был положен конец произволу министерств и ведомств, которые, используя бюджетные и внебюджетные поступления, не только самовольно их расходовали, но и сами себя в том деле контролировали. Татариновым были разработаны правила сметного финансирования как органов управления, так и отдельных государственных программ. «Государственная роспись», как тогда называли бюджет, на основе вводимых им порядков постепенно, преодолевая нехватку денежных средств, стала продвигаться к сбалансированной системе планирования доходов и расходов, а все контролирующие органы слились в контрольные палаты, после чего в государстве снизу доверху стала осуществляться ежемесячная сверка расходов и поступлений денежных средств. В результате к 1868–1869 годам бюджет Российской империи стал бездефицитным.

Положив начало системной ревизионной деятельности в таких отраслях, как производство алкогольной продукции и железнодорожный транспорт, где стали практиковаться внезапные проверки непосредственно в кассах и бухгалтериях, Татаринов оказался в изоляции. Его деятельность, направленная на целевое использование материальных и денежных ресурсов, не могла нравиться той части элиты, которая из века в век кормилась из казны.

Татаринов умер внезапно, от инфаркта, причем в тот момент, когда его реформаторские усилия еще только набирали силу. Безупречная честность этого человека окончательно подтвердилась лишь после его смерти, а материальное вознаграждение за его преданное служение государству было

выплачено его детям, поскольку Татаринов не оставил им никакого состояния…

Схожая судьба была уготована и другому замечательному человеку, государственному чиновнику более раннего поколения, Дмитрию Николаевичу Блудову (1785–1864), председателю Государственного совета (1862–1864) и Комитета министров (1861–1864). Когда его здоровье вконец расстроилось, выяснилось, что у него нет средств на то, чтобы поехать лечиться на воды в Европу. Пришлось друзьям просить у Александра II специальную субсидию, чтобы помочь самому доверенному из его «ближних бояр».

Между тем Блудов — одна из ярчайших индивидуальностей России начала XIX века. Одаренность, образованность, широта познаний поставили его в ряд с выдающимися людьми своего времени — Карамзиным и Жуковским. Они были друзьями и единомышленниками во взглядах на литературно-публицистическую деятельность, на государственные дела. До конца дней Карамзин и Блудов двигались по жизни рядом, несмотря на то, что судьба часто разделяла их. Блудов начал свою службу в пятнадцать лет — сначала в Коллегии, а затем и в Министерстве иностранных дел. Работая за границей на дипломатических должностях, он вполне разделял убеждения своих друзей по «Арзамасу» — литературному кружку, который открыл писательскую дорогу многим его участникам. Благородство и изысканный вкус делали его другом и советником многих талантливых литераторов того времени.

Однако в блестящем начале судьбы Блудова произошел глубокий перелом. Рекомендованный Карамзиным Николаю I как человек, наделенный выдающимися способностями, Блудов, едва приступив к высокой государственной деятельности, по воле обстоятельств и высочайшему повелению оказался на должности делопроизводителя Верховного суда по делу участников восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Впоследствии Блудов занимал высокие государственные посты: назначался начальником департаментов, министром разных министерств — внутренних дел, юстиции, иностранных вероисповеданий; выступал редактором Свода законов, Уложения о наказаниях. На первых порах реформаторской деятельности Александра II он был опорой для молодого самодержца в главном — в реформе по освобождению крестьян от крепостной зависимости. В это дело он вложил немало сил, проявив исключительную душевную щедрость. Блудов прошел все мыслимые ступени государственной службы и командные высоты в России Николая I, Александра II, получив все доступные по тем

временам почести и награды. Однако участие в процессе по делу декабристов омрачало и более чем что-либо другое подтачивало его силы…

Крупной фигурой, явлением национального масштаба в период царствования Александра II был военный министр империи граф Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912).

Он так же, как и Горчаков, с юных лет выделялся среди сверстников, проявляя блестящие познания в столь различных областях знаний, как литература и математика. В своих ученических работах Милютин обнаруживает удивительную зрелость, используя методы, которые теперь бы назвали системным анализом. Он считал, что при решении проблем должны преобладать «полнота, точность, система», что «всякая наука может дойти в стройности и полноте до математической точности»[98].

Преодолев долгий и трудный путь на разных должностях в военном ведомстве, Милютин в 1861 году выдвинулся в военные министры империи, оставаясь на этом посту вплоть до кончины Александра II.

Ключевое значение в восхождении Милютина имело его участие в решении кавказской проблемы. Здесь, на Кавказе, он в разные годы нес службу, участвовал в боевых действиях, был серьезно ранен, здесь же, извлекая уроки из прошлого, он обдумывал методы ведения войны, способы ее мирного завершения.

Одна из написанных Милютиным работ — «Наставления к занятию, обороне и атаке лесов, деревень, оврагов и других местных предметов» — стала итогом первого собственного опыта участия в боевых действиях. После этого были еще три длительные командировки на Северный Кавказ.

Кавказская война — длинная, так до конца и не прочитанная страница российской истории. Проблема покорения горских народов Кавказа, к решению которой подступался еще Петр I, из поколения в поколение мучила российских самодержцев, не умевших найти ее решения. Не территориальные приобретения, не доступ к природным ресурсам, не стремление экспроприировать достояние горских народов двигало Россию на Кавказ и далее, за его пределы.

Кавказская проблема с течением времени выросла в одно из серьезных препятствий на пути экспансии Российской империи на Восток. Речь шла не столько о том, чтобы остановить регулярные грабительские набеги горцев на приграничные территории, хотя разбой и торговля невольниками к тому времени стали едва ли не основной статьей дохода племенных вождей, но в первую очередь

о потребности выхода к торговым путям Запада и Востока через незамерзающие моря. К тому же перед Россией стояла важная миссионерская задача — избавить христианские народы, разбросанные на пространствах бывшей Византийской империи, от насильственной исламизации. В этом смысле наиболее бедственное положение сложилось в грузинских и армянских княжествах, отрезанных от православного мира цепью Кавказских гор. Кроме того, народы, заселявшие горы и предгорья с севера, тоже исповедовали ислам.

Таким образом, движение России на Восток наполнялось глубоким стратегическим смыслом. Намерения набирающего мощь северного соседа вызывали беспокойство не только Персии и Турции, но и ведущих европейских держав. Выход России на пространства Анатолийского полуострова с установлением ею контроля над проливами Босфор и Дарданеллы означал бы радикальные геополитические изменения, поставил бы под вопрос само существование хозяйственно-экономических связей стран Европы с Ближним Востоком и азиатской Индией. В этом случае создавались предпосылки к возникновению супердержавы, способной взять под контроль стратегически важные источники сырья, товаров и пути их доставки. Именно по этой причине, когда стало очевидно, насколько Николай I приблизился к осуществлению заветной цели, страны европейской коалиции — Англия, Франция, Сардиния — в 1854 году предприняли интервенцию союзных войск в Крыму, чтобы остановить имперские устремления России. До той поры проблема Кавказа хотя и существовала, однако не стояла в ряду первостепенных. Вялотекущий характер, присущий тактике и стратегии ведения войны в кавказских предгорьях, объяснялся отвлечением основных сил на решение других, гораздо более актуальных задач. Действия экспедиционного корпуса в горах на восточном, центральном и западном направлениях продолжались десятилетия, война передавалась по наследству от одного самодержца к другому. И причин столь затяжного течения боевых действий было много. В первую очередь героизм и самоотверженность горских народов, их неистощимая способность к сопротивлению. Но не менее важным было легковесное, недальновидное ведение дел российским военным руководством, опьяненным боевыми успехами императорских войск на полях других, гораздо более масштабных сражений. Для армии, сумевшей разгромить войска великого Наполеона, одержавшей победу над шведами и турками, данная цель казалась малозначительной и легко достижимой. Карательные экспедиции против горских владений не приносили результатов,

а вели лишь к наращиванию боевого опыта горцев. Дух сопротивления укрепляло учение радикального ислама — мюридизм. Его проповедники, прибывавшие из исламских центров Ближнего Востока, возвещали приход газавата, священной войны против неверных. Однако не только неприступные леса и горы и религиозный фанатизм помогали народам Северного Кавказа выстоять в неравной борьбе. Помощь им приходила далеко из-за пределов России — и не одним лишь снаряжением, но и инструкторами, деньгами, людьми. Через Турцию отряды горцев оснащались новейшим нарезным оружием, возможности которого многократно превышали возможности гладкоствольного, бывшего на вооружении у русских. В феврале 1857 года, благодаря разведданным, полученным от посланника в Константинополе Бутенева, был обнародован факт высадки в устье реки Туапсе отряда польских и венгерских эмигрантов, направлявшегося на помощь горцам. Процесс формирования отряда, его экипировка и отправка осуществлялись английскими дипломатами[99]. Далее еще не раз будут установлены факты, свидетельствующие об усилиях Англии и Турции интернационализировать Кавказскую войну. Военное вмешательство в кавказские дела иностранных государств продолжалось вплоть до 1864 года. Легионеры из Польши, Венгрии, Турции, оснащаемые новейшим вооружением, экипировкой, деньгами, участвовали в непосредственных столкновениях с русскими войсками, нанося им серьезный урон. Массированная политическая и материальная поддержка кавказских повстанцев Англией, по сути дела, служила защите ее колониальных интересов на Востоке. Кавказ рассматривался в качестве главного препятствия выходу России на важнейшие торговые пути, соединяющие Европу с Азией.

Многократные попытки сил экспедиционного корпуса продвинуться в глубь предгорий рано или поздно проваливались, поскольку выиграть войну по сложившимся, хорошо известным канонам не удавалось. Навязываемая противником партизанская война, ее изощренные, коварные методы ставили командование в тупик. Близкие к завершению масштабные операции захлебывались, а оставляемые на захваченных территориях крепости и базы подвергались блокаде и уничтожению. Победные рапорты об успехах в сражениях сменялись печальными известиями о сотнях и тысячах погибших, об утрате войсками контроля над огромными территориями и населенными пунктами.

Кавказская война пролегла через судьбы многих поколений, затронув все слои российского общества, не исключая и его

высшие сословия. Одни направлялись на Кавказ по велению долга, другие — по высочайшему повелению. Там кровью искупали свою вину перед троном опальные декабристы. Там остановилась жизнь многих наделенных умом и талантом российских интеллектуалов. Не все они успели применить себя в каком-либо более значительном и нужном деле. Драма тех десятилетий нашла свое отображение и в художественном творчестве литературных гениев эпохи: Пушкина, Лермонтова, Толстого.

Эпизод Кавказской войны, преисполненный невероятного драматизма, воссоздает Лермонтов в своем гениальном поэтическом творении «Валерик». Берущая за сердце реалистическая картина боя в горах Ичкерии написана с обескураживающей точностью. Вчитываясь в ее строки, как бы переносишься в наше время.

Раз — это было под Гихами —
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов;
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживилися леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось.
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов выносят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Все тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько фанат;

Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблистало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь все спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Недолго длилося оно,
Но в этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп… глядим: лежат рядами,
Что нужды? Здешние полки
Народ испытанный… — В штыки,
Дружнее! — раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди…
Верхом помчался на завалы,
Кто не успел спрыгнуть с коня…
Ура — и смолкло. — Вон кинжалы!
В приклады! — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть…
(И зной и битвы утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

В упоминаемый Лермонтовым в начале поэмы «славнейший» период (1818–1826) той войны, проходивший под руководством А. П. Ермолова, пришло наконец понимание того, что кавказские пространства «представляют собой громадную естественную крепость», а покорение проживающих здесь «диких и хищных народов» невозможно осуществить одним только военным путем… Однако уроки и выводы тех первопроходцев усвоены были не сразу.

Алексей Петрович Ермолов (1777–1861) — один из немногих российских генералов, о служении которого до сей поры на Кавказе ходит немало легенд, рассказов, анекдотов. Ему, герою Бородинской битвы, Александром I было поручено командование экспедиционным корпусом на непокорном Северном Кавказе. В 1818 году Ермолов предложил план постепенной колонизации предгорий Кавказа путем создания укрепрайонов, вокруг которых

предполагалось создать поселения казаков-колонистов, способных привнести новое, по тем временам прогрессивное в примитивный уклад жизни «диких народов», привлечь к мирному земледельчеству и скотоводству местные племена. Именно Ермолов основал первое крепостное укрепление Грозное и другие, откуда предпринял ряд походов, имевших целью установление власти России в примыкающих к ней княжествах Центрального Кавказа и Закавказья — в Мингрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии, Карабахе и других менее значительных по площади национальных образованиях. Главное достоинство его правления — не только успешные военные операции, но и обширная хозяйственно-административная деятельность, направленная на развитие края. Под его руководством был расширен Военно-Грузинский тракт, улучшены дороги внутри Северного Кавказа. Главное же — ему первому удалось привлечь к сотрудничеству местное население, направив его энергию на благоустройство края. Были приняты меры к поощрению местного производства, земледелия и торговли. Он сумел зазвать сюда даровитых людей из Центральной России, найти им применение в просвещении и образовании местных народов, в освоении оздоровительных ресурсов. С его именем связано основание крупнейших в Европе бальнеологических курортов Кавказских Минеральных Вод.

После Ермолова сменилось немало талантливых военачальников, были проведены десятки и сотни успешных операций, но как ни наращивались военные усилия, положить конец войне не удавалось. О том, какой ценой давалась победа, можно судить по донесениям хотя бы о двух боевых операциях, проведенных под командованием князя М. С. Воронцова с целью овладеть укрепленными аулами Гергебиль и Салты в августе-сентябре 1847 года: «Оба эти предприятия стоили нам около 150 офицеров и более 2500 нижних чинов». Тем не менее впоследствии эти аулы не единожды переходили из рук в руки.

Наиболее ожесточенный характер война приобрела в пору, когда движение горских народов возглавил имам Шамиль, которому удалось сплотить разрозненные племена под единым руководством.

В жизнеописаниях Шамиля (1797–1871) много мифов, легенд и реальных фактов. Однако совершенно определенно можно сказать, имам Шамиль к середине 30-х годов XIX века обладал грозной силой, которая с течением времени мужала, крепла, объединив вокруг вождя религиозных лидеров и подвластные им племена. Шамиль прошел сквозь трудные испытания на пути к утверждению собственной власти. В отличие от своих

предшественников он оказался гораздо более мудрым, дальновидным вождем, успех которому обеспечили не только победные военные операции. Он умело играл на чувствах людей, вызывая у них фанатичную преданность. Это помогало ему выстоять и даже после сокрушительных поражений вновь обретать силу и поддержку в народе. Война с Шамилем изобиловала победами и поражениями, в которых сила и храбрость, хитрость и коварство, переплетаясь, играли на руку лидеру горцев. В ряде случаев Шамиль оказывался в безвыходном положении, но каждый раз ему удавалось избежать плена. В конечном счете затяжная война изнурила население Кавказа. Жестокое подавление выступлений горцев, уничтожение не только мест их базирования, но также крепостей и селений, тактика правительственных войск, бравших под охрану народы и лидеров, решившихся порвать с имамом и перейти к мирной жизни, делали свое дело. К тому времени была разработана стратегия ведения войны, предполагавшая планирование и тщательную подготовку операций с учетом особенностей и рельефа местности. Помимо неприступных гор и перевалов мощным препятствием для регулярных войск и защитой для горцев служили непроходимые леса, через которые экспедиционному корпусу приходилось прокладывать собственные подходы к военным укреплениям, вырубая широкие просеки, избавляющие войска от внезапных нападений. Наконец в августе 1859 года отряды Барятинского, преодолев отвесные скалы Гуниба, блокировали Шамиля, и он вынужден был сдаться. Обошлись с ним более чем гуманно. Вместе с семьей пленного предводителя горцев доставили в Петербург, где повергнутый кавказский вождь впервые открыл для себя реальную Россию, с которой он столько лет воевал. Многое его тогда поразило. Говорят, папаха падала с его головы, когда он пытался окинуть взором высоту Исаакиевского собора. После аудиенции у Александра II Шамиль и его окружение были отправлены на поселение в Калугу, где оставались более двенадцати лет. В 1870 году ему было разрешено выехать в Мекку — там он окончил жизненный путь в марте 1871 года.

Проявляя незаурядный организаторский талант, решительность и смелость, великолепно владея боевым искусством, не сомневавшийся в своей удачливости вождь стал для сражающихся горцев идолом — и в военном, и в религиозном смысле. По его слову они готовы были идти на верную смерть. Шамиль оставался неуловимым для экспедиционного корпуса российских войск на протяжении двадцати пяти лет. Все попытки разгромить его отряды, поймать и пленить самого вождя

оканчивались неудачей. В одном из острых эпизодов в июле 1837 года, когда в районе Старое Ахульго отряд Шамиля был блокирован, он обещал прекратить сопротивление и принять условия к умиротворению на Кавказе. Однако нерасторопность командования российского отряда, недооценка им ситуации позволили кавказскому лидеру ускользнуть, что в конечном счете лишь укрепило его авторитет, создав ему ореол избранника, покровительствуемого Аллахом.

Неизвестно, проводились ли в ту войну двусторонние переговоры с целью найти политический путь к разрешению конфликта, скорее всего, таких переговоров и не могло быть, поскольку «весовые» категории сторон были неравны, да и преследуемые сторонами цели — несовместимы. Локальные эпизоды перемирий и переговоров, проводимых по тактическим соображениям (например, когда была потребность выиграть время, вызволить находившихся в плену или в заложниках), велись, но на последующем ходе событий это не отражалось. Собственно, иное и предположить трудно.

Крымская война, а также операции в азиатской Турции отвлекли значительную часть российских войск от кавказского направления. Эти обстоятельства послужили для горских лидеров поводом к развертыванию крупномасштабных действий, сводящих на нет результаты многих прежних операций по умиротворению. В 1854–1856 годах войска Шамиля совершают дерзкие набеги в Дагестан, Грузию, на заселенную казачеством равнинную часть предгорий, захватывают ряд укреплений черноморской линии — Новороссийск, Анапу и Екатеринодар. Для Шамиля последствия этих побед обернулись трагически. На фоне тягостных итогов Крымской войны российский престол не мог позволить себе не отреагировать на «кавказское унижение». После подписания Парижского трактата (1856) выведенные из боевых действий российские войска получили наконец возможность переключиться на решение кровоточащей кавказской проблемы. Был взят курс на планомерное подавление военного сопротивления и одновременный переход освобождаемых территорий к мирной жизни. Для достижения этих целей были мобилизованы и военные, и интеллектуальные ресурсы, призванные разрабатывать не только тактику и стратегию боевых операций, но и приемлемую политику, отвечающую традициям и условиям жизни местного населения.

Здесь как раз и проявились незаурядные способности Д. Милютина, мыслящего стратега, начальника штаба действующей на Кавказе армии под командованием генерала князя А. И. Барятинского (1815–1879). Впоследствии отношения этих двух

далеко не равно одаренных людей стали достаточно неприязненными, время и обстоятельства отдалили их. Но тогда, в период Кавказской кампании, альянс этих военачальников послужил интересам дела. Характерно, что впоследствии А. И. Барятинский, генерал-фельдмаршал, член Государственного совета, царедворец, личный друг Александра II и весьма приближенный к императорской семье человек, не смог помешать карьере Д. Милютина, к служебному возвышению которого фельдмаршал относился с болезненной ревностью. Это говорит о том, что в ряде случаев соображения целесообразности оказывались для Александра II выше личных симпатий.

Пройдя через годы военных испытаний, уже будучи начальником Главного штаба Кавказской армии, Д. Милютин смог наконец применить свои представления о том, как следовало разрешать подобные ситуации. Милютин был сторонником осмысленной и дальновидной политики в отношении горских народов. Он полагал необходимым привлекать на свою сторону горцев, признавая их гражданские права, уважая их верования и традиции, способствуя их просвещению и вводя цивилизованные начала в уклад местной жизни. По его мнению, полное умиротворение могло наступить тогда, когда горцы сумели бы понять и признать преимущества добрых отношений с могущественным северным соседом. Организация медицинской помощи, введение новых приемов и методов хозяйствования, строительство дорог и мостов должны были серьезно облегчить жизнь местного населения. «Горцы должны быть убеждены, что Россия так могущественна и велика, что не имеет никаких притязаний на их ничтожное достояние», — писал Милютин[100]. Его идеи были настолько конструктивны, что именно их продвижение внесло перелом в ход войны. При его непосредственном участии была реорганизована система военно-административного руководства армией, разработан план военных операций, приведший в 1859 году к пленению Шамиля.

Человек разносторонних знаний и интересов, Милютин проявил себя как литератор, публицист, ученый-историк, военный организатор, стратег в сфере военного строительства и государственной политики. С начала шестидесятых годов Милютин активно включается в осуществление реформаторских намерений Александра II. На протяжении двадцати лет он оставался одной из стержневых фигур в продвижении идей обновления России. Его влияние проявлялось не только в военной сфере, но и во многих других областях административно-государственной деятельности. Его голос имел особый вес при решении судьбы реформ. Он был последовательным сторонником

отмены телесных наказаний; выступал за демократизацию деятельности местных органов самоуправления — земств и наделение их реальными правами; настаивал на необходимости освобождения местных органов власти от сословных привилегий, в том числе при выборе лидеров; он последовательно поддерживал основы судебной реформы, перенес опыт гласного и независимого суда в систему военного судопроизводства. Милютин выступал против передачи функций цензуры Министерству внутренних дел, полагая более полезным создание отдельного коллегиального и самостоятельного государственного органа по делам печати.

И все же его талант организатора и государственного деятеля проявился главным образом при преобразовании и обновлении доктрины строительства российской армии. Он делал все для того, чтобы в армейской среде прививались идеи гражданского общества: гуманное отношение к личности солдата, улучшение его быта, медицинское обслуживание, обучение грамоте, сокращение срока службы (на первых порах с 25 до 16 лет).

Милютин настаивал на необходимости организовать армейское дело так и таким образом, чтобы общество наиболее рационально тратило свои интеллектуальные, материальные, людские ресурсы, а укрепление обороноспособности не разрушало, а напротив, упрочивало устои государства, не обременяя его непосильными затратами. Реформирование армии шло трудно, но не отставало от социально-экономических преобразований. Реорганизация военного управления и создание военных округов — первый этап этой работы.

Цель этого преобразования, по мысли Милютина, состояла в том, «чтобы привести все здание в стройный вид и упростить весь сложный механизм его, а для этого признано было полезным слить вместе части однородных по кругу действий и уничтожить лишние наросты, которые в течение времени образовались более или менее случайно, без всякого плана»[101].

Военное образование Милютин сделал непременным условием получения офицерского звания. Кадетские корпуса, славившиеся муштрой и шагистикой, были по его проекту заменены военными гимназиями, которые стали ориентироваться в первую очередь на интеллектуальное развитие обучающихся. Тогда же были созданы и военные училища, где выпускники гимназий могли получить высшее образование. Обязательным для офицера нового типа становилось знание не только специальных предметов, но и нескольких иностранных языков, литературы, истории, естественных наук. При этом дворянство утратило монополию на формирование офицерского корпуса из

своих представителей. С шестидесятых годов в юнкерские и некоторые военные училища начали принимать представителей других сословий, в том числе крестьянского.

Таким образом, военные преобразования эпохи Александра II должны были создать четкий, отлаженный армейский механизм, управляемый компетентными, высокообразованными, ответственными лицами. Современная либеральная пресса называет реформы Малютина «первой и, к сожалению, последней попыткой построить российский офицерский корпус в соответствии с принципами военного профессионализма»[102].

По оценкам обществоведов того времени, в России преобладали «ленивые, робкие и рутинные умы». При рассмотрении проблем сложных и серьезных всегда находилось немало людей, которые высказывали всевозможные опасения, указывая на незрелость русского народа и его неподготовленность к переменам. Им вторили другие, усердно доказывая, что «все хорошее должно быть своевременно». Когда дело касалось европейского опыта, появлялись и те, кто требовал блюсти «национальную самобытность». Расхожими и весьма популярными в повседневном обиходе были обвинения в «слепом заимствовании и подражании западным формам».

Энергии и талантливости тех, кто был предан реформам, не всегда хватало. Отстоять принципиальную точку зрения удавалось далеко не всегда. Но стоит ли упрекать кого-то в том, что приходилось идти на компромиссы и уступки, порой весьма и весьма существенные? Необходимо понимать: идеи, мысли, предложения, которые были положены в основу государственных решений, еще не так давно были немыслимы — за них легко можно было угодить в тюрьму или на каторгу, прослыть «красным» или быть признанным сумасшедшим. И тем не менее эти люди продолжали действовать, понимая, что реформаторская линия в высших эшелонах российского руководства в любой момент может быть прервана, что необходимо в меру сил и возможностей использовать «реформаторский порыв» Александра II. Их старания, помимо прочего, были направлены на то, чтобы укреплять либеральный дух, всячески поддерживать устремления императора к преобразованиям. На постоянную угрозу остановки реформ или противодействия им указывало немало обстоятельств, и прежде всего поведение консервативного большинства — не отброшенного, но лишь на время оттесненного от престола. Сопротивление в явной форме проявляло себя уже в первые годы реформаторского подъема, когда в ходе продвижения тех или иных законопроектов через Государственный совет их авторы оказывались в меньшинстве.

Лишь упорство Александра II и оставляемое за ним право на окончательное решение не позволяли провалить дело.

Изощренно, из-за кулис велась непрекращавшаяся психологическая война, с тем чтобы опорочить или скомпрометировать зачинателей и исполнителей реформ. Если внимательно, постранично, по дневнику министра внутренних дел Валуева проследить хронику дел и событий 1861–1863 годов и далее, видно, как едва ли не каждый месяц возникали слухи о его возможной ближайшей отставке… Между тем в этих условиях жил и действовал не один только министр Валуев. К тому же десятилетие великих реформ протекало отнюдь не в самых благоприятных внутриполитических условиях. Пленение Шамиля в 1859 году еще не означало полного покорения Кавказа: военные операции в западной части кавказских предгорий, сопровождаемые тяжелыми потерями, продолжались до 1864 года. В университетах Петербурга, Москвы и Казани в 1861 году возникали масштабные студенческие беспорядки, вынудившие применить крайне непопулярные меры полицейского характера. В 1862 году произошли «загадочные», грандиозные по масштабам пожары, которые охватили центр столицы и прилегающие кварталы. На протяжении 1861–1863 годов происходили вооруженные мятежи в Царстве Польском, сопровождавшиеся большими жертвами с обеих сторон и угрозой вмешательства во внутренние дела России. Власти, рассчитывавшей на повсеместную поддержку и понимание, преподносились драматические уроки в виде актов гражданского неповиновения, крестьянских бунтов, недозволенной агитации в войсках, распространения «крамольных» листовок и прокламаций. Эти и другие обстоятельства ставили систему государственного управления перед необходимостью жить и действовать на пределе сил, просчитывая целесообразность и возможные последствия предпринимаемых преобразований.

В силу давления сверху и снизу реформы в России происходили в сумятице, в атмосфере, которую нагнетали «недовольные помещики и неудовлетворенные крестьяне». В этих условиях и стал возможен выстрел Каракозова в Александра II.

Десятилетие, охватываемое 1856–1866 годами, самое плодотворное и исторически весомое, завершилось внезапно. Для Александра II попытка покушения на его жизнь стала потрясением, вызвала в нем чувство глубокой обиды и разочарования. Его душу истерзали нападки и обвинения в предательстве интересов дворянства, в нарушении незыблемых заветов предков. Выстрел Каракозова он воспринял как проявление неблагодарности и непонимания его целей и

стремлений со стороны народа и долго еще не мог освободиться от ощущения тревоги и утраты перспективы в своей деятельности. Апатия и равнодушие вкрадывались во все, с чем он соприкасался. Сказывались накопившаяся с годами усталость, пресыщение властью.

Борьбу с «крамолой» возглавил генерал-губернатор Прибалтийского края граф Петр Андреевич Шувалов (1827–1889), назначенный шефом жандармов и главным начальником III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Этого новоявленного «ближнего боярина» в пору его могущества современники сравнивали с Аракчеевым, а кое-кто называл Петром IV. Поставив во главу угла борьбу с «революционной заразой», Шувалов и его выдвиженцы создали атмосферу страха и тревожных ожиданий вокруг Александра II. Используя растерянность и замешательство власти, они развернули работу против главных действующих лиц, стоявших у истоков преобразований. Делалось все, чтобы оттеснить их от Александра II, очистить верхний эшелон руководства страны от влиятельных носителей реформаторских идей. Этому немало способствовали разногласия, имевшие место в рядах сторонников реформ. Отставки последовали одна за другой. Посты министров покинули Валуев, Головнин, Замятнин. Проверенные, известные своим преданным служением государственные деятели неоднократно подвергались провокационным нападкам.

Целую кампанию «шуваловцы» развернули против министра финансов Рейтерна. За три года до этого он провел неудачную попытку восстановить обмен кредитных билетов на золото и серебро. Шеф жандармов и его сторонники использовали провал реформы как предлог для обвинения министра в профессиональной несостоятельности, в неумении вести дело. Процедура его отставки затянулась лишь по чистой случайности. Выбранный императором в преемники Рейтерну С. А. Грейг, служивший директором канцелярии морского ведомства, был другом Шувалова. Он имел весьма смутное представление о финансах и потому для ознакомления с новой сферой деятельности должен был некоторое время поработать в должности помощника министра. Как раз в этот период Александр II приказал Рейтерну разработать программу мероприятий по преодолению кризиса. Несмотря на то что министр уже готовился сдать полномочия, он целое лето провел в работе и подал на высочайшее имя блестящую записку, в которой выделил магистральные направления деятельности, необходимые для решения основных экономических проблем. Выработанная стратегия в очередной раз обнаружила незаурядные способности

Рейтерна-финансиста и восстановила его реноме в глазах царя. Программа была одобрена, и разговоры о замене нынешнего министра Грейгом сами собой смолкли.

Дамоклов меч нависал также над Горчаковым и Д. А. Милютиным. Как и Рейтерну, им удалось удержаться на своих постах, однако искусственная изоляция сделала их участие в государственных делах гораздо менее заметным.

О том, что происходило в тот период в окружении императора, можно прочитать в дневнике Милютина: «Все делается под исключительным влиянием графа Шувалова, который запугал государя ежедневными своими докладами о страшных опасностях, которым будто бы подвергаются и государство, и лично сам государь. Вся сила Шувалова опирается на это пугало. Под предлогом охранения личности государя и монархии гр. Шувалов вмешивается во все дела, и по его наушничеству решаются все вопросы. Он окружил государя своими людьми; все новые назначения делаются по его указаниям. Таким образом, уже теперь в Комитете министров большинство членов действуют всегда заодно с гр. Шуваловым, как оркестр по знаку капельмейстера…

…Вот та среда, в которой обречен я действовать. Есть ли возможность одному бороться против целой могущественной шайки? Какое поразительное и прискорбное сравнение с той обстановкой, при которой вступил я в состав высшего правительства 13 лет тому назад! Тогда все стремилось вперед, теперь все тянет назад. Тогда государь сочувствовал прогрессу, сам двигал вперед; теперь он потерял доверие ко всему, им же созданному, ко всему, окружающему его, даже к себе самому. При таком положении дел возможно ли мне одному устоять на обломках кораблекрушения и не будет ли извинительно, если я решусь сложить с себя оружие?..»[103]

Реформаторам той поры сполна пришлось испить чашу разочарований и горечи, и особенно это проявлялось в кризисные моменты истории.

И Горчаков, и Милютин, и Валуев, как и другие члены правительственного кабинета Александра II, были если не единомышленниками, то «попутчиками», деятелями либерально-демократического толка, носителями «западнических» взглядов на переустройство России. Отличия в их взглядах не носили принципиального характера, но в том, что касалось борьбы за лидерство, за ведомственные приоритеты, они, как и всякие политики, были соперниками. Эти особенности политической жизни обретали на русской почве весьма жесткие формы, нанося ущерб и самим политикам, и государству в целом.

Надо отметить, жили реформаторы того времени в атмосфере, весьма далекой от всеобщего обожания и поклонения. О них судачили в светских салонах, они подвергались газетной травле, о них распускали всевозможные слухи, им пророчили скорый конец, их предавали и поносили. Так, например, каких только разговоров не ходило о великом князе Константине, родном брате императора (он был младше Александра II на десять лет). Его обвиняли во всех мыслимых и немыслимых грехах, прилагали немалые усилия к тому, чтобы поссорить его с Александром II, распуская слухи о том, что «всеми единодушно презираемый брат великий князь» вот-вот отстранит государя от власти. Ему приписывалось намерение провозгласить себя Константином II. И остальные реформаторы не избегли участи быть оклеветанными. К тому же это были люди разного возраста и склада характера, титулованные и без титулов, неодинаково одаренные, по-разному образованные. Им были свойственны ведомственный патриотизм и клановые пристрастия, многие были психологически несовместимы друг с другом. Не всем им удавалось в полной мере быть убедительными в трудных условиях борьбы у трона.

И все же достоинств у них было гораздо больше. Проявлялось это не только в их по-новому государственном мышлении, но и в высоконравственном служении делу. Некоторые из них обладали достаточно редким качеством — гражданским мужеством, имея смелость восставать против корысти и приспособленчества, поспешных выводов, необдуманных решений.

Тот же Дмитрий Милютин, иронически относившийся к «старческим причудам Рюрикова потомка», с почтительным уважением описывает в своем дневнике эпизоды решительного противодействия, какое оказывал Горчаков попыткам урвать кусок от государственного пирога. Так поступали иногда члены императорской семьи, великие князья. Они при первой возможности стремились использовать свое положение, особенно когда речь заходила о передаче государственной собственности в частные руки, о распределении концессий, направлении средств на строительство железных дорог. Горчаков, не считаясь ни с чем, напрямую обращался к императору с протестом.

В критический период Балканской кампании мужественно проявил себя и сам Дмитрий Милютин. В драматической атмосфере тупика и безысходности, бездарной траты сил в кровопролитных боях военная элита уже готова была отказаться от дальнейшего ведения войны. После третьей безуспешной попытки взять штурмом Плевну, когда не только физические силы армии были истощены, но и сломлен моральный дух

полководцев, состоялось историческое заседание Военного совета экспедиционной армии. На этом драматическом сборе высших чинов павший духом император Александр II произнес: «Надобно признать, что эта военная кампания нам не удалась». Далее он предложил план отвода войск за Дунай… Первым, кто восстал против такого решения, был Милютин, поддержанный затем помощником начальника штаба армии К. В. Левицким: «Как можем мы, потратив столько сил, понеся столько жертв в ходе двухлетней войны, отступать, не зная, в каком положении неприятель? Быть может, он в еще большей мере действует на пределе сил и не сможет долго держать оборону?!» Решительный протест Милютина не только изменил ход Военного совета, но и привел в конечном счете к благополучному исходу войны. После полуторамесячной обороны Плевны главные силы блокированной турецкой армии капитулировали, а русские войска оказались в тринадцати километрах от Константинополя.

Министр юстиции Замятнин решительно восставал, когда предпринимались попытки вмешательства, в том числе и высочайшего, в деятельность суда и прокуратуры, отвергал решения, противоречившие праву и закону. Министр финансов Рейтерн, не считаясь с последствиями для своей многолетней карьеры, подал в отставку в знак протеста против вступления России в Балканскую войну.

* * *

Период между 1866 и 1874 годами — один из самых мрачных этапов правления Александра II. Либеральным, реформаторским силам на протяжении восьми лет пришлось испытывать давление, выдерживать непрерывные нападки и обвинения. Однако непреложная логика событий, разворачивавшихся вокруг России, убеждающая сила европейских идей, как и результаты происходивших на Западе прогрессивных перемен, все более контрастировали с нараставшим ощущением тупика. В 1874 году политический маятник качнулся в другую сторону. Лидер «могущественной шайки» Шувалов был отправлен в отставку, получив назначение послом в Лондон. Однако и на дипломатической службе П. Шувалов зарекомендовал себя отнюдь не с лучшей стороны, особенно во время заседаний Берлинского конгресса (1878). Характерно, что даже его друг и доброжелатель А. А. Половцов (1832–1909), в то время сенатор, а впоследствии крупный государственный и общественный деятель в правящем кабинете Александра III, высказывал о нем такое суждение: «Его неприготовленность, легкомыслие, бесцеремонность в обращении с мыслями… лишила его деятельность той доли пользы, на которую выдающиеся его способности могли давать право надеяться».

Можно назвать немало причин, по которым и эти годы нельзя считать потерянными. Многое из происходившего тогда послужило во благо России, но главное — оппозиции не удалось вынудить ее двигаться вспять, свернуть объявленные реформы. Активно велась перестройка экономики и хозяйства. Тысячи и тысячи свободных крестьян, продав свои наделы, вливались в промышленное и транспортное строительство. Продолжалась военная реформа: осуществлялся переход армии к новым формам организации, велось ее переоснащение. Был объявлен Закон о всеобщей воинской повинности (1874), который уравнял все сословия в выполнении главного долга перед государством. Вовремя и удачно были использованы последствия Франко-прусской войны. Вызванные ею геополитические изменения в Европе позволили отменить действие положений Парижского трактата (1856). Политика позитивного нейтралитета дала возможность укрепить международные позиции, вернуть России равные права в европейском сообществе. Однако именно этот период как раз и сыграл роковую роль в дальнейшей судьбе царствования Александра II. Годы реакции, вызванные остановкой

реформ, атмосфера неопределенности и обманутых ожиданий подтачивали общественные устои, размывали многое из того, что стало ценностными ориентирами первого десятилетия правления Александра II. Политическое давление на выразителей общественного мнения, цензурные преследования литераторов и журналистов становились поводом к образованию политического подполья. В этих условиях образовалось и обрело широкие масштабы политическое течение народовольцев, в недрах которого выкристаллизовалось радикальное крыло, взявшее курс на политический терроризм.

В объявленных реформах шестидесятых годов был потерян темп, а реформаторы прежних лет — из тех, кто остался верен себе, — уже не могли набрать прежней высоты. Годы после 1874-го — пора особенно трудная, когда уже начали проявляться признаки грядущего смутного времени. Изменение политической атмосферы, давшее государственному аппарату ощущение некоей свободы и творческого простора, не могло ослабить остроту и сложность подступавших проблем.

К тому времени подрос и политически возмужал наследник престола — будущий Александр III. Вокруг него постепенно сформировалась влиятельная оппозиция, не прислушиваться к мнению которой император уже не мог.

О том, чтобы наверстать упущенное, не было и речи. Главная забота власти теперь состояла в том, чтобы контролировать события, не дать возникнуть революционной ситуации.

Обстановка отягощалась личной драмой императора — необходимостью раздваиваться, жить в атмосфере двоеженства, лавировать ради того, чтобы избежать прямого конфликта в собственном окружении. Ему все труднее становилось находить выход из усложнявшейся семейной интриги и все непосильнее управлять государством.

Положение усугубилось из-за участия России в Балканской войне, оказавшей дестабилизирующее воздействие на общество. Необходимость всецело сосредоточиться на ведении войны не только истощила материальные ресурсы государства, но и вынудила власть замедлить, а кое-где приостановить преобразования, необходимые для осуществления реформ. К тому же наследие крепостничества по-прежнему довлело над обществом. И бывшие крепостники, и прежние рабы зачастую не могли организовать свою жизнь в иной системе экономических отношений, адаптироваться к новым условиям хозяйствования. Недовольство нарастало со всех сторон. Причину бед видели в государе и государственном управлении. Оппозиционные силы разных мастей, пользуясь свободой слова и печати, становились

все смелее, критикуя основу основ российской жизни — самодержавие. Требования конституционных реформ, ограничивающих власть монарха, становились все настойчивее.

Вернувшись с театра боевых действий по окончании войны, военный министр Д. А. Милютин открыл для себя безрадостную картину столичной жизни. Достаточно привести лишь две записи в его дневнике, относящиеся к весне и лету 1879 года:

«20 апреля.

Действительно, нельзя не признать, что все наше государственное устройство требует коренной реформы, снизу доверху. Как устройство сельского самоуправления, земства, местной администрации, уездной и губернской, так и центральных и высших учреждений — все отжило свой век, все должно бы получить новые формы, согласованные с великими реформами, совершенными в 60-х годах. К крайнему прискорбию, такая колоссальная работа не по плечам теперешним нашим государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицеймейстера или даже городового. Высшее правительство запугано дерзкими проявлениями социалистической пропаганды за последние годы и думает только об охранительных полицейских мерах, вместо того чтобы действовать против самого корня зла. Появилась зараза — и правительство устраивает карантинное оцепление, не предпринимая ничего для самого лечения болезни.

12 июня.

Внутренние наши дела, так же как и политика, в каком-то застое. Но будущее представляется в мрачном цвете. По возвращении из Крыма я нашел в Петербурге странное настроение: даже в высших правительственных сферах толкуют о необходимости радикальных реформ, произносится даже слово «конституция»; никто не верует в прочность существующего порядка вещей. В числе нескольких правительственных лиц и я получил из-за границы экземпляр печатного анонимного письма, адресованного на имя государя, где на хорошем французском языке указывается опасность настоящего положения России, необходимость решительного изменения системы управления, предлагается ввести конституцию с двумя палатами, а вместе с тем советуется полное примирение с Польшей. Государь, получив этот памфлет и узнав от князя Горчакова, что прислан и мне экземпляр, спрашивал меня, читал ли я его. В то время я не успел еще прочесть, а после Его величество уже не заговаривал об этом»[104].

Помимо материального урона и неоправданных человеческих жертв, война принесла потери и другого порядка: страна подошла

к тому порогу, когда возможным становилось все. Расшатанный механизм государственного управления приходил в упадок. Найти действенные средства для его налаживания не удавалось. Не помогала и лихорадочная смена ключевых персон в правящем кабинете. «Кадровая чехарда» запутывала ситуацию, давала повод террористическому подполью действовать все более дерзко и решительно. Нарастающие усталость, разочарование и апатия, охватившие императора, через его окружение распространялись и дальше. Растерянность охватила высший свет, проникла в разночинную часть российского общества. Назревало ощущение если не паралича, то прогрессирующей слабости власти. Весьма выразительно об этом времени сказано в дневнике А. А. Половцова. Запись от 30 октября (13 ноября) 1878 года: «Петербург в каком-то чрезвычайно грустном настроении. По городу рассылаются печатные прокламации и угрозы. Все жалуются, все недовольны; в Турции до сих пор умиротворение не завершено, новый министр финансов Грейг вносит проекты новых налогов, проекты необдуманные и лишенные общего основания финансового взгляда; каждый министр жалуется на других и все вместе на государя, который в настоящее время находится всецело под влиянием Милютина, человека бесспорно умного, но сделавшегося, в свою очередь, самодержавным, раздражительным, не терпящим противоречия и игнорирующего экономическую, материальную сторону народной жизни. Общественный, умственный, художественный уровень псевдостоличной петербургской жизни, под влиянием разных сил и, прежде всего, зимнедворцовской посредственности, постоянно понижается. Грустные истории слышатся со всех сторон, прибавьте к этому серое небо, густосырой воздух, грязь повсюду, и сделается понятным впечатление человека, приезжающего с международного торжества Парижской выставки».

Внутриполитическую жизнь России раскачивали радикальные настроения разного толка. Требования конституционных реформ смыкались с нарастающей террористической деятельностью. Затем наступила трагическая развязка.

* * *

Любопытно, но факты истории российского терроризма семидесятых — восьмидесятых годов прошлого века плохо изучены и мало освещены. Внимание исследователей сосредоточено на политическом бесправии, незавершенности реформ, пассивности общества, притерпевшегося к глумлению

над ним монархо-бюрократического аппарата.

Имеются сведения о семи попытках лишить жизни императора Александра II. Первые две — в 1866 и 1867 годах — были актами одиночек и никак не связаны между собой. Однако все последующие дают основания говорить о существовании глубоко скрытого заговора, слепым орудием которого стали народовольческие организации. «Народная воля» на деле никак не выражала воли народа. Попытки этих деятелей вызвать масштабный протест населения России результата не давали.

Настоящая охота на Александра II началась в условиях, когда социальный фон, состояние российского общества существенно изменились по сравнению с шестидесятыми годами. Народные волнения, стихийные акты саботажа и вандализма, неповиновение в войсках остались в прошлом. Общество постепенно настраивалось на жизнь в условиях капиталистического хозяйствования.

Обратимся к хронике терактов против Александра II последних двух лет его жизни: апрель 1879 года — покушение в Петербурге; ноябрь 1879-го — три попытки покушения — под Александровском, Одессой и под Москвой; февраль 1880-го — взрыв в Зимнем дворце; далее, весной, попытка покушения в Одессе; летом — в Петербурге, когда взрывчатка была заложена под Каменным мостом; 1 марта 1881 года на двух маршрутах — Малой Садовой и Екатерининском канале Петербурга — были подготовлены два теракта, последний из которых завершился гибелью Александра II.

Для того чтобы планировать и осуществлять рискованные и сложные операции с таким размахом и в таком масштабе, необходимо было найти и выпестовать безумцев, готовых идти на верную смерть, а затем суметь держать их под контролем. Нужны были и немалые средства для обеспечения их повседневной жизни и деятельности, создания условий для конспирации, переездов по стране, боевого оснащения, подкупа источников информации и т. д. и т. п.

Поспешность, с которой вершили суд над исполнителями покушений, не позволяла следствию докопаться до истины и обнаружить реальные силы, стоявшие за спиной террористов.

Наверное, сегодня есть необходимость поразмышлять о природе событий, вызвавших взлет терроризма в России в конце семидесятых годов XIX века. Обращает на себя внимание интенсивная, как по команде, активизация их боевых отрядов. Интересно, что именно в тот момент окончательно наметилось крушение планов Бисмарка удержать Россию в русле интересов германской политики. Наступил наиболее сложный период

обострения двусторонних отношений. В ходе политического кризиса — «военной тревоги 1875 года» — европейское сообщество вновь увидело в лице России возрожденную, обладавшую всеми признаками политической самостоятельности, великую державу. Далее, из Балканской войны 1877–1878 годов она, против ожидания многих, вышла победительницей. Попытки Бисмарка навязать государству-победителю на Берлинском конгрессе (1878) неприемлемые условия послевоенного урегулирования внесли элементы враждебности в российско-германские отношения. Перспективы для осуществления планов Бисмарка образовать российско-германский военно-политический союз отодвигались. Именно с этого момента берет начало серия методично следующих один за другим террористических актов. Их главной мишенью становится Александр II.

Заговорщицкая деятельность, как казалось фанатичным борцам за народное счастье, была подчинена высоким целям. С помощью тайных операций и террористических актов они рассчитывали изменить ход исторического процесса. Никто из них не допускал мысли, что на деле они могли служить совсем иным силам. Историки склонны видеть природу российского терроризма в деспотической системе и политических ошибках русского царизма, вызвавших крайнее недовольство как верхов, так и низов. Россия действительно пребывала в состоянии глубокого морального кризиса: политическую элиту мучили неопределенность дальнейшего исторического пути, разлад в управленческих верхах, а крайнее крыло революционного движения подталкивалось к радикальным действиям. Многое из того, что исследовано и написано о той поре, о политических целях убийц, чьи имена до сих пор красуются на табличках с названием российских улиц и площадей, кажется справедливым, однако совершенно согласиться со всем этим невозможно. Народ, как известно, народовольцев не принял, «хождение» в него закончилось ничем. Российское общество отвергало цареубийство, это противоречило православным традициям, воспринималось как тяжкий грех. Морально и материально революционных фанатиков внутри России поддерживали очень и очень немногие. К тому же именно в этот период стал давать реальные результаты курс на экономическое возрождение. Страна понемногу преображалась, покрываясь сетью железных дорог, земля стала давать неведомые ранее урожаи, вводились демократические формы местного управления, была одержана победа в Балканской войне, укоренялась капиталистическая система хозяйствования, проступали контуры конституционной реформы…

Нельзя не задаться вопросами, причем очень болезненными. Не превратились ли боевые организации народовольцев в слепое орудие в руках глубоко законспирированных тайных сил? Не инспирировался ли их праведный гнев и не подсказывался ли способ решения российских проблем откуда-то извне? Не вдохновлялась ли их сокрушающая сила кем-либо, кто ставил перед собой иные политические цели, далекие от целей народовольцев? Здесь, разумеется, нужны доказательства, документы. Когда речь идет о тайных операциях далекого прошлого, раздобыть подобные свидетельства вряд ли возможно. Лишь косвенные признаки позволяют сделать некоторые предположения.

«Крупные секретные фонды», о которых Бисмарк пишет в своих мемуарах, реально существовали в европейских странах. Их ресурсы направлялись на вполне конкретные цели, достичь которых можно было лишь конспиративным путем, а применявшиеся методы были весьма разнообразны — от прямого подкупа до анонимных благотворительных взносов в организации, действующие в нужном для интересов страны дарителя направлении. Об успехе тех, кто прилагал силы и средства к дестабилизации России, можно судить по тому, что реально происходило.

Что последовало за гибелью Александра II? Была отброшена идея конституционной реформы, что оказалось весьма выгодно для монархий, боявшихся «осиротеть», оказаться в одиночестве; подвергались свертыванию и другие либеральные преобразования. Главное же — удалось остановить Россию, целиком переключить внимание государственной власти на преодоление внутренней нестабильности.

Плеханов, обращаясь к тому периоду истории народовольческого движения, отмечал, что «переход народников к террору в конце 1870-х годов был вызван не невозможностью работы в деревне, а настроением революционеров»[105]. Что же повлияло на их настроение? Чем был вызван столь решительный поворот — от пропаганды свободолюбивых идей к кровавым акциям? Низкая эффективность прежней деятельности? Жажда немедленных результатов? Желание, пользуясь словами Желябова, «возбудить народ», «подтолкнуть историю»? Все, вероятно, так. Однако этого недостаточно. И недостаточно потому, что отсутствует главное — ответ на вопрос: кому это было выгодно и почему удалось развернуть столь масштабную террористическую деятельность?..

За время, прошедшее с той далекой поры, немало написано о внутренних факторах, провоцировавших крайнее недовольство, а

вместе с ним и терроризм. Но этот вопрос — о внешнем влиянии, целью которого была дестабилизация России, — так и остался незатронутым. Конечно, террористические акции в ту пору были делом не редким и в Европе, и властвующие особы других стран также служили мишенью для ниспровергателей, однако терроризм российского образца имел свою, особую логику и достигал невиданных масштабов. Разве в действиях террористов, психическое здоровье которых в большинстве случаев не нуждалось в медицинском освидетельствовании, не чувствуется чья-то жесткая и властная рука?

Как и в том, что касается событий 1862 года, когда не были найдены организаторы и исполнители страшных пожаров, охвативших Петербург, так и в 1879–1881 годах власти не удалось выявить подлинные силы, направлявшие убийц. Скорый суд, движимый жаждой возмездия, оставил историю преступлений до конца не распутанной, и это запечатлено в документах следствия… Все остальное — лишь предположения. Однако мы оставляем тему открытой…

* * *

Подводя итоги сделанному в годы правления Александром II, следовало бы, переведя на современный язык, заново прочесть лаконичные тексты гранитных досок Спаса на Крови. Становится ясно, что удалось осуществить экономическую, административную, финансовую, судебно-правовую, военную, образовательную и цензурную реформы. Насколько они были научно обоснованны и глубоки, теперь, с высоты нашего времени, рассуждать легко, однако нельзя упускать из виду те ограничения, какие существовали и в умах осуществлявших их людей, и в их подходах к проблемам. «Команде» Александра II удалось многого достичь. Сложный государственный организм с его застарелыми болезнями заметно обновился, однако не настолько, чтобы избавиться от своих хронических недугов. Проблемы не могли быть решены полностью, поскольку в то время не было условий, способствующих дальнейшему поступательному реформированию. Отсюда вытекает и невозможность перейти к главному — к конституционной реформе. Всякий раз, когда возникали ультимативные требования о необходимости конституционных изменений, о создании представительных органов, демократическом управлении, царь и его окружение воспринимали их крайне болезненно и в конечном счете отвергали. Объяснить происходящее одной только заботой о

неприкосновенности императорской власти было бы неправильно. В доме Романовых зрели предчувствия если не неизбежного конца, то по крайней мере исторической бесперспективности монархического пути правления. Проблема состояла в том, что последует за изменениями, на которые радикалы подталкивали власть. Выразительным и откровенным примером колебаний такого рода служит обращение Александра II к одному из предводителей московского дворянства, Д. Д. Голохвастову, который ранее вручил императору адрес от имени того самого класса, что был исторически призван служить опорой самодержавной власти:

«Чего вы хотели? Конституционного образа правления?.. И теперь вы, конечно, уверены, что я из мелочного тщеславия не хочу поступиться своими правами! Я даю тебе слово, что сейчас, на этом столе, я готов подписать какую угодно конституцию, если бы я был убежден, что это полезно для России. Но я знаю, что сделай я это сегодня, и завтра Россия распадется на куски. А ведь этого вы не хотите. Еще в прошлом году вы сами и прежде всех мне это сказали»[106].

И все же жизнь все более убеждала Александра II в том, что система монархического управления не может оставаться неизменной. По мере того как под воздействием общественных процессов, вызванных реформами, сокращалась монополия на власть, все понятней становилась бесперспективность «дозировки» демократических норм жизни.

Сообщество людей, некогда призванных к осуществлению реформ, а затем отстраненных от механизма отправления власти, понимало гибельность остановки на полпути. Однако что-либо изменить, переломить ситуацию было невозможно — даже для таких влиятельных людей, как Горчаков.

Последующий ход событий тем не менее убедил Александра II и его окружение в неизбежной потребности двигать Россию в сторону дальнейших преобразований. Более того, у правящей элиты словно открылось второе дыхание. Ожила, казалось, вера в единственно правильный для России путь — путь реформ. Появились новые, энергичные люди, проявляющие готовность решительно действовать в этом направлении дальше… Одним из них был Михаил Тариело-вич Лорис-Меликов (1825–1888) — боевой генерал, губернатор из Харькова, талантливый и искусный политик. Этот мало известный столичной элите человек на деле оказался именно тем, кто, возможно, имел перспективу консолидировать общество, остановить террор, преодолеть кризис, вывести, наконец, Россию на путь конституционных реформ. Жизнь и служение Лорис-Меликова — яркий пример

восхождения к вершинам государственной власти представителя некоренных народов Российской империи. Армянин, родившийся и проведший детство в Тифлисе, он продолжил свое образование в Петербурге, где в 1840-е годы близко сошелся с искавшей себя демократической молодежью. Среди его знакомых был и будущий поэт Некрасов. Тогда, по сути, и сформировалась незаурядная личность Лорис-Меликова. Годы армейской службы, участие в боевых действиях, административное управление на главных должностях в кризисных районах Предкавказья и Северного Кавказа помогли Лорис-Меликову стать выдающимся руководителем, идеи и начинания которого постепенно возвысили его авторитет и создали ему безупречную репутацию.

Ему, талантливому военачальнику, администратору, организатору гражданских форм управления в губерниях, довелось занимать высшие государственные посты всего чуть более года — до момента последнего, гибельного для жизни Александра II покушения. Но именно в это время вполне раскрылись его выдающиеся дарования государственника. За то короткое время, что Лорис-Меликов находился у власти, им были предприняты попытки ликвидировать затянувшийся разрыв в реформаторской политике Александра II. Причина общественного разлада, по его убеждению, была в свертывании демократических преобразований, откате от прежнего курса. Он считал, что остановка в продвижении реформ прервала процесс формирования новой социальной базы, которая могла и готова была стать опорой российской власти. Такую опору Лорис-Меликов видел в нарождающихся органах народовластия — земствах, приходящих на смену дворянско-помещичьим институтам власти на местах.

В короткий срок Лорис-Меликов инициировал расширение полномочий земских и городских органов управления, настоял на упразднении III Отделения, ограничил применение административных наказаний, изменил цензурную практику, в том числе отменил ограничения на публикации в периодической печати, настоял на смене министра просвещения… Главное же его внимание было сосредоточено на управляемости огромной страны, на преодолении препятствий, мешающих деятельности органов местного самоуправления. Среди других он инициировал меры по совершенствованию средств связи и сообщения между регионами. Более всего Лорис-Меликов восставал против попыток власти распространять ответственность за преступления террористов на население.

Лорис-Меликову удалось убедить Александра II и его окружение дать согласие на разработку и рассмотрение

законопроекта, целью которого было создание представительных органов — общественных комиссий — прообраз законотворческих палат парламентского типа. Этот проект, как и многие другие начинания Лорис-Меликова, рухнул вместе с гибелью императора. Национальная катастрофа, последовавшая за взрывом на Екатерининском канале, глубоко потрясла первоуправляющего министра. Настолько, что ему так и не удалось оправиться, воспрянуть духом. Ровно через два месяца после прощания с ушедшим из жизни Александром II Лорис-Меликов сложил с себя полномочия. Сломленный морально и физически, он вскоре скончался.

Гибель императора для остатков реформаторской «команды» Александра II означала катастрофу, радикальный перелом, за которым начинался путь к забвению. Их прежние заслуги, былые почести стали поводом для семейных воспоминаний по торжественным дням. Выдающиеся государственники — члены правящего кабинета Александра II — завершали свой путь в безвестности. Великий князь Константин Николаевич, отставленный от всех должностей, заканчивал жизнь как частное лицо. Горчаков, сломленный последним ударом судьбы и недугами, доживал свои дни в Баден-Бадене, а Валуев — в Петербурге, в полнейшей бедности и забвении. Милютин до конца дней прожил в Крыму, в изгнании. В один год с императором ушел из жизни Замятнин. Лишь Рейтерн и Головнин впоследствии были востребованы. Первый прослужил ряд лет в Комитете министров Александра III, будучи его председателем, второй до конца жизни оставался членом Госсовета.

Наиболее глубоко гибель императора отозвалась в сердце Горчакова, человека, долее всех бывшего рядом с ним, наиболее приближенного к царской семье, допущенного в интимный круг венценосных особ.

Представление об этой близости может дать эпизод, записанный современником канцлера: «…по случаю годовщины кончины императора Александра II канцлер получил из Петербурга подарок. То были серебряные большие старинные карманные часы с барельефным портретом Александра I, изображенным с надетою на голову шляпою; под глухою доскою находится серебряный профиль императора Наполеона I, эпохи первых лет его царствования. Особенно интересна была при этих часах длинная прядь женских, темно-каштанового цвета, волос. Часы были подарены императором Наполеоном I Александру Павловичу; от него перешли к государю Николаю Павловичу и затем Александру II и постоянно находились в кабинете Его Величества, в числе прочих вещей. Часы фабрики Брегета-

младшего.

Князя Александра Михайловича Горчакова весьма занимала мысль о том, кому принадлежит эта прядь волос, и он полагал, что это волосы Марии Антоновны Нарышкиной, любимицы императора Александра Павловича.

Вне сомнения, это была одна из семейных реликвий Романовых, напоминавшая Горчакову о том, что послужил он российскому престолу и при Александре Павловиче, и при Николае Павловиче, и при Александре Николаевиче, и при Александре Александровиче…»[107]

Наследник престола Александр III, безусловно, не мог предать память отца, виня в его судьбе людей, которым император излишне доверял и в которых обманулся. Александр II был почитаем, его превозносили, особенно когда речь велась о тех преобразованиях и деяниях, какие не противоречили установкам нового царствования. К тому же дело Александра II и его сподвижников невозможно было разрушить до основания. Сын сумел извлечь некоторые уроки из прошлого, в том числе и из тех ошибок, к которым сам был некогда причастен. Ему пришлось в полной мере ощутить последствия навязанной им отцу балканской эпопеи. Неисчислимые жертвы, разрушительные последствия для государства и жалкий внешнеполитический итог кампании навсегда охладили воинственный пыл, некогда свойственный наследнику российского престола. Скорее всего, именно по этой причине царствование Александра III прошло без войн. Недавно осуждаемое прошлое стало приносить результаты, и прежде всего в экономике. Новый император не решился вносить изменения в систему отношений собственности, что-либо менять в военном деле. Хватило ума не поворачивать вспять, ломая только что возведенное в государственном строительстве.

В самом же главном и существенном — в довершении дела великих реформ — движение остановилось. «Подкрутив гайки», Александр III властно и жестко правил Россией тринадцать лет, оставив наследнику, Николаю II, довершать недоделанное и расхлебывать издержки собственного царствования. Важнейший итог его правления — возвращение России на путь державного авторитаризма, воссоздание в России полицейского государства. Этим он и вошел в историю, и именно этот дух самодержавно-полицейского правления великолепно отразился в конном монументе Паоло Трубецкого. В годы лихолетья эта скульптура не пошла на переплавку и сохранилась до наших дней. Теперь ее можно увидеть в садике Мраморного дворца, ныне принадлежащего Русскому музею. Зато из двухсот памятников, воздвигнутых в России Александру II, в том числе и весьма

талантливых, не сохранилось ничего, кроме построенного на месте гибели императора храма Спаса на Крови. Да и тот долгие годы находился под угрозой уничтожения. В начале шестидесятых годов его хотели взорвать, но благодаря энтузиастам храм удалось отстоять — правда, не как мемориал самодержцу-реформатору, а как архитектурно-художественный памятник конца XIX — начала XX века. Мало кого волновала тогда судьба трагически погибшего на том месте императора. В то время вся русская история рассматривалась как история непримиримой борьбы классов, а ненависть к самодержавному прошлому России застилала память обо всех и вся. Причины, объясняющие отношение советской историографии к царствованию Александра II, к исканиям и служению его сподвижников, очевидны. Их опыт государственного строительства полностью отвергался, поскольку противоречил революционной доктрине построения общества на коммунистических принципах. И только теперь нам предстоит по-настоящему разобраться в прошлом, увидеть в новом свете роль и масштаб подлинных героев того времени.

* * *

В дни, когда писалась эта книга, произошло малозаметное, но символическое событие. Часовых дел мастера — любители из ФРГ, гостившие в июле 2000 года в Петербурге, отреставрировали некогда принадлежавшие Александру II старинные часы. У них необычайная конструкция: вокруг главного, большого циферблата, символизирующего центр — столицу Российской империи, расположились шестьдесят шесть малых, на которых написаны названия губерний. Стрелки главного и всех других часовых механизмов неподвижны — вращение совершают сами циферблаты в точном соответствии с тем часовым поясом, где располагалась каждая из губерний. И такое решение, по-видимому, не случайно. В этом есть глубокий символический смысл: за движением времени должна поспевать вся Россия — с ее центром и губерниями.

Часы удалось настроить и запустить лишь спустя полтора столетия. Это обстоятельство невольно наводит на мысль: не пришло ли время, когда будет наконец отлажен механизм государственного управления Россией, когда слаженно заработают все его звенья? Быть может, новый век высветит, извлечет из забвения итоги царствования Александра II, смысл служения его сподвижников. Остается надежда: придет такая пора, когда Россия найдет силы довершить однажды начатое

большое и нужное дело.

Глава IV. Власть и публицистика

На рубеже шестидесятых годов прошлого века Герцен писал: «Новое время сказалось во всем: в правительстве, в литературе, в обществе, в народе. Много было неловкого, неискреннего, смутного, но все чувствовали, что мы тронулись, что пошли и идем. Немая страна приучалась к слову, страна канцелярской тайны — к гласности, страна крепостного рабства — роптать на ошейник. Правительство делало, как иерусалимские паломники, слишком много нагрешившие, три шага вперед и два назад, один все же оставался…»[108]

Еще более живописную картину времени начала царствования Александра II оставил И. С. Аксаков: по мнению лидера славянофилов, талантливого писателя и публициста, «это была эпоха попыток, разнообразных стремлений, движения вперед, движения назад; эпоха крайностей, одна другую отрицающих, деспотизма науки и теории над жизнью, отрицания науки и теории во имя жизни; насилия и либерализма, консервативного прогресса и разрушительного консерватизма, раболепства и дерзости, утонченной цивилизации и грубой дикости, света и тьмы, грязи и блеску! Все в движении, все в брожении, все тронулось с места, возится, копошится, просится жить! И слава Богу!»[109]

Подобного прежде не было и, казалось, не могло быть. Допустимым и приемлемым ранее признавалось лишь то, что, несмотря ни на какие обстоятельства, придавало самодержавию привлекательный облик. Искусство было официальным, а журналистика — послушной. Всякое инакомыслие, бросающее тень на порядки и способы управления, подавлялось. Власть, прислушиваясь к выразителям иных взглядов, стремилась нейтрализовать тех, кто посягал на святая святых — авторитет монархии. Для тех, кто пытался противопоставить себя официальной власти, диссидентство становилось единственным способом сохранить право на пристойную жизнь.

В художественной жизни и публицистике времени Николая I царили явления разного порядка. Было бы неверным считать, что тогда противостояли друг другу только Пушкин и Булгарин. Власть по-разному относилась к представителям творческих профессий, преследуя одну лишь цель — держать под контролем все, что могло в той или иной форме разрушить благостные представления о положении в стране. Перед искусством ставилась задача не только обслуживать эстетические вкусы и потребности правящей элиты, но и находить оправдание текущей

политике. Для поддержки готовых идти на компромиссы власть средств не жалела, творческая же судьба многих независимых представителей искусства и литературы того времени была трагичной. Однако именно в этой удушающей атмосфере тотального контроля над общественной мыслью и художественной жизнью появление самобытных, противоречащих официальной доктрине произведений обретало особое политическое звучание.

Как известно, литературно-художественный процесс развивается по своим законам. Попытки втиснуть его в рамки тех или иных политико-экономических условий или объяснять его движением неких социально-классовых явлений — дело неплодотворное. Создание выдающихся творений мировой культуры, взлеты человеческого гения происходили и происходят не по политической указке, не по воле властителей, и можно говорить лишь о некой взаимосвязанности общественных и литературно-художественных процессов, определяемых нравственным состоянием общества, масштабом назревающих государственно-политических проблем. Именно вопреки, а не благодаря николаевской политике состоялись Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев…

Как бы ни противилась власть, процесс демократизации знания вызывал приток новых интеллектуальных сил, размывал некогда монопольное положение дворянской культуры. Несмотря на ограничения, действовавшие в николаевское время, и тогда уже было трудно препятствовать притоку нового, жаждущего знаний и открытий пополнения из разночинной среды. С началом реформ 1860-х годов эти ранее дремавшие силы вышли наружу.

Какими бы ни были исторические условия николаевской эпохи, ее особая ценность в глазах потомков заключается именно в произведениях представителей прогрессивной русской мысли, в явной, а чаще в завуалированной форме отвергавших незыблемость абсолютизма и его социально-экономического фундамента. Благодаря усилиям творческой воли и таланту литераторов и публицистов продолжались мучительные поиски ответов на духовные запросы российской жизни. Именно они, гонимые и преследуемые, внедрили в сознание мыслящих людей представление об ином предназначении России, возможности иного исторического пути для нее. Казалось бы, отвлеченные литературно-философские раздумья становились единственно возможным средством выражения наболевших проблем, поддержания в обществе протеста, подавляемого властью. Это было невероятно трудно, и требовалось огромное мастерство, чтобы продраться сквозь цензурные препоны, донести до

читателей скрытый смысл своих творений. Особенно удавалось это В. Г. Белинскому, в статьях которого, как отмечал современник, «удивляет та ловкость, с какой он умел к рассматриваемому им литературному произведению приплетать жгучие вопросы времени так, что не давал цензуре повода изловить его»[110].

К началу царствования Александра II политическая публицистика России прошла сквозь горнило предшествующих царствований, выдержала суровые испытания, наиболее жестким из которых была николаевская реакция. Публицистами были, каждый по-своему, Пушкин и Гоголь, Чаадаев и Белинский, Герцен и Огарев, Станкевич и братья Аксаковы, Грановский и Тургенев, Некрасов и Достоевский… Вероятно, неправильно ставить эти имена в один ряд — все они принадлежат очень разным и по-разному талантливым людям. Разные у них и судьбы. Не всем довелось пережить николаевские времена, перейдя из одной эпохи в другую.

Стремление покончить с прошлым, прийти к новым ценностям через нравственное очищение и покаяние в прежних грехах — пожалуй, один из главных мотивов литературы и публицистики нового времени. «Морской сборник», патронировавшийся братом императора великим князем Константином Николаевичем, — одно из первых изданий, где открыто, в публицистической форме прозвучал протест против лжи и фальши, «на которой держится вся российская цивилизация. Она только по имени христианская, а по своим проявлениям истинно языческая»[111].

Единственно возможной и верной линией поведения для нового монарха было самому инициировать трудный процесс покаяния и примирения. Общество, долгое время пребывавшее в состоянии застоя, нуждалось в том, чтобы открыто высказаться о недавнем прошлом. Александр II с момента вступления на трон приложил немало усилий к тому, чтобы привлечь на свою сторону либерально настроенных публицистов, общественных деятелей, представителей науки, искусства и литературы, сделать их союзниками своей политики. Привлекательными были цели, которые ставило перед собой новое царствование. Были предприняты невиданные ранее шаги в сторону либерально-реформаторских преобразований. Проявлялась решимость дать отечественной литературе более широкий простор, допустив ее в законных пределах к обсуждению общественных и государственных вопросов и самих мероприятий правительства. Перемены в сфере внутренней и внешней политики, ослабление цензурного гнета, «расширение свободы мысли и слова» с

энтузиазмом восприняли широкие общественные круги. Научную и художественную интеллигенцию охватило редкостное единодушие — появилась возможность открыто обращаться к власти. Характерным явлением того времени стали многочисленные собрания и встречи в Петербурге, Москве, в провинции, на которых, обычно за обедом, иногда с участием императора или членов императорской семьи, происходило чтение адресов, произносились патетические речи.

Так, на обеде в Москве, устроенном в честь приезда Александра II для деятелей «мысли и слова, ученых, писателей и художников» 3 сентября 1856 года, прозвучали слова Н. Ф. Павлова: «С Петра Великого вы не назовете никакой эпохи в нашей истории, где так много было сделано в такое немногое время. Конечно, это не оглушительно громкий, не победный клик на развалинах чужого жилища; это подвиги, более согласные с требованиями века; у них более прав на благословение народа, в них более человеческого, христианского назначения. Благоговейные помыслы о предержащей власти, сохранившей и возвеличившей Россию, есть святой долг, налагаемый и оправдываемый самым пытливым разумом; но счастливо время, в которое долг сливается с желанием сердца; но радостна жизнь, если не разберешь — что велит долг и что внушает любовь? Скажите, разобрались ли вы, чем недавно, чувством долга или чувством любви, билось ваше сердце, когда глаза ваши, застилаемые докучною слезой, останавливались невольно на трех незабвенных словах: *отменить, простить, возвратить!* Кто открывает нам широкий путь к просвещению; кто повелел растворить двери университетов; кто снял преграду к сближению народов, к обмену разных образованностей; кто не забыл в пустынях Сибири ни согрешивших отцов, ни безгрешных детей; кто, в просвещенной благости, вспомнил всех и все не от избытка даров милосердия, какими располагает его могущество, а от той нежной заботливости, от того всепонимающего чувства христианской любви, которое останется на страницах истории»[112].

Это было особое время — время торжества и радости, общественного воздаяния тем, кто своим творчеством, своей публицистической деятельностью пробивался сквозь паутину николаевской реакции, кто убежденно боролся с «всероссийским застоем», готовил то, что и тогда некоторыми именовалось «перестройкой». Эти понятия не вошли в правительственные программы реформ, но весьма часто употреблялись в публичных дискуссиях середины XIX века.

Первые два десятилетия царствования Александра II принято

считать, и не без оснований, временем рождения «повременной политической печати», того, что в России обрело наконец контуры частных регулярных общественно-политических изданий — общероссийских и региональных периодических газет и журналов. Политику Александра II и его окружения в отношении свободы выражения общественного мнения называли «оттепелью». Это был настоящий прорыв. На арену русской жизни из политического небытия и идейного подполья выходили те, кто наперекор тотальной цензуре обладал мужеством говорить правду. Особую популярность обрел эпистолярный жанр — многочисленные записки, статьи, письма, обращения к власти, к общественности, к политической элите. В их составлении принимали участие не только ученые, литераторы, публицисты, но и все, кто испытывал в этом потребность. Был отменен запрет на публикацию произведений Гоголя, начался выход собрания сочинений Пушкина, стало возможным появление в печати публицистики В. Г. Белинского, Т. Н. Грановского, К. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина, А. С. Хомякова, П. Я. Чаадаева, братьев И. В. и П. В. Киреевских, а затем и Писарева, Добролюбова, Чернышевского. Если к началу царствования Александра II в николаевской России политические разделы имели лишь четыре общероссийские ежедневные газеты «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Северная пчела» и «Русский инвалид», то к 1863 году выходило уже 195 политико-литературных изданий, а к 1880 году их число возросло до 531, то есть увеличилось в два с половиной раза[113]. Почему власть пошла на это?

Задумав так кардинально изменить многое в российском государстве, его высший эшелон оказался в тупике, поскольку не имел возможности опереться на дееспособную, конструктивно мыслящую часть общества. Отнюдь не все из того узкого круга лиц, кто поддержал Александра II в его стремлении многое менять в унаследованной им российской реальности, были одержимы реформаторским рвением. Более того, практически никто не представлял, как можно преодолеть прогрессировавшее отставание России, не видел путей решения сложнейших проблем. В атмосфере решительной борьбы с инакомыслием было трудно найти людей, готовых предложить нечто конкретное, а затем реализовать свои предложения на практике. Большинство из них находились либо в ссылке, либо за границей. Могли ли они быть востребованы? Как и прежде, эти люди числились врагами режима, рассчитывать на них не было возможности. Прямое заимствование иностранного опыта также отвергалось в силу особых национально-политических традиций России,

коренящихся в укладе ее жизни. По этой причине пути, цели и способы реформирования представлялись весьма смутно. Единственная задача, которая более или менее определенно стояла перед новым царствованием, — это преодоление крепостничества, но и она не имела четких контуров. Только вывод на авансцену общественной жизни новых, свежих сил мог дать результаты, а заявить о себе они могли только в условиях гласности.

Менее всего в российской историографии прояснена роль Горчакова в продвижении идей общественно-политических преобразований в российской внутригосударственной жизни. Внешнеполитический масштаб проблем и событий, в гуще которых находился министр иностранных дел, в некотором роде затеняет роль Горчакова в утверждении новых для России либеральных ценностей и традиций, в способствовании политике открытости, в утверждении гласности и политического плюрализма.

Между тем его в полной мере можно считать одним из главных идеологов преобразований, содействовавших тому, чтобы российское государство вошло в разряд динамично развивающихся европейских государств, следующих путем цивилизации и демократии.

Сам Горчаков в своих воспоминаниях не счел нужным упомянуть, какова была его роль в продвижении политики гласности, в ограничении и преодолении цензурного гнета, который «тяготел над Россией как истинно общественное бедствие» (Ф. И. Тютчев). Однако из других источников известно, что именно Горчакову удалось не только убедить императорское окружение, но и мобилизовать признанные литературно-публицистические силы для обоснования необходимости мер по освобождению печатного слова от цензурной кабалы. Во многом благодаря Горчакову Тютчев написал свою известную записку «О цензуре в России». В этом документе, составленном блестяще-дипломатично, с обилием реверансов в адрес августейшей особы, перечислялись наиболее необходимые и доступные на тот момент меры, которые должны были способствовать укоренению идей свободы слова и печати. И в дальнейшем Горчаков, несмотря на некоторые колебания и откаты, выступал последовательным защитником гласности. Он был одним из немногих в императорском окружении, кто обладал широтой взглядов на роль политической публицистики в системе государственного управления. Более чем кто-либо он понимал, что единственный механизм влияния власти на общественное мнение и общественного мнения на власть — периодическая печать.

Известен весьма показательный в этом отношении диалог между главноуправляющим Ведомством путей сообщения и публичных зданий К. В. Чевкиным и Горчаковым, состоявшийся в присутствии Александра II во время одного из правительственных заседаний:

«Чевкин: Жизнь наша — бурное море; чтобы корабль вернее держался на волнах, нужно как можно более балласта.

Князь Горчаков: Помилуйте? Что вы говорите? Из всех кораблей при волнении выбрасывают балласт вон, чтобы корабль легко носило по волнам, а наш балласт, мешающий легкому ходу, — цензура, и его надо выбросить.

Государь: Пожалуйста, продолжайте, господа, спорить о балласте и волнах; очень интересно.

Чевкин: Недостаточно выбросить балласт; надо уметь войти в пристань.

Князь Горчаков: Для этого нужен свет с маяка.

Чевкин: Этого мало. Надобно, чтобы при входе в пристань не натолкнуться на подводные камни.

Князь Горчаков: Какая же это пристань, когда около нее есть подводные камни! Значит, пристань и маяк не у места. Но чтобы дотолковаться до того, где им быть, необходимо пособие гласности.

При этих словах государь встал и дружески пожал руку князю Горчакову»[114].

Горчакову и другим мыслящим политикам, собиравшимся идейно возглавить реформаторский курс в царствование Александра II, было ясно, насколько цензурные ограничения сдерживали развитие общественной мысли, влияли на уровень образованности и просвещенности народа. Очистительный ветер гласности, обнажающий невежество, отсталость, злоупотребления, наталкивался на препятствия, чинимые органами цензуры. Российские реалии, порожденные системой власти, доставшейся от прошлого, исключали возможность «разом отменить все плохое, открыв дорогу всему хорошему». Произвести инвентаризацию государственно-политических ценностей, отменить ранее принятые цензурные законоположения и акты, которых со времен Николая I накопилось немало, казалось немыслимым. Тем не менее волновавшие общество темы, вчера еще запретные, все настойчивей проникали на страницы газет и журналов.

Сегодня трудно составить целостную картину движения политической мысли России, выявить соотношение сил, которые оказывали влияние на принятие тех или иных государственных решений. Императорский двор был главным, но не единственным

центром власти.

Действовали великосветские салоны, где кипели страсти и вынашивались планы тем или иным образом повлиять на императора. Общественное мнение выражала обретающая вес петербургская и московская печать. «Диссиденты» во главе с Герценом и редактируемыми им «Полярной звездой» и «Колоколом» будоражили самосознание разночинной интеллигенции.

Наибольший вес в общественном мнении той поры имели публицисты И. С. Аксаков, К. Д. Кавелин, М. Н. Катков, Ю. Ф. Самарин, М. П. Погодин, К. Н. Леонтьев, Н. А. Данилевский, а литературными вершинами являлись И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, вступавшие — каждый по-своему и в свое время — в полемику с властью и открыто высказывавшие свое мнение, в том числе и на страницах периодической печати.

В России наступал настоящий информационный бум, вызывавший всеобщее брожение умов. В обществе царили новые идеи и ценности, общественная мысль, получившая право на самовыражение, не терпела застоя там, где социальное зло продолжало существовать в своих явных, неприкрытых формах. Прорыв в деле свободы мысли и слова сопровождался и не самыми конструктивными выступлениями. «Пылкое своеволие литературы» нередко оборачивалось претензией на истину в последней инстанции и оказывалось проникнуто антиправительственным пафосом. Годы с 1857 по 1864-й, по образному выражению публициста, стали «эпохой обличительного жара». «Никогда ни до, ни после того печать не была так либеральна и смела, никогда ей так много не допускалось, никогда не имела она такого решающего, почти господствующего голоса в русской жизни»[115].

Стремление высказаться — зачастую впопыхах, обо всем и сразу — порождало крайности, излишества. Представители всех сословий, приверженцы нового и последователи старого, создатели разных социально-философских течений и общественных движений торопились предложить свою концепцию преобразования России. Постепенно происходила поляризация, размежевание, прежде всего в рядах тех, кто пытался взять на себя лидерство, стать во главе общественных процессов. Выдающиеся славянофилы-мыслители проповедовали националистические взгляды. Европейский Запад виделся им носителем всех зол, «смердящим трупом», способным заразить своими недугами российскую патриархальность. Чем чудовищнее были подобные заблуждения, тем больший отклик они находили

в малообразованной разночинной среде, для которой весьма убедительным и даже желанным представлялся подобный образ. В своих философско-этических построениях славянофилы договаривалось до того, что реформы Петра I — незаживающая рана на теле разрушенной, но не исчезнувшей греко-славянской цивилизации. Именно здесь кроются подлинные причины противопоставления двух столиц — Москвы и Петербурга. По мнению славянофила К. С. Аксакова, Петр I построил столицу, «не имеющую ничего общего с Россией, не обретшую никаких русских воспоминаний». Петербургский этап ложен и антинационален, Москва же, освященная своей историей, — символ духовного единения, источник самобытности русского народа.

Представители противоположного лагеря западников проповедовали идею безусловного превосходства европейской культуры и европейских порядков и идеалов над русской культурной традицией. И то и другое направления, в пылу полемики доходившие до крайностей, еще с николаевских времен конфликтовали с официальной властью.

Мировоззренческий сумбур к началу шестидесятых годов принял более стихийные формы. Натурфилософия, идеалистическая философия, романтизм, исторический материализм занимали умы новоиспеченных оракулов, пытавшихся насаждать в России свои умозрительные идеи. Заимствуя взгляды у представителей немецкого естественно-научного материализма и позитивизма, Чернышевский, Писарев, Добролюбов и их последователи стремились стать новыми лидерами множащегося племени российских нигилистов. Их было не так уж много, но им довелось внести существенный вклад в дело разрушения российской государственности, уводя своих адептов в мир несбыточных социальных фантазий и толкая их на антиобщественные поступки. В пору, когда европейская экономика стремительно продвигалась вперед, наши «ученики» европейских философов предлагали соотечественникам погружаться в сны Веры Павловны и по-рахметовски закалять волю, готовя себя к неким испытаниям. На совести нигилистов расшатывание устоев государства, внесение смятения в умы людей, пропаганда неповиновения. Власть, выполнявшая трудную реформаторскую работу, не могла мириться с таким положением дел, поэтому ей приходилось принимать жесткие меры. Материалист и позитивист Чернышевский был подвергнут гражданской казни и отправлен на каторгу, а затем в ссылку.

Нигилизм стал заразительным недугом, истинным бедствием для России, разлагающе влияя на ее общественную жизнь.

Отрицание всего и вся сказывалось на умонастроениях наиболее деятельной части общества. Государство оказалось погруженным во мрак пессимизма, идейных блужданий, противоречивых общественных течений. Здравый смысл терялся в бесконечных схоластических дискуссиях. Идеологи нигилизма умели убеждать, однако не могли прозорливо мыслить, зорко смотреть в будущее. «Печальник народа» Некрасов наблюдал этих «фанатиков народных, начитанных глупцов, лакеев мыслей благородных». Достоевский также разглядел этих «сумасшедших поэтов и прозаиков 60-х — 70-х, которые прерывают всякое сношение с действительностью». Осознав собственные заблуждения петрашевского периода, писатель пришел к мысли, что народ осудил бы их за так называемые революционно-гуманистические идеалы. В этой связи не мешает вспомнить, что составляло идейную платформу петрашевцев, поплатившихся годами каторги за свои невинные увлечения заемными теориями. На обеде в честь дня рождения французского философа-утописта Фурье, устроенном в 1849 году, один из активных петрашевцев — Д. Д. Ахшарумов — провозглашал: «Разрушить столицы, города и все материалы их употребить для других зданий, и всю эту жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить в цветах, — вот цель наша…»[116]

Все это разноголосье вело к усилению общественной нестабильности. Набиравшая силу модная тенденция непременно оппонировать власти начинала вступать в противоречие с самим процессом реформирования российского общества. Страхи и предостережения, обвинения и мрачные предсказания прессы отвлекали правительство от позитивной работы по преодолению трудностей, неизбежно возникавших на этом пути. Между тем государственная власть, институты управления обществом как никогда прежде нуждались в поддержке. Сила публицистической мысли, ее направленность делали власть зависимой от умонастроений владельцев печатных изданий и влиятельных журналистов, заставляя ее все чаще защищаться от нападок критики, которая становилась все менее конструктивной. Органы печати, принадлежавшие различным политическим силам, в свою очередь, не способствовали тому, чтобы неподготовленный обыватель оказался в состоянии вывести общий знаменатель, определить вектор движения. Правительству не хватало интеллектуальных средств, чтобы гармонизировать отношения с новой публицистикой. Реальный ход реформ не давал повода писать о них в пафосном тоне, на что, безусловно, всегда

рассчитывает власть. Серьезные противоречия обнаруживались и в способах проведения преобразований, и в глубине самих преобразований. Умалчивать, не писать об этом было невозможно.

С другой стороны, все более завладевавший умами людей радикализм самого разного толка требовал политических перемен во всем и сразу. Общество бурлило, власти не знали, что делать.

Постепенно вопрос о способности государства защитить себя от радикальной публицистики обретал все большую актуальность, а стабильность социума подвергалась все большей угрозе.

* * *

Цензурное дело в России всегда было весьма ответственным занятием, настолько ответственным, что российские самодержцы, не доверяя даже самым преданным людям, находили время заниматься непосредственно вопросами дозволения публикации тех или иных сочинений

Методы защиты от вредных веяний и влияний, от распространения сведений и суждений, противоречивших официальной политике, появились еще до того, как были созданы печатные машины. В этом Россия шла за другими государствами, повторяя их опыт и ошибки. Средства, применяемые властью с целью удерживать контроль над общественным мнением, ужесточались или ослаблялись в зависимости от политических потребностей, состояния и зрелости режима правления. По мнению всех властителей на протяжении тысячелетней российской истории, свободомыслие было главным злом, расшатывавшим самодержавие и православие. Для борьбы с этим злом создавались специальные органы, осуществлявшие контроль за распространением «злонамеренных крамольных суждений и сведений». Так появилась профессия цензора, который был обязан сдерживать продвижение свободной мысли и слова, останавливать публикацию произведений, оказывающих «неблагоприятное воздействие» на общественное мнение. Специально назначенные государственные чиновники выступали своего рода буфером между официальной властью, сочинителями и распространителями изданий. Испокон веков девизом их деятельности было «тащить и не пущать», однако его воплощение в жизнь требовало немалого искусства, поскольку не каждый цензор мог читать между строк, улавливать смысловые оттенки

второго плана, разгадывать приемы иносказания или скрытый подтекст.

Во все времена цензоры воспринимались как всеми презираемая каста окололитературных чиновников. Судьбы многих, в том числе и весьма одаренных служивых людей этой профессии, драматичны. Тот факт, что чиновники по цензурному делу находились на содержании у власти, вполне определял направление их мыслей и характер действий. С одной стороны, необходимо было угождать власти, исполняя ее порой весьма путаные и субъективные установки, с другой — именно цензорам приходилось непосредственно соприкасаться с авторской индивидуальностью, влиять на произведения — даже на их художественные достоинства, — предрекая их будущность.

Сам характер деятельности цензора, имевшего дело с тонкой тканью художественного повествования, его зачастую болезненные для автора толкования или оценки, а тем более рекомендации редакционного порядка повергали писателей в уныние и растерянность. Запреты, предупреждения, судебные преследования — вот далеко не полный перечень мер, которые применялись по отношению как к авторам, так и к владельцам печатных изданий и типографий.

Возрастающее с середины XIX века влияние слова на государственную политику, на состояние общественного мнения побуждало вырабатывать некие правовые рамки для цензурной деятельности — всевозможные уставы, положения, правила, а цензурному ведомству определялось место в государственной иерархии, причем это место часто менялось. При смене российских императоров оно переходило от Министерства внутренних дел к Министерству народного просвещения, порой ему давался самостоятельный статус, потом движение осуществлялось по новому кругу. Эти постоянные изменения свидетельствовали о том, что власть сама плохо представляла себе, как распорядиться инструментом воздействия на распространение новых знаний, на общественную мысль, на само просвещение как таковое. Мыслящим людям, не всегда готовым высказать свое мнение вслух, было очевидно: невежество расцветало там, где зло пытались находить в книгах. Но именно в книгах, журналах, газетах власти упорно продолжали видеть источник всех российских бед, хотя и были неспособны противостоять нарастающему потоку печатных изданий. И внутри страны, и из-за рубежа по различным каналам поступали всевозможные сочинения, контролировать которые становилось все труднее. Необходимо было совершенствовать механизм цензурной работы. Помимо карательной, активно

стимулировалась так называемая предварительная цензура. Ответственность при этом возлагалась на самого автора либо издателя. Однако то, что казалось гладким на бумаге — в уставах и уложениях, опровергалось жизнью.

Российская история знает немало случаев, когда под нож отправлялся весь тираж того или иного издания, когда книги изымались из обращения, а их авторы объявлялись сумасшедшими или государственными преступниками, подвергались судебному преследованию или физическому уничтожению.

В 1790 году был сослан в кандалах в Илимский острог за печатание знаменитой книги «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев, а сама книга сожжена, в 1792 году посажен на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость издатель Н. И. Новиков; с 1793 по 1796 год томились в тюрьме 11 книготорговцев (Кольчугин, Переплетчиков и др.) за найденные у них недозволенные книги; в 1793 году сожжены 18 656 экземпляров разных книг, признанных вредными; в том же году уничтожена трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим»[117].

Строгости цензуры в николаевское время превосходили всякое вероятие. Кроме главной цензуры существовало около 20 специальных. Требовалось исключительно счастливое расположение звезд, чтобы книга беспрепятственно прошла сквозь Сциллу и Харибду цензоров. И даже те произведения, которым удалось увидеть свет, могли быть изъяты и уничтожены: существовал еще один орган — «Комитет 2 апреля 1848 года для надзора за печатью и наблюдающих за нею учреждений», то есть надзор над надзирающими…

Эти обстоятельства приводили в состояние особой тревоги цензоров, которым приходилось прочитывать произведения «от корки до корки». Разумеется, это было беспокойство за собственную судьбу и карьеру. «Страшный умысел», «злые козни» мерещились им и в безобидных сказках для детей, и в сугубо научных исследованиях. У правительственных чиновников, призванных контролировать литературный процесс и, следовательно, нести ответственность за его «чистоту», постепенно стало вызывать раздражение само писательское дело. С. С. Уваров, министр народного просвещения в годы правления Николая I, искренне хотел, чтобы «русская литература прекратилась», а сам главный цензор желал бы «вывести романы из России, чтобы никто не читал романов». А. В. Никитенко писал в 1830 году в своем дневнике: «Истекший год вообще принес мало утешительного для просвещения в России. Над ним тяготел унылый дух притеснения. Многие сочинения в прозе и стихах

запрещались по самым ничтожным причинам, можно сказать, даже без всяких причин, под влиянием овладевшей цензорами паники»[118].

Лицейскому другу Пушкина и Горчакова талантливому поэту и литератору А. А. Дельвигу в том же 1830 году запретили издавать «Литературную газету», его любимое детище, что буквально подкосило его. Поэт тяжело заболел и вскоре умер.

«Предписания», «предупреждения в неблагомыслии и неблагонадежности», запреты на печатание, закрытие изданий, аресты и полицейский надзор — такие методы применялись властью для усмирения общественной мысли. Жертвами становились литераторы, издатели и даже сами цензоры, пропустившие в печать не только произведения, но и отдельные строки, допускающие произвольное толкование текста… Однако именно в эти мрачные годы вышли в свет творения Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Некрасова, Белинского. Именно в этих условиях читающая публика получила возможность приобрести в книжных магазинах Петербурга поэму Гоголя «Мертвые души» (1842), роман Лажечникова «Опричник» (1843), повести Герцена «Кто виноват?» (1845), Достоевского «Бедные люди» (1846), Григоровича «Антон Горемыка» (1847), Гончарова «Сон Обломова» (1849), Салтыкова-Щедрина «Запутанное дело» (1848), Тургенева «Месяц в деревне» (1850). Стало быть, и в цензурном ведомстве были люди просвещенные, находившие в себе мужество с риском для собственной карьеры брать на себя немалую ответственность.

К числу таких людей принадлежал Александр Васильевич Никитенко (1804–1877) — писатель, литературовед, публицист, ученый.

Выходец из крепостных крестьян воронежской глубинки, Никитенко с юных лет покорял окружающих своей одаренностью. Обратив на себя внимание влиятельных людей, Никитенко получил вольную, переехал в Петербург. Назначенный ему при поддержке В. А. Жуковского пансион и стипендия позволили окончить Санкт-Петербургский университет. Первые литературно-публицистические статьи Никитенко вызвали интерес общественности, издателей. Становление литератора, ученого, педагога, возвышение авторитета Никитенко в журналистских кругах пришлись на годы николаевского правления, когда тотальный контроль над литературой и публицистикой был неотъемлемой частью государственной политики, а цензура — главным инструментом ее защиты и осуществления.

Благодарность к власти за милость свободы и право быть среди избранных делали Никитенко беззащитным перед ее диктатом. Он вынужден был сочетать научную и

преподавательскую деятельность, сотрудничая в различных государственных органах, отвечавших за литературное дело. Тогда же он был привлечен к деятельности Цензурного комитета — разрабатывал варианты Цензурного устава. Затем последовало назначение цензором. Для Никитенко это «доверие» было ознаменовано наказанием — гауптвахтой за допуск к печати одного из стихотворений В. Гюго. Впоследствии ему пришлось не раз держать ответ за «ненужные послабления». Для Никитенко, к тому времени профессора русской словесности, главного редактора журнала «Сын отечества», это было особенно унизительно. Бороться с инакомыслием приходилось всем, кто так или иначе вынужден был соприкасаться с цензурным ведомством. Николай I и Бенкендорф порой сами выступали «редакторами» в ходе подготовки публикаций пушкинской поэзии и прозы, стихов Лермонтова, повестей и рассказов Гоголя. Но именно Никитенко дозволил к выходу в свет поэму Гоголя «Мертвые души», предложив лишь немного изменить название: «Похождения Чичикова, или Мертвые души».

Ко времени прихода к власти Александра II у Никитенко уже была сложившаяся репутация, и его достойно приняли в литературном сообществе нового, реформаторского времени. Он активно включился в литературную жизнь, однако его вновь призвали к государственной службе, когда стал вопрос о возобновлении утрачиваемого властями контроля за периодической печатью. Произошло это в пору осознания того факта, что прежняя цензура потеряла способность «руководить» литературным процессом, а печать «захватным путем, с чувством ложно понятой свободы приступила к предметам, какие ранее были запретными».

Перед умудренным опытом, просвещенным государственным чиновником Никитенко была поставлена задача поддерживать баланс интересов, при этом сам он оставался верен своему внутреннему долгу: оберегать литературу от «невежественных и непросвещенных притязаний светской черни». И на этом новом этапе российской жизни, несмотря на все цензурные препоны, именно ему удалось добиться публикации произведений многих авторов, хотя сами они могли этого даже не знать.

Александр Васильевич Никитенко — личность драматической судьбы. Вынужденный всю жизнь лавировать, примиряя интересы власти и творческие амбиции литераторов, он не мог заслужить однозначных оценок ни со стороны правительственных кругов, ни со стороны пишущих. Для тех и других Никитенко оставался государственным чиновником, чья просвещенность сделала его исполнителем не самой почитаемой в литературе функции. Его

труды по эстетике, филологии, литературоведению и истории культуры, собственное литературное творчество не принимались всерьез. Он был восторженно принят в студенческих аудиториях как блистательный преподаватель, его ценили как официального оратора и всегда приглашали на торжественные мероприятия. Однако его научные изыскания и труды так и остались невостребованными. Оттого, видно, и итог своей жизни Никитенко расценивал весьма безрадостно, с глубоким внутренним недовольством, и это легко объяснимо: свой талант и жизненные силы Никитенко растрачивал на предупреждение и разрешение конфликтов. Ущербная политика официальных кругов, очевидные социальные противоречия, так или иначе отображаемые в творчестве художников, — все это не могло не создавать тупики, выход из которых приходилось находить Никитенко и ему подобным. Роль, которую уготовила ему судьба, сделала из него, по его собственному признанию, «умеренного прогрессиста», а постоянная необходимость «примирять непримиримое» сказалась и на достоинствах его литературных произведений. Романы и повести Никитенко страдали расплывчатостью, стремлением обходить острые углы.

И все же Никитенко вошел в историю русской литературы. Его главным литературным наследием, обретшим исключительную историко-художественную ценность, стал дневник, который он вел с четырнадцати лет. Изданный лишь в 1893 году, дневник обрел широкую известность. Он и теперь интересен, причем не только как историко-документальная летопись духовной жизни России. Сквозь ход событий и явлений, о которых пишет Никитенко, высвечивается мятущаяся душа талантливого, мыслящего, страдающего человека. В дневнике выстраивается живописная картина духовной жизни России на протяжении двух царствований — Николая I и Александра II. В нем много подробностей, деталей событий, а также слухи, суждения, мнения, интриги во власти. Сочно выписаны образы деятелей и дельцов, повадки и нравы правящей элиты, борения и конфликты в литературно-художественной среде и, конечно, дан авторский комментарий к ним. Общественность России только после смерти Никитенко узнала подлинное лицо и жизненное кредо одного из даровитых своих современников, получила представление о его другой, тайной жизни и образе его мыслей. Только оставаясь наедине со страницами дневника, Никитенко удавалось раскрепостить свой литературный талант. Перед читателем предстает не просто бытописатель, но и подлинный художник слова. Это делает дневник признанным литературным памятником отечественной культуры, а его автора — выдающейся

личностью своего времени. Еще одной заслуживающей внимания фигурой, непосредственно связанной с выполнением цензурных функций государства, был Иван Александрович Гончаров (1812–1891). В 1858 году выдающийся русский писатель, к тому времени уже автор «Обыкновенной истории», перешел из Министерства финансов на службу в цензурное ведомство. Никитенко отметил это событие в своем дневнике записью от 24 ноября:

«Мне удалось, наконец, провести И. А. Гончарова в цензора. К первому января сменяют трех цензоров, наиболее нелепых. Гончаров заменит одного из них, конечно с тем, чтобы не быть похожим на него. Он умен, с большим тактом, будет честным и хорошим цензором. А с другой стороны, это и его спасет от канцеляризма, в котором он погибает»[119].

Теоретические взгляды Гончарова на проблемы свободы печати и свободы слова были вполне определенными. Позднее он выразил их следующим образом: «Правительство слишком хорошо защищено — так защищено, что трудно, хотя и необходимо иногда для общего интереса, говорить против него в печати… У нас все должны стоять за правительство, за господствующую религию — и всякое отступление от того или другого — считается преступлением».

Видя в монополии государства на печатное слово исключительный вред, писатель поддерживал принцип гласности.

«Что же будут проповедовать собственно охранительные журналы? Что надо молиться Богу, чтить власть и т. д. Но это знают все. Заграничные журналы проповедуют не то: одни пытаются доказать, что Франция воскреснет, когда Шам-бор придет, а другие ратуют за Орлеанский дом, третьи доказывают, что Наполеоновская династия одна способна спасти Францию. В Англии — оппозиционные журналы следят за каждым шагом правительства и нападают на ошибки. И правительство и вся Англия — сильны именно этим открытым контролем… А у нас!»[120]

Заслуживает интереса суждение Гончарова об издателе «Колокола»:

«Герцен… действовал все-таки для России и, горячо любя ее, язвил ее недостатки, спорил с правительством, выражал те или другие требования в ее пользу, громил злоупотребления — и нет сомнения, был во многом полезен для России. Он ушел, потому что ничего этого он не смог бы делать»[121].

Появление человека с подобными взглядами в ведомстве, которое еще не так давно связывали лишь с запретами и репрессиями, значительно способствовало изменению и самой

цензурной политики, и отношения общества к цензуре. Благодаря грамотной аргументации Гончарова увидели свет запрещенные ранее произведения М. Ю. Лермонтова, а уже опубликованные были дополнены исключенными цензурой фрагментами. Его убедительные доклады сделали возможной публикацию сочинений И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова, А. Ф. Писемского в том виде, как они были написаны. Сам будучи писателем, Гончаров с первого взгляда умел оценить художественные достоинства литературного произведения и нередко пытался поддержать собратьев по перу.

«Милостивый государь Александр Николаевич, — писал Гончаров Островскому, — только три дня тому назад получил я… три из Ваших комедий: 1. «Свои люди — сочтемся». 2. «Семейная картина» и 3. «Утро молодого человека» и тотчас же последние две подписал, а первую вчера при рапорте представил в цензурный кабинет.

Сомнения нет, что комедия в измененном виде пройдет, но мне хотелось бы, чтобы она прошла в прежнем виде: я буду настаивать на этом, но боюсь, что не захотят нарушить формы, т. е. не найдут достаточного повода нарушить прежнего решения»[122].

Действительно, не всегда подобные попытки Гончарова венчались успехом. Так, например, не удалось пропустить в печать авторский вариант поэмы Аполлона Майкова «Сны». Хотя в личном письме известному поэту Я. П. Полонскому Гончаров довольно уверенно писал, что «часа через два поэма будет в типографии и подписана мною без всякого изменения»[123], ему не удалось отстоять ее перед цензором А. И. Фрейгангом — одной из самых одиозных фигур Петербургского цензурного комитета, — известным заведомой недоброжелательностью к литераторам.

Стремление уберечь литературу от мелочных придирок и «приступов административного восторга», в которых заходились иные чиновники, грозило недовольством начальства и могло обернуться непоправимыми последствиями. Так, за разрешение публиковать роман Писемского «Тысяча душ» «с очень маленькими помарками» Гончаров получил строгий выговор. Однако подобных случаев в биографии писателя немного. В натуре Гончарова, наряду с благородными порывами и умением тонко чувствовать художественный талант, уживались боязнь потерять репутацию признанной знаменитости, карьеризм, а также едва ли не болезненное тщеславие. Поэтому он, даже в большей степени, нежели Никитенко, умел обходить острые углы, по выражению последнего, стремился «сидеть на двух стульях

одновременно». Временами он избегал выносить решения по принципиальным вопросам, предпочитая отдать их на суд других; вступал в спор там, где считал нужным, но не забывал о том, как на это посмотрит начальство, и отступал, когда полемика принимала слишком горячий характер. Никитенко, поработав с Гончаровым рука об руку, записал в своем дневнике: «Мой друг И. А. Гончаров всячески будет стараться получать исправно свои четыре тысячи и действовать осторожно, так, чтобы и начальство и литераторы были довольны»[124].

В этом смысле характерным для Гончарова стал эпизод с рассмотрением написанной для «Современника» статьи М. А. Антоновича «Пища и ее значение». Статья эта откровенно проповедовала материалистические взгляды и носила довольно скандальный характер. Это, по отзыву Никитенко, было «прокламирование к людям, недалеким умом и знанием о том, что человек и живет, и мыслит, и все делает на свете одним брюхом и что по началам и стремлениям этого брюха надобно переделать и общественный порядок»[125]. За статью, однако, лично просил Н. А. Некрасов. Гончаров, печатавший, кстати, в его журнале свои художественные произведения, дал о статье весьма расплывчатый отзыв, в целом осудив ее, но вместе с тем отметив, что «можно было бы дать доступ такого рода статьям в публику по неудобству постоянно скрывать от ее ведения общеизвестные, впрочем, теперь выводы и теории, затем, чтобы последние потеряли тщательно укрываемый интерес заманчивости и разоблачались перед обществом в надлежащем свете со всеми недостатками»[126]. Главное же — цензор не сделал окончательного выбора, а попросил передать эту статью на рассмотрение еще одного члена Совета по делам книгопечатания. Работа Антоновича попала к Никитенко, и тот был решителен в вынесении приговора.

«Прочитав со вниманием статью, я убедился в том, что эта негодная статьишка из многих в «Современнике» и «Русском слове», рассчитывающая на незрелость и невежество, особенно молодого поколения, и добивающаяся популярности в его глазах проповедованием эксцентрических и красных идей. Само собой разумеется, что нельзя же потворствовать в печати этому умственному разврату и эгоизму, которому нет дела до последствий, лишь бы добыть денег и популярности»[127].

Гончаров поначалу протестовал против такого решения, но затем согласился и, как с иронией рассказывает Никитенко, «горячо поддерживал мысль принять мою записку в руководство. Итак, теперь он имеет полную возможность объявить в известном кругу литераторов, что он горою стоял за статью, но что

Никитенко обрушился на нее так, что его защита не помогла, — это главное, а между тем он не восстал и против решения Совета. И козы сыты, и сено цело»[128].

О подобной двойственности Гончарова писал не только Никитенко — ее отмечали многие современники. Интересны замечания известного историка и журналиста А. Н. Пы-пина, на которого Гончаров при первой встрече произвел впечатление сухого чиновника-столоначальника. «Впоследствии, — вспоминал он, — мне приходилось одному и с Некрасовым ездить к нему по цензурным делам. Обыкновенно дело улаживали, — все-таки это был не только чиновник-цензор, но и литератор, но в общем он был порядочный формалист»[129]. И все же, несмотря на все это, появление в цензурном ведомстве такого человека, как Гончаров, сыграло свою позитивную роль. Не идеализируя личность выдающегося русского писателя, мы тем не менее должны отметить, что он был полезен России не только как художник слова, но и как чиновник, способствовавший появлению в печати многих замечательных художественных и публицистических произведений, не подрывавших, но деятельно помогавших реформаторской деятельности власти.

Заметим, что на цензорской службе состояли не только литераторы, но и широко известные современникам люди. Так, недолгое время в конце пятидесятых годов, будучи попечителем Одесского учебного округа, функции цензора исполнял выдающийся русский хирург и общественный деятель Николай Иванович Пирогов, имевший к тому времени огромный авторитет в обществе благодаря в первую очередь его деятельности в годы Крымской войны. Как мы уже упоминали, он, при поддержке великой княгини Елены Павловны, с группой коллег отправился в Севастополь, где организовал госпиталь и сумел спасти жизни многих российских солдат. Именно он поведал государю об ужасных антисанитарных условиях, в которых лечили раненых. «Морской сборник» опубликовал серию статей Пирогова под общим названием «Вопросы жизни», где подвергалась резкой критике существовавшая система воспитания и образования. Здесь он выступил резким противником телесных наказаний. «Чего вы хотите? — спрашивал Пирогов педагогов, секущих учеников в присутствии класса. — Чего вы хотите? Поселить в присутствующих отвращение к наказанному? Да вы поселяете одно отвращение к наказующему. Вы хотите возбудить отвращение к виновному? Но вы возбуждаете к нему сочувствие. Разве можно, не огрубев душевно, без сожаления слушать вопли и смотреть на борьбу сильного с бессильным?»[130] «Из его «Вопросов жизни», — писал редактор журнала «Русская старина»

М. И. Семевский о статьях Пирогова, — разлились потоки света на Россию»[131].

И в должности цензора Пирогов не изменял своему долгу человека и гражданина. Правда, попечителем Одесского учебного округа он пробыл недолго: ему пришлось выйти в отставку, что во многом было обусловлено непростыми отношениями с императором.

Однако вдвойне сложная задача цензуры «отделять зерна от плевел», охранять государство от вредных влияний, не нарушая при этом принципа гласности, не всеми и не везде выполнялась добросовестно. Со временем становилось ясно, что для обеспечения общественного спокойствия, нарушаемого радикальной публицистикой, одной цензуры недостаточно.

Практика показала, что Цензурный комитет, как ни укрепляй его кадрами и ни наделяй дополнительными полномочиями, не в состоянии был справиться с нарастающим потоком все новых и новых журналов, газет, в которых политические отделы постепенно стали занимать главенствующее место. Допускаемые на их страницах неточности, вольные комментарии служили для властей поводом к тому, чтобы требовать закрыть, остановить издание того или иного органа.

Власть долгое время проектировала и полагала возможным ввести некий кодекс поведения журналистов, руководствуясь которым они должны были бы сами осуществлять некую внутреннюю цензуру в конкретном издании. Прежде всего это касалось круга запретных тем, обращение к которым для власти было нежелательным. Такая установка легко ложилась на бумагу, в реальной же практике достигнуть понимания не удавалось. По сравнению с тем, как это было в прежние времена, поведение некоторых издателей обрело совершенно иное качество: они словно соревновались в том, кто больнее и острее «приложит» власть. Такое состояние периодической печати особенно беспокоило правительство. Постепенно публицистика как таковая стала восприниматься как раздражитель, заведомо вызывая негативную реакцию в коридорах власти. Запретительные меры, оставаясь нежелательными, были, однако, тем резервом, который время от времени правительству приходилось пускать в ход.

В конце 1858 года по инициативе Горчакова был создан Секретный комитет с целью «отвращения вредного влияния, могущего произойти от необузданности и неуместности печатного слова». Его задачей было «влиять на печать, направляя ее любовно, патриархально и разумно, входить в непосредственные сношения с журналистами и действовать на них назиданием и убеждением, отнюдь не вступая в цензурные

права»[132]. Комитет так и не сумел подтвердить свою жизнеспособность, несмотря на то что вошли в него весьма влиятельные и авторитетные люди, и по прошествии года указом Александра II был распущен.

Дальнейшие поиски выхода из ситуации привели правительство к мысли о необходимости делать доступной информацию, которая бы ясно и точно, без искажений и вольных комментариев доводила до читающего населения смысл и содержание осуществляемых мер. Тогда же был создан министерский орган — газета «Северная почта», патронировавшаяся министром внутренних дел Валуевым. Первой общеправительственной газетой стал «Правительственный вестник», затем появились и другие: официозное «Наше время», консервативные «Весть», «Гражданин», «Русский мир».

«Разгул» стихии общественного сознания вызывал беспокойство не только у власти. Обосновывая необходимость позитивного воздействия на состояние общественной мысли, Михаил Никифорович Катков (1818–1887) в ту пору писал: «Одних запретительных мер недостаточно для ограждения умов от несвойственных влияний; необходимо возбудить в умах положительную силу, которая бы противодействовала всему, ей несродному. К сожалению, мы в этом отношении вооружены недостаточно»[133].

Именно издания Каткова постепенно стали главным публицистическим рупором правительственной политики. И это не случайно. Правительству необходимо было найти поддержку среди тех публицистов и органов печати, которые видели в самодержавии единственное для России средство спасения. И Катков оказался именно такой фигурой. Он весьма умело стал использовать переданную ему в управление газету «Московские ведомости» и собственный журнал «Русский вестник» с целью воздействия на общественное мнение и давления на государственную власть. Ему удалось занять весьма прочное место среди «западников» и «славянофилов», примыкая то к одним, то к другим или опровергая тех и других — в зависимости от ситуации. Сегодня его бы причислили к так называемым медиамагнатам, внешне независимым от правительства, а по существу стоящим на весьма удобных для власти национал-патриотических позициях. Талантливый публицист, Катков умел завоевывать симпатии публики, и мнение газеты, балансирующей порой на грани серьезных общественных противостояний, вызывало гораздо больше доверия и внимания, чем многочисленные официальные разъяснения и опровержения.

Однако и его позиция не всегда была последовательной.

В ходе преодоления польского кризиса, войдя во вкус и почувствовав поддержку и сочувствие читателей, Катков решается на прямые обвинения власти, среди представителей которой, по утверждению «Московских ведомостей», были предатели. Катков и его «Московские ведомости» действительно имели влияние на весьма широкие массы читающей публики, в том числе и на Александра II. Главное же, однако, состояло в том, что у той «четвертой» власти, лидером которой пытался выступать Катков, не было никакой программы, более или менее ясного видения перспектив. Он и его газета порой еще более запутывали политическую ситуацию, направляя общественное мнение по пути заблуждений. Ему не откажешь в отсутствии чутья, в отменной реакции на интерес обывателя, но тем не менее есть основания считать его политиканствующим журналистом, избирающим для себя приемлемую линию поведения.

К числу тех, кто был обеспокоен сложившимся положением дел, при котором прогрессивные перемены в обществе могли оказаться под угрозой, принадлежал Федор Иванович Тютчев (1803–1873), одна из наиболее деятельных фигур своего времени. Доверие императорского двора он завоевал в период николаевского царствования, когда находился на дипломатической службе за границей. Направлявшиеся им депеши привлекали внимание императора не столько отражением политических реалий, сколько публицистическими обзорами и прогнозами с вполне оптимистическим взглядом на историческую судьбу России и державную роль русского царизма.

Многое из того, что он тогда писал, отдавало славянофильством, было насыщено патриотическим пафосом, а кое-что — даже политическим прожектерством и утопическими фантазиями. Но его литературный язык, лаконичный и емкий, неожиданные повороты мысли, оригинальные суждения производили глубокое впечатление на царя. Публицистические опыты Тютчева, относящиеся к периоду 1848–1849 годов, когда войска России «наводили порядок» в Венгрии, служат примером того, куда могут завести литератора эмоции и фантазии, рожденные на гребне военно-политических успехов. Вдохновленный победным шествием России, Тютчев начинает разрабатывать свою панславистскую теорию, перед которой бледнеют даже самые смелые великодержавные мечты российских императоров.

«В том положении, которого мы достигли, можно, не слишком предаваясь догадкам, предвидеть в будущем два великих провиденциальных факта, которым предлежит в

положенное время заключить на Западе революционное междуцарствие трех последних столетий и открыть в Европе новую эру. Эти два факта суть: 1) окончательное образование великой православной империи, законной империи Востока, одним словом — России будущего, осуществленное поглощение Австрии и возвращение Константинополя, 2) соединение двух церквей — восточной и западной. Эти два факта, по правде сказать, составляют один, который вкратце сводится к следующему: православный император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима; православный папа в Риме, подданный императора»[134].

Иначе как утопией эти идеи не назовешь. Но в них видна та дерзость, какой не хватало облепившейся российской элите. Такие рассуждения нравились Николаю I, поскольку смыкались с его планами воцарения России на Востоке. Тогда мало кто обращал внимание на опасность распространения подобного рода теорий, на непредвиденные для России последствия такого типа мышления. Последствия, однако, довольно скоро дали о себе знать, когда коалиция европейских государств решилась на военную интервенцию в Крыму. И ее главной целью как раз и было остановить осуществление на деле подобных теорий.

Идейные метания и колебания Тютчева проходили в унисон с колебаниями политического барометра. Однако он обладал взрывным темпераментом и в душе считал себя выше и способнее всех современных ему государственных деятелей, называя политическую элиту «людьми, которые, придя на вокзал, сели бы не в тот вагон, но по счастью опоздали на поезд». Втайне он горевал оттого, «что не может позаимствовать им хотя бы немного ума». Как бы то ни было, и публицистический талант, и поэтическое творчество, наконец, экспрессивный и деятельный стиль жизни — все это сделало Тютчева одним из ярчайших публичных политиков, завсегдатаем великосветских приемов, литературных салонов, редакций различных периодических изданий.

Несомненной удачей для российских реформ стало сближение, а затем и тесная дружба и сотрудничество Тютчева и Горчакова. Министр предложил Тютчеву престижную и влиятельную должность главного цензора Комитета цензуры иностранной, пригласив на работу также известных поэтов А. Майкова и Я. Полонского. В задачи комитета входил контроль за допуском в Россию книг зарубежных авторов. Под руководством Тютчева были сняты барьеры, ограничивавшие доступ к новым знаниям, накопленным за пределами России. Первым делом были существенно изменены критерии, по которым то или иное

произведение иностранного автора могло дойти до российского читателя. Комитет цензуры иностранной из органа запретительного превратился в орган просветительный, дозволявший доступ к знаниям, к литературным источникам, ранее запретным для читающей публики.

К тому моменту, когда Тютчев приступил к руководству комитетом, «достоянием» последнего было свыше десяти тысяч запрещенных к обращению в России названий научно-просветительской и художественной литературы. С его приходом от имени комитета стали регулярно публиковаться списки книг, допущенных к читателям. Если в 1843 году в Россию было ввезено лишь около 550 тысяч томов иностранной литературы и периодики, то к 1871 году эта цифра выросла почти до девяти миллионов.

К сожалению, роль Тютчева в развитии политической культуры России третьей четверти XIX века, в становлении отечественной публицистики в значительной мере забыта — его помнят и ценят как поэта. Между тем на политическом фоне страны Тютчев был явлением национального масштаба. Он занимался разнообразнейшей общественной деятельностью и умел налаживать взаимопонимание между правительством и передовой русской прессой. Он был и в своем роде связующим звеном между ними.

Это же можно сказать и о Горчакове, которому, благодаря опыту политика и дипломата, удавалось избежать конфронтации с публицистикой в отличие от его коллег-министров. Более того, пользуясь тем же оружием, что и журналисты, он всячески стремился сделать печать если не союзницей, то по крайней мере сторонницей усилий, предпринимаемых министром и министерством. В том, что касалось внешнеполитических планов и реальных действий Министерства иностранных дел, Горчаков предпринимал последовательные шаги к формированию климата доверия в отношениях ведущих издателей и публицистов, делая их причастными к формированию государственной политики.

Имеется немало свидетельств того, в какой мере Горчаков оставался неравнодушен к внутриполитической жизни, не сторонился, а даже, напротив, стремился конструктивно участвовать в преодолении общественных проблем, на острие которых оказывалась публицистическая мысль.

В одном из писем к Горчакову Тютчев, высказывая свое отношение к конфликту между правительством и газетой «Московские ведомости», написал: «Итак, вот уже второй раз плохая газета приходит якобы на помощь правительству, чтобы легче сбить его с дороги и, задев за живое, заставить его до конца

пройти тот путь, на который оно вступило. Страна окажется зрителем самого нелепого противоречия, а именно: в то самое время, когда одной рукой правительство пытается обуздать и подавить то, что называется нигилизмом, другой рукой оно крушит в печати единственный оплот консервативного и национального мнения, которому удалось образоваться и которого, поверьте, нигилисты страшатся гораздо больше, нежели правительственных мер, таких, какими они проявлялись до сих пор. Вы один, князь, способны избавить императорское правительство от такого скандала»[135].

Серьезным достижением явилось создание условий для продвижения политики открытости в деятельности Министерства иностранных дел. Политическая установка Горчакова, поддержанная Александром II, немало способствовала тому, чтобы российская внешняя политика в отношении коренных государственных интересов перестала быть результатом творчества узкого круга персон, приближенных к правящему центру, кабинетным занятием, таинством, совершаемым в обстановке глубокой секретности, — она стала делом публичным, к которому привлекались лучшие журналистские силы в качестве «вспомогательного средства» для завоевания поддержки общественного мнения. Важнейшие внешнеполитические инициативы правительства, его международные акции стали достоянием гласности. Общественности отныне было позволено знать содержание дипломатических документов, обсуждать те или иные тенденции государственной внешней политики и, кроме того, оценивать эффективность международной деятельности правительства. Существенным элементом публицистической свободы стало образование в газетах и журналах отделов международной политики Внешнеполитическая информация, определенным образом дозированная и подаваемая под приемлемым ракурсом, по мнению властных политиков, могла бы в некоторой мере умерить общественные страсти, переключить внимание обывателя на иной, более широкий круг тем. При этом акцентировалось внимание на необходимости печатания таких материалов, которые позволяли бы читателю в позитивном плане представлять себе действия российских властей, сопоставляя их с действиями властей других государств. В частности, меры, предпринимаемые в некоторых европейских странах для сохранения общественного спокойствия, укрепления государственных устоев, приводили бы читателя к мысли о пользе насаждаемых в отечестве порядков. И положительный, и отрицательный зарубежный опыт, таким образом, оказывался

востребованным.

Все эти «просвещенные» способы привлечения на свою сторону общественного мнения, однако, не решали проблемы. Радикальная публицистика все настойчивее искала и находила пути обхода запретов, правительство, со своей стороны, не намеревалось эти запреты отменять.

Так или иначе, политика гласности первых лет царствования Александра II, пройдя сквозь трудные испытания, постепенно стала сворачиваться. Ее возможности, в конечном счете, были ограничены рамками государственного закона 1865 года «О предоставлении печати возможных облегчений».

Возможные облегчения ограничивались «определенными запретами». Недозволенными признавались те произведения, «которые направлены: 1) против истин христианской веры вообще и учения и достоинства Православной церкви в особенности; 2) против начала монархической самодержавной власти; 3) против коренных начал общественной и гражданской нравственности; 4) против начала права собственности; 5) к возбуждению недоверия или неуважения к правительству; 6) к возбуждению вражды или ненависти одного сословия к другому или одной части населения к другой».

По-прежнему делалось немало официальных заявлений по поводу того, что «литература является руководительницею общественного мнения» и ее нравственная сила одинаково воздействует и на правительство, и на общество в смысле достижения взаимного доверия и единомыслия. На деле же под давлением правящей элиты цензурное ведомство, переданное в управление Министерству внутренних дел, предпринимало немало усилий для того, чтобы задавить оппозиционную прессу.

В том, как складывались взаимоотношения правящего центра Российской империи и общественного мнения, во многом кроются причины трагического исхода царствования Александра II, печальная судьба его реформаторской программы. Не удалось достичь главного, о чем пеклись мыслящие патриоты, находившие в себе энергию и силу воли для того, чтобы подняться над раздиравшими Россию противоречиями. В обществе не возникло то, что более всего необходимо в критических ситуациях переходного периода, — национальное согласие. Тщетными оказались попытки Горчакова и его единомышленников призвать общественные силы к консолидации, а политическую публицистику — понять свою социально-нравственную ответственность перед разделенным обществом. В российских общественных кругах шаг за шагом создавалось непослушное агрессивное большинство,

исповедующее разноликие, крайние по своей сути политические идеи и стоящее на разных платформах.

Горчаков принадлежал к той конструктивно мыслящей части российской элиты, которая не только сознавала, но и деятельно работала над достижением согласия в российском обществе. В записке Александру II об итогах одиннадцати лет внешнеполитической деятельности чувствуется глубокая озабоченность Горчакова дальнейшей судьбой российских реформ. За вязью комплиментарных слов и допустимых в таких случаях преувеличений прочитывается весьма существенный вывод, который делает опытный политик и царедворец, видя возможность дальнейшего успешного продвижения России по пути реформ только при соединении двух условий: «Нет нужды напоминать здесь о том, что было сделано внутри страны по почину Его императорского величества Задача была сложной и многотрудной. Свет всегда порождает тень. Однако в истории, несомненно, найдется мало примеров столь глубоких и обширных преобразований, осуществленных за такое короткое время и настолько успешно благодаря полному согласию между властью и народом. За них Россия благодарит государя, по их милости верит в Провидение и уверена в своем предназначении

Чтобы преуспеть в этом направлении и добиться плодов трудов своих, необходимо было соединение двух условий

Во-первых, абсолютная и полная поддержка всех интеллектуальных, нравственных и материальных сил страны.

Во-вторых, прохождение времени, без коего ничто не может утвердиться надолго»[136].

К сожалению, удержать российское общество в русле тех тенденций, которые, по мнению Горчакова, на протяжении одиннадцати лет доминировали во внутренней жизни страны, не удалось. Государственная система все решительнее подвергалась воздействию деструктивных сил, которые в конечном счете и предопределили движение александровского царствования к краху.

Глава V. Политика и дипломатия

Вторая половина XIX века изобиловала явлениями и событиями, которые до сей поры находят отклик в современности. Получил права гражданства экономический строй, основанный на капиталистическом способе производства. Достижения в науке, технике, промышленности, строительстве, философии, искусстве, культуре, сложившиеся формы государственного устройства стали непреходящими ценностями, проложили себе дорогу в грядущее. Утвердились такие традиции и подходы к построению общества, которые и теперь определяют политический облик подавляющего большинства современных государств. Социал-демократия, объединяющая в себе мировоззрение, идеи и взгляды, стала оказывать растущее влияние на общественную жизнь. Сформировались ценности, нормы, ориентиры, свойственные европейскому стилю жизни. Гласность переступила границы государств, а органы печати сделались доступными для разночинной среды, горевшей желанием открыто обсуждать вековые проблемы и участвовать в их преодолении. Несмотря на строгости и гонения со стороны правительства, журналистика стала мощным средством выражения общественного мнения. Нарождающаяся свободная печать смело заявила о своих политических правах, становясь не-признаваемой, но реальной властью, воздействующей на процесс принятия государственных решений.

Вторая половина XIX века — значительный этап в интеллектуальном и духовном росте человечества — отмечена непревзойденными взлетами человеческого гения во всех сферах бытия. Помыслы и деяния наиболее ярких личностей того времени оставили глубокий след, да и поныне играют значительную роль в общественном сознании, в материальной и художественной культуре. Развитие естественных наук привело к прорыву в практическом применении результатов долгих исследований, блестящие научные открытия способствовали созданию невиданных ранее средств связи и передвижения — техники, преобразующей качество, характер и результативность человеческого труда.

На европейском континенте происходили радикальные изменения. Эпицентры политических, экономических, религиозных, общественных процессов смещались, создавались условия для восхождения одних государств, в то время как другие утрачивали лидерство. Новые государственные образования воздействовали на прежнее соотношение военно-политических

интересов и влияний.

В основе же, как и во все времена, была борьба за лидерство. Однако природа этого соперничества изменилась. Нарастало национальное самосознание европейских народов. Нации, связанные общностью истории, языка и культуры, некогда разделенные по прихоти узурпировавших власть династий, стремились к объединению, к созданию единого национального очага. Такие тенденции проявлялись в Италии, в германских княжествах, в Австро-Венгерской и Османской империях. Подобное происходило и в Российской империи — на Кавказе, в Царстве Польском, Великом княжестве Финляндском… Система политических ориентиров постоянно перемещалась: Лондон — Вена — Париж — Петербург — Берлин — Константинополь — Рим — Турин — Штутгарт… Главными игроками на политическом поле Европы были Англия, Австрия, Россия, Пруссия и Франция. Время от времени в этот процесс вовлекались и другие, менее значительные государственные образования.

Европа, едва оправившаяся после революционных бурь 1848–1852 годов, осмысливая уроки недавнего прошлого, осваивала пути к новому миропорядку. Противостояние интересов, разность политических устремлений, религиозное и имущественное отчуждение народов, как и прежде, предопределяли тонус жизни государственных образований. Однако все острее у европейских народов проявлялись единые для всех тенденции: рост самосознания, укоренение гуманистических идей и взглядов на развитие общества. В Европе и Америке по-разному, но все настойчивее звучали мысли о человеческом равенстве, социальной справедливости, обеспечении первейших прав граждан, верховенстве законов, наконец, о приоритете национальных интересов над всеми остальными. Права и достоинства человека начинали восприниматься как высшая ценность. Искания философов, творчество писателей и публицистов смыкались с реформаторскими устремлениями наиболее активной части граждан. В разных странах удалось достичь, хотя и по-разному, ограничения сословных и религиозных привилегий, охраны основных прав и свобод, отмены жестких форм управления. Происходило это на фоне борьбы с радикализмом, распространением утопических учений о всесветном равенстве людей, проповедей о непримиримости классовых противоречий, необходимости свержения правительств, уничтожения государства и частной собственности. Их последователей отличало горячее стремление проложить единственно правильную, «светлую» дорогу в завтра. Нетерпение, перерастающее в нетерпимость, становилось питательной средой

для неповиновения и даже терроризма. Подавление силой не ослабляло привлекательности идей и лозунгов, которые в середине века вдохновили на революционные выступления народные массы Франции, а затем и других стран Центральной Европы. Идеи, позвавшие народы на баррикады, оказались реальной силой, способствующей самоорганизации масс. Не замечать этого, не принимать во внимание их влияние на общество, разделенное сословными рамками и имущественным цензом, как выяснилось, было глубокой ошибкой. Потребность в общественных переменах, которые если и не избавляли, то по меньшей мере ослабляли бы непредсказуемое, дестабилизирующее влияние революционно-социалистических идей на сложившийся миропорядок, становилась все более очевидной. В сущности, и сам порядок нуждался в том, чтобы обрести иные черты и формы и послужить интересам большинства.

На плечи глав государств и политиков ложилась нелегкая обязанность контролировать события и принимать ответственные решения.

В этой предстоящей общеевропейской работе великие державы все более становились конкурентами, хотя и прежде с опаской наблюдали друг за другом. Целесообразность однажды выработанных решений стала подвергаться сомнению. То, что было незыблемым вчера, сегодня неожиданно оказывалось под вопросом. От лидеров требовались политическое чутье, обладание информацией, умение излагать мысли и то, что называется провидческим даром. Поскольку вынашивались тайные замыслы и планы одних против других, возникали и распадались коалиции, надо было научиться разгадывать намерения возможных противников, а также союзников и друзей. Произносимые монархами и политиками заверения в преданности и верности нельзя было принимать в расчет. Правящей элите становилось ясно: затраты на добывание тайных планов и выяснения умонастроений не идут ни в какое сравнение с ущербом, который может понести застигнутое врасплох государство. Для достижения этих целей создавались специальные секретные структуры и фонды. Найти способы обретения преданных друзей, склонить колеблющихся на свою сторону «любовью, деньгами или силою» (Бисмарк) становилось целью весьма изощренной политики.

Без людей, наделенных мужеством и энергично мыслящих, находить ответы на вызов времени было невозможно. И такие люди появились!

Как в духовной культуре, так и в политике выдающиеся

деятели появляются не часто. Гениальные взлеты в искусстве, литературе далеко не всегда можно объяснить историческими или тем более политическими обстоятельствами. В политике же как раз на крутых исторических переломах появление таких ярких личностей закономерно. Независимо от того, какое место им было уготовано в системе власти, они становились творцами политики, созидателями событий, оказывавших решающее воздействие на судьбы народов и государств.

Во второй половине XIX века на смену старозаветной тайной дипломатии приходит публичная политика. Секретные замыслы и политические заготовки сильных мира сего благодаря укреплявшейся гласности, публикациям независимой печати все более лишались покрова тайны, становясь доступными общественности. Теперь более чем когда-либо появилась возможность судить о деловых достоинствах и одаренности тех, кому доверено право говорить от имени государств и народов.

* * *

«Лесть — земных богов напиток» — эта древняя мудрость и поныне весьма актуальна. Лесть была и остается незаменимым средством, помогающим делать желаемое действительным, возвеличивать посредственность, опровергать неопровержимое, оправдывать то, что не подлежит оправданию. Именно лесть возносит простых смертных до уровня богов, оказывая гибельное воздействие на их судьбы.

Кто же они, эти земные боги? Прежде всего те, кто волею судьбы и по стечению обстоятельств повелевает государствами и народами. И при общении с ними всегда требовалось соблюдать определенные словесные правила игры. Малозначащие детали для людей обыкновенных у избранников судьбы обретали исключительный смысл и значение.

Луи Наполеон III был уязвлен в самое сердце, когда российский самодержец Николай I, обращаясь к нему в официальном послании, назвал его, императора всех французов, «другом», тогда как в подобных случаях принято было употреблять слово «брат». Тем самым Николай давал понять: в отличие от тех, кто является правителями «Божьей милостью», он, Наполеон III, — всего лишь избранный народом президент, а императором стал в ходе государственного переворота… Французское Министерство иностранных дел приложило немало стараний к тому, чтобы склонить российского императора изменить свою позицию, однако эти усилия оказались тщетными.

Посол России в Париже дал понять местным представителям власти, что изменение Николаем I своей позиции противоречило бы традиционным монархическим ценностям. В дальнейшем российскому самодержцу дорого обошелся отказ польстить самолюбию новоиспеченного французского монарха… Однако надо отдать должное российскому самодержцу: он вовсе не собирался обострять отношения между Россией и Францией, и его позиция была одобрена другими монархами Европы. «Верные союзники» Николая I монархи Австрии и Пруссии все вместе согласились придерживаться единого титулования нового правителя Франции: «дорогой друг император Луи Наполеон». Когда же в Париж поступили поздравительные письма от трех «восточных монархий», оказалось, что Пруссия и Австрия обратились к Наполеону III со словами «Государь и дорогой брат». Николай I был возмущен и при случае не преминул бросить послам Австрии и Пруссии резкий упрек: «Меня обманули и от меня дезертировали!»

Путь, который привел Наполеона III на престол, многим в Европе легитимным не представлялся, а политические заявления нового французского правителя настораживали. Николай I не торопился признавать «самозваного» императора Наполеона III и удерживал от этого других европейских монархов. Однако с течением времени европейским правителям, близко наблюдавшим реалии хозяйственно-экономической жизни обновляющейся Франции, скрепя сердце приходилось признать равные права нового монарха по отношению к ним, представителям древних монархических домов Европы. Россия медлила. На старые обиды, нанесенные Франции, накладывались новые…

Выстоять перед пьянящей силой лести удавалось мало кому из сильных мира сего. Неумеренные проявления восторга, поток славословий притупляли бдительность, ослабляли зоркость, размягчали сознание. Напиток от чрезмерного употребления превращался в отраву самообольщения, вызывая синдром мании величия и превосходства над всем остальным миром. Мало что изменилось в психологии придворных со времен царя Давида, заметившего, что «уста льстивые говорят от сердца притворного».

Николай I, принявший льстивые уверения европейских монархов в вечной союзнической дружбе за чистую монету, испытал на себе тяжкие последствия этой болезни, в результате приведшей его к краху. Как и другие политические оппоненты Наполеона III, сам того не ведая, он подталкивал французского правителя к идее делом доказать свои права по отношению к другим. Таким реальным делом, как учила вся предшествующая

мировая история, была победоносная война. В те времена поводов к такой войне долго искать не приходилось. Главная задача состояла в том, чтобы правильно рассчитать силы и улучить момент. Надо признать, Наполеону III это удалось с немалым успехом. Месть его была направлена прежде всего против России, нанесшей непро-щаемые обиды его дяде Наполеону I, да и ему самому, его идейному наследнику. Пройдет всего несколько месяцев после провозглашения Наполеона императором, как возникнет «спор о ключах», инициированный французским консулом в Иерусалиме. Конфликт, повода к которому не возникало за все предшествующие девятнадцать веков христианской истории, перерос в серьезную международную проблему. Этот «спор», в ходе которого был поставлен вопрос о праве первенства Католической (латинской) и Православной (греческой) церквей в доступе к главным святыням храмов Иерусалима и Вифлеема, на деле оказался лишь пробным камнем. Едва улаженное противостояние на религиозной почве возобновилось на почве межгосударственной. Ввергнув страну в Крымскую войну, российский император не смог пережить последствий поражения от противников, среди которых едва ли не главная роль принадлежала Наполеону III.

Кто же он, этот земной бог, восшествие на престол которого знаменовало начало нового, весьма значительного этапа в европейской истории второй половины XIX века?

В разгар революционных событий февраля 1848 года Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873) сумел проявить политическое искусство такого уровня, что в 1852 году он был объявлен «Наполеоном III, милостью Божьей и волею французской нации императором французов». Ему предстояло управлять Францией более двадцати лет, причем в весьма короткое время Наполеону III удалось добиться возвращения своей страны в лоно великих европейских государств.

Луи Наполеон, племянник легендарного императора, слава которого со временем лишь приумножалась, всегда обращал на себя особое внимание: Наполеон к нему неизменно благоволил.

«Наполеон I всегда был расположен к своему крестнику. Он неизменно призывал его к себе, когда возвращался из путешествий. Забавлялся за завтраком его болтовней, нередко сажал подле себя за обедом за маленький стол, к которому больше никто не допускался»[137].

Повзрослевший Луи Наполеон был принят во многих монархических дворах Европы, хотя всерьез его нигде не воспринимали. Его военно-политические авантюры, имевшие целью реставрировать империю Наполеона I, рассматривались

как юношеские шалости. После крушения могущественного дяди он совершил немало рискованных поступков и даже пытался ниспровергать королевскую власть. Однако Франция не приняла его. В свои сорок лет он оставался отверженным, пережив даже тяжесть тюремного заключения. Правда, к этому времени он уже многое познал и осмыслил, объехав полсвета и изучив опыт таких разных по своему укладу стран, как Швейцария, Германия, Англия, Соединенные Штаты Америки. Скитания по миру сделали его осторожным, а обращение к опыту своего кумира Наполеона I научило быть более предусмотрительным, действовать, взвешивая каждый шаг. Луи Наполеон всю жизнь считал себя идейным преемником своего дяди. Политическое и духовное наследие бонапартизма всецело занимало его и в молодые, и в зрелые годы. Он считал себя защитником демократической свободы и государственной власти, основанной на волеизъявлении всего народа.

Его восхождение на французский политический олимп произошло в считанные месяцы, с февраля по декабрь 1848 года. И даже в этот период в кругах революционных республиканцев он слыл мало перспективной личностью из-за прежней неудавшейся карьеры, неспособности ораторствовать, нерешительности в определенных политических ситуациях. Однако именно ему принадлежало имя и политическое наследие Наполеона I, что значительно важнее всего остального. К тому же претендент на президентскую власть не был замешан в кровавых событиях июня 1848 года, когда жертвами трехдневного противостояния стали около пяти тысяч парижан…

Луи Наполеон был объявлен президентом Франции в результате всенародного голосования, когда ему удалось на порядок опередить своего конкурента генерала Кавеньяка.

«Наполеон III был человеком мечтательным, медлительным и осторожным в своих решениях, которые, однако, приводил в исполнение. В своих поступках он был добродушным, честным и чуждым всякой мелочности. Наполеон III прекрасно владел французским, немецким, английским, итальянским и испанским языками, выказывал большой интерес к наукам, был приятным, умным собеседником, но не отличался блестящим остроумием истого француза и не умел воодушевить толпу и увлечь за собой. Наружность его не отличалась представительностью. В общем, это был человек, созданный для мира, а не для войны, в нем не было ни одной черты полководца или героя, какими был так щедро одарен его дядя. Он шел к своей цели дипломатическим путем и только в крайнем случае прибегал к войне»[138].

Многое в этом портрете соответствует действительности. Но

не все. Хотя бы потому, что Наполеону III все же удалось «воодушевить толпу и увлечь за собой». Были достигнуты, особенно в первой половине его правления, немаловажные военные, не говоря уже о политических, успехи. Державная мощь Франции Наполеона III на протяжении пятнадцати лет оказывала решающее воздействие на межгосударственные отношения на континенте. Основатель Второй империи обладал незаурядными дипломатическими способностями, проявил себя как историк и талантливый литератор. Его исследование «История Юлия Цезаря» было переведено на многие языки.

Разноречивость в оценках Наполеона III связана с его последующими неудачами и драматическим финалом его правления. Именно благодаря этому свидетельства и отзывы о нем впоследствии стали окрашиваться исключительно в негативные тона.

Четыре года дипломатического маневрирования, конфликтов и компромиссов с оппозицией, решительность, проявленная в ответственный момент, привели Луи Наполеона к императорской короне. Это стало ясно по итогам затеянного им и его сторонниками всенародного плебисцита 1852 года: президент Франции Луи Наполеон получил внушительную народную поддержку (7800 тысяч голосов «за» и лишь 253 тысячи «против»). Его деяния не носили умозрительного характера. Из неизбежно антагонистических противоречий Наполеон III старался извлечь рациональное ядро с одной лишь целью: направить энергию народа в позитивное русло, на умножение национального достояния. Главный смысл его указов был продиктован необходимостью высвободить созидательные силы общества, раскрепостить производительные возможности разных социальных групп. Он знал реалии жизни других народов и рассчитывал первым делом сделать из рабочего класса класс собственников. В центре его внимания находилось четвертое сословие, составлявшее большинство населения городов. Это был рабочий люд, та часть населения Франции, которая сыграла решающую роль в ходе буржуазной революции 1848 года.

Были предприняты невиданные ранее масштабные перестройки и реконструкции кварталов Парижа, обеспечивающие занятость людей. Для удовлетворения нужд рабочих были основаны общественные столовые, больницы, рынки, сберегательные и больничные кассы, благотворительные фонды, банки с гарантией правительства, установлен государственный контроль цен на хлеб.

Не было забыто и сельское население. Император заботился о создании для земледельцев кредитных и страховых обществ, на

собственные средства устроил 32 образцовых фермерских хозяйства, поощрял развитие скотоводства и коневодства. Создав льготный налоговый режим и установив низкие пошлины, он смог погасить недовольство буржуазии, подтолкнув ее к развитию национальной промышленности и торговли. Система торговых отношений, достоинство которой сумел доказать Наполеон III и другим странам, привела к образованию Европейского таможенного союза, способствующего свободе торговли. В 1855 году в Париже была проведена Первая всемирная выставка, имевшая огромный успех, который закрепила следующая, состоявшаяся в 1867 году.

Наряду с этим Наполеон III предпринял жесткие меры к тому, чтобы внутри страны контролировать состояние общественного мнения, не давая возможности печати бесконтрольно воздействовать на неподготовленные массы народа. Закон о печати требовал, чтобы статьи в газетах всегда печатались под подлинной фамилией автора; после третьего предупреждения властей издания закрывались. Муниципальный закон предусматривал строгие правила в организации общественной жизни городов, никакие собрания не допускались без разрешения властей.

Система политического управления, сложившаяся во Франции, заметно отличалась от всех других в Европе. Был предпринят ряд мер демократического характера. Так, в новой французской конституции помимо широких политических полномочий главы государства предусматривалось создание Законодательного корпуса, избираемого путем общего голосования, и назначаемого президентом сената… Перипетии политической борьбы, вызванные революционными событиями во Франции, служили определенным уроком для традиционных монархий. Все, что предшествовало объявлению Франции империей, а Луи Наполеона — императором, вызывало у них особое беспокойство.

Политические декларации, с которыми Франция обращалась к международному сообществу, настораживали и по другим причинам. С одной стороны, власть, основанная на всенародных выборах, противоречила монархическим традициям европейских дворов, с другой — пугали постоянно звучавшие в устах нового императора напоминания об унижениях, понесенных Францией в 1814–1815 годах. По этой причине ему так и не удалось найти себе невесту среди представительниц императорских домов Европы. Он взял себе в жены красавицу испанку Евгению Монтихо, знатного, но не монархического происхождения.

Добиваясь международного признания, Наполеон III тем не

менее отдавал себе отчет в том, что он «выскочка, порожденный демократией»[139]. Ему было известно мнение определенных кругов в европейских странах, видевших в нем «расчетливого авантюриста, главу опасной революционной династии»[140].

Луи Наполеон, как ни пытались унизить его при жизни, а затем умалить его историческую роль после крушения и смерти, был явлением весьма значительным в европейской и мировой истории. Он был человеком действия, видел перед собой цель, стремился к ее достижению и добился своего. При этом он был понятен, хотя и хотел казаться загадочным. Это делало Наполеона III достаточно уязвимым для нападок прессы, которой он предоставил свободу слова.

Политический феномен Луи Наполеона всегда вызывал интерес. О нем писали и Виктор Гюго («Наполеон малый»), и Пьер Жозеф Прудон («Государственный переворот»), и Карл Маркс («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»). Полностью отрицая его политические и человеческие достоинства, эти работы все же вызывают еще больший интерес к этой противоречивой, не получившей объективной оценки личности. «Эпиграмматическим произведением, в котором автор относится к своему герою с вполне заслуженным презрением», считал Фридрих Энгельс названную выше работу своего друга Маркса. Великий творец теории непримиримой борьбы классов, стремясь опорочить и развенчать французского монарха, не брезгует ничем. «Восемнадцатое брюмера» — классический образец труда, имеющего целью разжигание социальной ненависти, через которую, как известно, пролились потоки крови… Если Наполеон III авантюрист и ничтожнейшая личность — а именно таким он видится со страниц книги Маркса, — то почему же он так глубоко затронул этого яростного проповедника социальных революций? Скорее всего, дело в том, что своей политикой Наполеон III смягчал противоречия, ограничивая социальную почву социалистов-радикалов. Этот «негодяй и выскочка» решил превратить рабочих в класс собственников, выбивая тем самым краеугольный камень из-под фундамента учения Маркса. Он объявил конец эпохи революций, не позволил состояться «красной республике», провозглашение которой готовили левые радикалы в Национальном собрании Парижа в 1849 году.

И тем не менее, несмотря на все о нем написанное, Наполеон III добился всеобщего признания. Более того, ему удалось отплатить за унижения, испытанные его великим дядей Наполеоном I и Францией вообще. Любопытно, что свое восшествие на престол Луи Наполеон приурочил к историческим годовщинам — битве при Аустерлице и церемонии коронования

Наполеона I. Он и далее стремился следовать этой традиции. Торжественное подписание Парижского трактата, диктующего поверженной в Крымской войне России унизительные условия, Наполеон III приурочил к памятной для всех дате — годовщине взятия Парижа русскими войсками 30 марта 1814 года…

Главное же состояло в том, что Наполеон III стал идеологом новой политической философии, предопределившей иную, отличную от прежней систему ценностей в межгосударственных отношениях. В 1857 году в Париже появилась анонимная брошюра, вдохновителем которой явно был сам французский император. Она называлась «Наполеон III и румынский вопрос». В брошюре содержался политический комментарий к событиям, вызванным стремлением приду-найских народностей к объединению; универсальным, единственно приемлемым, предопределяющим будущее устройство Европы и европейских государств объявлялся в брошюре «принцип национальностей». Наполеон III предложил европейскому сообществу новую концепцию, которая в скором времени привела в движение народы и государства. Высказанные им идеи оказались весьма приемлемыми и для Германии, и для России, не говоря уже о народностях, некогда разделенных династическими границами или насильственно включенных в состав империй. Появилась идейно-теоретическая база, оправдывавшая передел европейских границ, вырисовывались условия для появления новых национально-государственных образований.

«Принцип национальностей», провозглашенный Наполеоном III, служил в его глазах благовидным предлогом для возрождения былого величия Французской империи. Все политические комбинации, которые замышлялись в Париже, — лавирование, игра на интересах, сближение с одними, отторжение других, — служили одной цели. «Принцип национальностей» для Франции трансформировался в принцип национальной экспансии, способствующей строительству и укреплению Второй империи. К этому его побуждала и обстановка, сложившаяся внутри государства. Кроме того, по мнению внутренней оппозиции, в ходе Крымской войны Франция понесла огромный материальный урон, который не был восполнен ожидаемыми в таких случаях территориальными приращениями. Возможность ответить на вызовы, исходившие из собственных национально-консервативных кругов, Наполеон III видел в поддержке освободительных тенденций в Италии и Польше. К этому примешивались и соображения клерикального свойства: отовсюду звучали призывы защищать от дискриминации католическое население этих территорий. Вытеснение Австрии из Верхней

Италии стало лишь прологом к установлению французской гегемонии в Европе. В этом смысле направленность внешней политики Франции Наполеона III просматривается весьма определенно:

использование межгосударственных противоречий по линии Россия — Австрия, Россия — Пруссия, Англия — Россия, Австрия — Пруссия с целью получения гарантий невмешательства в собственные планы;

противодействие немецкому объединению;

вытеснение Австро-Венгерской империи из Италии, Российской империи — из Польши;

расширение французских колониальных владений в Африке, Латинской Америке, на Дальнем Востоке;

противодействие экспансионистской политике Англии на Балканах, в Западной Азии.

Совокупность этих целей обнаруживает противоречия неразрешимого свойства. Трудно было совместить действия Франции по ослаблению Австро-Венгрии с решением задач противодействия немецкому объединению под эгидой Пруссии. Невозможно было строить прочный фундамент для союзнических отношений с Россией, проводя на деле политику, ведущую к нарушению ее территориальной целостности. Стратегия и тактика подобного рода имели место и в отношении Англии, Австрии, Дании, Италии, германских княжеств.

Политическое кредо Наполеона III в российских дипломатических кругах трактовалось по-иному, но весьма определенно: «В силу происхождения и природы его власти этот монарх не представляет никакого твердо установленного принципа. Его интересы являются единственным двигателем его действий, ловкость — его единственной силой, а успех — единственной целью. В его глазах политика — это сделка, колебания которой зависят от обстоятельств и интересов данного момента»[141].

Эти соображения побуждали русскую дипломатию относиться к Наполеону III и его политике с величайшей осторожностью, не совершая опрометчивых шагов, могущих дать преимущество какой-либо из сторон. На это нацеливалось и руководство российского посольства в Париже.

И все же личностные особенности Наполеона не могли не способствовать краху его политики, хотя проявилось это далеко не сразу. К тому же французский император не принимал во внимание то обстоятельство, что провозглашенный им «принцип национальностей» мог иметь и обратное действие, поскольку рано или поздно вступал в противоречие с интересами других

государств. Так оно в конечном счете и получилось. Пагубные последствия этих противоречий дали себя знать в критический момент. Разлагающе действовало на императора и отношение к нему окружающих. Придворные льстецы в самой Франции и многие публицисты за границей называли его в это время суперарбитром Европы. «Верховенство в Европе перешло из Петербурга в Париж. Луи Наполеон является в настоящее время дипломатическим властелином Европы», — писала одна нью-йоркская газета[142].

Европейские партнеры Франции довольно быстро освоили наиболее приемлемый для Тюильри и Версальского дворца стиль общения. В числе первых понял это Бисмарк. Еще в начале своего политического восхождения, после первых встреч в 1855 году, молодой дипломат сумел оценить натуру французского императора, отметив слабые стороны его характера. В своих рекомендациях прусскому руководству Бисмарк полагал важным «в общении с ним льстить ему и эксплуатировать его тщеславие»[143].

Упоение славословиями, самомнение в конечном счете привели к краху Наполеона III. В пору, когда удача и успех сопутствовали французскому императору, выработался стереотип поведения окружавших его людей. Успехи правления Наполеона III превозносились до небес, что затмевало значение просчетов и неудач. Предпочтение в собственном кругу отдавалось прежним корпоративным связям и отношениям. Дефицит дарований, особенно в военном деле, в осуществлении межгосударственных контактов, восполнялся беззастенчивыми льстецами. Лесть подхватывали и раздували подвластные императорскому двору органы печати. Небывалое влияние обрела императрица Евгения. Эта очаровательная испанка оказалась для Наполеона III и добрым, и злым гением одновременно. Она стала истинной достопримечательностью императорской Франции. О ее красоте и завораживающем обаянии ходили легенды, и со временем император оказался полностью под каблуком у своей супруги. Хуже всего то, что императрица, поощряемая Наполеоном III, стала вмешиваться в государственные дела. Австрийский посол в Париже Рихард Меттерних имел возможность узнать от нее не только секретные планы в отношении Польши, которые Наполеон III пытался сохранить в глубокой тайне, но и выслушал из ее уст глобальный план «окончательного устроения Европы», согласно которому должны были произойти следующие изменения:

«— Россия потеряла бы Королевство Польское, равно как и провинции, ранее входившие в его состав, но была бы компенсирована за это владениями в Азиатской Турции;

— Польша была бы восстановлена с австрийским эрцгерцогом во главе, а еще лучше — с королем Саксонии, который получил бы обратно свои династические права в качестве компенсации за уступку своего королевства Пруссии;

— Пруссия уступила бы Познань Польше, Силезию — Австрии и левый берег Рейна — Франции, но получила бы Саксонию, Ганновер и герцогства к северу от Майна;

— Австрия уступила бы Венецию Пьемонту, часть Галиции (Львов и Краков) — Польше, а получила бы побережье Адриатики, Силезию и все, что захочет, к югу от Майна;

— Франция не уступила бы ничего, но взяла бы себе левый берег Рейна, пощадив Бельгию ради Англии, разве эта держава сама отдаст ей Брюссель и Остенде и т. д., чтобы вернуть себе Антверпен;

— Пьемонт получил бы Ломбардию, Венецию, Тоскану, Парму, Пьяченцу, Флоренцию, Болонью и Феррару, но вернул бы обе Сицилии неаполитанскому королю, который округлил бы Папу;

— Турция была бы уничтожена ради общественной пользы и христианской морали, ее азиатские владения получила бы Россия, побережье Адриатики — Австрия; Фессалия, Албания и Константинополь достались бы Греции, Дунайские княжества были бы вручены какому-нибудь местному князю;

— Короли и князья, лишенные своих владений в Европе, отправились бы цивилизировать и монархизироватъ прекрасные американские республики, которые все последовали бы примеру Мексики»[144].

Излияния императрицы ошеломили и насторожили не только ее австрийского собеседника, но и вызвали беспокойство у представителей других государств. Утрата французским императорским домом чувства реальности делала все более уязвимым межгосударственное положение Франции. Политическое одиночество, утрата союзников и друзей подтачивали императорский трон, а атмосфера угодничества и славословий еще более этому способствовала.

В итоге дело кончилось тем, что один из европейских монархов, первым согласившийся величать Наполеона III «братом», обошелся с ним далеко не по-братски. Пруссия, вплотную приблизившись к заветной цели — образованию единого германского государства, приготовилась к решающему броску. Оставалось лишь найти повод для того, чтобы устранить главное препятствие на этом пути — преодолеть сопротивление Франции, которой решительно не нравилась подобная перспектива.

Опираясь на представления уходящего прошлого, «суперарбитр Европы» оказался в плену обстоятельств, вынудивших его пойти на ошибочные решения. Наполеона III ввели в заблуждение собственные генералы, убедившие императора в мнимости военного могущества Пруссии, доказывая при этом превосходство французской армии. Он поддался на провокацию, тщательно выстроенную Бисмарком и прусским Генштабом.

События вокруг появления «эмской депеши», послужившие поводом к объявлению Францией войны, описаны во многих учебниках политической истории Европы. Casus belli был вызван дипломатическим спором между Пруссией и Францией, касающимся права наследования в Испании, где трон оказался незанятым. На выражение недовольства со стороны Наполеона III прусский император Вильгельм I отреагировал телеграммой умиротворяющего содержания. Телеграмма эта, прежде чем ее отправили адресату, поступила в Эмс — штаб-квартиру прусской армии, где канцлер Бисмарк внес изменения в ее текст, «кое-что вычеркнув, но не прибавив и не изменив ни слова». Документ принял оскорбительный для французского императора характер. Этот исторический эпизод прусский канцлер подробно описывает в своих мемуарах.

«Когда я прочел моим гостям телеграмму в сокращенной редакции, Мольтке заметил: «Так-то звучит совсем иначе; прежде она звучала сигналом к отступлению, теперь фанфарой, отвечающей на вызов». Я пояснил: «Если, во исполнение высочайшего повеления, я сейчас же сообщу этот текст, в котором ничего не изменено и не добавлено по сравнению с телеграммой, в газеты и телеграфно во все наши миссии, то еще до полуночи он будет известен в Париже и… произведет там впечатление красной тряпки. Драться мы должны, если не хотим принять на себя роль побежденного без боя. Но успех зависит во многом от тех впечатлений, какие вызовет у нас и у других происхождение войны; важно, чтобы мы были теми, на кого напали, и галльское высокомерие и обидчивость помогут нам в этом, если мы заявим со всей европейской гласностью, поскольку это возможно, не прибегая к рупору рейхстага, что встречаем явные угрозы Франции безбоязненно». <…> Мольтке вышел из обычного для него состояния пассивности, обратил радостный взор к потолку и, позабыв свойственную ему сдержанность, ударил себя в грудь и бодро сказал: «Если мне действительно суждено вести наши войска в такой поход, то пусть хотя бы даже сразу после этого сам черт забирает себе этот старый скелет»[145].

К исходу прусско-французской битвы под Седаном 1 сентября

1870 года французский император из осажденной немецкими войсками городской крепости направил прусскому королю послание следующего содержания: «Дорогой мой брат, так как я не сумел умереть среди моих войск, мне остается вручить свою шпагу Вашему величеству. Остаюсь Вашего величества добрым братом. Наполеон». Капитуляция стотысячной французской армии во главе с императором послужила прологом к крушению Второй империи и ниспровержению ее кумира.

Блестящее начало императорского правления Наполеона III не получило своего достойного продолжения. Эксплуатируя идею победоносной войны как средства преодоления внутриполитического противоборства, Наполеон III в конечном счете выработал и этот ресурс.

Риск международной изоляции, военной угрозы не был реально просчитан. Ультимативный тон в общении с сопредельными государствами провоцировал конфликты. Французское общество, испытавшее радость первых победных лет Второй империи, оказалось не готово к крупномасштабной войне. Это, как и обстоятельства субъективного свойства, повлекло за собой цепь роковых ошибок, приведших Францию Наполеона III на край гибели. Наполеон III не смог совладать с выстроенным им самим механизмом власти. Ему не хватило государственной мудрости, чтобы противостоять порокам, свойственным обществам без системной определенности. В избранной им модели находилось место демократии и деспотизму, монархии и парламентаризму, в ней уживались плюрализм и подавление инакомыслия, противостояние левых и правых, терроризм и крайние формы монархического произвола. Все это разделяло французское общество, лишало власть прочности.

И все же многое из того, что было привнесено Луи Наполеоном III в организацию государственной жизни, изменило облик времени, повлияло на ход событий второй половины XIX века.

* * *

Если Наполеон поставил «принцип национальностей» на службу целям расширения и укрепления своей империи, то другим его современникам, выдающимся европейским политикам, удалось сделать его инструментом объединения народов. Первым, кто умело воспользовался новыми тенденциями для создания единой Италии, стал премьер-министр Сардинии Камилло Бенсо Кавур (1810–1861).

Имя Кавура стало далеко не последним в списке главных политических героев XIX века. Стремление к самосовершенствованию и самообразованию, гордый, независимый нрав, нежелание быть в услужении у сильных мира сего — все это предопределило будущность Кавура, его умонастроения, нравственные ценности и политические идеалы. Во многом он сделал себя сам, причем не благодаря, а вопреки своему аристократическому происхождению. Он сознательно сошел с проторенных дорог, избрав путь политической борьбы, смысл и ориентиры которой находились в явном противоречии с умонастроениями итальянского истеблишмента.

Отец будущего политика маркиз Микеле Кавур, известный современникам знатной фамилией и крайним консерватизмом, прочил младшему сыну военную карьеру. Поначалу мечты его сбывались: когда Кавуру исполнилось 14 лет, он поступил в военную академию и через некоторое время был определен пажом ко двору наследного принца Карла Альберта. Однако открывавшиеся перед юношей блестящие перспективы вскоре были перечеркнуты. Угодничество и низкопоклонство, укоренившиеся в дворцовой среде, не могли прийтись по душе Кавуру, и он был уволен. При этом демонстративно, к неудовольствию принца и проклинавших его родителей, выражал радость, что наконец «сбросил с себя ливрею». Кавур вернулся к занятиям в военной академии, где выказал удивительное прилежание, однако по завершении учебы пробыл военным недолго. В 21 год он вышел в отставку и занялся хозяйством в имениях своего отца.

Родиной Кавура была Сардиния (Пьемонт) — на тот момент одно из семи государственных образований разрозненной Италии. Только ей удавалось проводить относительно независимую политику, поскольку Ломбардо-Венецианское королевство со столицей в Милане, граничавшее с Пьемонтом на северо-востоке, входило в состав Австрийской империи, в герцогствах Парма, Модена и Тоскана, де-юре не являвшихся частью Австрии, правили имперские князья, а Неаполитанское королевство (Королевство обеих Сицилии) зависело от Вены в силу договора о постоянном оборонительном союзе. Наконец, Папское государство — центр католической веры — находилось под властью религиозных догм и также тяготело к Австрии. Правивший в то время папа Григорий XVI был ее ставленником.

Попытки итальянского народа освободиться от абсолютизма неизбежно превращались в борьбу против Австрийской империи. Так, в 1820 году неаполитанцы, вдохновленные примером испанской революции, провозгласили у себя конституцию,

вынудив короля Фердинанда принять ее. Тогда же и патриотическим силам Сардинии почти удалось принять конституцию, однако достижения революции были полностью уничтожены вторжением войск австрийского императора…

Революционная буря, пронесшаяся в 1830 году, к разочарованию Кавура, мало затронула сардинское общество. Мечты о патриотическом взрыве на родине таяли. «Он с горечью выражал сознание, — пишет биограф, — что его страна, сдавленная с одной стороны австрийскими штыками, с другой — папскими отлучениями, неспособна сама справиться со своими бедами»[146]. За эти мысли одни клеймили его карбонарием, другие насмешливо называли юнцом.

Стремясь познакомиться с жизнью других государств, он отправляется в путешествие по Европе — посещает Францию, Бельгию, Швейцарию. Самый глубокий отпечаток оставило в душе Кавура пребывание в Англии. Отсюда он вынес главные идеи, которые предопределили его политическое мировоззрение. Возможность более эффективно управлять обществом на основе поддержки частной инициативы, а также своевременных реформ — одно из главных преимуществ конституционной монархии перед абсолютизмом. В этом он видел залог поступательного развития, способ предотвращать революции. Вернувшись из путешествия, он написал:

«Я совершенно убежден, что мир вовлечен в фатальное продвижение в направлении новой цели и что пытаться остановить ход событий — значит вызвать бурю, не имея шансов заставить корабль вернуться в порт. Но теперь я убежден, что единственно реальный прогресс — это прогресс медленный и благоразумно упорядоченный. Я убежден, что порядок необходим для развития общества и что из всех гарантий порядка законная власть, которая имеет глубокие корни в истории страны, является наилучшей»[147].

Эти мысли развернулись в широкую программу на страницах журнала «El Risorgimento» («Возрождение»), основанного в 1847 году Кавуром и его молодыми единомышленниками. Появление такого издания стало возможным, когда взошедший на трон король Карл Альберт начал склоняться к необходимости преобразований. В середине сороковых годов Италия стала словно пробуждаться от длительного и изнуряющего сна.

«Возбуждение достигло крайней степени и не ограничивалось, как в 1820 и 1831 гг., отдельными пунктами, а наблюдалось повсеместно и, следовательно, представляло большую опасность. От Альп до Адриатики, от глухих местностей Сицилии и до берегов По одно и то же чувство ненависти к

иностранцам объединяло все сердца. Изгнание варваров, то есть австрийцев, стало общим желанием»[148].

Идея общественного переустройства неизбежно должна была возникнуть. Все закончилось волной революционных выступлений, прокатившихся по европейским государствам. Однако стихийные выступления огромных масс людей, не имевших ни ярких лидеров, ни программы, не могли увенчаться результатами, одинаково весомыми и убедительными.

Пришла в волнение и Сардиния. На общем собрании журналистов и политических деятелей Кавур склонил заседавших к требованию конституции. Делегация, в составе которой был и он сам, передала прошение одному из членов кабинета министров. Не довольствуясь этим, Кавур послал королю по почте протокол их заседания, прибавляя, что они действуют, руководствуясь преданностью его величеству и любовью к государству[149]. 7 февраля 1848 года Сардиния стала конституционной монархией.

Уже тогда проявились в Кавуре ценное для большого политика упорство и умение просчитывать на несколько ходов вперед. Скоро сама жизнь подтвердила его правоту. В то время как в Германии лилась кровь и бушевали пожары, а на улицах Парижа возводили баррикады, в Турине проходили первые выборы в парламент и правящая династия укрепляла власть на новой основе.

Кавур был избран депутатом и примкнул к либеральному реформаторскому крылу. Как отмечает О. В. Серова, к тому времени он уже играл первостепенную роль в торговых, аграрных и банковских кругах Пьемонта, пользовался широкой известностью у себя дома и за рубежом как исследователь политических, социальных и экономических проблем, политический деятель, обладавший собственной программой их решения. И что немаловажно для политика, его энергичная деятельность обеспечила ему совершенно независимое материальное положение[150].

Репутация либерала, однако, закрепилась за Кавуром ненадолго. В том же 1848 году пьемонтский монарх Карл Альберт, проникшись идеей о лидерстве Сардинии среди итальянских государств, начал войну с Австрией, желая помочь восставшему против империи Ломбарде-Венецианскому королевству. Освобождение братских княжеств из-под ига австрийцев поддерживалось многими. Кавур же и с парламентской трибуны, и со страниц прессы выражал резко отрицательное отношение к этой войне. Он был убежден, что маленькая Сардиния не сможет победить превосходящую по

численности и вооружению армию противника. Лоскутная Австрия, волей русского царя избежавшая развала в сороковые годы, для Пьемонта оставалась весьма сильным, неодолимым на тот момент противником. Такая позиция не могла устраивать крикливое, ослепленное националистическим угаром большинство. Кавура объявили реакционером, и на новых выборах в январе 1849 года он был забаллотирован. Тем временем сардинские войска потерпели сокрушительное поражение. О свободе Милана и Венеции пришлось на время забыть. Вся страна переживала горечь разгрома, а Кавур, реалистичность взглядов которого вновь подтвердило время, возвращался к своим прежним раздумьям о необходимости союза с третьей державой, способной выступить против Австрии и добиться независимости входящих в ее состав итальянских земель. Именно в этот период, судя по всему, им были выстроены общие стратегические цели, которые затем конкретизировались по мере развития событий. Такой первостепенной задачей стало проведение дальнейших реформ в самом Пьемонте. Только будучи государством, в котором сведены к минимуму внутренние противоречия, Сардиния действительно могла стать лидером среди других итальянских княжеств. Наряду с этим активизировалась внешняя политика. Были предприняты весьма смелые шаги для формирования в европейском общественном сознании образа страны-радетельницы, которой по силам взять на себя ответственность за судьбу итальянского народа. Уже через год после естественной смены монархов Виктор Эммануил II предложил Кавуру портфель министра земледелия и торговли. Первые преобразования, в первую очередь заключение торговых трактатов с Англией, Бельгией, Германским союзом и Францией, весьма скоро стали приносить результаты. В апреле 1851 года Кавур принял на себя еще и управление финансами. Им была проведена реформа таможенного тарифа в духе свободной торговли, достигнута договоренность с Лондоном о выдаче займа. Однако Великобритания, ставшая прекрасным экономическим партнером для Пьемонта, вряд ли подходила на роль военного союзника в борьбе против Австрии. Внешнеполитические устремления Лондона лежали в другой плоскости: для англичан весьма актуальным был в то время восточный вопрос, который грозил очередным обострением в связи с усилившимися амбициями России. Таким союзником могла стать бонапартистская Франция. Наполеон III производил впечатление сильного монарха, который, восстанавливая могущество своего государства, без сомнения, попытается переместить центр европейской политики в Париж. Уже тогда можно было

предвидеть, что со временем соседняя Италия войдет в сферу его интересов.

Между тем отношение сардинского общества к Наполеону после провозглашения империи было крайне негативным. Пресса не стеснялась в выражениях, расписывая в красках вероломный путь Луи Наполеона к завоеванию прав на императорский трон Франции. Газетная истерия была настолько сильной, что в Турине стали опасаться разрыва дипломатических отношений. В правительстве прозвучали призывы к восстановлению жесточайшей цензуры. Однако Кавур высказался за свободу прессы. «Крайности, встречающиеся в печати, — заявил он, — находят себе противоядие в фактах ежедневной жизни»[151]. Эти слова стали известны Европе и цитируются во многих биографиях Кавура. Решительное выступление против изменения цензурного устава было своеобразным жестом «на публику». Кавур тем самым привлек на свою сторону влиятельных публицистов, издателей газет. Это помогло окончательно смыть с него клеймо реакционера и вновь принесло поддержку и доверие либералов.

Кавур прекрасно сознавал степень влияния прессы на общественное сознание. Впоследствии граф Киселев в послании Горчакову напишет: «…Он использует ежедневную прессу и активность тайных обществ в качестве самого действенного вспомогательного средства для достижения своих целей. Он расходует на это огромные суммы и в конце концов сделал из них опору своего влияния». И далее: «Сделавшись хозяином ежедневной прессы в Европе, ему удалось внушить, что Итальянское королевство с береговой линией в 1500 лье может быть верным и полезным другом Великобритании»[152].

Перемена, произошедшая в умонастроениях первого министра Кавура, колебания политических настроений, усугубленные дворцовыми интригами, стали причинами его отставки. Пауза в государственной деятельности пошла Кавуру на пользу. В мае 1852 года граф отправился в новое путешествие: вновь в Англию и во Францию, где, между прочим, познакомился и весьма близко сошелся с Наполеоном III.

Новое правительство Виктора Эммануила продержалось недолго. Король тщетно пытался сформировать консервативное правительство и в итоге вынужден был обратиться к Кавуру, который, однако, не сразу взял на себя обязанности первого министра.

Вскоре кабинет был создан. 20 января 1853 года общество смогло ознакомиться с его программой. Она предусматривала:

безусловное отделение духовной власти от светской;

разрешение гражданского брака;

неприкосновенность права свободной ассоциации;

неприкосновенность свободы печати;

свобода обучения и распространение в народе грамотности средствами правительства;

самая широкая свобода торговли и изменения в тарифе;

восстановление финансового равновесия, экономия в издержках по государственному управлению;

реформы в системе налогов;

ускорение и правильность судопроизводства;

пересмотр гражданского и уголовного свода законов;

закон о военной субординации и о повышениях по службе;

новый закон о гражданском управлении;

улучшение средств для внутренних и внешних сношений страны с помощью шоссейных и железных дорог, телеграфов и пр[153].

Во многом проблемы, обозначенные в программе Кавура, сходны с теми, которые через два-три года встанут перед Александром II в России.

Российским реформаторам, по сути дела, придется пойти по тому же пути — модернизировать страну, преодолевая консерватизм, унаследованный от прежней системы власти. «Экономия в издержках по государственному управлению» превратится в рейтерновскую политику бережливости, «ускорение и правильность судопроизводства» — во введение «суда скорого, милостивого и правого»; в России также будут строиться шоссейные и железные дороги, решаться вопросы свободы слова, будет реформироваться система государственного управления… И канцлер Горчаков будет неоднократно подчеркивать, что «политические намерения правительств России и Италии во многом совпадают».

Итак, реформы, столь необходимые для усиления Пьемонта, начались. Одновременно с внутренними преобразованиями Кавур, как и планировал ранее, занялся активизацией внешней политики. Уже зимой 1853 года ему представилась возможность привлечь внимание великих держав к итальянскому вопросу. В Ломбардии начались народные волнения, и Австрия ужесточила репрессии против восставших. Судорожные действия идущей к своему распаду империи этим не ограничились. На имения ломбардо-венецианских эмигрантов, натурализовавшихся в Пьемонте, был наложен секвестр. В дипломатической войне, завязавшейся между Австрией и Сардинией, международное общественное мнение было на стороне Кавура. Причины, по которым австрийское государство отбирало частную собственность у граждан другого государства, оставались

непонятными. Действия по оказанию помощи эмигрантам существенно повысили авторитет Сардинии, особенно среди других итальянских княжеств.

В 1854 году Кавур пошел на другой, еще более беспрецедентный шаг. Он убедил правительство в том, что Сардиния должна присоединиться к англо-французской коалиции, ведущей в Крыму боевые действия против России. Участие пятнадцатитысячного экспедиционного корпуса сардинцев, безусловно, не могло произвести перелома в военных действиях. Это был, скорее, далеко идущий акт военно-политической солидарности, позволивший Пьемонту укрепить дружеские отношения с двумя сильнейшими государствами. На Парижском конгрессе (1856) сардинская делегация впервые оказалась за одним столом с представителями великих держав. Это обстоятельство имело огромное нравственно-политическое значение для будущего объединения итальянских государств: окончательно определился лидер, который имел все основания выступать независимо и твердо, в том числе и по вопросам, касающимся судьбы разделенного итальянского народа.

По окончании Крымской войны главной целью внешней политики Пьемонта стало сближение с Францией. Как можно было предполагать, разногласия между Парижем и Веной стали реальностью, и Турин по мере возможности старался поддерживать и углублять их. Что же касается отношений Сардинии с империей Габсбургов, то они после заключения Парижского мира стремительно ухудшались. Хотя в январе 1857 года австрийцы наконец сняли секвестр с имений эмигрантов, уже через два месяца вновь последовал дипломатический разрыв. В Пьемонте стали активно готовиться к войне. В 1858 году на так называемом «пломбьерском» свидании между Наполеоном III и Кавуром была достигнута договоренность о возможности совместных военных действий против Австрии в случае ее нападения. Император французов обещал содействовать присоединению к Сардинии Ломбардии и Венеции, взамен требуя уступить Франции принадлежащие Пьемонту Савойю и Ниццу. Посулив их Наполеону, Кавур, с одной стороны, подкрепил идею *национального* единства, с другой — добился согласия на вступление Франции в войну, что позволяло достичь пусть не сразу очевидного, но крайне важного результата. Вскоре был подписан секретный договор о наступательно-оборонительном союзе. Закрепил соглашение брак принца Наполеона с дочерью Виктора Эммануила принцессой Клотильдой.

Военные приготовления Пьемонта вызвали в Европе беспокойство: конфликт между Австрией и Сардинией грозил

перерасти в масштабную войну, последствия которой были непредсказуемы. Если Турин имел подцержку Парижа, то Вена вправе была рассчитывать на помощь германских княжеств, связанных с ней соответствующим договором. Прусский министр иностранных дел барон Шлейнитц лично предупредил Горчакова, что в случае войны его стране «вряд ли удастся остаться нейтральной»[154]. Однако события приняли совсем иной оборот. 23 апреля 1859 года Австрия, рассчитывая на помощь Пруссии, выдвинула пьемонтскому правительству ультиматум с требованием немедленно разоружить армию. Выждав три дня, Кавур отверг его. Австрийские войска под командованием графа Гиулая перешли в наступление. Австрия, таким образом, приняла на себя роль агрессора, и Наполеон III не преминул сдержать свои обещания. В Генуе высадился французский экспедиционный корпус в составе 20 тысяч человек.

Уже после нескольких месяцев совместных франко-сардинских военных действий против армии Гиулая Наполеон заключил с Австрией Виллафранкское перемирие, перешедшее затем в мир. Наполеону III хотелось взять на себя роль лидера во всем, что касалось религиозного и политического доминирования на Апеннинах. «Принцип национальностей… предполагалось использовать лишь для обеспечения французских интересов: его применение в Италии должно было привести к созданию федерации, а не к единству, означавшему бы появление великой нации на границе с Францией, чего она вовсе не желала»[155]. Именно по этой причине, как мы знаем, окончательное объединение Италии завершилось лишь к 1870 году. Только гибель Второй империи Наполеона III положила конец папскому правлению, и провинция с центром в Риме стала наконец неотъемлемой частью итальянского государства.

Условия мира, на которые пошел Наполеон III за спиной Кавура, были ошеломляющими. Даруя свободу лишь Ломбардии, договорившиеся стороны предписывали освобожденным областям Италии — Парме, Модене и Тоскане — вновь признать над собой власть австрийских герцогов. Кавур, узнав об изменении планов союзника, немедленно подал в отставку.

К счастью, выход Франции из войны не стал катастрофой. Недолгие военные действия сумели полностью изменить сознание итальянского народа. Освобожденные Тоскана, Модена и Парма игнорировали параграфы Виллафранкского мира. По решению избранных национальных собраний эти княжества обратились с просьбой о присоединении к Пьемонту. Таким образом, меры, предпринимавшиеся Кавуром на протяжении семи лет, наконец начинали давать результаты. При этом

«неоправданная», как утверждала пресса, уступка Савойи и Ниццы, в сущности, не заслуживала обрушившейся на первого министра громогласной критики. Области с преимущественно французским населением не вписывались в общую концепцию национального государства и при определенных условиях могли стать яблоком раздора.

Идею национального единства поддерживали не только конструктивно-либеральные силы. Апеннинский полуостров стал ареной, на которой, расшатывая устои государственности, действовали отряды Гарибальди. Двинувшись на помощь к восставшим против неаполитанского короля соотечественникам, полководец, известный своим радикализмом, за считанные дни, собрав под своими знаменами тысячи добровольцев, с боями прошел всю Сицилию, затем переправился на юг Апеннинского полуострова и торжественно вступил в Неаполь.

Кавуру, вновь возглавившему правительство, было, однако, не до торжества. В свое время, когда кризис только нарастал, он тонко использовал авторитет и способности Гарибальди с целью поднятия и укрепления национального духа. Теперь ситуация выходила из-под контроля. Победы Гарибальди, действовавшего по собственной инициативе, серьезно осложнили международные отношения Пьемонта. Его заявления о том, что после Неаполя он пойдет на Рим, а затем и на Венецию, вызвали решительные действия со стороны великих держав. Франция немедленно усилила свой отряд в Риме. Австрия заявила, что любое продвижение войск к Венеции будет считать объявлением войны со стороны Сардинии. Экспедицию Гарибальди осудил и Горчаков.

Посол Пьемонта в Петербурге Франческо Олдоини так рассказывает об этом в своих мемуарах: «Однажды вечером, придя домой уставшим после официального приема, я приводил себя в порядок перед ужином. Вдруг я услышал голос князя Горчакова у себя в салоне, который громко говорил: «Мне нужно тотчас же поговорить с маркизом». И, не представившись и не дождавшись ответа, он вошел в мою комнату. Мы принесли друг другу взаимные извинения: он за то, что так внезапно ворвался, я за то, что не мог принять его достойным образом. И без лишних слов, с крайней вспыльчивостью, которая его характеризовала, князь Горчаков сказал мне: «Я только что получил телеграмму, сообщающую очень неприятные известия. Гарибальди нарушил линию ваших судов между Сицилией и Неаполем и высадился в точке пролива, совершив военное вторжение против неаполитанцев и революционизировав страну. Гарибальди преодолел линию ваших судов, не встретив никакого

сопротивления, что свидетельствует о сообщничестве со стороны ваших командиров, которые позволили ему действовать на суше, и это противоречит вашим обещаниям. Вы обещали быть серьезным правительством и нереволюционным, и только на этом условии мы согласились признать вас». За этим последовала целая череда упреков и обид. Я не потерял хладнокровия и, несмотря на столь неожиданную провокацию, вспомнил великолепные советы, которые мне дал мой друг Буден во время моего первого визита в Россию, что в трудные моменты надо разговаривать с князем Горчаковым всегда на следующий день и никогда немедленно после события. Я ответил: «Я не в курсе той новости, которую вы мне сообщили. Я сомневаюсь, что информация точная и полная. Кроме того, сейчас не лучший момент спорить и упрекать, тем более что через четверть часа император ждет нас на ужин. Завтра я буду иметь честь предстать перед вашим высочеством и принять любую информацию, которую преданно передам своему правительству. Позвольте мне, однако, уверить вас, что мы серьезное правительство и, если мы давали международные обещания, мы их сдержим».

По возвращении в гостиницу у себя на столе я нашел официальную телеграмму. Я поспешно расшифровал ее сам и понял, что наше положение, до сих пор бывшее деликатным, стало сильным и заслуживающим уважения. Произошла битва при Аспрамонте между войсками Гарибальди и войсками правительства под командованием генерала Половичини. Гарибальди был ранен и взят в плен. Я тотчас же составил срочную личную записку князю Горчакову, описывающую важную новость. Моя записка заканчивалась следующими словами: «Сегодня утром в Петергофе я вас заверил, мой князь, что мы серьезное правительство, и вот тому оглушительное доказательство. Завтра, как только вы меня известите о своем возвращении в Петербург, я буду иметь честь предстать перед вами в императорской канцелярии».

Я остался очень доволен моей встречей с князем Горчаковым, который накануне вечером получил мою личную записку с известием о битве при Аспрамонте.

Он поздравил меня и мое правительство лично от своего лица и от лица императора с этим проявлением власти, которая доказывала, насколько мы были верны нашему слову. Князь намекнул на нашу беседу в Петергофе и с самой большой искренностью сказал мне, что я должен был понять ту вспыльчивость, в которой он находился под впечатлением от *полученного* известия»[156].

Уверив все европейские дворы, что действия Гарибальди не

подтверждались никакой санкцией правительства, и тем самым стабилизировав обстановку, Кавур в то же время заявил, что дело, начатое революцией, должно быть завершено законной властью.

14 марта 1861 года Виктор Эммануил был провозглашен королем Италии. О том, каким был этот человек и как складывались его взаимоотношения с Кавуром, свидетельствует современник: «Обстоятельства и особенно гений премьер-министра <Кавура> возвысили его до положения, которое он занимает в данный момент в Италии и в Европе. Если когда-либо его имя попадет в историю, его единственная заслуга, его странное величие будет состоять в том, что он «позволил Италии сделать себя». Было бы несправедливо, однако, представлять его ничтожным монархом. Он обладает той великой проницательностью, которая присуща итальянской расе, он не лишен природного ума… он ленив и малообразован; заниматься общественными делами, председательствовать в совете, принимать решения для него слишком мучительно. Так что граф Кавур очень часто, когда возможно, его щадит, освобождая от такого рода занятий. Король чувствует превосходство своего премьер-министра, он ему этого никогда не простит: он его терпит, ненавидя в глубине души. Как все посредственные люди, он завистлив и подозрителен»[157].

Своей неутомимой деятельностью Кавур, по сути дела, на блюдечке преподнес итальянский престол монарху, хотя вряд ли у нас есть основания приписывать премьер-министру альтруистические чувства. Он был честолюбивым прагматиком, не лишенным некоторых черт макиавеллизма. Однако вся его жизнь была беспрерывным служением своей стране.

Личное счастье Кавур отождествлял с достижением государственных целей. Он никогда не был женат: скупые строчки его прижизненных биографий свидетельствуют об этом. Сделав все, что мог, «объединитель Италии сверху» умер в тот момент, когда начался процесс международного признания единого итальянского государства.

После смерти Кавура резкая критика, которой он подвергался в течение всей политической жизни, вдруг приумолкла. К соблюдению принятых в таких случаях приличий примешивалось возникшее в политических кругах замешательство, поскольку стал очевидным тот факт, что именно политическое искусство Кавура позволяло поддерживать баланс между различными влиятельными силами и создавать реальные условия для достижения главной цели его народа — национального объединения. Он выполнил эту историческую задачу в условиях, когда личные и государственные амбиции, революционный

романтизм, традиционный консерватизм и многие другие «взрывоопасные» компоненты препятствовали прогрессу и порождали общеевропейскую нестабильность. «Может быть, даже и кончина его есть счастливейшее событие в его жизни, — писал о Кавуре известный русский публицист М. П. Погодин, — может быть, он умер в лучшую минуту, за коей следовал упадок сил и ослабление способностей, истощение; может быть, его задача кончилась, и дело требует других рук, новых сил и иных приемов»[158]. Вряд ли Погодин прав: на тот момент Италия более чем когда бы то ни было нуждалась в Кавуре. Несмотря на то что к моменту смерти Кавура Итальянское королевство стало реальностью, многие проблемы были еще не решены. На повестке дня стояли правовое оформление нового государства, создание его экономики, формирование управленческого аппарата, обеспечение общественного спокойствия, налаживание международных связей… Для решения этих задач требовались люди масштаба покойного премьер-министра.

Его смерть лишила страну сильнейшей опоры. Оттого и проистекала растерянность, охватившая не только сторонников Кавура, но и многих его политических противников.

Впоследствии враги Кавура, стремясь присвоить себе заслуги в деле объединения Италии, принизили историческую роль этого человека. К очернению Кавура, правда, уже после его смерти, приложили руку и русские революционные демократы. Люди его склада, отвергающие методы революционного переустройства общества, их не устраивали, были им не по душе. Добролюбов в своих статьях «Из Турина» и «Жизнь и смерть графа Камилло ди Кавура» подверг объединителя Италии язвительно-иронической критике. Статьи эти, по сути дела, были направлены против либерализма, прежде всего русского, идеи которого все более и более завладевали умами русской разночинной среды. Сам Кавур не имел возможности сказать что-либо в свое оправдание, подвести политические итоги своего служения. За него это сделали другие, стяжав себе победные лавры. Преуспел в этом деле и Гарибальди, выставив несправедливые оценки своему политическому союзнику и оппоненту…

В этом смысле куда больше повезло современнику Кавура прусскому князю Отто фон Бисмарку. Его политическая карьера была на взлете как раз тогда, когда Кавура не стало. В 1862 году Бисмарк был назначен первым министром в правительстве, и именно в тот момент у него появилась реальная возможность взяться за подготовку объединения немецких княжеств в единое государство.

Отто фон Бисмарк-Шёнхаузен (1815–1898) — одна из

наиболее значительных политических фигур XIX века. Его называют творцом европейской истории. Европейский мир шестидесятых — девяностых годов XIX века испытывал постоянное воздействие выдвигаемых им политических идей, явных и тайных планов, коллизий и интриг. Инициированные им процессы, направленные на решение немецких национальных задач, вызвали к жизни перемены, далеко выходящие за пределы границ собственно германских княжеств, затрагивая интересы сопредельных государств.

Бисмарку посвящено множество книг и исследований. Библиографический справочник Гертеля и Борна, изданный в ФРГ в 1966 году, включает в себя 6138 названий монографий, исследований и статей в периодической печати, так или иначе посвященных жизни и творческому наследию Отто фон Бисмарка.

Пожалуй, нет такого города в современной Германии, где бы память о нем не была увековечена. На определенном историческом этапе его культ царил в стране, а его заслуги перед государством возводились на национальный пьедестал.

Он оказался одним из тех счастливцев, кто появился в нужный час в нужном месте. Ему благоприятствовало все: не только расположение звезд, но и земные, в том числе политические обстоятельства, которыми он не мог не воспользоваться. К тому же от природы он был одарен незаурядным умом, редкостным темпераментом и неординарными свойствами характера. Опыт жизни и служения Бисмарка ценен примером неукротимости человеческого духа, невероятной целеустремленности. Девизом его были слова: «Сгорю служа Отечеству». Его университетская юность овеяна романтикой особого свойства: попойки, охота, танцы, кутежи, которые часто заканчивались дуэлями. Из двадцати семи затеянных им дуэлей любая могла закончиться трагически, однако удача всегда сопутствовала ему. Необузданный нрав, строптивость и нетерпимость к посредственности, постоянные конфликты с начальством не помешали карьере. Бисмарк, как и в юные годы Горчаков, слыл не только «шалуном», но и личностью, удивлявшей других своей способностью к самообразованию. Наряду с буйством и юношеским азартом в нем уживались жажда познания, стремление к цельной, деятельной жизни. Многое из своего интеллектуального багажа он почерпнул не в университетских аудиториях, где ему не хватало усидчивости, но благодаря интенсивной самостоятельной работе. Это позволило Бисмарку обогнать в своем развитии сверстников, сделало независимым в суждениях.

Архитектор и строитель Германской империи — Второго

рейха — Бисмарк вписал немало ярких страниц в историю немецкой государственности, а также в дипломатическую летопись Европы. Некоторые из современных исследователей даже ставят его имя в одном ряду с именами величайших деятелей различных эпох, такими, как Петр Великий, Наполеон I, Черчилль[159]. Другие, в том числе Г. Киссинджер, сравнивают его лишь с дипломатами XIX века, такими, как Талейран, Меттерних…

Историческое значение личности, как известно, определяется отнюдь не набором индивидуальных качеств, но своеобразием и масштабом задач, которые ставит перед ней современность. Невозможно, к примеру, предугадать, как Талейран сумел бы справиться с проблемами, какие время поставило перед Бисмарком. К тому же, в отличие от Талейрана, известного своей продажностью, Бисмарк был неподкупен, безупречно честен во всем, что касалось его личной жизни и служения. Несопоставимость исторических условий, индивидуальных черт характера, наконец, личных судеб делает некорректными попытки ставить в один ряд имена деятелей разных эпох и тем более соизмерять масштаб их деяний и заслуг. К оценке заслуг выдающихся людей своего времени был бы вполне применим современный метод системного анализа, позволивший бы, в частности, яснее понять, в какой мере судьба вознесенных на пьедестал политических деятелей находится в одной плоскости с судьбами тех, кто оттеснен на обочину истории, и насколько она предопределялась национально-государственными задачами.

Многолетнее пребывание Бисмарка на политическом Олимпе Европы многим его современникам казалось противоречащим нормальной логике и здравому смыслу. Открытость и прямота, свойственные его публичным выступлениям, резкость и азарт, с которыми он вступал в дискуссии, хладнокровие и неожиданные проявления темперамента в критические моменты, театральность и, напротив, откровенные проявления чувств магически действовали не только на обывателей, но и на сильных мира сего. Именно эта парадоксальность его черт, а также редкая удачливость вызывали и вызывают по сей день интерес к этой притягательной личности.

Бисмарк был зорким, умным, но отнюдь не мудрым человеком. Зачастую хитро продуманные комбинации загоняли в тупик его самого, и выходить из этого тупика доводилось с большим трудом и иногда только благодаря нелепым ошибкам оппонентов. Его мемуары позволяют лучше узнать и понять этого человека, мыслящего и изворотливого политика, всецело одержимого главной целью — объединить разрозненные

германские княжества под скипетром прусского короля. В этом смысле он оказался исправным последователем Наполеона III, взяв на вооружение обоснованный французским императором «принцип национальностей» и возведя его в абсолют, так что дело дошло до унижения национального суверенитета и достоинства других государств, в том числе и самой Франции.

Далеко не все философские суждения, предсказания и предвидения Бисмарка выдержали испытание временем. Многое из того, о чем он писал в своем итоговом труде «Мысли и воспоминания», проникнуто идеями, «окрашенными национальным чувством», приверженностью к монархическому абсолютизму. Книга показывает, насколько автору недостает исторического масштаба, обнаруживает определенную узость взглядов политика, исходившего в своей деятельности по объединению Германии из руководящей роли Пруссии. Ясно и то, что Бисмарк настаивал на необходимости для Германии поддерживать с Россией если не союзнические, то по крайней мере дружественные отношения лишь потому, что иначе невозможно было избежать войны на два фронта. И тем не менее сделанное им оставило значительный след в истории Германии и Европы в целом. Трагично то, что завещанное Бисмарком не послужило уроком поколениям, пришедшим ему на смену. Потомки в лице Гитлера и К° не вняли его предостережениям… В силу этих и других причин политическое наследие Бисмарка сыграло свою роль лишь на определенном этапе национальной истории Германии, что и предопределяет особое отношение к нему современных немцев…

Последовательная борьба с парламентаризмом, немецкой социал-демократией, наконец, с оппозиционной политической публицистикой не принесли лавров Бисмарку ни при жизни, ни тем более впоследствии. «Никогда я не сомневался в том, что ключ к германской политике находится в руках государей и династий, а не у публицистики — в парламенте и прессе — и не у баррикады». Его рассуждения об отношении к конституционным нормам, парламентским методам государственного устройства ныне не могут не вызвать удивления: «…я и теперь еще считаю всеобщее избирательное право — не только в теории, но и на практике — справедливым принципом, если только будет устранена тайна голосования, тем более что она носит такой характер, который противоречит лучшим свойствам германской крови. Влияния и зависимость, сопутствующие практической жизни людей, — Богом данные реальности, игнорировать которые мы не можем и не должны. Отказываясь распространять их на политическую жизнь и кладя в основу последней веру в тайный

разум всех, упираешься в противоречие между государственным правом и реальностями человеческой жизни. Практически это противоречие ведет к трениям, в конце концов — к взрывам; теоретически оно разрешимо лишь в пути социал-демократических сумасбродств. Их успех основывается на том факте, что разум широких масс достаточно туп и не развит, и поэтому риторике ловких и честолюбивых вождей, опирающихся на собственную алчность масс, удается завлечь их в свои сети»[160].

В решении внутренних проблем хозяйственно-экономического обустройства немецкого государства, по мнению биографов и исследователей, Бисмарку не удалось особенно преуспеть. Многое из предпринимавшегося им не приживалось или шло вразрез с реальной жизнью. Однако все эти неудачи меркли, отступали на задний план, когда дело касалось внешнеполитической линии, проводившейся канцлером Бисмарком.

Существенное место в государственно-политической деятельности Бисмарка занимали отношения с Россией. Ее особенности, масштабы, ресурсы Бисмарку удалось познать в пору, когда он служил прусским посланником в Петербурге (1859–1861). Более того, Россия стала как бы частью его судьбы. Успешное начало дипломатической деятельности, а также многолетняя привязанность к замужней русской женщине вносили личный оттенок в его отношение к таинственному северному соседу. Возникавшие международные проблемы и необходимость их разрешения требовали прямых сношений с Петербургом. Противоречивые, окрашенные личным чувством суждения Бисмарка о России, размышления о ее народном и государственном менталитете, извлеченные им уроки вошли в его книгу «Мысли и воспоминания». В ней немало интересного: бытовые зарисовки, малоизвестные факты, жизненные наблюдения, а наряду с этим размышления о судьбах политических деятелей, о природе внутрироссийских конфликтов, стремление заглянуть в политическое будущее Российской империи. Особое место отведено борьбе идей, разногласиям в подходах к тому, что предопределяло сосуществование России и немецких государств. Немало страниц автор уделяет личности своего русского коллеги — князя Горчакова.

Судьбы Горчакова и Бисмарка существенно отличаются от судеб других государственных деятелей их времени. Общение этих двух политиков длилось не одно десятилетие.

Огромная жизненная удача и для того, и для другого

состояла в том, что их властители, Вильгельм I и Александр II, оценивали собственные дипломатические способности весьма умеренно, находили в себе мужество признавать умственное превосходство других. Их умение «ценить способности больше, чем послушание своих советников» (Бисмарк) делало обоих редкостным исключением среди своих предшественников и преемников.

Бисмарк и Горчаков — две равновеликие индивидуальности, решавшие разные по сути национальные задачи. Расхождения государственно-политических интересов, которые принимали порой диаметрально противоположный характер, осложняли их личные отношения.

Имеется немало оснований предполагать, что Бисмарк вполне мог встречаться или по крайней мере наблюдать Горчакова гораздо раньше своего приезда в Санкт-Петербург, в частности, в период интенсивной политико-дипломатической деятельности российского посланника в Европе в период кризиса (1848–1849). Прямых свидетельств этому предположению найти пока не удалось. Достоверно известно лишь то, что Горчаков был аккредитован посланником при Германском союзе, а Бисмарк в это же время был депутатом парламента этого союза.

Вполне идиллический период общения двух дипломатов приходится на время служения Бисмарка в Санкт-Петербурге. Разница в возрасте (шестидесятилетний Горчаков был старше Бисмарка на семнадцать лет) и в опыте, безусловно, имела при этом немалое значение. Уже тогда, попав под обаяние личности Горчакова, Бисмарк с «прямодушием дворянина» делился с ним своими мечтами и планами, которые могли бы показаться фантазиями, если бы идея объединения немецких княжеств в единое национальное государство давно не витала в воздухе, поскольку Германский союз в своем тогдашнем виде уже не мог отвечать запросам времени. Именно тогда, во время этих бесед, умудренный опытом министр иностранных дел России сумел разглядеть в начинающем дипломате Бисмарке будущего великого политика. Общение этих двух людей в тот период во многом предопределило их взаимоотношения на долгие годы. Источником сведений об этих взаимоотношениях являются письма Бисмарка к Горчакову, а также его упоминавшиеся мемуары «Мысли и воспоминания». Именно на них опираются историки, поскольку других документальных свидетельств нет. Одни интерпретируют многолетнее сотрудничество двух политиков как противоборство двух самолюбий — чуть ли не состязание спортсменов, другие видят противостояние гения и посредственности. Истина, вероятно, где-то посередине.

Сохранилась, судя по всему, лишь часть личных писем Бисмарка к Горчакову, относящихся к периоду с 1860 по 1876 год. Их содержание, однако, позволяет представить атмосферу, в какой жили и сотрудничали два политика.

«Верьте, что я имею благодарную память и что в меру моих сил я и за границей докажу те чувства привязанности, какие воодушевляют меня, помимо всех политических связей, лично по отношению к Его Императорскому Величеству и его любезному министру» (1862).

«Отнеситесь, глубокочтимый друг, снисходительно к этой доверительной форме моего письма, которое я пишу Вам в условиях — физически очень неблагоприятных. Меня зовут к королю, и я должен кончать: но если бы даже я и использовал остающиеся пустыми три страницы для выражения чувств, которые связывают меня лично с Вами, я все же не мог бы сказать ничего иного, как то, что я во всякое время с искреннейшим почитанием и благодарной памятью о Петербурге остаюсь всем сердцем Вам преданным» (Берлин, 19 ноября 1862 г.).

«Среди тех лишений, каким подвергает меня состояние моего здоровья, то, что не мог пожать Вам руку при Вашем приезде, было одним из наиболее чувствительных. В моей жизни мне приходилось завязывать много официальных отношений, но отношения с Вами, дорогой мой князь, единственные, которые мне по сердцу продолжать и после прекращения официальных сношений, и мой отдых перед смертью, если Господь даст нам его, я был бы счастлив провести с Вами в качестве соседа по деревне. Простите мне это излияние немецкой сентиментальности, ибо оно искренно. Вы — единственный государственный деятель в Европе, с которым я мог бы снова вспомнить о двадцати годах деловых отношений без примеси горечи. Не всегда была общность интересов, но всегда прямодушие дворянина и благожелательность. Лишь после того, как я сам достиг положения министра, переобремененного делами, я в полной мере научился ценить всю ту доброту, всю ту снисходительность, какие Вы проявили по отношению ко мне в Петербурге, а среди моих недостатков нет неблагодарности» (Варцин, 20 ноября 1872 г.)[161]

Комплиментарный тон, преобладающий в этих письмах, послужил поводом для некоторых исследователей считать, что лесть является ключом, найденным Бисмарком к душе Горчакова, и что именно благодаря ей немецкому канцлеру удавалось усыплять бдительность своего многолетнего партнера по международным делам. С этим можно было бы согласиться, если не принимать во внимание объективный ход политических

событий. На него нельзя воздействовать только с помощью удачного манипулирования словами, он определяется совпадением или, напротив, столкновением национально-государственных интересов сторон.

До последнего времени ничего не было известно об ответных письмах Горчакова Бисмарку, однако недавно Фонд Бисмарка любезно передал автору настоящей книги более ста страниц документов канцлера, среди которых — два письма российского министра. Остальные, по-видимому, не сохранились, но даже те, что теперь стали нам доступны, свидетельствуют о взаимности, которой Горчаков отвечал на лесть Бисмарка.

Вероятно, только теперь появилась возможность опубликовать рядом письма двух политиков, написанные с интервалом в три дня.

Бисмарк — Горчакову. Берлин, 27 марта 1865 г.

«Глубокочтимый друг!

Не бойтесь, что под прикрытием частного письма я произведу политическое на Вас покушение; письмо имеет только тот смысл, что я слишком большую придаю цену Вашей дружбе и Вашему мнению о моем политическом такте, чтобы таким путем не исправить недоразумения, возникшего путем официальной информации после того, как Вы так запугали Редерна[162], что он не посмел бы это сделать.

Убри[163] прочел мне письмо, согласно которому Вы считаете, что я, хотя и конфиденциально, хотел вмешаться во внутренние русские дела. Эта предпосылка ошибочна, — я очень жалею, что информация Убри могла дать возможность ее возникновению, и я почел бы урок, даваемый мне Вашим письмом, заслуженным, если бы факт, который Вы осуждаете, имел место. Вспоминая о доверии, которым Вы меня дарили в Петербурге, я сносился с Убри почти как с земляком и не сомневался, что его сообщения, подобно тем, которые я писал из Петербурга, прежде всего будут иметь своей целью доброе согласие обоих кабинетов. В этом направлении я беседовал с господином фон Убри также и о внутренних прусских делах и, между прочим, о следующем: здешние духовные лица писали мне, призывая меня ходатайствовать перед Его Императорским Величеством за некую категорию российских подданных; я отклонил это, как вещь невозможную с точки зрения международного права. После этого мне заявили, что меня об этом публично будут интерпеллировать в ландтаге. Я настоятельно рекомендовал этого не делать, разъяснил, что подобный шаг только повредит делу, оскорбит русское национальное чувство и с моей стороны вызовет лишь ответ, что королевскому правительству не присвоены ни задача,

ни право вмешиваться во внутренние российские дела. Духовные лица ответили мне, что доводы человеческого разума не должны решать там, где речь идет о верности Богу, и что, кроме того, если они будут молчать (будут «немыми собаками», как они, говоря языком Библии, выразились), вопрос этот будет поднят их единоверцами на evangelical alliance в английском парламенте. Хотя я и надеялся уговорить молчать тех из них, которые являются политическими друзьями правительства, все же остается опасение, что иные среди них не так-то легко откажутся от благоприятного случая риторического выступления. Искушение к тому у моих политических противников тем сильнее, что все, что сказано было бы в ландтаге против России, было бы направлено одновременно своим острием против меня, ибо я с полным основанием считаюсь сторонником дружественных отношений с Россией.

Помешать по возможности внесению интерпелляции было в моих интересах; смогу ли я это сделать, я не знаю еще сейчас. При этом положении дел я спрашивал себя, что будет более соответствовать моим дружеским отношениям с Убри: поставить его в известность о том, что мне предстоит, или же промолчать, предоставив ему узнать об этой интерпелляции, когда она последует, лишь из прений в палате. Я считал первое более правильным и более соответствующим нашим дружеским отношениям; и хотя Убри и сейчас еще того мнения, что я был в этом прав, я убедился в обратном, — что я ошибся, и в будущем я в подобных случаях буду молчать и предоставлять свершиться тому, чего я не в состоянии изменить. Я бы и этого письма не написал, если бы мне не было важно, возражая Вам, констатировать, что я ничего не сказал господину фон Убри такого, что, хотя бы в самой отдаленной степени, было бы похоже на попытку заступничества за российских подданных. Прошу Вас верить, что я столь же проникнут недопустимостью подобного шага, как и Вы сами; если бы я все же попытался его сделать, то не в отношении Убри, а доверил бы выполнение заслужившему Вашу похвалу такту Редерна. Во время беседы я имел много раз случай повторить Убри, что я не предпринимаю никаких дипломатических демаршей ни официально, ни конфиденциально, что я не предлагал ему их делать, что я рассказываю ему просто вещи, которые происходят или произойдут скоро в Пруссии, и о шагах, какие собираются в Пруссии предпринять против меня и которые я пытаюсь предотвратить, не будучи уверен в успехе. Меня в высшей степени поразило, что Убри мог сообщать об этой беседе, что Вы сочли себя вправе написать то письмо, которое Убри, по Вашему

поручению, прочел мне. При всем благожелательном отношении лично к Убри, я не могу отрицать, что мое доверие к объективности его информации пошатнулось, что я принужден проявлять значительно большую сдержанность в моих беседах с ним. Мои отношения к Вам во время моего пребывания в Петербурге, столь радостные для меня и столь полезные для взаимоотношений обоих правительств, не могут уже более служить мне примером для моих отношений к Убри.

Я повторяю снова, что я не делал никакой попытки вмешательства и что господин фон Убри не вправе был представить мои сообщения о фактах, которые имеют место здесь и по отношению к которым я доказал свой дружественный образ мыслей, в таком виде, как Вы их поняли.

Ваша справедливость и Ваша дружба дают мне смелость надеяться, что Вы соблаговолите использовать содержание этих строк, о которых я сообщал только Его Величеству королю, чтобы противодействовать у Его Императорского Величества тем впечатлениям, которые мне особенно тягостны, ибо меня воодушевляют не только чувства благодарной привязанности и почитания к личности, но и полнейшего уважения к правам Вашего высокого монарха.

Насколько мне это важно, Вы усмотрите из длины этого письма, которое прошу читать без нетерпенья; заканчиваю я его уверениями искреннейшей дружбы и высокого почтения.

Ваш фон Бисмарк».[164]

Горчаков — Бисмарку. Санкт-Петербург, 30 марта 1865 г.

«Дражайший и почтенный друг!

В соответствии с положением, которое Вы соблаговолили выразить, я положил Ваше письмо на стол так, чтобы оно бросилось в глаза Императору.

Позвольте мне остановиться в тот момент, когда Вы принимаете на себя столь серьезные и многочисленные обязанности, на одном личном вопросе, на новом доказательстве того значения, которое мы оба придаем поддержанию близких личных отношений, столь счастливо существующих между нашими государями.

Со своей стороны, я был этим искренне тронут, хотя в этом отношении не заметил ни малейшего темного пятнышка на горизонте.

Мой августейший повелитель ни единого мгновения не сомневался в Ваших наилучших намерениях касательно Пруссии. Его Величеству известно, сколь велико то доверие, коим Вас дарит Король и которое является залогом нерушимой сохранности отношений, полезных нашим обеим странам и

действенных в деле поддержания всеобщего мира, которого мы оба столь сильно жаждем.

Если мое письмо, касающееся весьма деликатного предмета и написанное под влиянием той откровенности, которую Вы мне всегда позволяли в наших отношениях и которую при любом случае я требовал и от Вас, невольно раздосадовало Вас, то я должен приписать это скорее слишком живому личному проявлению национального чувства, чем тому значению, которое придал этому барон Убри в своих сугубо личных объяснениях non virces. Suum cuique — будьте беспристрастны — возложите на меня большую долю ответственности вместо того, чтобы обижаться на Убри, который, смею Вас заверить, чрезвычайно добросовестен в своих отчетах, но проникнут в той же степени, что и я сам, ценностью существования близких личных отношений между нашими двумя Кабинетами и той могущественной поддержки, которую Вы лично столь удачно оказываете.

Вы бы нас искренне огорчили, более того, Вы свершили бы несправедливость, если бы в предположении, которое, повторяю, не согласуется с действительными поступками, Вы внесли какой-либо новый оттенок в Ваши нынешние отношения с министром Императора.

Я бы искренне пожалел об этом вначале потому, что невольно сам этому бы способствовал, затем потому, что это могло бы нанести ущерб тем интересам, которые столь дороги нам обоим.

Соблаговолите, мой дражайший друг, признать, что эти слова не имеют под собой основания, что это лишь эхо тех обсуждений, которые мы с Вами вели, когда я имел счастье принимать Вас в моем кабинете.

Ваш Горчаков».

Эти два документа позволяют составить представление о стилевых особенностях взаимного общения дипломатов. Пронизывающая их комплиментарность и утонченная предупредительность отвечали духу времени, манерам, наконец, установившимся нормам. В этом искусстве Горчаков и Бисмарк ни в чем не уступали друг другу.

Что же касается предмета переписки — поводом к нему послужила весьма бестактная и бесцеремонная, на взгляд российской стороны, попытка вмешательства Бисмарка в российские внутренние дела. Вдохновленный наметившимся сближением Пруссии и России в ходе преодоления польского кризиса, испытывая головокружение от недавней успешной военной акции, прусский канцлер попытался выступить в защиту привилегий прибалтийских немцев. Реакция российского

императора не заставила себя ждать…

В дальнейшем Бисмарк не однажды опровергнет самого себя и лишит всякого повода тех, кто столь легковесно трактовал отношения двух политиков, упрекая Горчакова в излишней податливости по отношению к своему немецкому коллеге. Достаточно обратиться к другому источнику — книге мемуаров Бисмарка «Мысли и воспоминания»:

«Горчаков старался тогда доказать своему императору, что моя преданность ему и мои симпатии к России неискренни или же только «платоничны»; он старался поколебать его доверие ко мне, что со временем ему и удалось».

«В России личные чувства императора Александра II, не только его дружеское расположение к своему дяде, но и антипатия к Франции, служили нам известной гарантией, значение которой могло быть подорвано французистым тщеславием князя Горчакова и его соперничеством со мной».

«Он хотел сохранить возможность уверять в будущем русское «общество», что он не виновен в русских уступках: недостойный эгоизм за счет своей страны»[165].

Перед вдумчивым исследователем Бисмарк предстает в различных ипостасях. Он действительно был далеко не однозначен и как человек, и как политик, и он действительно был разным в разные периоды своей жизни и европейской истории. Он очень изменился, когда был свергнут с пьедестала, отстранен от дел и посвятил себя единственному занятию — написанию мемуаров. Теперь трудно определить, что было в жизни этого человека истинно, что ложно, где правда, а где профессиональное лицемерие, мистификации или уловки. Что предопределяло линию его поведения в тех или иных конкретных обстоятельствах: тайные замыслы, холодный расчет или самозабвенное увлечение политической идеей? Остается только гадать.

Не из ревности к политическим успехам Бисмарка и не по причине неуемного тщеславия или желания произвести эффект, как об этом писал оказавшийся не у дел немецкий канцлер, Горчаков не был склонен внимать доводам своего коллеги. У российского министра не было оснований слепо двигаться в фарватере немецкой политики.

Горчаков и Бисмарк представляют собой два разных полюса в межгосударственной политике XIX века. Один — политик-«голубь», другой — «ястреб». «Ястреб» Бисмарк утверждал: «Великие вопросы времени решаются не речами и парламентскими резолюциями, а железом и кровью». Для создания единого немецкого государства Бисмарку пришлось затеять кровопролитные войны с Данией, Австрией, Францией…

«Нет никакого сомнения в том, что я причинил страдания очень и очень многим. Если бы не я, не было бы трех больших войн, не погибли бы восемьдесят тысяч человек и их сейчас не оплакивали бы родители, братья, сестры и вдовы»[166] — так оценивал некоторые итоги своей государственно-политической деятельности Бисмарк.

«Голубь» Горчаков исповедовал другие взгляды: «Нет таких расходящихся интересов, которые нельзя было бы примирить, ревностно и упорно работая над этим делом в духе справедливости и умеренности»[167]. Горчакову удавалось локализовать разгоравшиеся войны, не давая им разрастаться до континентального масштаба, когда вспыхивали кризисы — польский, датский, австрийский, итальянский, критский… Он умел удерживать Россию в стороне от острых конфликтов, оберегая ее от, казалось бы, неизбежного военного вовлечения в европейские проблемы, на протяжении более двадцати лет. В отличие от Бисмарка Горчаков сумел мирным путем вернуть своему государству прежнее положение великой европейской державы. Апогеем его политики стал 1875 год, когда веское слово России остановило возможность повторного вторжения войск Германской империи во Францию…

Шестидесятые — середина девяностых годов XIX века — это время изнуряющей борьбы, интриг, противостояний, время, когда распадались старые и возникали новые союзы, когда необходимо было предвидеть развитие событий и просчитывать каждый шаг. И Бисмарк, и Горчаков преследовали собственные политические цели, стремясь обратить друг друга в свою веру. Удержать в орбите немецкого влияния Россию было для Бисмарка важнейшей целью на протяжении его политической карьеры. Положение Германии после объединения казалось Бисмарку особенно шатким. Существовал риск возникновения антигерманских коалиций. По его мнению, «у всех без исключения континентальных соседей имеются тайные или официально известные желания, которые могут быть выполнены только путем войны»[168]. Молодому немецкому государству, пусть даже оно стало называться империей, была необходима внешняя точка опоры, и в этом смысле Бисмарк возлагал надежды именно на Россию, связанную с Германией прочными династическими узами. Горчаков, хорошо представлявший себе агрессивность политического поведения Бисмарка, не мог не задаваться вопросом: против кого намечаемый союз в конечном счете рано или поздно будет направлен? Не окажется ли Россия втянутой в войну против ее воли? В подобных обстоятельствах такая опасность возрастала, становилась вполне реальной.

Горчаков-министр иначе, нежели Бисмарк, смотрел на условия равновесия сил в Европе. У него имелось собственное представление о внешнеполитических целях и задачах российского государства, которое исключало зависимость от корыстных планов других держав. Союзнические обязательства Россия старалась на себя брать только тогда и в том случае, если это отвечало ее коренным интересам. Наконец, Горчаков был наделен даром политического предвидения. Как показало развитие исторического процесса, многое из того, чем был так обеспокоен российский канцлер, подтвердилось последующим ходом событий, произошедших уже после его отставки и ухода из жизни.

* * *

Перед нами примечательный документ — служебная записка министра Горчакова императору Александру II, где в лаконичной форме представлен отчет о внешнеполитической деятельности кабинета за одиннадцать лет его царствования, с 1856 по 1867 год. Документ этот был вызван к жизни весьма сложными и драматическими событиями, последовавшими вслед за покушением Каракозова на Александра II. Время это было отмечено резким обострением внутриполитической обстановки: оппозиционные силы использовали момент для реванша, в первую очередь стремясь оттеснить от императора реформаторов. Нападкам подвергались все без исключения члены правительства. Одна за другой следовали отставки. Небывалого размаха достигла деятельность нового выдвиженца — графа П. А. Шувалова, возглавившего III Отделение. Серьезная угроза возможной отставки нависла и над Горчаковым. По столице поползли компрометирующие князя слухи. Его служебная деятельность — как и его личная жизнь — оказалась объектом пристального внимания. В околодворцовых кругах все активнее говорили о некоторых расхождениях во взглядах Горчакова с императором. «Независимый либерал» был не по душе многим из тех, кто, используя момент, рвался к власти. Уже подбирались и кандидатуры на его место из числа тех, кто был особенно близок к Александру II.

Именно в этих условиях, сохраняя достоинство, не поддаваясь на провокации, Горчаков и пишет свою служебную записку. Этот убедительный документ произвел, судя по всему, глубокое впечатление на императора. После его прочтения на сопроводительном письме рукою Александра II была начертана весьма красноречивая резолюция: «Все это совершенно верно и справедливо. Мне остается лишь пожелать, чтобы Господь даровал Вам необходимые силы долгого времени Вашего столь полезного служения, которое никто не оценивает выше, чем я»[169].

На шестнадцати страницах без пафоса, скрупулезно и деловито проведен анализ политической линии, проводившейся Россией на международной арене, подробно освещена ее роль в системе межгосударственных отношений. Из этого документа становятся понятными обстоятельства, в силу которых внешняя политика российского государства следовала заданному курсу. В известном смысле этот документ заменяет собой сотни страниц

пространных мемуаров. В нем содержатся ответы на многие вопросы, в частности, почему именно так, а не иначе Россия строила свои отношения с другими странами. Записка дает возможность систематизировать основные направления внешней политики Российской империи, а именно:

преодоление политической изоляции, противодействие возможным враждебным коалициям, обеспечение баланса внешнеполитических интересов на основе установления партнерских отношений, невмешательства во внутренние дела государств;

создание благоприятных внешних условий для реформирования государства;

минимизация риска вовлечения России в войну;

«расшатывание» доступными политическими средствами устоев Парижского соглашения, готовность использовать меняющуюся политическую обстановку с целью упразднения его наиболее неприемлемых статей;

поддержка национально-государственных образований на Балканах, покровительство и политическая защита прав христианских народов Западной Азии и Восточной Европы от подавления их национально-славянской самобытности и насильственной исламизации;

установление прочных границ на Дальнем Востоке и в Средней Азии, обеспечивающих безопасность и защиту экономических интересов России.

Разумеется, речь идет о главных направлениях. На деле же Россия проводила политику открытости. Медленно, но верно обеспечивались связи и отношения на Востоке — с Японией, Индией, Китаем, Персией.

Горчаков внимательно следил за дипломатической миссией генерала Путятина в Китае, где усилиями российской дипломатии дружественные отношения с великим азиатским соседом были закреплены Тянзинским трактатом (1858) и Агунским договором о границе (1858). В инструкции консулу России в Хакодате (Япония) Горчаков писал: «Мы желаем единственно упрочнения и распространения нашей торговли с Японией. Всякие другие виды, всякая мысль о вмешательстве во внутренние дела чужды нашей политике. Старайтесь убедить в том японское правительство и наблюдайте, чтобы неприязненные внушения не дали ему превратного понятия о наших намерениях»[170].

Горчаков-министр развернул большую политико-дипломатическую работу по усилению позиций и хозяйственно-экономическому обустройству Русской православной церкви в

Палестине, куда устремились сотни и тысячи россиян-паломников и где их ожидали приют и гостеприимство священников-земляков[171].

Не ослаблялось внимание Горчакова и к окраинным государствам Европы — Италии[172] и Испании[173], а также к странам Южной Америки. Состоялось официальное признание государственной независимости Мексики, Бразилии, Аргентины и Венесуэлы, с которыми затем были установлены дипломатические отношения и куда министр Горчаков направил первые российские консульские миссии[174]. И все же стратегические задачи внешней политики России, проводимой российским министром, были целиком подчинены важнейшей цели: устранить те причины отставания России, которые были выявлены в ходе Крымской войны.

«Одни являлись следствием нашего географического положения… Другие возникли вследствие отставания внутреннего развития империи от ее стремительного внешнего развития. Отсюда низкая относительная плотность населения, разбросанного на огромных пространствах, невысокий уровень производительности и, как следствие, малый бюджет, несообразный огромным расходам, которые несут сегодня цивилизованные государства и бремя которых довлеет над нами того сильнее вследствие протяженности наших границ. Необходим был ряд реформ, направленных на оживление сельского хозяйства, промышленности и торговли, банковского ссудного дела, образования, путей сообщения»[175].

Вопрос в упрощенной форме ставился так: либо Россия, сильно отставшая в политическом и технико-экономическом отношении от развитых государств, будет и далее следовать прежней бесперспективной линии, либо найдет в себе силы для преодоления этого разрыва. «Отставание внутреннего развития империи от ее стремительного внешнего развития» исключало возможность ставить вопрос о проведении в международных делах политики прежнего уровня и масштаба. Кроме всего прочего, экономически неразвитые, плохо связанные между собой и центром, мало защищенные от внешних угроз земли обширнейшей Российской империи нуждались в эффективном освоении.

Уместно остановиться на причинах, побудивших российскую власть принять решение о продаже территории Аляски. Звучащие до сей поры попытки обвинить Александра II и его приближенных в корысти, в желании погреть руки на сделке носят голословный характер[176]. Суждения подобного рода, особенно распространяемые в современный период, выглядят весьма

двусмысленно на фоне той разрухи и запустения, которую представляют теперь территории российского Севера, откуда в срочном порядке приходится вывозить остатки населения.

Между тем решение о продаже Русской Америки вынашивалось на протяжении более десятка лет начиная с 1856 года. При этом весьма тщательно взвешивались все «за» и «против». Созданная здесь компания (РАК) не проявила себя способной управлять территорией, обеспечивать законность и нормальную хозяйственную деятельность. В годы, пока решался вопрос о будущем Аляски, с обеих сторон, с российской и американской, имелось немало взаимоисключающих точек зрения. Целесообразность сделки наталкивалась на противодействия разноречивого свойства. Верх брала точка зрения, в соответствии с которой данная часть земли ни для США, ни для России не представляет никакой ценности. Перспективы ее освоения каждой из сторон рисовались весьма призрачно. Общественности трудно было объяснить, кто и кому оказывает услугу в намечающейся сделке. Владельцам Аляска приносила одни убытки. Для потенциальных покупателей перспектив ее освоения в суровых условиях Крайнего Севера не было никаких. Согласие на приобретение этой части суши мотивировалось в том числе и стремлением как-то возместить затраты, понесенные Россией. Рискованные военные переходы в 1863 году двух ее флотов к берегам США с целью оказать солидарную поддержку правительству Авраама Линкольна в войне между Севером и Югом стоили немалых материальных и людских потерь.

Территориальные приобретения России в Средней Азии, а также потребность в первоочередном порядке обустраивать Приамурье, Дальний Восток, Сахалин, Курилы отодвигала для России возможность не только осваивать, но даже контролировать Аляску.

Найденные здесь месторождения золота добавляли сомнений. Обеспечивать законность и порядок в силу удаленности и дефицита средств по тем временам было нереально. Разработка золота диким способом осложняла возможность управлять территориями, а в случае возникновения войны у России здесь не имелось средств противостоять возможному колониальному переделу. Немаловажное значение имел политический аспект сделки. Россия и США находились в обстоятельствах, способствовавших особому расположению друг к другу. И за океаном, и в России происходило много такого, что особенно сближало два государства. Проблемы, вызванные необходимостью преодоления рабовладельческой системы, угроза агрессии со стороны великих держав Европы,

внешнеполитическая изоляция довлели тогда над США. Сходство решаемых проблем сближало политические позиции обеих стран, побуждало к актам солидарности и взаимной поддержки. Несмотря на разделяющие страны огромные расстояния, преодолевать которые было не просто, установился весьма оживленный двусторонний обмен. В критический для Александра II период — после покушения на него Каракозова в 1866 году — в Россию из США прибыла мощная экспедиция поддержки — военно-морская эскадра во главе с заместителем морского министра Фоксом. «16 декабря 1866 г. с участием царя состоялось совещание, на котором присутствовали вел. кн. Константин Николаевич, А. М. Горчаков, М. Х. Рейтерн, морской министр Н. К. Краббе, прибывший из Вашингтона посол России Э. А. Стекль. Все они безоговорочно высказались за продажу российских владений США. В пользу такого шага были выдвинуты следующие основные доводы:

1. Убыточность компании (РАК) и невозможность правительственной поддержки ввиду тяжелого финансового положения страны.

2. Невозможность обеспечения защиты колоний в случае войны от неприятельского флота, а в мирное время — от мародеров и иностранных судов, ведущих хищнический рыбный промысел.

3. Ослабление значения колоний в Америке в связи с утверждением России в Приамурье и Приморье.

4. Стремление избежать столкновений с США из-за колоний и продажей их укрепить дружественные отношения между Россией и США»[177].

Из процитированной выше записки становится очевидным, насколько глубоко российский министр иностранных дел видел причины трудностей государства. Многое из того, что прежде, казалось, составляло его силу и обеспечивало преимущества, в реальных исторических условиях делало его весьма незащищенным. «Ввиду протяженности и очертаний своих границ Россия нигде не смогла бы располагать достаточными силами, когда стремилась бы их иметь повсюду, но сама указала бы уязвимые для неприятеля участки, попытавшись сосредоточить их в одном месте», — писал Горчаков. «Сырая, непереваренная масса, Россия слишком тяжеловесна, чтобы легко отзываться на каждое проявление политического инстинкта»[178], — вторил ему Бисмарк, наблюдавший в ту пору российскую реальность изнутри. Проявлением одного из таких инстинктов была тенденция к расширению границ империи вне конкретной связи с решением задач освоения и управляемости новых владений. Мыслящим

политикам прежних времен с трудом удавалось противостоять династической традиции, довлевшей над домом Романовых, когда каждый приходящий к власти престолонаследник хотел украсить свое царствование новыми завоеваниями. Горчаков видел другую цель государственной политики: «Достижение такого положения, при котором дух благоразумия и примирения» пропитал бы все слои российского общества. Главная мысль всего документа заключена в двух лаконичных фразах: «Во-первых, оградить Россию от участия во всякого рода внешних осложнениях, которые могли бы частично отвлечь ее силы от собственного внутреннего развития; во-вторых, приложить все усилия к тому, чтобы в это время в Европе не имели места территориальные изменения, изменения равновесия сил или влияния, которые нанесли бы большой ущерб нашим интересам или нашему политическому положению».

Несколько иначе эта мысль формулируется и в другом докладе императору: «Устранить все, что могло бы нарушить работу в области реформы и преобразования; это является главнейшей задачей страны.

Препятствовать, поскольку это зависит от нас и не противоречит нашей основной задаче, чтобы в это время равновесие не было нарушено в ущерб нам»[179].

Опасность «большой крови», непредсказуемых последствий в случае ввязывания России в военные конфликты становилась едва ли не последним аргументом в дискуссиях Горчакова с противостоящей стороной, в том числе и с самим Александром II. По мнению министра, масштаб и сложность внутригосударственных проблем предопределяют и характер внешней политики императорского Министерства иностранных дел.

Добиться успеха в решении этих весьма сложных, противоречащих друг другу задач было не просто. Если оградить Россию от участия во «всякого рода внешних осложнениях» с трудом, но удавалось, то оказывать результативное воздействие на имевший место передел сфер влияния, на изменения в соотношении сил не всегда представлялось возможным.

В резюме Горчаков писал: «В какой области ни возьмись мы строить предположения, будь то Европа или Восток, мы приходим к одному выводу — для своей безопасности, равно и ради своего могущества на внешней арене, и в интересах народов, заботу о которых возложило на нас Провидение, а также в интересах мира и общего равновесия, наипервейший долг России есть *завершение внутренних преобразований, от чего зависит будущее России и всех славянских народов.*

Сие есть основа основ нашей политики».

Мерная и поступательная работа, обеспечивающая внешние условия для реформирования и возрождения России, — вот самая важная работа, по мнению министра. Как бы отвечая оппонентам, игравшим на чувствах императора и подбивавшим его на непредсказуемые военные авантюры, Горчаков завершает доклад словами: «Лихорадочное волнение не к лицу здоровой нации, равно как и лукавое проворство недостойно народа, перед которым открывается будущее — еще более великое, чем его прошлое; 20 лет бездеятельности и застоя — ничто для жизни такого народа, силы его лишь крепнут, в то время как одна политическая ошибка может отбросить его на полвека назад, пусть даже она и не будет чревата непоправимыми последствиями».

Как видим, на деле Горчаков более чем кто-либо из российских политиков своего времени был реалистом, государственным деятелем, отдающим и себе, и другим отчет, в каком положении находилось российское государство.

Два разных, отстоящих на десятилетие друг от друга военно-политических конфликта прямо или косвенно сказались на внешнеполитической стратегии России в целом — это Крымская война, а также международный кризис, вызванный восстанием в Царстве Польском. Эхо тех событий долго давало о себе знать. И то и другое необычайно остро затрагивало политическое самолюбие российской элиты. Сближение или разрыв, союзнические отношения или конфронтация обретали тот или иной смысл и оттенки в зависимости от того, насколько и как внешние обстоятельства вписывались в российскую проблематику.

После подписания Парижского трактата международные позиции России выглядели весьма неопределенно. С назначением Горчакова министром иностранных дел эта сложная ситуация усугубилась, поскольку длительное молчание одного из активных участников процесса межгосударственного общения ставило общественное мнение в тупик. В европейской печати выдвигались разные версии, а у западных кабинетов появились поводы для беспокойства. «Россия обижена. Россия сердится», — писали европейские газеты после конгресса в Париже. Упоминалась при этом фраза Горчакова, произнесенная им во времена севастопольского противостояния: «Хотя российская дипломатия и обречена на молчание, но, будучи нема, не останется глухою»[180]. Не исключалась возможность непредсказуемого поведения России, как это уже не раз бывало раньше. Опасались разрастания Российской империи, и для этого имелись веские

основания: походы российских войск в Европу и на Восток уже привели к существенным геополитическим изменениям. Географическое положение России и ее холодный климат постоянно толкали ее к расширению своей территории за счет более теплых и плодородных земель. Многие столетия перед российским государством стоял вопрос поначалу о доступе к морским коммуникациям, затем — о возможности пользоваться портами незамерзающих морей… Было немало и других причин, в том числе религиозный фактор, имевший немаловажное, а порой и решающее значение.

Условия мира, в первую очередь нейтрализация Черного моря, существенно усилили недовольство России. Дальновидным западным политикам было ясно, что на Парижском конгрессе их прежнему союзнику и избавителю от тирании Наполеона I, по сути, навязали одну из программных целей внешнеполитического курса: стремление изменить позорные и немыслимые для великой державы условия.

Дополнительное опасение вызывал и другой фактор. Политические противники России, добившись ее военного поражения, не могли предвидеть его тяжелых моральных последствий, сказавшихся на внутренней атмосфере, воцарившейся в империи. Унижение, понесенное государством от бывших союзников и друзей, вызвало волну националистических настроений. Печальные уроки Крымской войны послужили желанным поводом для славянофилов развернуть невиданную ранее патриотическую кампанию.

Для того чтобы умерить общественные страсти, поубавить накал обостренных национальных чувств, требовалось время. Кроме того, в связи со сменой императора происходила болезненная смена правящих элит, шло формирование нового состава правительственного кабинета, предпринимались попытки разобраться с прежним политическим наследием, которое олицетворяли остававшиеся на сцене творцы и исполнители прежней политики. Они все еще были сильны и влиятельны и имели поддержку в обществе. И тем не менее постепенно контуры национальной программы Александра II начали проступать: ее главной составляющей становилось внутреннее реформирование российского государства.

Внешнеполитическое молчание России было прервано через четыре месяца после подписания Парижского трактата. К тому времени произошло много событий, в том числе и такие, которые напрямую затрагивали ее интересы и отгораживаться от которых не имело смысла. Возобновление политических контактов становилось насущной потребностью, и Россия постепенно

вернулась к решению межгосударственных проблем, определению своих позиций по международным вопросам. Если воспроизвести хронику политических событий того времени, перед нами предстанет картина непрерывных дипломатических маневров, переговоров, суть которых — преодоление политической изоляции, возвращение России в сообщество наиболее влиятельных государств мира. С самого начала своей деятельности российский министр иностранных дел предложил другим государствам «прийти к согласию и предпринять совместные дипломатические действия в целях примирения, успокоения и гуманности». В своей записке императору Горчаков отмечал: «Мы даже взяли на себя инициативу провозглашения принципа невмешательства и предложили всем державам принять его»[181].

Миротворческие предложения России не были поддержаны, поскольку стратегические цели бывших ее союзников лежали совсем в иной плоскости. Парижский мир инициировал перестройку всей системы межгосударственных отношений. Ансамбль, некогда составленный из стран — участниц Священного союза, разладился. Продержавшаяся с 1815-го до начала пятидесятых годов европейская целостность стала распадаться. Выступления «европейского концерта» отменились сами собой. Не звучали внятно голоса солистов. Претенденты на должность главного дирижера были небесспорны.

Новые проблемы вырастали перед европейскими кабинетами и их лидерами. Задача состояла в том, чтобы наметить стратегию поведения, определить союзников, отмежеваться от противников и, что самое сложное, найти приемлемый подход к осуществлению своей политики.

Шатким оказалось положение Австро-Венгрии — «лоскутной империи», в состав которой входили немцы, славяне, венгры, итальянцы. Для монархии, утратившей своих прежних друзей и союзников, наступал изнурительный период борьбы за целостность империи.

Англия, предпочитая быть над схваткой, придерживалась стратегии и тактики «разделяй и властвуй», в первую очередь отстаивая защиту собственных интересов, сохранение мирового лидерства, расширение колониальных владений.

Османская династия, раздираемая борьбой кланов за власть, оказавшаяся перед лицом нараставшего национально-религиозного неповиновения христианских народов, вела отчаянную борьбу за выживание.

Разделенные народы Апеннинского полуострова, веками связанные общностью культуры, религии, языка, более чем когда-

либо проявляли стремление к национальному единству.

Для Пруссии и германских княжеств задача состояла в том, чтобы найти формулу национально-политического объединения, подобрать «архитектора», способного без жертв и кровопролитий собрать единое немецкое государство.

Для Наполеона III, как уже отмечалось выше, зерно национальной политики было в возрождении прежнего величия Франции, в избавлении страны от последствий, вызванных крахом Наполеона I.

На шахматной доске российской дипломатии оставались все те же фигуры, только их комбинационное расположение приобрело иные очертания. Главная же беда состояла в том, что у России не оставалось средств и достойных возможностей диктовать ходы, перемещать фигуры так, как ей хотелось. Существенно изменился расклад сил, и некоторые игроки стремились не только предложить новое начало, но и вернуться к пересмотру правил игры. Нужно было переосмыслить прежний политический опыт, провести полную инвентаризацию внешнеполитического багажа, с тем чтобы попытаться вывести страну на новые рубежи.

Для изменения политического лица России направленность ее внешней политики имела существенное значение. Вопрос о том, кто после крымского позора мог стать главным союзником России в разделенном европейском сообществе, был ключевым. При кажущемся разнообразии возможных вариантов выбор приходилось делать из весьма ограниченного числа влиятельных европейских государств.

Мотивы, по которым Горчаков не желал отдавать предпочтение Пруссии, лежали на поверхности. И не только потому, что на тот период это было пусть и весьма сильное, но всего лишь одно из двадцати семи немецких государств. В крымском вопросе, несмотря на династические связи и историческую дружбу, Пруссия отказала России в поддержке. К тому же в российских политических сферах бытовало мнение, что пруссаки всегда с особенной неприязнью относились к славянским народам. Еще важнее для российского министра были планы Бисмарка сделать Пруссию объединителем германских княжеств, поскольку реализация их была вполне реальной. Не прошло и двух лет с момента назначения Бисмарка первым министром в прусском правительстве, как начался период агрессивных войн, инициатором которых явилось именно это государство.

Что касается Англии, то об установлении с нею партнерских, а тем более союзнических отношений на тот момент не могло

быть и речи. Намерения России утвердиться на пространствах Балкан и в Средней Азии настраивали политические силы Великобритании на активное противодействие. Противостояние давало о себе знать по многим направлениям. Выступая защитницей притесняемых народов Кавказа, оказывая Польше всяческую поддержку в сопротивлении России, Англия, демонстрируя, увы, привычный для современных политиков двойной стандарт, одновременно с этим вела жесткую колониальную войну в Индии, добиваясь полного контроля над местными племенами. Утвердившаяся на берегах Темзы политическая система, образ мыслей и действий ее правящей элиты претили европейским монархическим дворам. Новое явление политической жизни — конституционный режим Великобритании, который, официально именуясь «английская демократия», отличался бесцеремонным вмешательством во внутренние дела других государств, вызывал устойчивое раздражение в императорской России. Простор, который Англия давала действиям российских политэмигрантов, еще более отдалял возможность конструктивного сотрудничества двух государств.

Горчаков, в противовес точке зрения Нессельроде, решил сойти с проторенного пути, отказаться от того, что было традицией для прежней российской дипломатии. Он выбрал в качестве союзника Францию. На возможность такого союза явно указывало определенное совпадение стратегических и тактических целей. Основные интересы России лежали на Востоке, тогда как Франция направляла свой взор на юг — на Средиземноморье и Африку. Следовательно, таких существенных противоречий, как у России с Англией, между Россией и Францией не существовало. Осложнял их отношения польский вопрос, но выгоды, которые Париж мог получить от союза с Петербургом, позволяли предполагать готовность Франции изменить свои позиции по отношению к Польше.

И та и другая державы были недовольны соглашениями, установившими межгосударственные границы и международные условия существования государств. Если в случае с Россией это был Парижский трактат, то Франция видела ущерб своим интересам в Венском трактате 1815 года, принятом после разгрома Наполеона I. Россия была единственной державой, которая в тот момент могла поддержать Наполеона III в борьбе за вытеснение Австрии из Италии. Ослабление империи Габсбургов было выгодно и России, стремившейся укрепить свои пошатнувшиеся позиции на Балканах. В перспективе Наполеон III мог также рассчитывать на поддержку России в противодействии

немецкому объединению. Ответной услугой, на которую российская дипломатия могла рассчитывать, была отмена нейтрализации Черного моря.

В условиях, когда австро-немецкое влияние в Петербурге было по-прежнему сильным, изменение политического курса не могло проходить безболезненно. Горчакову стоило большого труда пойти наперекор династическим традициям, убедить российского императора на время забыть прежние привязанности. О том, сколь много сил и дипломатического искусства приложил Горчаков к тому, чтобы Франция и Россия после окончания Крымской войны образовали прочный союз и установили взаимодействие, написано немало. И в ту пору, и впоследствии концепция Горчакова подвергалась критике с разных сторон. Его противники всячески пытались доказать нецелесообразность такой политики, что было довольно легко, если иметь в виду достижение немедленных результатов — быстрого решения главной для России проблемы. Во внимание, однако, не принималось самое существенное — отсутствие других реальных альтернатив.

В итоге российскому министру иностранных дел удалось склонить Александра II к русско-французскому союзу. Официальные визиты, тайные контакты, переговоры, встречи, беседы на разных уровнях, секретные соглашения прокладывали дорогу к намеченной цели. Результат был достигнут, и довольно скоро. Между Францией и Австрией произошла локальная война, в ходе которой Австрия потеряла права на значительную часть своих владений в Северной Италии.

Войне предшествовала длительная дипломатическая подготовка, в которой Россия заняла позицию активного нейтралитета.

Политика Министерства иностранных дел Российской империи в итальянском вопросе подробно исследована[182]. Было бы неправильно преувеличивать роль Горчакова в деле итальянского объединения, хотя политическое участие России в этой проблеме было весьма значительным. Приходилось после развала Священного союза выстраивать тесные союзнические отношения с европейскими партнерами на новых основаниях. В этом смысле будущая объединенная Италия могла стать серьезным противовесом Австрии, а усилия Сардинии уже на том этапе вполне совпадали с политическими целями российского правительства. К главной теме примешивалось, однако, немало других весьма болезненных вопросов. Необходимо было, как это случалось не раз в истории, брать под защиту итальянских монархов, то и дело оказывавшихся под ударом народных

восстаний и революций. Судьбы итальянских монархических дворов, связанных династическими узами с европейскими, немало беспокоили российского императора и его окружение. И не в последнюю очередь тревожила судьба неаполитанских Бурбонов, с которыми дом Романовых поддерживал связи, уходящие в далекое прошлое.

Идеи итальянского национального освобождения, к неудовольствию российских правящих кругов, перекликались с целями национальной борьбы поляков за независимость. Более того, существовали прямые связи между польскими повстанцами и итальянскими инсургентами, оказывавшими друг другу не только моральную поддержку. Это обстоятельство налагало известные ограничения на внешнюю политику, проводимую Горчаковым в итальянском вопросе, оставляя не слишком много возможностей для маневра. Тем не менее Россия была заодно с Францией во всем, что касалось вытеснения Австрии с Апеннинского полуострова, а идеи и программа Кавура сближали два столь, казалось бы, разных народа, находившихся на весьма схожих путях национального возрождения. Горчаков внимательно следил за событиями на Апеннинах. Заметим, что после окончания Крымской войны между Турином и Петербургом были немедленно восстановлены дипломатические отношения. На сближение двух стран в первую очередь влияла всеобщая неприязнь к Австрии. Однако прямых интересов на Апеннинском полуострове у России не было. Поддержка российским министром замыслов Кавура была частью многоходовой комбинации, нацеленной на всемерное укрепление союзнических отношений между Францией и Россией. Италия вполне вписывалась в эти планы. В сентябре 1857 года произошла историческая встреча Наполеона III и Александра II, в ходе которой впервые на высшем уровне был затронут вопрос о позиции России в случае франко-сардинского конфликта с Австрией.

Горчаков ясно чувствовал близость кульминации в событиях на Апеннинском полуострове. Достаточно полно представляя себе цели политики Наполеона III, российский министр намеревался разыграть итальянскую карту в своей игре. За поддержку Франции и Сардинии в ее военных устремлениях против Австрии Горчаков видел возможность получить гарантии пересмотра Парижского трактата. В ходе многочисленных дипломатических контактов, которые осуществляли Горчаков и его единомышленники, становилось ясно: Россия может быть полезной Франции во всем, что касалось австро-итальянской проблемы, однако в главном для России деле — в отмене условий нейтрализации Черного моря — Франция решающей роли не

сыграет… По этой причине секретный русско-французский договор, подписанный в марте 1859 года, обязывал Россию всего лишь сохранять дружественный нейтралитет в случае войны Франции и Сардинии с Австрией. Луи Наполеон пытался втянуть Россию в войну или хотя бы склонить ее к разрыву дипломатических отношений с Веной. Горчаков остался непреклонен. «Помощь, которую от нас требовали, — объяснял впоследствии Горчаков, — неизбежно ввергла бы нас в европейский пожар, который революция и общее пробуждение народностей сделали бы вдвойне опасным и который поглотил бы средства, необходимые для проведения наших внутренних реформ, нанеся ущерб стране»[183].

Тем не менее Горчаков приложил немало усилий для того, чтобы удержать германские княжества от войны на стороне Австрии. Ему удалось умело использовать давнее стремление Пруссии к доминированию в Германском союзе. «Если вы, — убеждал Горчаков, — займете решительно позицию, свидетельствующую о вашем намерении считаться лишь с чисто прусскими интересами, вы подчините мелкие государства политике, которая подходит именно вам, и тогда будут искать Германию в Берлине»[184].

К сожалению, Наполеон III не сумел по достоинству оценить стратегические преимущества укрепления союзных отношений с Россией, настаивая на определенных условиях.

Из длительных, в том числе и секретных, дипломатических переговоров с Наполеоном III и его окружением Горчаков вынес убеждение о невозможности добиться на основе союза с Францией пересмотра основных, наиболее уязвимых статей Парижского трактата. В конце 1859 года Горчаков пишет записку, содержащую обзор секретных соглашений, заключенных императорским правительством с Францией, где делает трудный, но принципиально важный вывод: «Договор 1856 года, Парижский трактат, ставший результатом гибельной войны, может быть расторгнут лишь удачной войной или, по меньшей мере, радикальными изменениями современного положения на Востоке»[185].

Ключевым звеном в политической жизни Европы шестидесятых годов XIX стал польский кризис, существенно повлиявший на политический климат, соотношение сил и вызвавший необратимые последствия. Положение России становилось еще более шатким.

Для российской политической элиты потеря Польши казалась немыслимой. Значение придавалось не только и не столько прошлым отношениям двух славянских народов, весьма

болезненным и драматическим, сколько дню сегодняшнему. На фоне крайне неблагоприятных недавних событий (поражение в Крыму), непрекращающейся Кавказской войны, а также в силу внутренней нестабильности, вызванной началом крестьянской реформы, складывалось впечатление, что отказ от Польши мог повлечь распад самого российского государства.

Польский кризис подверг серьезному испытанию механизм государственного управления Российской империи. В ее правящем эшелоне произошел глубокий раскол. Каким путем урегулировать положение в Польше, как остановить вооруженное восстание — вопросы, которые разделили правящие круги.

Сам Горчаков немало колебался между «полонизмом» и «абсолютизмом». Ему, члену Государственного совета, пришлось участвовать в выборе пути разрешения кризиса. Его либеральные воззрения, которым вполне отвечали демократические меры, предлагаемые польской элите великим князем Константином Николаевичем, все более обнаруживали свою бесперспективность. Нараставшее противостояние в отношениях с европейскими партнерами повлекло за собой «дипломатический поход на Россию». Несмотря на то что польские события происходили в пределах международно признанных границ Российской империи, а возникавшие проблемы всецело относились к разряду внутрироссийских, обозначилась опасность внешнего, в том числе и военного, вмешательства.

В истории дипломатических отношений XIX века, судя по всему, нет более яркого примера столь многоплановой и интенсивной политико-дипломатической деятельности государств. Целью этой деятельности было оказать давление на Россию, вынудить ее принять условия, подрывавшие ее суверенитет.

Исключительную по масштабам работу выполнило в ту пору Министерство иностранных дел России. Кризис, тлевший в условиях безуспешных мер «по умиротворению», достиг к 1863 году своего апогея. Жесткие карательные меры, предпринимавшиеся экспедиционным корпусом в ответ на многочисленные террористические акты, подавление гражданского неповиновения вызывали нараставшую обеспокоенность и противодействие в европейских столицах. Горчаков использовал все доступные дипломатическому искусству средства, стремясь извлечь пользу для России не только из явных противоречий, но и из мельчайших различий в позициях государств-оппонентов. Ключевую роль в этом играли Англия и Франция, избравшие курс на создание коалиции европейских государств. Одной из главных ее целей было

навязать России иностранное посредничество, передать рассмотрение польского вопроса на обсуждение общеевропейской конференции… Баланс сил и интересов складывался не в пользу России. По существу, лишь Пруссия оказалась на ее стороне. При этом, разумеется, исходным фактором были далеко идущие политические цели Бисмарка, писавшего впоследствии: «Для германского будущего Пруссии позиция России (по польской проблеме. — *В. Л.)* была вопросом первостепенного значения. Дружественное полякам направление русской политики благоприятствовало бы оживлению русско-французских связей, к развитию которых стремились при случае со времени Парижского мира и даже раньше <…>. Дружественный полякам русско-французский союз… поставил бы тогдашнюю Пруссию в затруднительное положение»[186].

Противоречия в верхах, жесткие столкновения противников и сторонников крайних мер сказывались и на действиях тех, кто представлял центральную власть на местах. Конфликт в Варшаве двух российских полномочных представителей — варшавского наместника генерала Ламберта и генерал-губернатора Герстенцвейга, назначенных императором урегулировать кризис, — привел к тому, что соперники устроили так называемую американскую рулетку. Жребий выпал Герстенцвейгу, и он вынужден был покончить жизнь самоубийством. На другой день, вне себя от горя, покончил с собой и его отец. Последовали отставки, новые назначения, а за ними — наращивание военного присутствия, карательные акции, вплоть до тотального подавления вооруженных выступлений, высылка их участников в Сибирь…

Международную напряженность вокруг Польши, грозившую военным вмешательством в дела России, министру иностранных дел Горчакову удалось свести к дипломатическому турниру, в который оказались втянуты многие европейские страны. Турнир этот затянулся, достигнув своего апогея к 1863 году, когда и вооруженное восстание в Польше, и противостояние государств, вовлеченных в конфликт, приняли наиболее драматический оборот. На ультимативные требования западных держав к России принять предлагаемые ими условия урегулирования Горчаков отвечал дипломатическими демаршами, в которых сила политических аргументов сочеталась с историко-правовым обоснованием избранной Александром II линии поведения. Суть российских возражений излагалась в серии дипломатических посланий, где приводились убедительные доводы, опровергать которые политическим противникам России было довольно трудно.

«С нашей точки зрения, какому бы то ни было преобразованию Царства Польского должно предшествовать восстановление порядка в стране. Достижение этой цели зависит от условия, на которое мы призывали уже внимание правительства Ее Британского Величества и которое не только не выполнено, но даже и не упомянуто в депеше лорда Росселя: «мы говорим о материальном содействии и о поощрениях, которые восстание черпает извне».

Мы не знаем, на основании каких сведений правительство Ее Британского Величества составило себе понятие о положении дел в Польше. Мы должны предположить, что источник их небеспристрастен. И действительно, мы видим, что лорд Россель придает равную силу известиям, сообщенным в «Journal de S.-Peterbourg» на основании данных, состоящих под контролем, и ответственности должностных лиц, установленных правительством, и известиям всякого рода, которые лондонские журналы заимствуют, без разбора и какого-либо ручательства, из наиболее подозрительных публикаций польской революционной печати.

Если лорд Россель внимательно следит за произведениями печати, преданной интересам польского восстания, то он должен знать, что мятежники не требуют ни амнистии, ни автономии, ни более или менее широкого представительства. Даже безусловная независимость Царства Польского была бы для них не более как ступенью для достижения дальнейшей… цели их стремлений. Цель их — владычество над провинциями, в которых огромное большинство населения русское… словом, распространение пределов Польши до двух морей, после чего они неминуемо потребовали бы себе тех провинций, которые принадлежат другим, соседним державам.

Что же касается мысли о конференции из восьми держав, подписавших Венский трактат, которая занималась бы обсуждением шести пунктов… то мы видим в ней важные неудобства, не будучи в состоянии в то же время извлечь какую-либо пользу.

Если меры, о которых идет речь, достаточны, то они не имели бы цели, если же меры эти долженствовали бы сделаться предметом дальнейших обсуждений, то это повело бы к прямому вмешательству в… домашние подробности администрации, к вмешательству, которого не могла допустить ни одна великая держава и которого Англия, конечно, не потерпела бы.

Польские выходцы, пользуясь своим общественным положением, организовали там (в Париже. — *В. Л.)* обширный заговор, поставивший себе задачею, с одной стороны, вводить в

заблуждение общественное мнение Франции системою беспримерного поношения и клеветы, а с другой — питать беспорядки в Царстве Польском то материальными пособиями, то террором тайного комитета, то, главнейшим образом, распространяя убеждение о деятельном постороннем вмешательстве в пользу самых бессмысленных стремлений восстания.

Это влияние составляет ныне главнейший источник агитации, которая иначе исчезла бы пред действиями закона, пред равнодушием и отвращением масс. В этом надлежит, следовательно, искать нравственную причину, содействующую продолжению бедственного порядка вещей, скорое прекращение которого французское правительство, подобно нам, призывает во имя человеколюбия и мира. Нам приятно думать, что оно не позволит злоупотреблять его именем в интересах революции в России и Европе.

Мы думаем, что французское правительство не менее нас затруднилось бы определить характер, размеры и способ какой бы то ни было сделки, имеющей целью восстановить военное статус-кво, которое очевидно не может существовать между законно установленным правительством… и тайным комитетом, основанным на терроре, действия которого ознаменованы лишь преступлениями и которому служат шайки мятежников, рассыпанных по лесам. Между подобными элементами возможна лишь одна сделка, согласная с требованиями порядка, достоинством Императора и с чувством русского народа и русской армии, а именно покорность мятежников»[187].

«Московские ведомости» так комментировали дипломатические усилия Горчакова:

«Читая эти депеши, русский человек на каждом слове должен воздавать честь и хвалу писавшему их; так в них все зрело обдумано и зрело высказано, так все согласовано с великими интересами, которых князь Горчаков был истолкователем. Решимость отказа является в них столько же выражением чувства и достоинства, сколько и благоразумия. В этом отказе нет ничего похожего на вспышку, нет ничего вызывающего. Этот отказ сам собой вытекает из сущности дела, и его могла бы сделать для нас сама Европа.

Время сомнений и колебаний, если они и были возможны ввиду совершающихся событий, теперь, после ответов князя Горчакова, безвозвратно миновало. Эти ответы, представляя по своей форме истинно художественное произведение русского дипломатического искусства, по своему содержанию составят эпоху во внешней и внутренней политике России. Что было до сих

пор смутного и неясного в недавно занятом нами положении, разом уяснилось и определилось самым удовлетворительным образом для нашего народного чувства и для будущих судеб нашего отечества…»[188]

Восторженные отзывы не могли, однако, скрыть от публицистов тот существенный факт, что в ходе польского кризиса для России произошли все же необратимые изменения стратегического порядка. Значительно более ослабленная в политическом и материальном отношении Россия еще более отдалилась от заветной цели — восстановления своих прав на Черном море. Она утратила одного из важных союзников, на которого едва ли не десятилетие делалась ставка, — Францию. Разработанная Горчаковым дальняя стратегия уступила место стратегии ближней. Поиски решения польского вопроса повлекли за собой попытки создания новых союзнических комбинаций. Покровительство, оказываемое Францией польским повстанцам, разрушило выстраивавшийся Горчаковым союз, вынудило его изменить политические планы. Союз России с Пруссией, рожденный в ходе преодоления польского кризиса, стал неким подобием брака поневоле. Разрушение франко-российского союза развязало Пруссии руки, способствуя целям германского объединения… Горчакову приходилось начинать все сначала, выстраивать новые политические подходы, ведущие к достижению программных целей.

Возвращать Россию на прежние международные позиции, создавать благоприятные внешние условия для ее последовательного реформирования было делом далеко не простым. Требовались мудрость, терпение, осмотрительность. Министерству иностранных дел России и его министру приходилось учитывать и то, что внутри государства находились силы, не считавшиеся с реальностью. «Политические инстинкты» в российском обществе, проявление которых было вызвано обостренным «национальным чувством», проявляли себя в ту пору особенно болезненно. На смену старому генералитету приходили молодые военачальники (которые, по меткому замечанию Бисмарка, «испытывали желание реализовать себя до той поры, пока не наступила старость»[189]), оказывавшие все большее влияние на императора и его окружение. Единственное, чего им не хватало, это боевых заслуг. Их не устраивало разрешение внутренних конфликтов, ведение изнурительной, по сути дела, партизанской войны на Кавказе и в Польше. Это непривлекательное, непрестижное дело не сулило крупномасштабных битв, территориальных приобретений, трофеев, почестей, орденов. Между тем операции на Кавказе и в

Польше отнимали немало сил, и затевать какие-либо другие военные действия было крайне сложно. Но даже в этих условиях российские «ястребы», выбрав момент, пытались сыграть на чувствах императора, предлагая облегченные варианты победоносной войны. Искусное подстрекательство иногда приносило свои плоды.

Таким рискованным и малообдуманным шагом Александра II, предпринятым под воздействием «партии войны», стало предложение Пруссии сообща объявить войну Англии, Франции и Австрии (1864). При этом война замышлялась как возмездие за вмешательство этих стран в польские дела. К счастью для России, как, впрочем, и для Европы, это предложение было Россией отклонено…

Смысл и значение еще одного эпизода и теперь может толковаться по-разному. Поддавшись уговорам морского ведомства, Александр II в 1863 году санкционировал весьма рискованную акцию — скрытый переход двух эскадр российского флота к Атлантическому и Тихоокеанскому побережьям США — страны, охваченной в ту пору Гражданской войной между Севером и Югом. Цель акции сводилась к демонстрации поддержки американского Севера Россией, внутреннее положение которой, не говоря уже о внешнеполитическом, было весьма незавидным. В противовес военному вмешательству в американские дела, со стороны Франции и Англии был предпринят демарш в поддержку правительства А. Линкольна.

Неокрепшая американская государственность в этот период оказалась на грани развала, и определенность позиции императорской России была очень существенна для нее. Россия неоднократно заявляла: «Мы проповедуем умеренность и примирение, но мы признаем в Соединенных Штатах только то правительство, которое находится в Вашингтоне».

Торжественный прием, оказанный российским эскадрам, восторженные отзывы и рапорты и, наконец, благополучное возвращение — все это не могло компенсировать те невероятные издержки, с которыми был сопряжен неподготовленный, выполненный скрытно, без заходов в промежуточные порты переход. Экипажи судов поразила цинга, многим участникам не довелось больше увидеть родные берега.

По замыслу организаторов похода, экспедиция была призвана показать всему миру уверенность России в себе, несмотря на угрозы, звучавшие в ее адрес в связи с польскими событиями. Это был вызов, последствия которого могли оказаться непредсказуемыми. Риск войны на море с флотами Англии и Франции мог обернуться для России новой трагедией, не менее

серьезной, чем Крымская война 1853–1856 годов. К счастью, поход не имел драматических международных последствий. Кораблям удалось избежать соприкосновений с конфликтующими сторонами. Обошлось и без серьезных политических осложнений, а именно такая угроза вызывала серьезное беспокойство. Российский министр иностранных дел Горчаков в своих депешах к посланнику России в США Э. А. Стеклю неоднократно требовал обратить особое внимание на то, чтобы «наши храбрые моряки, сердечно отвечая на оказываемый им прием, воздержались бы от того, чтобы придавать своим речам характер, угрожающий какой бы то ни было державе, и чтобы тем самым не давать повод к предположениям, не входящим в наши намерения и не соответствующим нынешней политике»[190].

Достоинство России как великой державы неоднократно подвергалось испытанию. Возникало немало поводов быть вовлеченными в конфликты, и Горчакову приходилось всячески противодействовать окружению императора, которое проявляло готовность использовать эти поводы. Требовалось высочайшее политическое искусство, чтобы удержать Россию от возможных авантюр, и в этом смысле канцлер оказывался большим государственником, чем сам монарх. Опасность втянуться в широкомасштабную войну возникала слишком часто, поскольку войны на европейском континенте не прекращались: это и Австро-франко-сардинская война (1859), и война Австрии и Пруссии против Дании (1865), и Австро-прусская война (1866), и Австро-итальянская война (1866), и Франко-прусская война (1870–1871). К этому необходимо добавить восстания в Польше (1863–1864) и на Крите (1867–1869).

Дипломатическое маневрирование долгое время оставалось единственным средством в разрешении противоречий, в налаживании взаимоотношений между государствами. Не случайно и цели внешней политики в первые годы царствования Александра II были минимизированы. Обрести уверенный голос Россия смогла лишь к началу семидесятых годов, когда удалось наконец стабилизировать общество, наладить новые экономические отношения, запустить эффективную систему государственного управления. Страна оправилась от потрясений, а монарх начал приходить в себя после покушения Каракозова.

В политической летописи Европы 1870 год — одна из наиболее выразительных страниц. Тогда произошли вызванные Франко-прусской войной события исторического масштаба. Европейское статус-кво претерпело серьезные изменения. На политической карте Европы явственно проступили контуры империи, сколоченной из прежде самостоятельных германских

княжеств прусским канцлером Бисмарком с помощью «железа и крови».

В это время изменилось не просто соотношение сил внутри европейского сообщества. Была существенно поколеблена европейская система координат. Тщательный анализ новой политической реальности сподвигнул Горчакова предпринять решительный демарш с целью денонсации наиболее трудных для России статей Парижского трактата.

Горчакову с самого начала приходилось преодолевать боязнь и сопротивление правящей элиты, развеивать сомнения и колебания императора. При этом российский министр с уверенностью смотрел в будущее, прогнозируя мирное развитие затеянного им дипломатического наступления. «С самого возникновения всего дела князь Горчаков предвидел возможность только войны на бумаге, газетной перебранки и прений в парламентах», — писал его ближайший помощник барон А. Г. Жомини послу России в Лондоне графу Ф. И. Бруннову[191].

От Горчакова требовалось определить не только стратегию, но и тактику в продвижении к намеченной цели. В циркулярной ноте правительствам европейских государств от 31 октября 1870 года Горчаков приводил факты их непоследовательной политики, свидетельства нарушений странами, подписавшими Парижский трактат, его основных положений. Одновременно Россия в лице Горчакова решительно заявляла о своем отказе далее следовать тем статьям соглашения, которые ограничивали ее суверенные права в акватории Черного моря.

13 марта 1871 года в Лондоне после длительных переговоров состоялось подписание соответствующей конвенции. Державы — участницы Парижского договора — отказались от дискриминационных ограничений в отношении свободы судоходства в Черном море и проливах. Было также подтверждено суверенное право России на строительство и содержание здесь военного флота.

Именно после того, как мирными средствами были достигнуты важные политические результаты — практически пересмотрены итоги Крымской войны 1853–1856 годов, — зародились противоречия между МИДом и Военным министерством, между канцлером и военным министром. В этой сфере, сфере мира и войны, тесно соприкасались интересы дипломатического и военного ведомств. Необходимо было, покуда велась подготовка военной реформы и переоснащение армии и флота, избавить Россию от риска быть втянутой в крупные военные конфликты. С другой стороны, внешнеполитические обстоятельства того времени приобретали

иногда до такой степени непредсказуемый характер, что уровень военной готовности становился предметом серьезного беспокойства. Это происходило в условиях, когда военная машина империи, по сути, находилась в разобранном состоянии. Демонтаж старых частей и узлов, перевод на новые рельсы был делом не простым и не скорым. Степень готовности российской армии к ведению полномасштабной войны — вопрос, который постоянно возникал в то время при рассмотрении кризисных ситуаций.

С начала семидесятых годов и далее, когда речь шла о приведении в действие военных сил России, Горчаков все более оказывается в изоляции. Вопреки его упорному сопротивлению, буквально через его голову, было принято решение о начале военных операций в Средней Азии. Наиболее сильным аргументом считался пример колониальных захватов Франции в Африке, Англии — в Индии и Китае. Россия не хотела отставать от великих держав, стремившихся поскорее завершить территориальный раздел мира. Военный министр Милютин, по словам П. А. Зайончковского, «по-прежнему продолжал оставаться сторонником активной политики и преодолевал сопротивление кн. Горчакова. Часто те или иные вопросы, касавшиеся Средней Азии, ставились Милютиным перед Александром II в обход кн. Горчакова. Так, например, вопрос о занятии войсками всего Кокандского ханства был решен Александром II в 1873 году по настоянию Милютина и Кауфмана, об этом было предложено Милютину лишь довести до сведения канцлера»[192].

События 1875 года стали последним аккордом в миротворческой деятельности Горчакова, о чем в учебниках политической истории и поныне пишется по-разному. В политических кругах Европы нарастало ощущение опасности войны, которую, по мнению причастных к политической кухне людей, в превентивном порядке готовил немецкий Генштаб. Целью агрессии при этом вновь становилась Франция, сумевшая в весьма короткие сроки после поражения в Франко-прусской войне 1870–1871 годов восстановить свой экономический потенциал, выплатить наложенные на нее репарации и затем приступить к строительству своих вооруженных сил. Разыгрывались нешуточные политические страсти, накалявшиеся органами печати. Назревавший конфликт, получивший название «военная тревога 1875 года», в конечном счете был разрешен на встрече двух императоров — Александра II и Вильгельма I — в Берлине. Во время встречи состоялся весьма жесткий диалог, в ходе которого от немецкой стороны были получены официальные заверения в отсутствии у Германии агрессивных планов в

отношении Франции…

Картину происходившего весьма путано и гневно попытается воссоздать Бисмарк в своей книге «Мысли и воспоминания». Возлагая всю ответственность на Горчакова, старческому воображению которого якобы пригрезилась опасность новой войны Германии против Франции, автор мемуаров тем не менее всем ходом своих размышлений обосновывает неизбежность немецко-французского противостояния, подтверждает наличие таких планов у немецкого Генштаба. Затрагивая суть данного исторического эпизода, Бисмарк в своих воспоминаниях о многом умалчивает. В том числе оставляет за чертой миссию в Санкт-Петербурге советника Министерства иностранных дел Германии Радовица, чьей целью были зондаж позиции России в случае возникновения военного конфликта с Францией, попытка выдвинуть условия российского нейтралитета.

То, что планы Германии были разрушены российской дипломатией, особенно уязвляло Бисмарка. Не столько суть проблемы, сколько линия поведения Горчакова и данные им публичные комментарии к переговорам вызвали раздражение немецкого канцлера. Выплескивая свой гнев на «французистого» Горчакова, канцлер тем самым признавал провал собственных планов.

* * *

Балканская война (1877–1878) имела глубоко уходящие в историю корни. Защита православных христиан была одной из программных целей Российского императорского дома. На протяжении веков христиане Востока находились под покровительством российских императоров. Россия, связанная со славянскими народами Балкан «единой, истинно православной верой, переданной ей самими апостолами Христа, через греко-византийцев», стремилась откликаться на их беды и нужды, оставаясь на протяжении четырех веков их последней надеждой. Боль православных балканских народов не проходила с тех времен, когда в ходе османских нашествий были захвачены и разрушены христианские святыни Иерусалима, когда пал Константинополь, когда перестала существовать великая Византийская империя, а на ее территории, где оставались христианские общины, насаждался ислам. Насильственная исламизация, ограничения в политических и имущественных правах, нещадная эксплуатация не могли не вызывать религиозные восстания и бунты.

Эти обстоятельства время от времени консолидировали лидеров христиан, побуждая к действиям. В середине XIX века волнения в Сербии и Черногории, в Боснии и Герцеговине, на территории Греции и Болгарии вызвали кровавые карательные акции турок. Было жестоко подавлено восстание греков-христиан на Крите, что вызвало мощный поток иммигрантов в Россию…

Горчаков как никто другой видел, как менялись атмосфера на христианском Востоке и обстановка вокруг него. В конечном счете Западная Азия и Балканы стали пунктами кристаллизации европейских кризисов. Освободительные военные походы предыдущих столетий расширяли границы Российской империи, но одновременно несли за собой беды и разрушения, вызывая ответную реакцию — геноцид, насильственную исламизацию местного населения. По этой причине попытки освободить христиан извне неоднозначно воспринимались местной славянской элитой, вызывали беспокойство, скрытый протест. Политический анализ того, что реально происходит в славянских странах Востока, Горчаков представил задолго до Балканской войны в упоминавшейся записке императору в 1867 году:

«Обратив взор в будущее, нам следует предвидеть, что христиане Востока, будучи предоставлены своей судьбе, не избегут столь мощного на сегодняшний день влияния капитала и материального прогресса Запада. Но, дабы противостоять ему, можем ли мы рассчитывать лишь на признательность христиан и узы веры и расовой принадлежности, связывающие нас? Безусловно, не стоит пренебрегать и этим внутренним порывом, доколе он — наша единственная сила на настоящий момент. Нам следует продолжать нашу миссию защитника христианских народов Востока, практически показывая им, что Россия — их единственный, искренний, постоянный и бескорыстный друг, от века желавший им добра, причем не из каких-либо корыстных расчетов и эгоистических задних мыслей. Однако, чтобы Россия имела в этих краях достойное ее влияние, необходимо подкрепить моральные узы постоянными финансовыми, промышленными и торговыми отношениями, которые неразрывно связали бы судьбы России и этих стран воедино»[193].

Подкреплять моральные узы экономическими России становилось все труднее, почему Горчакову и приходилось, несмотря на давление определенных сил, отодвигать данную проблему в долгий ящик. Радикально взяться за решение восточного вопроса Россия, по мнению ее канцлера, могла лишь «развив свои внутренние силы, какие на сегодняшний день есть единственный реальный источник политического могущества государства»[194].

Бисмарк, не связанный условностями российского императорского двора, мог, в отличие от Горчакова, высказываться по этому поводу гораздо откровеннее:

«Традиционная русская политика, которая основывается отчасти на общности веры, отчасти на узах кровного родства, идея «освободить» от турецкого ига и тем самым привлечь к России румын, болгар, православных, а при случае и католических сербов, под разными наименованиями живущих по обе стороны австро-венгерской границы, не оправдала себя. Нет ничего невозможного в том, что в далеком будущем все эти племена будут насильственно присоединены к русской системе, но что одно только освобождение еще не превратит их в приверженцев русского могущества <…>. Все эти племена охотно принимали русскую помощь для освобождения от турок; однако, став свободными, они не проявляли никакой склонности принять царя в качестве преемника султана. Я не знаю, разделяют ли в Петербурге убеждение, что даже «единственный друг» царя, князь черногорский, а это до некоторой степени извинительно при его отдаленности и изолированности, только до тех пор будет вывешивать русский флаг, пока рассчитывает получить за это эквивалент деньгами или силой»[195].

В ту пору, однако, российское общество испытывало особый патриотический подъем. Вынашиваемые в славянофильской среде идеи всеславянского братства, воплотившиеся в панславистской теории единства и целостности православных народов, нуждались в некоем практическом применении. Многим казалось, что именно теперь условия для их осуществления были как никогда благоприятными. Османская Турция сама давала повод к внешнему вмешательству, приступив к очередному этапу подавления восстаний на славянских землях. Ситуация, сложившаяся в общественных кругах, стала развиваться помимо воли императора. Добровольцы потянулись в Сербию и Черногорию со всех концов России, отовсюду шли пожертвования.

О том, насколько импульсивными были патриотические проявления со стороны «новых русских» той поры и в какой мере власть испытывала растерянность при виде этого выражения национального подъема, свидетельствует в своем дневнике Дмитрий Милютин, рассказывая о визите к императору представителя московских патриотов, некоего А. А. Пороховщикова, «богатого москвича, известного антрепренера, владельца «Славянского базара», а в последнее время самого ретивого воротилу в Славянском комитете. Он приехал в Ливадию с намерением разжалобить об участи Сербии, дошедшей, по его мнению, до последней крайности и близкой к

окончательной гибели. Пороховщиков принадлежит к числу тех личностей, которые расплодились в последнее время под названием «общественных деятелей». Они обыкновенно составляют как бы оппозицию правительственной власти, которую называют «бюрократией», и принимаются за то или другое дело с намерением вести его «силами общества», помимо правительственной администрации. Большей частью это люди, одаренные от природы живым воображением, чувствующие неодолимую потребность деятельности; люди иногда и способные, и образованные, но почти всегда увлекающиеся собственными созданиями воображения и почти всегда многоречивые. Они говорят больше, чем делают»[196].

Людей, подобных Пороховщикову, было тогда в России великое множество. Всюду императора убеждали, что поход против Турции был бы безоговорочно поддержан всеми политическими течениями, нашел бы понимание и в недрах православного народа.

Полемика среди членов императорского кабинета о вступлении России в войну с Османской империей носила драматический характер. Обстоятельства складывались так, что военный конфликт был неизбежен. Обращаясь к опыту прошлого, Горчаков убеждал членов правящего кабинета в необходимости взвесить все обстоятельства, провести глубокий внешнеполитический анализ, чтобы обеспечить консолидированное давление европейских государств на Турцию, мирными средствами вынудить ее принять условия к политическому урегулированию на колониальных территориях.

Восстание христианского населения Сербии и Черногории, подавляемое регулярной турецкой армией, потребовало вмешательства сообщества шести ведущих европейских стран. Попытки уладить проблему путем согласованных дипломатических демаршей, в которых содержались жесткие требования к Турции изменить политику на территориях, где большинство населения составляли православные христиане, результата не дали. Открыть военные действия решилась одна Россия.

Главного полководца, преисполненного решимости, не считаясь ни с чем, двинуться в поход, у Балканской войны не было. О том, как разворачивались события, написано немало. Особенно красноречивы в этом смысле записи, сделанные в ту пору Д. А. Милютиным — военным министром в правительстве Александра II, противником и одновременно пособником этой войны. Милютин открывает далеко не всю правду, однако строки его дневника, написанные с холодной деловитостью, показывают

борьбу разных сил, колебания власти, давление Комитета славянской солидарности, националистической публицистики, а также роль Бисмарка, побуждавшего российский престол «распорядиться Турцией». Обстановка осложнялась разладом в императорской семье. Свою роль сыграло соперничество приближенных к трону, стремившихся, чего бы это ни стоило, отстоять ведомственные интересы.

Война стала возможна в том числе и из-за соперничества министров — членов правящей команды Александра П. Выступая индивидуально каждый против войны, они тут же в той или иной форме доказывали обратное. Особенно непоследовательным в этом отношении был сам военный министр. Стремясь показать масштаб осуществленных преобразований в армии, мобилизационные ресурсы министерства, он тем самым снабжал желанными аргументами «партию войны». С другой стороны, его личные обращения к императору содержали доказательства ее губительных последствий.

Здесь имеет смысл обратиться лишь к некоторым строкам дневника Милютина, написанным в январе-феврале 1877 года:

«2 января. Воскресенье. …Ни одна из пяти держав не намерена взяться за оружие; многие из них только того и хотят, чтобы Россия одна втянулась в неблагодарную борьбу с полуварварским государством; в случае успеха ей не дадут воспользоваться плодами, а между тем она сделается на известное время неспособной вмешиваться в дела Европы. Сегодня сам канцлер наконец решился высказать весьма категорически предположение, что более всех других желает нас ослабить именно та держава, которая считается лучшим нашим другом, — Германия. Давно уже прусские дипломаты и генералы внушают нам необходимость войны с Турцией и стараются уверить нас, что нам следует направить против нее большие силы.

25 января. Вторник. …Настроение нашего канцлера и самого государя делается с каждым днем миролюбивее; в публике также свыкаются с мыслью, что войны не будет. В этом смысле говорил мне и Нигра, итальянский посол, с которым вчера на бале случилось мне иметь довольно любопытный разговор. Он доказывал, что Россия не имеет необходимости вести войну и что хотя никто не помешает ей в случае войны с Турцией, однако ж для самой России не предвидится никакой цели, никакой выгоды даже от самой удачной кампании.

29 января. Суббота. …Канцлер, рассуждая о теперешней политической обстановке, об ожидаемых и предполагаемых ответах на его циркуляр, о переворотах в Константинополе, выводил из всего заключение, что ни в каком случае нам не

следует вести дело к войне… Я отвечал, что, при всем моем желании мирного выхода из настоящего затруднительного положения, я нахожу невозможным вместе с другими государствами спокойно выжидать, чтобы турки сами сделали что-нибудь хорошее для христианского населения. Митхада[197] уже нет; что будет делать преемник его — неизвестно; нельзя же нам на неопределенное время держать армию на военном положении; уже и до сих пор мобилизация нам стоит 70 миллионов. Как же распустить армию, не добившись ничего? Из-за чего мы решились мобилизировать эту армию? Какой же будет благовидный повод, чтобы нам, без ущерба собственному своему достоинству, вложить обнаженный меч?

5 февраля. Суббота. …Кн. Горчаков настаивал, чтобы государь потребовал письменного изложения мнений министров о настоящем положении дел и предстоящем нам образе действий, особенно же от министров финансов и военного. Он говорил, что в его лета слишком тяжело одному нести ответственность в столь серьезную эпоху; вместе с тем требовал, чтобы я предъявил сведения о положении наших военных сил и расходах, как уже произведенных по случаю мобилизации, так и предстоящих в случае войны.

8 февраля. Вторник. …Пред заседанием великий князь Константин Николаевич начал было меня убеждать в необходимости во что бы ни стало устранить войну. В начале совещания и кн. Горчаков, и сам государь заговорили в том же смысле. Однако ж государь пожелал, чтобы я прочел свою записку о военных наших силах, преимущественно в назидание канцлеру. Выслушав мое чтение, кн. Горчаков, видимо озадаченный приведенными в записке громадными цифрами наших сил, сознался, что он не знал, в каком размере мы уже развернули их; он попробовал обратить и эту справку в пользу своего тезиса, сказав, что при таких грозных силах нам нечего опасаться, что уступка с нашей стороны может быть приписана нашей слабости. Затем говорил Рей-терн, разумеется, в том смысле, что Россия окончательно погибнет не только в случае войны, но даже и тогда, если долго еще будем держать армии на военном положении»[198].

«Моральным виновником» войны в конечном счете был наследник престола, будущий Александр III. Он и его славянофильское окружение, ослепленное идеей быстрой и победоносной кампании против, как считалось, вконец ослабевшего противника, немало способствовали ее развязыванию. Между тем, как показало реальное течение боевых действий, русская армия, по меткому замечанию современника,

испытала впечатления человека, «темной ночью налетевшего на стену». Уроки, извлеченные великим князем Александром Александровичем из этой трагической эпопеи, воспитали и многому научили наследника престола, сделав его «царем-миротворцем». В дальнейшем, за все годы своего правления, Александр III не позволил втянуть Россию в какую-либо военную авантюру.

История этой войны имеет свои и славные, и позорные страницы. Достигнутая победа оттеснила на задний план, размыла в историческом сознании поколений ее подлинный смысл и представление о небывало высокой цене, которой она досталась.

Противостояние двух армий было долгим и жестоким. Стороны несли ужасные потери, в том числе и по причине бестолковости военного командования. Наступил, наконец, такой момент, когда и физические силы войск, и моральный дух командиров были окончательно истощены.

Вопрос о выходе из войны и прекращении военных действий уже не просто витал в воздухе, а был поставлен на рассмотрение Военного совета действующей армии. Третья попытка взять штурмом осажденную Плевну окончилась провалом. Тогда настроение подавляющей части членов Генерального штаба выразил сам Александр II. Он заявил: «Надобно признать, что нынешняя кампания нам не удалась». — «Кто знает, — с горячностью возразил Милютин, — в каком положении сами турки! Каковы будут наши досада

и стыд, если мы потом узнаем, что отступили в то время, когда турки сами считали невозможным далее держаться в этом котле, обложенном со всех сторон нашими войсками»[199]. Доводы, изложенные Милютиным, возымели действие. И самое главное, слова его оказались пророческими. После нескольких дней осады турки капитулировали, выбросив белый флаг.

Решительный и искренний порыв Милютина сыграл поворотную роль в исходе всей Балканской кампании. Этот момент стал звездным часом в его судьбе. С тех пор он стал ближайшим к Александру II российским государственным деятелем, оттеснив Горчакова от рычагов управления внешней политикой России.

Война 1877–1878 годов дорого обошлась России, которая потеряла 250 тысяч человек; при этом от пуль и снарядов погибли 50 тысяч, остальные стали жертвами холода и болезней.

Принято считать, что внушительные итоги победоносной войны были сведены к минимуму в ходе последующих дипломатических переговоров, на которых не удалось отстоять

интересы России и христианских народов Балкан. Престарелый канцлер к тому времени был далеко не в лучшей форме. Поначалу его участие в международном конгрессе в Берлине и не предполагалось, однако, когда к немецкой столице стали подтягиваться крупные политические силы, когда стало известно, что туда направился английский премьер лорд Биконсфильд, стало ясно, что Горчакову необходимо участвовать в конгрессе. Об атмосфере, царившей на нем, хорошо известно. Негативные выводы, к которым приходили, описывая его итоги, сводились в том числе к попыткам объяснить их абсолютно внешними моментами: к отсутствию единодушия в российской делегации, частому отсутствию на заседаниях уже хворавшего Горчакова, непоследовательной позиции председательствовавшего на конгрессе Бисмарка. И то и другое действительно оказывало свое влияние, но решающего значения не имело. И тогда, и теперь многие публицисты и исследователи возлагали на Горчакова ответственность за ничтожный для государства-победителя политический итог. Ущемление интересов России, по мнению многих, объяснялось ролью «честного маклера» Бисмарка, который пренебрег прежней дружбой с канцлером Горчаковым, обнаружив на деле свое истинное отношение к России.

В «Мыслях и воспоминаниях» немецкий канцлер пытается воссоздать картину событий, происходивших на конгрессе, соотношение далеко не равных сил, преследовавших несовместимые цели. То, чем руководствовался Бисмарк, сам он определял просто и ясно: «Если Россия овладеет Турцией, ее силы увеличатся почти вдвое и она окажется вдвое сильнее всей остальной Европы вместе взятой».

Вот как пишет о той ситуации Бисмарк в своих мемуарах: «Возмущение России результатами Берлинского конгресса было одним из тех явлений, которые оказывались возможными наперекор истине и разуму в условиях, когда пресса в отношении внешнеполитическом так мало понятна народу, как русская, и когда на нее с такой легкостью производят давление. Влияние, которым пользовался в России Горчаков, подстрекаемый злобой и завистью к своему бывшему коллеге, германскому имперскому канцлеру, и поддерживаемый своими французскими единомышленниками и их французскими свойственниками (Ванновский[200], Обручев[201]), было достаточно сильным, чтобы инсценировать в прессе во главе с «Московскими ведомостями» видимость возмущения ущербом, нанесенным будто бы России на Берлинском конгрессе неверностью Германии. На самом деле на Берлинском конгрессе не было высказано ни одного русского пожелания, принятия которого не добилась бы Германия, иногда

даже путем энергичных шагов перед английским премьер-министром, несмотря на то, что он хворал и лежал в постели. Вместо того чтобы быть за это признательными, нашли соответствующим русской политике продолжать, под руководством пресыщенного жизнью, но все еще болезненно тщеславного князя Горчакова и московских газет, работать над дальнейшим взаимным отчуждением России и Германии»[202].

Однако там же можно прочесть и совсем другое: «При выполнении решений конгресса Россия ожидала и требовала, чтобы на Востоке в переговорах об этом по местным вопросам германские представители в случае разногласий между взглядами русских и представителей других держав всегда были на стороне русских. Правда, по некоторым вопросам суть решения была для нас довольно безразличной; нам важно было лишь честно истолковать постановления и не нарушать наших отношений также и с другими великими державами из-за пристрастного поведения по местным вопросам, которые не затрагивали германских интересов. Резкий и язвительный тон всей русской печати, допущенное цензурой натравливание против нас русских народных настроений заставляло считать благоразумным не терять симпатий тех иностранных держав, кроме России, на которые мы еще могли рассчитывать»[203].

«…Если бы мы упрочению союза с Россией принесли бы в жертву наши отношения со всеми остальными жертвами, то при нашем открытом географическом положении мы оказались бы в опасной зависимости от России в случае резкого проявления Францией и Австрией стремления к реваншу»[204].

Внимательный читатель заметит эту двойственность в трактовке немецкой позиции: с одной стороны, Бисмарк учитывал все без исключения пожелания российской стороны, с другой — как можно было их учитывать, когда имелись и иные расчеты, в том числе интересы дружественных Германии государств. К тому же фактором давления на конгресс якобы выступала русская пресса, что оказывало негативное влияние на настроение участников конгресса.

Балканская эпопея стала частью личной драмы Горчакова, мрачной страницей в политической биографии российского канцлера. И не только по той причине, что ему не удалось отстоять итоги военной кампании России на конгрессе в Берлине. Прежде всего трагедия была в том, что эта война вообще состоялась. Сам факт ее начала противоречил политическим установкам и целям, которыми руководствовался Горчаков на протяжении двух десятилетий. Министру иностранных дел, канцлеру империи в иные сложные периоды удавалось

противостоять «ястребам», готовым втянуть страну в военные авантюры как в самой России, так и за ее пределами. В этом случае, как ни старался Горчаков, приводя самые сильные доводы и аргументы, используя свой политический вес и авторитет, наконец, свое красноречие, к нему не прислушались.

Война не должна была начаться. Даже в случае победного завершения, по мысли Горчакова, она неизбежно должна была обернуться для России провалом, нанеся глубокий урон национальной программе возрождения. Так оно и получилось.

Политические реалии, о которых славянофилы предпочитали не думать, были таковы, что европейское сообщество не могло согласиться с лидирующей ролью России на Босфоре и на Балканах. Великие державы, как это следовало из уроков других европейских войн, не допускали доминирования одного государства в ущерб безопасности и интересам других. Особенно когда дело касалось Российской империи, достигшей к тому времени прежнего могущества. Исход войны для них был предрешен: либо Россия потерпит поражение, либо, одержав победу, ослабленная, останется в изоляции, не способная противопоставить себя ни в военном, ни в политическом отношении сплоченной коалиции европейских государств. По этой причине Берлинский конгресс имел свою внутреннюю логику, возникшую задолго до того, как Балканская война завершилась. Причины шовинистического угара, охватившего русскую прессу, возглавляемую Катковым и Аксаковым и подвергнувшую нападкам и итоги конгресса, и его участников, понять и объяснить можно. Однако эта шумиха не имела ничего общего с реальной межгосударственной политикой, проводить которую в угоду России никто не собирался.

К чести Горчакова, он до конца не изменил своей позиции. И в этом, быть может, заключается его внутренняя, моральная победа — в правоте позиции, в историческом предвидении последствий военного конфликта.

Горчаков всеми средствами стремился найти политический выход из тупикового положения; в котором Россия оказалась во многом по собственной вине. Отказ европейских государств развязывать военную кампанию давал надежду на то, что этот выход будет найден. В инструкции послу России в Турции Н. П. Игнатьеву в пору, когда противоречия, можно сказать, достигли накала, канцлер указывал:

«Если только наш минимум пройдет, это будет крупным результатом, который избавит нас от военной кампании, всегда случайной как политически, так и материально, и в особенности тягостной своим влиянием на наше финансовое положение. Если

можно избегнуть этого, сохраняя незатронутыми честь и достоинства императора, я аплодировал бы этому с восторгом, и наша страна была бы в выигрыше»[205].

И когда конфликт только назревал, и когда он уже был в разгаре, Горчакову и возглавляемому им ведомству удалось многого достичь: во-первых, нейтрализовать возможных противников (Англия); во-вторых, убедить если не в поддержке, то в необходимости сохранять нейтралитет могущественные европейские страны (Франция, Пруссия, Австро-Венгрия); наконец, склонить на свою сторону тех, кто в той или иной мере мог стать и впоследствии стал рядом (Румыния). Короче, удалось сделать все, чтобы расчистить путь, а главное — подготовить общественное мнение внутри страны и за ее пределами.

Горчаков как министр и государственный деятель был и до конца оставался частью системы. Ему пришлось доигрывать партию в заранее проигрышной позиции, и он принял удар на себя. Политические результаты конгресса в Берлине были списаны на возраст и болезни канцлера, которому в то время было 82 года.

* * *

В чем оказались весьма схожи судьбы двух европейских политиков — Горчакова и Бисмарка, — так это в том, что, несмотря на государственный ум и жизненный опыт, ни тот ни другой не готовили себя к тому, чтобы вовремя сойти с политической сцены. Горчакова негласно, Бисмарка со скандалом выставили за порог. Обоим пришлось уйти оттуда, где их, казалось, никто не сможет заменить. Не было торжественных проводов, не звучали праздничные фанфары… Ни тот, ни другой не сумели предвидеть появление новых обстоятельств. Это омрачило итог их служения, их последние дни. Отстранение от дел против воли оказалось для них, быть может, самым болезненным из всех других жизненных испытаний. Упустив момент, они позволили новым энергичным силам вытеснить себя. И тот и другой цеплялись за власть до последнего, хотя и по-разному.

У Горчакова после ухода в отставку не осталось времени и творческих сил для подведения итога прожитой жизни. Бисмарку довелось подвести такой итог. Ниспровержение с политического Олимпа, в конечном счете, пошло ему на пользу. И в этом Божий промысел оказался на его стороне. Несправедливая отставка, отвергаемая Бисмарком, стала началом другого, не менее

значительного этапа в его судьбе. Нерастраченную энергию Бисмарк употребил на то, чтобы оставить после себя книгу — философско-публицистичес-кий обзор времени, событий, своеобразный авторский приговор ушедшей эпохе.

Жизненный просчет многих политиков состоит в недооценке собственного опыта, в небрежении возможностью оставить потомкам сведения о себе и своем времени. Самыми дальновидными оказались те, кто поверял свои мысли, наблюдения и впечатления дневнику. Их свидетельства ценны далеко не всегда и далеко не всегда достоверны, но и они позволяют воссоздать облик ушедшего времени. Благодаря своей книге Бисмарк обеспечил себе историческое преимущество перед многими из своих современников, прежде всего политиков, с которыми ему приходилось иметь дело и которые не нашли в себе сил, а может быть, таланта или просто времени создать что-либо подобное. Добившись славы и признания, и к финалу жизни Бисмарк оказался над схваткой, переиграл своих политических соратников и соперников. Он сумел оставить за собой последнее слово. Мемуары Бисмарка были опубликованы уже после его смерти, оставив возможных оппонентов наедине со своими возражениями или опровержениями.

Книга «Мысли и воспоминания» стала литературным памятником и самому автору. Она написана с большим мастерством и талантом, с той мерой экспрессии, когда читающему трудно усомниться в искренности автора, в подлинности описываемых им событий. Точность в воспроизведении фактов, а также некоторых обстоятельств до мельчайших деталей делает повествование убедительным и достоверным. Расставленные Бисмарком акценты и суждения во многом предопределили подход исследователей к ушедшему времени, к жившим в нем людям. Некоторые его выводы стали политическими клише, заполнившими страницы книг, учебников, научных трактатов, вышедших в последующие десятилетия, поскольку, когда за перо берется крупный государственный деятель, чей авторитет в международной политике непререкаем, неискушенному исследователю трудно усомниться в достоверности фактов, в подлинности трактовки тех или иных событий. Многое из написанного Бисмарком приобрело хрестоматийный смысл, однако серьезные исследователи не всегда соглашались с его оценками, хотя и отдавали дань его публицистическому таланту. Большинство из них не склонны соглашаться и с теми оценками, которые Бисмарк выставил своему многолетнему оппоненту канцлеру Горчакову. Политическая биография российского канцлера, отзывы о его

деятельности и личных достоинствах, оставленные другими современниками, вступают в явное противоречие с тем, что говорится о Горчакове в итоговом труде Бисмарка. Следует заметить, что «Мысли и воспоминания» были написаны в пору, когда Горчакова уже не было в живых, а его российские недоброжелатели глумились над наследием своего предшественника. Сам собой напрашивался вывод: Горчаков оказался тем твердым орешком, который так и не смог раскусить всемогущий канцлер, не сумевший склонить «старого петербургского друга и покровителя» на свою сторону. Поворотным моментом в отношениях двух политиков стали события 1875 года, когда Горчаков решительно противодействовал угрозе новой войны Германии против Франции. Своим демаршем Горчаков лишил Бисмарка возможности осуществить нечто очень значительное для него, остановил на пути к весьма важной цели. Осуществить повторную военную акцию против Франции было возможно лишь при соблюдении Россией нейтралитета, чего Бисмарку так и не удалось добиться. Более того, возникала опасность войны на два фронта, а именно этого всю жизнь опасался немецкий канцлер. В своих мемуарах Бисмарк пытается объяснить конфликт, возникший в двусторонних германо-российских отношениях в семидесятые годы, «недостойным эгоизмом» и «болезненным тщеславием» Горчакова, якобы ревновавшего к политическим успехам коллеги. Однако, если внимательно вчитаться в книгу, начинаешь понимать, что сам автор в ряде эпизодов одержим мстительностью и мелочной злопамятностью. Мемуары немецкого канцлера в этой части не что иное, как попытка свести счеты со своим давним политическим противником. Желчные, недопустимо оскорбительные, повторяющиеся рефреном суждения о Горчакове дают повод судить именно о болезненном состоянии человека, пребывающего в сумерках политического забвения.

«С моей стороны едва ли будет несправедливостью по отношению к князю Горчакову, если я скажу, основываясь на наших с ним отношениях, продолжавшихся несколько десятков лет, что его личное соперничество со мной имело в его глазах большее значение, нежели интересы России: его тщеславие и его зависть по отношению ко мне были сильнее его патриотизма»[206].

Историческая атмосфера того времени, когда были опубликованы мемуары, особенно благоприятствовала автору: возражать ему или опровергать его было некому.

И лишь спустя годы идейное наследие Бисмарка стало

получать более взвешенную, объективную оценку. Стало ясно: далеко не все оставленные в назидание потомкам мудрые и прозорливые суждения Бисмарка выдержали испытание политической практикой. Кое в чем его последователи оказались плохими учениками. В чем-то и сам учитель заблуждался или был не слишком дальновиден. Политическое устройство современной Германии, ее взаимоотношения с соседними государствами далеки от тех прогнозов и рекомендаций, какие выстраивал Бисмарк. Была опровергнута монархическая составляющая его воззрений на управление в Германии, стала очевидна несостоятельность претензий Пруссии на лидерство в германской нации, а главное, кровавый опыт двух мировых войн, затеянных Германией, доказал гибельность силового решения межгосударственных проблем. Трагическая история немецкого народа, как и других народов Европы в XX веке, опровергла очень многие выводы Бисмарка, и сегодняшняя Германия живет иными ценностями.

Князь Александр Михайлович Горчаков совершил серьезную ошибку, слишком поздно расставшись с государственной деятельностью. Политическое долголетие светлейшего князя год от года вызывало все более сильное раздражение, а некоторые неизбежные в его возрасте огрехи непременно становились предметом злых насмешек. Дряхлеющий канцлер подвергался нападкам со стороны более молодых политиков, рвущихся к власти, и даже своих соратников, причем не по существу дела, а только потому, что это был именно он. Одним из его влиятельных противников был временщик Шувалов, своими интригами и коварством принесший немало вреда российскому государству. Другим — посол России в Константинополе Н. П. Игнатьев, не без подстрекательства которого была развязана Балканская война. Впоследствии он напишет в своих мемуарах:

«…коренное различие наших взглядов заключалось в том, что он <Горчаков> верил в Европу, в «европейский концерт», жаждал конференций и конгрессов, предпочитая громкие фразы и блестящие дипломатические беллетристические произведения — настоящему практическому действию, не столь эффектному, но упорному, настойчивому и основательному. Я полагал, что мы должны прежде всего начать строить броненосцы на Черном море и завести флот, а потом уже искать соглашения непосредственного с Турцией»[207].

Именно Шувалов, Игнатьев и им подобные после отхода Горчакова от дел принялись ревизовать его политическое наследие, все то, что два десятилетия служило основой внешней политики России.

Нам остались краткие заметки Горчакова о себе и своей судьбе. Они были надиктованы им в Баден-Бадене за год до смерти — в апреле 1882 года — Михаилу Ивановичу Семевскому, главному редактору журнала «Русская старина», опубликовавшему их в своем журнале под псевдонимом «М-ский». И по объему, и по глубине, и даже по жанру эти несколько страниц несопоставимы с тем, что было создано Бисмарком, но это и понятно: Горчаков в то время был уже серьезно болен. Заметки затрагивают лишь отдельные события и эпизоды, составляющие главные вехи его жизни.

В этих коротких главах, порой всего в несколько строк, без прикрас и пафоса рассказывается о Пушкине и декабристах, о симпатиях к Горчакову Александра I и о нелюбви со стороны Нессельроде, о Венском конгрессе 1854–1855 годов и о том, как происходило его назначение на должность министра. Горчаков затронул такие тонкие сферы внутренней жизни государства, как тайный сыск и перлюстрация, вероисповедание и личная свобода граждан, коснулся ключевых государственных дел: крестьянского вопроса, проблемы Польши, истории Парижского трактата и его роли в европейском политическом противостоянии, событий, вызванных сербско-турецким конфликтом 1876 года, внутри-российских противоречий, предшествовавших Балканской войне 1877–1878 годов, и, наконец, итогов Берлинского конгресса и своей личной роли в нем.

Этими дошедшими до нас откровениями Горчаков как бы довершает собственный портрет. Перед нами вырисовывается образ мудрого, зорко всматривающегося в пройденный путь старца, за плечами которого долгая и богатая событиями жцзнь, жизнь тонкого политика и искушенного царедворца.

Светлейший князь, канцлер Александр Михайлович Горчаков скончался в Баден-Бадене 11 марта 1883 года; похоронен он был в Петербурге, в Свято-Троице-Сергиевой пустыни.

Хотя Горчаков не оставил после себя пространных мемуаров, у потомков имеется возможность достаточно полно и объективно воссоздать его политическую биографию. Из многочисленных документов — докладов, служебных записок императору, дипломатических депеш, свидетельств современников и разбросанных по архивам личных писем проступает образ Горчакова-человека, вырисовывается его кредо дипломата и государственного деятеля. Сухие строчки официальных бумаг, имеющие отношение к его судьбе, содержат детали, штрихи, подробности, которые позволяют говорить о его достоинствах и недостатках. Внимательный исследователь сумеет приоткрыть мир его личности — взгляды, интересы, черты характера. В них —

ключ к пониманию обстоятельств, при которых выстраивалась единственно возможная для Горчакова линия жизни, прокладывался путь его государственного служения.

Посмертная судьба Горчакова, его духовного наследия оказалась весьма драматичной. Яркий прижизненный успех обернулся годами забвения. К сожалению, такова участь и других героев национальной истории России. Заслуженная ими слава терпела крушение в столкновении с амбициями преемников. Политическая элита, приходившая им на смену, торопилась снести на свалку истории опыт своих предшественников, всякий раз стремясь во всех направлениях проложить новую дорогу. По этим причинам наши представления об Александре II, Горчакове и других деятелях той эпохи не отличаются большой глубиной. События и явления того времени, а также их последствия давали немало поводов для возникновения чувства некой исторической обреченности. Исследованием замыслов так называемых революционных демократов, народников, занимались куда больше, нежели попытками осмыслить деяния тех, кто строил российскую государственность. Между тем системный взгляд на реальную политику, ход событий тех лет выявляет главное: в отечественной истории имел место период, когда в государственном управлении возобладала критическая самооценка и усилия власти были направлены на внутреннее развитие страны, когда доминирующими стали национальные ценности. В ту эпоху был осуществлен первый опыт демократических преобразований в России, тогда же был предопределен ее грядущий крах.

Долгие годы история реформаторского периода не исследовалась. Слишком уж многое не согласовывалось с магистральной линией, избранной вождями советской России для своей страны. Однако какие бы революционные эксперименты ни ставились, какие бы новые маршруты ни прокладывались, в конечном счете мы пришли все к тем же реформам, которые осуществлялись во времена царствования Александра II.

Заключение

В судьбах народов и государств бывают такие этапы, когда деяния, казалось бы, забытых героев прошлого неожиданно обретают практическую ценность и служат поводом для глубоких раздумий. Только в постсоветское время появилась возможность воздать должное Александру Михайловичу Горчакову. В 1998 году, в год его 200-летия отечество не только вернуло наконец из небытия его имя, но и воздало дань жизни и служению своего выдающегося Гражданина, сделав это с поистине государственным размахом. Удалось восстановить этапы его жизни, найти дом, где он родился, установить место, где был похоронен. Извлечены из архивов забытые свидетельства, опубликованы многочисленные неизвестные ранее документы. Ученые, политики, дипломаты на представительной научной конференции — Юбилейных чтениях — предприняли первую в российской истории попытку осмыслить суть наследия Горчакова. Материалы конференции были опубликованы в неоднократно упоминавшемся в нашем исследовании сборнике «Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения».

Российская академия наук присвоила имя Горчакова одной из малых планет Солнечной системы. Над местом его захоронения в Свято-Троице-Сергиевой пустыни поставлено надгробие, а в центре Петербурга, близ Дворцовой площади, в Александровском саду, ему воздвигнут памятник рядом с памятниками М. Ю. Лермонтову, М. И. Глинке, Н. В. Гоголю. Тем самым подтверждается принадлежность Горчакова к выдающимся представителям духовной культуры России. Издан ряд книг[208], сняты телевизионные фильмы, открыты мемориальные доски на здании, где во времена Горчакова размещалось Министерство иностранных дел Российской империи, а также на фасаде Дипломатической академии в Москве. Государственный Эрмитаж представил собранную Горчаковым коллекцию западноевропейской живописи[209]. В стенах всемирно известного музея состоялись Горчаковские чтения. На юбилейные торжества приехали проживающие в разных странах мира потомки Горчакова.

И все же то, что сделано нашими современниками в честь Александра Михайловича Горчакова, не только первый подступ к осмыслению его долгого жизненного пути, но и пьедестал к несостоявшемуся памятнику той далекой эпохе, ее подлинным героям и творцам. Почести, воздаваемые Горчакову, оставили несколько в стороне исторические обстоятельства, которые

сложились в России в годы его деятельности на посту министра иностранных дел. Личность последнего российского канцлера, его заслуги обычно рассматривались лишь в контексте международной и межгосударственной проблематики. Между тем истинный смысл служению Горчакова придает именно его участие в реализации масштабной программы внутреннего переустройства и реформирования российского государства.

Современникам необходимо знать: Россия не в первый раз предпринимает трудную попытку встать на путь экономических и демократических преобразований. Талантливым, преданным своему делу людям того времени было нисколько не легче, чем сегодняшним реформаторам России. Имена тех героев несправедливо забыты, опыт их служения не оценен и не востребован. Именно они, несмотря на чинимые препятствия, сумели продвинуть российскую государственность в сторону европейских демократических традиций.

Творивший на рубеже XIX и XX веков историк и философ Сергей Платонов, один из светлейших умов России, писал: «В условиях нарождения всесословных учреждений 1860-х годов кроется начало нашей современности, то есть тот момент, когда для нас кончается история и начинается действительность, мучительно занятая поисками тех форм закономерного участия общества в управлении, которые могли бы удовлетворить и примирить историческую традицию и теоретические порывы к гражданской правде и социальному счастью»[210].

В том времени — бесценные крупицы человеческого опыта, невостребованные идеи, неоцененные подвиги.

Жажда не только создать настоящее, но и возрождать прошлое, освобождая его от ложного и наносного, все настойчивее дает о себе знать в нашей повседневности. Пьедестал к памятнику героев, творцов российской государственности прежних поколений, будет тем прочнее, чем более полное представление составят себе потомки об их жизни и служении.

Основные даты жизни и деятельности князя Александра Михайловича Горчакова [211]

1798, 4 июня — в городе Гапсале Эстляндской губернии у Михаила Алексеевича Горчакова (1768–1831) и Елены Васильевны, урожденной Ферзен (1766–1822), вдовы саксонского посланника барона Остен-Сакена, родился сын Александр.

1811, 30 июля — окончил Петербургскую гимназию.

1817, 9 июня — с золотой медалью окончил Царскосельский лицей.

13 июня — определен на службу в Коллегию иностранных дел с чином титулярного советника.

1819, 12 декабря — камер-юнкер двора Его Императорского Величества.

1820, октябрь — декабрь — состоит в свите императора Александра I на конгрессе Священного союза в Троппау.

1821, январь — май — состоит в свите императора на конгрессе в Лайбахе.

Апрель — награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. *13 июня* — получает чин коллежского асессора.

1822, октябрь — декабрь — состоит в свите императора на конгрессе в Вероне.

2 декабря — награжден орденом Святой Анны 2-й степени; назначен первым секретарем посольства в Лондоне.

1824 — получает отпуск для лечения на немецких курортах. *12 декабря* — становится надворным советником.

1825, сентябрь — вызван в Петербург.

1826, январь — возвращается в Лондон.

1827, 24 июля — назначен первым секретарем посольства в Риме; активно изучает греческий язык.

1828, 17 апреля — назначается советником посольства, однако по болезни не вступает в должность.

3 декабря — камергер двора Его Императорского Величества.

30 декабря — назначен поверенным в делах во Флоренции и Лукке, где изучает итальянский язык, латынь, историю и культуру Италии.

1830, 30 декабря — коллежский советник.

1832 — получает отпуск и уезжает для лечения в Ливорно.

1833, 7 ноября — назначен советником посольства в Вене.

1834, 22 мая — 3 октября — временно управлял делами

посольства.

4 сентября — статский советник.

5 декабря — награжден орденом Станислава 2-й степени со звездой.

1835–1837 — по нескольку месяцев временно управлял делами посольства.

1838, 25 июля — действительный статский советник. Согласно его прошению уволен со службы.

29 июля — венчается с Марией Александровной Мусиной-Пушкиной, урожденной Урусовой; уезжает в имение жены.

1839, 24 августа — в Москве рождение сына Михаила (ум. 1897).

24 октября — вновь определен на службу в Министерство иностранных дел.

1841, 5 декабря — в Петербурге рождение сына Константина (ум. 1905); получает назначение чрезвычайным посланником и полномочным министром в Вюртемберг.

1844, 25 марта — награжден орденом Станислава 1 — й степени.

1846, 1 июля — тайный советник.

1848, 13 марта — награжден орденом Святой Анны 1-й степени.

1850, 29 января — чрезвычайный посланник и полномочный министр при Германском союзе.

1852, 23 января — 9 февраля и 20 мая — 20 сентября — находился во Франции с дипломатическими поручениями.

1853, 6 июня — кончина Марии Александровны Горчаковой в Баден-Бадене.

18 октября — участие в союзном сейме германских государств.

1854, 5 июня — назначен временным управляющим миссией в Вене. С

конца декабря участвует в переговорах представителей воюющих государств.

1855, март — участник конференции посланников воюющих государств.

1 июля — награжден орденом Святого Александра Невского.

1856, 15 апреля — назначен министром иностранных дел. *26 августа* — действительный тайный советник.

1857, 17 апреля — награжден орденом Святого Владимира 1-й степени.

1858, 14 августа — назначен сопровождать Александра II в заграничном путешествии.

30 августа — награжден орденом Андрея Первозванного.

1862, 17 апреля — вице-канцлер.

1867, 13 июня — в ознаменование 50-летия государственной службы, согласно высочайшему рескрипту, назначен канцлером иностранных дел.

1871, 5 января — 1 марта — возглавлял русскую делегацию на международной конференции в Лондоне.

С 1879 года — фактически отошел от дел вследствие болезни.

1881, 14 апреля — награжден портретами императоров Александра II и Александра III с алмазами.

1882, 28 марта — уволен от должности министра иностранных дел, оставшись членом Государственного совета и канцлером. Живет в основном в Ницце.

1883, 11 марта — скончался в Баден-Бадене. Похоронен в Троице-Сергиевой пустыни в Петербурге.

Библиография [212]

Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Российский государственный исторический архив (РГИА). Рукописный отдел Пушкинского Дома (РОПД). Фонд Бисмарка.

Александр **II:** Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.

Андреев А. Р. Последний канцлер Российской империи Александр Михайлович Горчаков: Документальное жизнеописание. М., 1999.

Лсваріщ Б. И. Картинная галерея А. М. Горчакова: Каталог выставки к 200-летию со дня рождения светлейшего князя, государственного канцлера Александра Михайловича Горчакова. 1798–1883. СПб., 1998.

Базаров Н. И. Светлейший князь А. М. Горчаков. Из воспоминаний о нем его духовника // Русский архив. 1896. Кн. 1. С. 328–351.

Барсукова Я. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. Т. 15. СПб., 1901; Т. 16. СПб., 1902.

Бескровный Л. Г. От Сан-Стефано до Берлинского конгресса: К дипломатической истории русско-турецкой войны // Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. М., 1977. С. 138–149.

Бессмертная М. Я. К истории Парижского мира 1856 г. // Красный архив. 1936. Т. 2. С. 10–61.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания: В 3 т. М., 1940–1941.

Блох А. Николай Милютин. Товарищ министра и друг крестьян // Сегодня. 1994. 30 авг. С. 9.

Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. М., 1986.

Ботиков С. Граф Кавур. М., 1861.

Бушуев С. К. К. М. Горчаков. М., 1961.

Валера Х. Письма из России. СПб., 2001.

Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961.

Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. Т. 1. 1849–1894. Детство. Царствования Александра **II** и Александра **III.** М., 1960.

Владимир, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Троице — Сергиева пустынь: Исторический очерк // Владимир, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Жизнь и труды. (К 70-летию со дня рождения). СПб., 1999. С. 168–379.

Всемирная история: В 4 т. Т. 4. Новейшее время. [СПб.: Изд. А. А. Каспари, 1904].

Герасимова Ю. И. Из истории русской печати в период революционной ситуации 1850-х — начала 1860-х гг. М., 1974.

Головнин А. В. Записки для немногих // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 118–141.

Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1978–1980.

Горяинов С. С. Босфор и Дарданеллы: Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С.-Петербургском Архивах. СПб., 1907.

Грот К. Я. Пушкинский лицей: Бумаги 1-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб., 1998.

Дашкова Е. «Ученый нашей семьи»: Как царская тетка боролась за отмену крепостного права // Родина. 1996. № 3. С. 77–81.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Священный союз от

Венского до Берлинского конгресса. 1814–1878: В 2 т. Ростов н/Д., 1995.

Дело петрашевцев: В 3 т. Т. 3. М.; Л., 1951.

Доклады князя А. М. Горчакова Александру II // Красный архив. 1922. Т. 1. С. 20–28.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992.

Долгоруков П. В. Правда о России: В 2 т. Париж, 1861.

Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936.

Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» и «Русское слово» пред судом И. А. Гончарова. Л., 1938.

Емельянов Н. «Отечественные записки» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина (1868–1884). Л., 1986.

Ерусалимский А. С.Франко-германский кризис 1875 г. // Красный архив. 1938. Т. 6. С. 106–149.

Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.

Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870-х годов в России. М., 1972.

Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964.

Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.

Зайончковский Я. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1958.

Зинухов А. Преступная сделка // Совершенно секретно. 2000. № 4. С. 26–27.

И. А. Гончаров в кругу современников: Неизданная переписка. Псков, 1997.

Иванов И. С. А. М. Горчаков. Дипломат служит не тому или иному режиму, а своей родине // Международная жизнь. 1996.

№ 4. С. 3—11.

Игнатьев Н. П. Записки // Исторический вестник. 1914. Т. 135. С. 49–76; 441–462; 805–837.

Из записной книжки архивиста. Лицейские письма Горчакова А. М. 1814–1818 // Красный архив. 1936. Т. 6. С. 175–207.

История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1997.

История дипломатии: В 3 т. Т. 1. М., 1941.

История России в XIX веке. Т. 3–4. СПб.: Изд-во Т-ва бр. А. и И. Гранат и К°, б. г.

История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996.

Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. М., 1998.

Капустина Т. А. Николай Первый // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 27–49.

Кессельбреннер Л. Л. Светлейший князь: К 200-летию со дня рождения А. М. Горчакова. 1798–1883. М., 1998.

Киняпина Н. С. Александр Михайлович Горчаков // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 34–62.

Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974.

Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // Русская старина. 1883. Т. 40. С. 159–180.

Корф М. А. Из дневника // Русская старина. 1904. Т. 118. С. 545–568.

Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966.

Кузнецов О. В. Р. А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998.

Лейкснер О. Наш век: В 2 т. Т. 2. СПб., 1884.

Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики. СПб., 1904.

Лисейцев Д. В. Судья посольского приказа И. Т. Грамотен // Дипломатический вестник. 1999. № 10. С. 67–72.

Лицей. 1996. № 2: Дней Александровых прекрасное начало…; Пушкинский лицей: наставники и питомцы.

Лицейские лекции. (По записям А. М. Горчакова) // Красный архив. 1937. Т. 1. С. 75–206.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1996.

Маркин М. К истории русско-американских отношений во время фажданской войны в США// Красный архив. 1939. Т. 3. С. 97—153.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. М., 1940.

Мещерский В. П. Мои воспоминания: В 2 ч. СПб., 1897.

Милютин Д А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999.

Милютин Д. А. Воспоминания. 1843–1856. М., 2000.

Милютин Д А. Дневник: В 4 т. М., 1947–1950.

Модзалевский Б. Л. К биографии канцлера князя А. М Горчакова. М., 1907.

Московские ведомости. 1863–1871.

Нарочницкая Л. И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах за объединение Германии «сверху». М., 1960.

Нарочницкая Л. И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря 1856–1871 гг. К истории Восточного вопроса. М., 1989.

Неизданный автограф А. С. Пушкина. Князю А. М. Горчакову // Красный архив. 1936. Т. 6. С. 207–209.

Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1955–1956.

Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. 1859–1862. Россия и Европа в начале царствования Александра II. Прага, 1925.

Очерк истории Министерства иностранных дел (1802–1902). СПб., 1902.

Палмер А. Бисмарк. Смоленск, 1998.

Переписка императора Александра II с Великим князем Константином Николаевичем. 1857–1861. Дневник Великого князя Константина Николаевича. 1858–1861. М., 1994.

Пигарев К.Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России //Лит. наследство. 1935. Т. 19–21. С. 177–257.

Писатели-дипломаты; дипломаты-писатели. СПб., 2001.

Письма князя А. И. Барятинского к министру иностранных дел князю А. М. Горчакову // Русский архив. 1889. Т. 2. С. 355–358.

Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову // Красный архив. 1933. Т. 61. С. 3–25.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1910.

Погодин М. П. В память о Кавуре. СПб., 1861.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию. М., 2001.

Представитель внешней политики прошлого царствования: [Некролог]. Исторический вестник. 1883. Т. 12. С. 245–247. [Без автора].

Пуцилло М. Начало дружественных сношений России с Пруссией: Русские великаны на прусской службе (1711–1746) // Русский вестник. 1878. Т. 134. С. 374–400.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 13. М.; Л., 1937.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М., 1956.

Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956.

Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957.

Рогожин Н. А. Л. Ордин-Нащокин//Международная жизнь. 1999. № 8. С. 104–112.

Россия — Венесуэла. 1856–1996: Документы и материалы. М., 1997.

Россия в Святой Земле: Документы и материалы: В 2 т. М., 2000.

Руденская М., Руденская С. Они учились с Пушкиным. Л., 1976.

Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 1. СПб., 1896.

Сборник московского главного архива Министерства иностранных дел. Выпуски 3-й и 4-й. Москва, 1883 // Исторический вестник. 1884. Т. 15. С. 203–204.

Сборник, изданный в память двадцатипятилетия управления Министерством иностранных дел государственного канцлера светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова. 1856–1881. СПб., 1883.

Секиринский С Министр на европейский лад: Лит. автопортрет П. Валуева // Родина. 1994. № 10. С. 22–26.

Селиванов Н. Реформатор Милютин // Сельская жизнь. 1994. 18 января. С. 5.

Серова О. В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. М., 1997.

Сказкин С Д. Дипломатия А.М.Горчакова в последние годы его канцлерства // Международные отношения, политика, дипломатия XVI–XX веков. М., 1964. С. 413–429.

Современные биографические очерки. Вильгельм I. Бисмарк. Наполеон III. Эммануэль. Папа Пий IX. М., 1871.

Сокровища Оружейной палаты. Посольские дары. М., 1996.

Соловьев Я. А. Крестьянское дело в 1856–1859 гг.: Отрывок из записок сенатора, тайного советника//Русская старина. 1880. Т. 27. С. 319–362.

Степанов В. Л. Михаил Христофорович Рейтерн // Отечественная история. 1994. № 6. С. 33–50.

Тарасов Б. Н. Чаадаев. М., 1990.

Тарле Е. В. Крымская война // Тарле Е. В. Собр. соч.: В 12 т. Т. 8–9.

Тарле Е. В. Талейран. М., 1992.

Татищев С С Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890.

Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование: В 2 т. СПб., 1903.

Турилова С Пушкин на дипломатической службе// Международная жизнь. 1999. № 6. С. 24–33.

Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968.

Тютчев Ф. И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Письма. М., 1984.

Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М, 1991.

Феоктистов Е. М. Русская дипломатия в борьбе Греции за независимость // Русский вестник. 1868. Т. 75. С. 190–246.

Фигнер В. Я. Запечатленный труд: Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1964.

Филиппова Т. Карьера Петра Шувалова // Родина. 1994. № 8. С. 51–57.

Форсова В. В. Военная реформа Александра II // Вестник РАН. 1995. Т. 65. С. 826–835.

Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века. Л., 1978.

Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60-70-е годы XIX века). Л., 1972.

335

Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати. 60—70-е годы XIX века. Л., 1989.

Шепелев Л. Е. Чиновный мир России (XVIII — начало XX века). СПб., 1999.

Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1817. Библиографический справочник. СПб., 2002.

Шлыков В. Не ремесло и не искусство // Итоги. 2000. № 27(213). С. 15–18.

Эварницкий Д. И. История запорожских казаков: В 3 т. Т. 2. СПб., 1895.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 41 т. СПб., 1890–1904.

Янов А. Л. Россия против России: Очерки истории русского национализма. 1825–1921. Новосибирск, 1999.

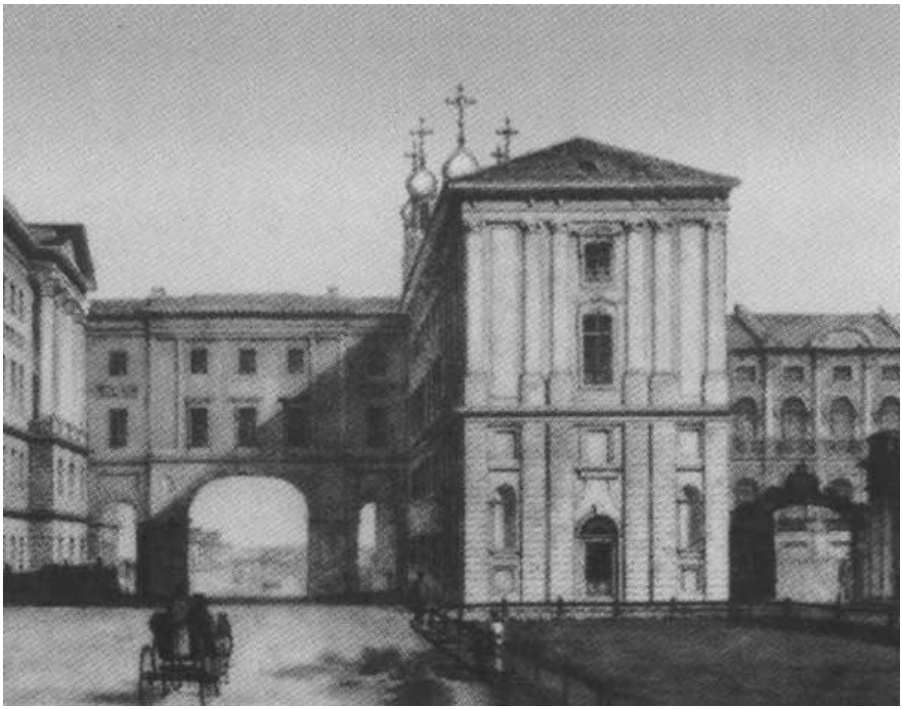
D'Ideville Я. Journal d'un diplomate en Italie: Notes intimes pour servir a l'histoire du Second Empire. Turin, 1859–1862. P., 1872.

Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento. Torino, 1957.

Иллюстрации

Александр Михайлович Горчаков. С портрета работы Г. Ботмана. 1874.

Герб рода Горчаковых.



Царскосельский лицей. А. А. Тон. 1822.

Император Александр I.

Е. Н. Пещурова.

А. Н. Пещуров.

Александр Михайлович Горчаков. Неизвестный художник. 1810-е гг.

Егор Антонович Энгельгардт.

Иван Иванович Пущин. Ф. Верне. 1817.

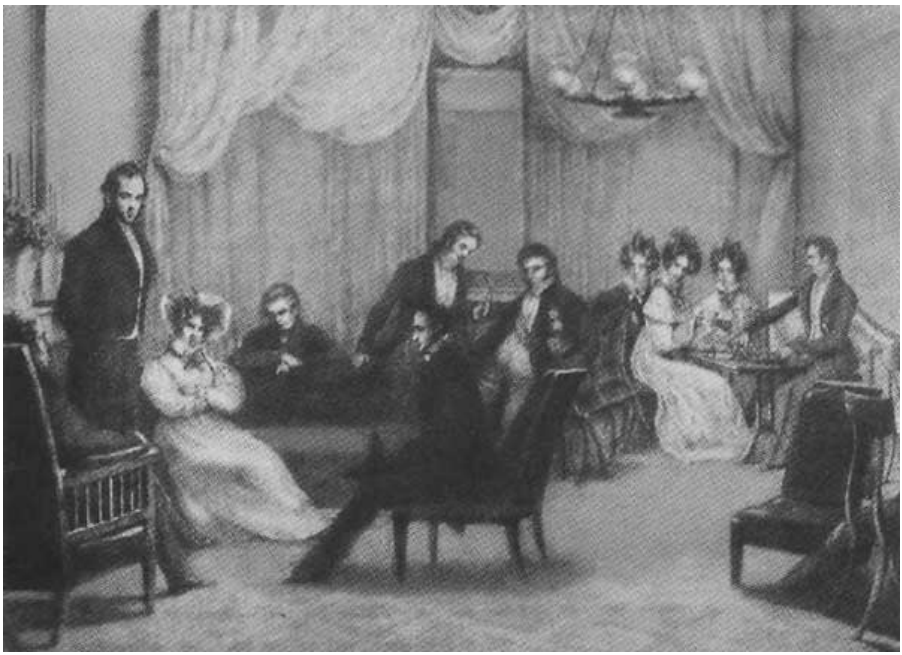
Александр Сергеевич Пушкин.

Император Николай I.

Граф Карл Васильевич Нессельроде.

Граф Иоаннис Каподистрия.

А. М. Горчаков. Х. З. Пфанн. 1860

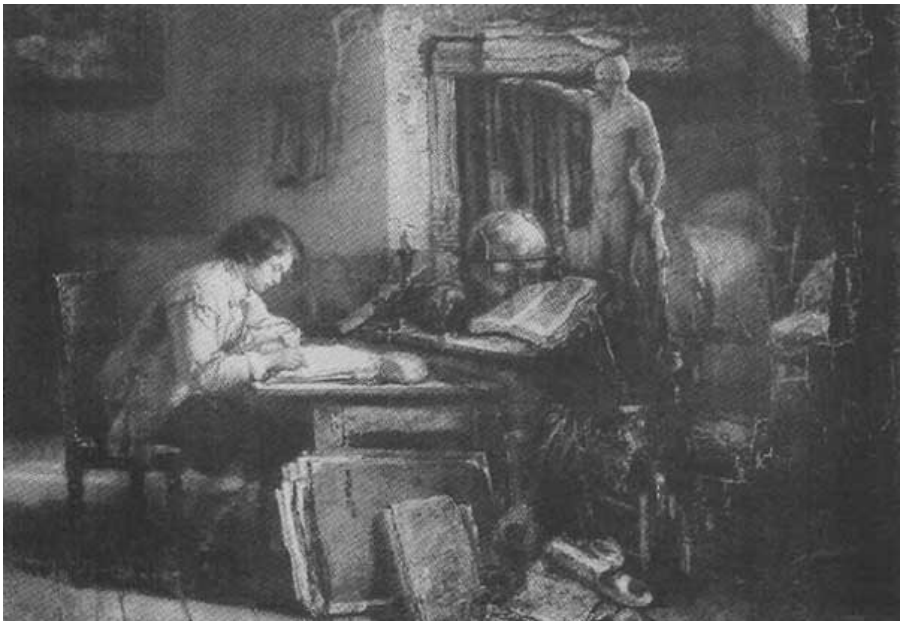


Акварель Марии Александровны Мусиной-Пушкиной.

Из собрания А. М. Горчакова. Проспер Марилья. Улица Эзбекия в Каире. 1833.

Из собрания А. М. Горчакова. Луи Галле. Семья рыбака, 1848.

Из собрания А. М. Горчакова. Эмиль Беранже. Любопытная. 1848.



Из собрания К. А. Горчакова. Пьетро Лонги. Жанровая сцена.

Из собрания А. М. Горчакова. Никез де Кейзер. Портрет великой княгини Ольги Николаевны. 1848.

Из собрания А. М. Горчакова. Никез де Кейзер. Портрет Михаила и Константина Горчаковых. 1848.

Из собрания А. М. Горчакова, Франц Винтерхальтер. Портрет княгини С. А. Радзивилл (урожденной Урусовой, сестры жены Горчакова, фрейлины Николая I). 1864.

Портрет императора Александра II. А. Г. Рокштуль. 1864.

Торжественный въезд Их Императорских Величеств в Москву перед Священным коронованием 17 августа 1856 года. Г. П. Виллевальде.

Великий князь Константин Николаевич.

Великая княгиня Елена Павловна.

Большой Царскосельский дворец. Зубовский флигель. Л.

Премации. 1855.

Император Наполеон III. С литографии Десмезона.

Алексей Федорович Орлов, глава российской делегации на Парижском конгрессе.

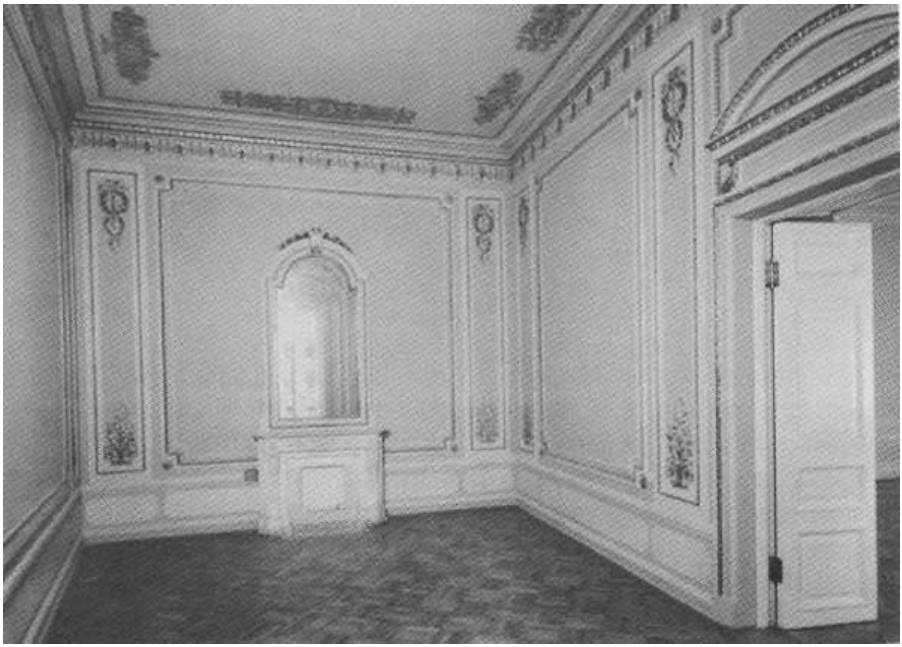
Из собрания А. М. Горчакова. Генрих фон Ангели. Франц Иосиф I, император Австрии и король Венгрии. Подарен императором А. М. Горчакову, по всей видимости, в феврале 1874 года

Перо, которым А. Ф. Орлов подписал Парижский договор.

Князь Меттерних.

Граф Камилло Бенсо Кавур.

Здание Министерства иностранных дел Российской империи в Санкт-Петербурге.



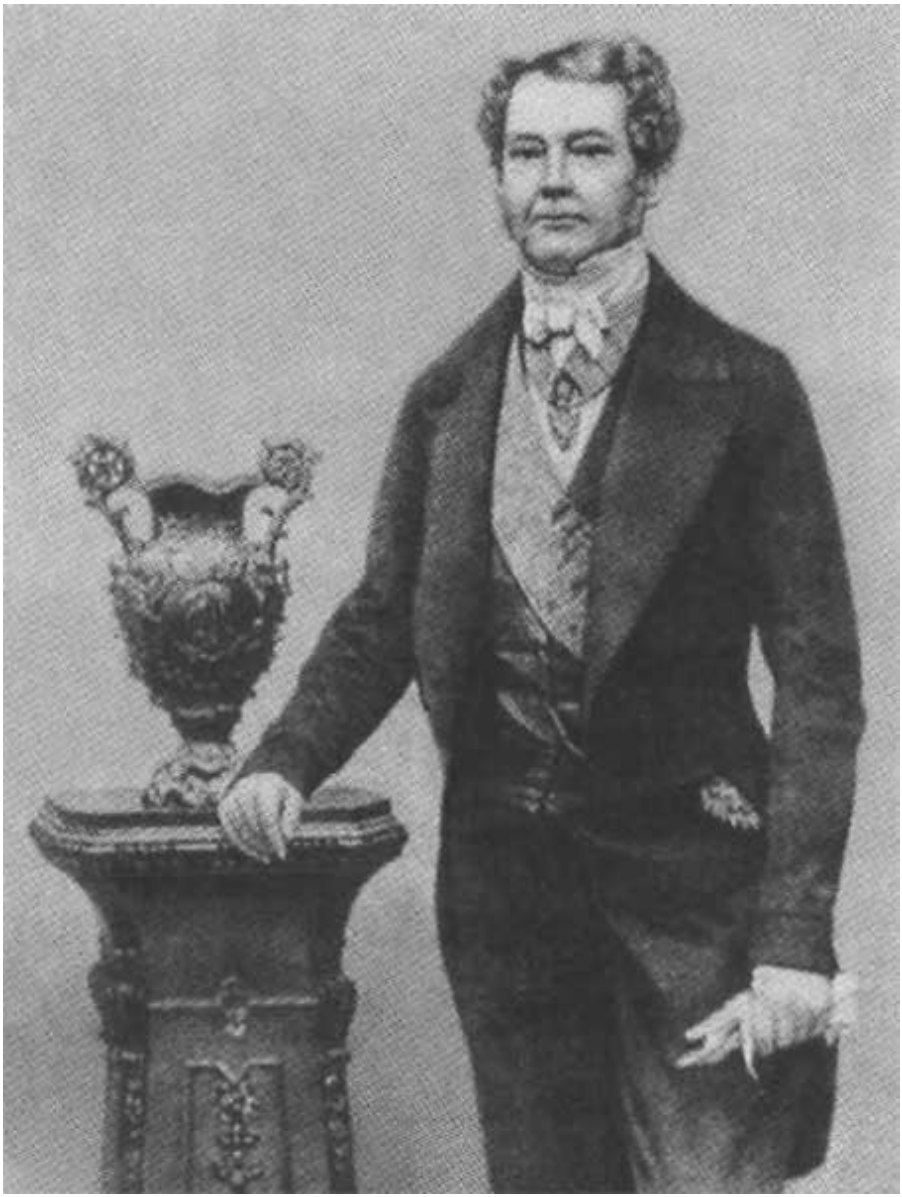
Здесь была приемная министра иностранных дел князя А. М. Горчакова.

Петр Александрович Валуев.

Дмитрий Николаевич Замятнин.

Яков Иванович Ростовцев.

Павел Дмитриевич Киселев.



Сергей Степанович Ланской.

Николай Алексеевич Милютин.

Дмитрий Алексеевич Милютин.

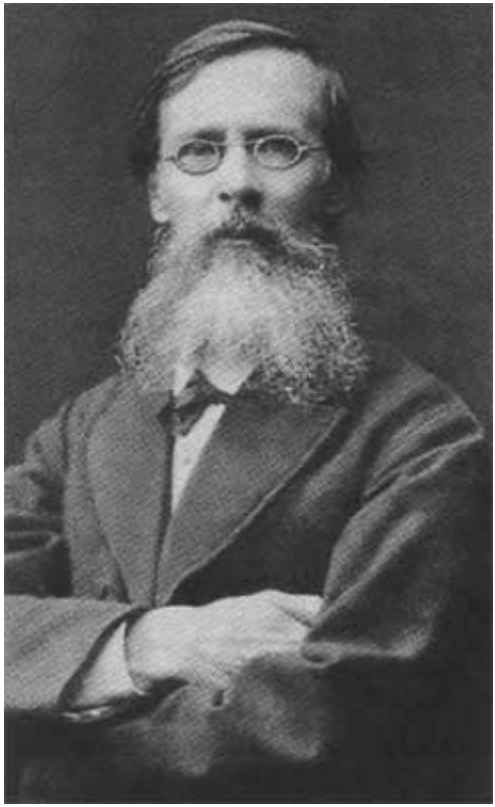
А. М. Горчаков с сыновьями Константином и Михаилом.

Михаил Христофорович Рейтерн.

Петр Андреевич Шувалов.

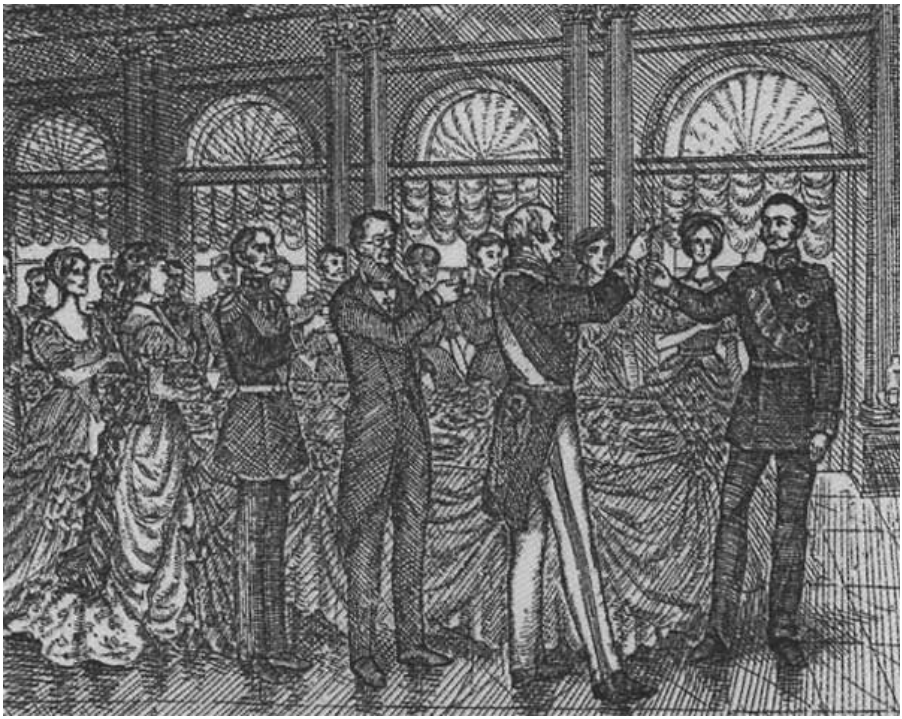
«Концерт в с-дурном тоне». Карикатура из журнала «Заноза».

1863.



Аполлон Николаевич Майков.

Михаил Никифорович Катков.



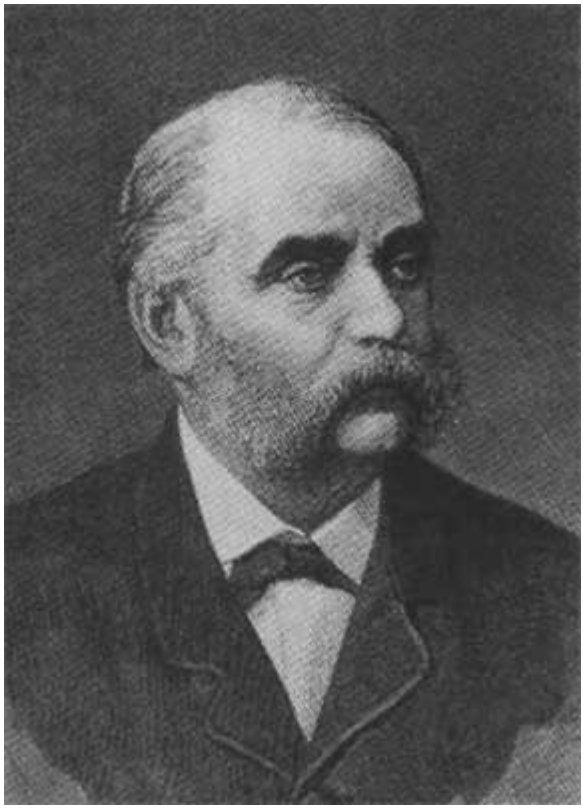
Торжественный прием в Зимнем дворце. На переднем плане справа налево: Александр II, Отто фон Бисмарк А. М. Горчаков. 1860.

Федор Иванович Тютчев.

Л. фон Вернер. Заключительное заседание Берлинского конгресса 13 шюля 1878 года. 1881. фрагменты. Слева: А. М. Горчаков (сидит).

Справа на переднем плане: О. фон Бисмарк обменивается рукопожатием с графом П. А. Шуваловым, российским послом в Лондоне. Сидит фон Бюлов, министр иностранных дел Германии.

Александр Васильевич Никитенко.



Иван Александрович Гончаров.

Николай Иванович Пирогов.

Яков Петрович Полонский.

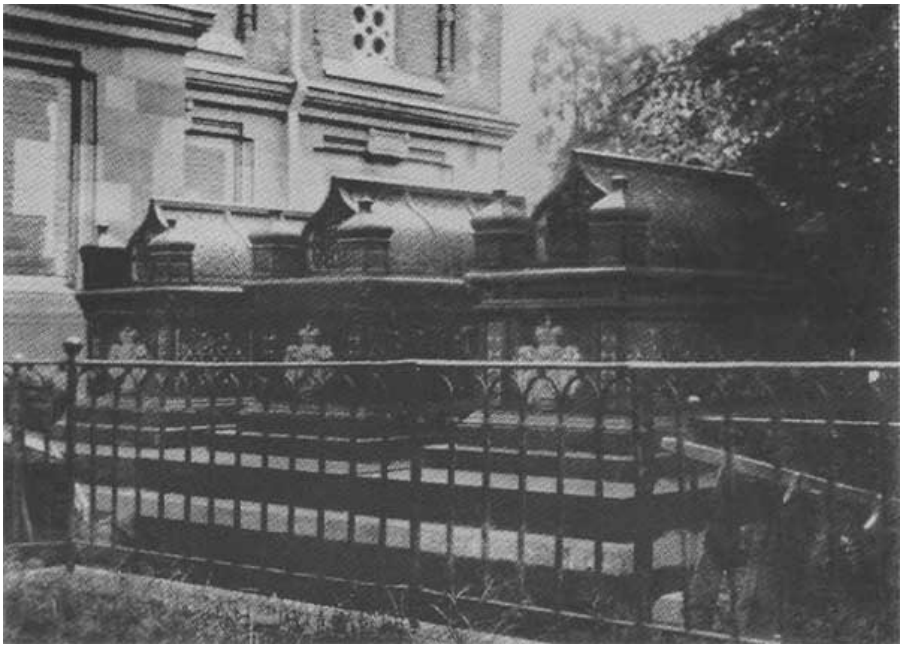
Император Александр II и его сподвижники (начиная с левого нижнего ряда): Я. И. Ростовцев, А. М. Горчаков, Л. И. Барятинский, Д. Н. Блудов, П. П. Гагарин, вел. кн. Константин Николаевич, Д. А. Милютин, Ф. Ф. Берг, Н. А. Милютин, В. А. Татарином. С гравюры XIX в.

Отто фон Бисмарк.

Горчаков и Бисмарк. Карикатура.

Слева направо: Николай Карлович Гире, с 1882 года министр иностранных дел Российской империи; Отто фон Бисмарк, рейхсканцлер Германской империи; Дьюла Андраши, министр иностранных дел Австрийской империи. Варшава. 16 сентября 1884 г.

Александр Михайлович Горчаков. Фото 1882 г.



Надгробие на могиле канцлера А. М. Горчакова, его жены Марии Александровны и сына Михаила. Фото начала XX и начала XXI в.

Наградная настольная медаль МИД РФ, учрежденная и честь 200-летия со дня рождения А. М. Горчакова.

А. М. Горчаков. Прижизненный бюст работы М. Годебского.

notes

Примечания

1

Более подробно см.: Владимир, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Троице-Сергиева пустынь: Исторический очерк // Владимир, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Жизнь и труды. СПб., 1999.

2

Представитель внешней политики прошлого царствования: Некролог // Исторический вестник. 1883. Т. 12. С. 245.

3

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22 т. СПб., 1901. Т. 15. С. 104.

История дипломатии. В 3 т. М., 1941. Т. 1. С. 447.

5

Валуев Я. А Дневник министра внутренних дел. В 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 178.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию. М., 2001. С. 15.

Базаров Н. И. Светлейший князь А. М. Горчаков: Из воспоминаний о нем его духовника, протоиерея Н. И. Базарова // Русский архив. 1896. Кн. 1. С. 350.

8

Подробнее об этом см.: Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII — начала XX века. СПб., 1999.

Такой взгляд присутствует, например, в кн.: Янов А. Л. Россия против России: Очерки истории русского национализма, 1825–1921 гг. Новосибирск, 1999.

10

Татищев С. С. Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. СПб., 1890. С. 20.

11

Высочайшая грамота, дарованная императорскому Царскосельскому лицею Александром I // Лицей. 1996. № 2. С. 30.

12

Дней Александровых прекрасное начало… Пушкинский лицей: Наставники и питомцы // Лицей. 1996. № 2. С. 30.

13

Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. С. 43.

14

Цит. по: Модзалевский Б. Л. К биографии канцлера князя А. М. Горчакова. М., 1907. С. 15–16.

15

Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. С. 42.

16

Из записной книжки архивиста: Лицейские письма Горчакова А. М. 1814–1818 гг. // Красный архив. 1936. Т. 6 (79). С. 177.

17

Из записной книжки архивиста: Лицейские письма Горчакова А. М. 1814–1818 гг. // Красный архив. 1936. Т. 6 (79). С. 185.

18

См.: Грот К. Я. Пушкинский лицей. СПб., 1998. С. 408–425.

19

Цит. по: Грот К. Я. Пушкинский лицей. С. 408.

Там же. С. 412.

21

Цит. по: Руденская М., Руденская С. Они учились с Пушкиным. Л., 1976. С. 164–165.

22

Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // Русская старина. 1883. Т. 10. С. 161.

23

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 227.

24

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М, 1940. Т. 1. С. 159.

Тарасов Б. Н. Чаадаев. М., 1990. С. 36.

Там же. С. 40.

27

Различия между декабристами и салонными либералами подробно описаны Ю. М. Лотманом. См.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX в.). СПб., 1996. С. 331–385.

28

Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого. С. 165–166.

29

Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого. С. 161.

30

Татищев С. С. Из прошлого русской дипломатии. С. 52.

31

Там же. С. 53.

32

Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 27–28.

33

Только по прошествии двух столетий, в дни торжеств, посвященных 300-летию основания Санкт-Петербурга, здесь состоялось открытие памятника выдающемуся греку — в квартале, где некогда проживала греческая диаспора и где находился снесенный в советское время греческий храм Дмитрия Солунского. Памятник Каподистрии — дар греческого народа — изваял русский скульптор Вячеслав Клыков на средства греческих благотворителей. В торжественной церемонии принял участие премьер-министр Греции Константинос Силитис.

Феоктистов Е. М. Русская дипломатия в борьбе Греции за независимость // Русский вестник. 1868. Т. 75. С. 194.

35

Бюст хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Ф. 282. Оп. 1. Д. 42.

36

«Новоселье» — литературный сборник, изданный Смирдиным по случаю переезда его знаменитого книжного магазина на Невский проспект в 1833 году.

РО ПД № 28018. Л. 1.

Там же. Л. 2.

39

См.: Асварищ Б. И. Картинная галерея А. М. Горчакова: Каталог выставки. СПб., 1998.

Цит. по: Асваріщ Б. И. Картинная галерея А. М. Горчакова: Каталог выставки. С. 12.

41

Валера Хуан. Письма из России. Пер. С. Николаевой. СПб., 2001. С. 138.

42

Серова О. В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. М, 1997. С. 34.

43

Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII — начала XX века. С. 24.

Долгоруков П. В. Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым Париж, 1861. Т. 1 С. 96

45

Головнин А. В. Записки для немногих // Вопросы истории, 1996. № 5–6 С. 131

Тарле Е. В. Крымская война // Тарле Е. В. Собр. соч. В 12 т. Т 8. С. 79.

47

Цит. по: Тарле Е. В. Крымская война // Тарле Е. В. Собр. соч. В 12 т. Т. 9. С. 276.

48

Цит. по: Тарле Е. В. Крымская война // Тарле Е. В. Собр. соч. В 12 т Т. 9. С. 281.

49

Там же.

50

Цит. по: Тарле Е. В. Крымская война // Тарле Е. В. Собр. соч. В 12 т. Т. 9. С. 281.

51

Цит. по: Тарле Е. В. Крымская война // Тарле Е. В. Собр. соч. В 12 т. Т. 9. С. 285.

Там же. С. 288.

53

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860–1867. М., 1992. С. 166.

54

1 октября 1999 года отмечалось 450-летие образования первого российского дипучреждения.

55

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1910. С. 308.

Полный текст ответа запорожцев приведен в указанном выше труде Д. И. Эварницкого.

Лисейцев Д. В. Судья посольского приказа И. Т. Грамотин // Дипломатический вестник. 1999. № 10. С. 67.

История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 127–128.

59

Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 3–4 // Исторический вестник. 1884. Т. 15. С. 204.

60

Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 3–4 // Исторический вестник. 1884. Т. 15. С. 204.

61

См. об этом: Сокровища оружейной палаты. Посольские дары. М., 1996.

Пуцилло М. Начало дружественных сношений России с Пруссией: Русские великаны в прусской службе (1711–1746) // Русский вестник. 1878. Т. 134. С. 391.

63

См. например: Тарле Е. В. Талейран. М., 1992; Борисов Ю. В. Шарль-Морис Талейран. М., 1986.

История России в XIX веке. СПб., б/г. Т. 3. С. 67.

Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. ТІС. 229.

Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д. А. Милютина. 1843–1856. М., 2000. С. 445.

Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. С. 48.

68

Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого. С. 172.

69

Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого. С. 171.

Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. С. 39.

Там же. С. 49.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 183.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. М., 1958. Т. 8. С. 53.

Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1. С. 486.

75

Мещерский В П Мои воспоминания Ч. 1 М., 1897 С. 298—299

Сборник, изданный в память 25-летия управления Министерством иностранных дел государственным канцлером князем А. М. Горчаковым 1856–1881 СПб., 1881 С. 11

77

АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470, 1871 г. Д. 94. Л. 502–513 об., фр. яз.

Нольде Б. Э Петербургская миссия Бисмарка. С. 57.

79

Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование Т. 1 С. 401–402

История России в XIX веке. Т. 4. С. 180.

81

История России в XIX веке. Т. 4. С. 180. 142

82

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1910. С. 647.

83

Милютин Д. А. Дневник. М., 1949. Т. 2: 1876–1877. С. 46.

Нальде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка. С. 40–41.

Дашкова Е. Ученый нашей семьи: Как царская тетка боролась за отмену крепостного права // Родина. 1996. № 3. С. 81.

Долгоруков П. В. Петербургские очерки. С. 83.

87

Соловьев Я. Л. Крестьянское дело в 1856–1859 гг.: Отрывок из записок сенатора, тайного советника // Русская старина. 1880. Т. 27. С. 326.

Там же. С. 331.

89

Переписка императора Александра II с Великим князем Константином Николаевичем. Дневник Великого князя Константина Николаевича. М, 1994. С. 98.

Соловьев Я. А. Крестьянское дело в 1856–1859 гг. С. 354.

Селиванов Н. Реформатор Милютин // Сельская жизнь. 1994. 18 января. С. 5.

92

См.: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д. А. Милютина. 1860–1862 гг. М, 1999. С. 45–46.

93

Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII — начала XX века. С. 123.

Секирский С. Министр на европейский лад: Литературный автопортрет П. Валуева // Родина. 1994. № 10. С. 24.

95

Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел. Т. I. С. 171, 182, 185, 209.

Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого. С. 173.

Степанов В. Л. Михаил Христофорович Рейтерн // Отечественная история 1994. № 6. С. 47.

Зайончковский П. А. Д. А. Милютин: Биографический очерк // Милютин Д. А. Дневник. М., 1947. Т. 1: 1873–1875. С. 6.

История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 66.

Зайончковский П. А. Д. А. Милютин: Биографический очерк. С. 10.

101

Зайончковский П. Л. Д. А. Милютин: Биографический очерк. С. 22.

102

Шлыков В. Не ремесло и не искусство // Итоги. 2000. № 27 (213). С. 18.

103

Милютин Д. Л. Дневник. Т. 1. С. 119–120.

104

Милютин Д. Л. Дневник. Т. 3: 1878–1880. С. 139–140, 148.

105

Цит. по: История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов. н/Д., 1996. С. 12.

106

Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1.С. 534.

107

Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого. С. 180.

Цит. по: История России в XIX веке Т. 4. С. 187.

109

Цит. по: Жирков Г. В. История цензуры в России. XIX–XX вв. М., 2001. С. 100–101.

Лейкснер О. Наш век. СПб., 1884. Т. 2. С. 256.

111

История России в XIX веке. Т. 4. С. 233.

112

Цит. по: Татищев С. С. Император Александр И, его жизнь и царствование. Т. 1.С. 225–226.

113

Цит. по: Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1.С. 225–226.

114

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1902. Т. 16. С. 345–346.

115

Цит. по: Жирков Г. В. История цензуры в России. XIX–XX вв. С. 102.

Дело петрашевцев. М, Л., 1951. Т. 3. С. 113.

117

См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1903. Т. 37. С. 956.

118

Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. Л., 1955. Т. 1. С. 95.

119

Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. Л., 1955. Т. 1. С. 425.

120

Гончаров И. Л. Собр. соч. В 8 т. М., 1978–1980. Т. 7. С. 398–400.

121

Там же. С. 384.

И. А. Гончаров в кругу современников: Неизданная переписка. Псков, 1997. С. 322.

123

Там же. С. 192.

124

Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 345.

125

Там же. С. 416.

126

Цит. по: Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» и «Русское слово» пред судом И. А. Гончарова. Л., 1939. С. 92.

127

Никитенко Л. В. Дневник. Т. 2. С. 417.

Там же. С. 418.

И. А. Гончаров в кругу современников… С. 259.

130

История России в XIX веке. Т. 4. С. 180.

131

Жирков Г. В. История цензуры в России. XIX–XX вв. С. 106.

132

Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1. С. 389.

133

Цит. по: Жирков Г. В. История цензуры в России. XIX–XX вв. С. 103.

Пигарев К.Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России //Литературное наследство. М, 1935. Т. 19–21. С. 196.

Пигарев К. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России. С. 228.

136

Канцлер А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. С. 321.

137

Современные биографические очерки: Вильгельм I. Бисмарк. Наполеон III. Эммануэль. Папа Пий IX. М., 1871. С. 38.

Всемирная история. СПб, 1904. Т. 4. С. 692

139

Дебидур А Дипломатическая история Европы. 1814–1878. Т. 2 Ростов н/Д., 1995. С 77.

Палмер А. Бисмарк. Смоленск, 1998. С. 105.

141

Серова О. В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. С. 92.

142

Цит. по: Нарочницкая Л. И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871 гг. М.: Наука, 1989. С. 3.

143

Палмер А. Бисмарк. С. 107.

144

Цит. по: Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 161–162.

145

Бисмарк О. Мысли и воспоминания Т. 2. С. 86.

146

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1894. Т. 13. С. 864.

147

Цит. по: Серова О. В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. С. 16–17.

148

Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 2. С. 402–403.

149

Ботиков С. Граф Кавур. М., 1861. С. 7.

150

Серова О. В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. С. 17.

Цит. по: Ботиков С. Граф Кавур. М., 1861. С. 9.

152

Цит. по: Серова О. В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. С. 298–299.

153

Ботиков С. Граф Кавур. М., 1861. С. 11.

154

Цит. по: Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. С. 226.

155

Цит. по: Серова О. В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. С. 143.

Berti G. Russia e stati italiani nel Risoigimento. Torino, 1957. P. 854–856.

157

D'Iderville N. Journal d'un diplomate en Italy. Paris, 1872. P. 53–54.

Погодин М. П. В память о Кавуре. СПб., 1861. С. 8.

159

См., например, уже упоминавшуюся монографию А. Палмера.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 55–56.

161

Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову // Красный архив. 1933. Т. 61. С. 11, 15, 21–22.

162

Барон Александр Редерн — прусский посланник в Петербурге с 1863 по 1866 г.

163

Барон П. П. Убри — российский посол в Берлине.

164

Письма О. Бисмарка А. М. Горчакову // Красный архив. 1933. Т. 61. С. 15–17.

165

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 192, 99, 100.

Цит. по: Палмер А. Бисмарк. С. 356.

167

Цит. по: Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. С. 271.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 241.

169

Цит. по: Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. С. 334. Полностью документ опубликован на с. 319–335.

170

Цит. по: Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. С. 223.

171

См.: Россия в Святой земле: Документы и материалы. В 2 т. М., 2000.

См.: Серова О. В. Горчаков, Кавур и объединение Италии.

173

См.: Валера Х. Письма из России. СПб., 2001.

См.: Россия — Венесуэла. 1856–1996: Документы и материалы. М., 1997.

175

Цит. по: Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. С. 321.

См.: Зинухов А. Преступная сделка // Совершенно секретно. 2000 № 4. С. 26–27.

177

История внешней политики России. Вторая половина XIX века. С. 152.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 243.

Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. С. 315–316.

Цит. по: Русский биографический словарь. Т. 1. С. 467.

181

Цит. по: Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. С. 330.

182

См., например: Серова О. В. Горчаков, Кавур и объединение Италии.

183

Цит. по: Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. С. 262.

184

Цит по: Серова О. В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. С. 166.

185

Цит. по: Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. С. 268.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 1. С. 265.

187

Московские ведомости. 1863. 10 июля

188

Московские ведомости. 1863. 11 июля.

189

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 226.

190

Цит. по: Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. С. 281.

191

Цит. по: Горяинов С. С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907. С. 143.

Зайончковский П. Л. Д. А. Милютин: Биографический очерк. С. 47.

193

Цит. по: Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. С. 333.

194

Цит. по: Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. С. 334.

195

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 243.

Милютин Д. А. Дневник. Т. 2. С. 83.

197

Митхад-паша — турецкий правитель, свергнутый в ходе переворота.

Милютин Д. Л. Дневник. Т. 2. С 130–138.

199

Милютин Д. А. Дневник. Т. 2. С. 215.

200

Петр Семенович Ванновский (1822–1904) — генерал от инфантерии, член Госсовета, в 1883–1898 гг. военный министр Российской империи.

201

Николай Николаевич Обручев (1830–1904) — генерал от инфантерии, основатель «Военного сборника».

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 101.

203

Бисмарк О. Мысли и воспоминания Т. 2. С. 196.

Там же. С. 203.

205

Цит. по: Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. С. 348–349.

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. С. 100.

207

Игнатьев Н. П. Записки // Исторический вестник. 1914. Т. 135 С. 51.

208

См., например: Андреев А. Р. Последний канцлер Российской империи Александр Михайлович Горчаков: Документальное жизнеописание. М., 1999; Кессельбреннер Г. Л. Светлейший князь. М., 1998.

Асварищ Б. И. Картинная галерея А. М. Горчакова. СПб., 1998.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. С. 650.

Подготовлены по изданию: Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Библиографический справочник. СПб., 2002.

Информационно-библиографическое обеспечение книги осуществлено Е. Н. Яковлевым.